

# ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9(1)  
2021

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

## СОДЕРЖАНИЕ

### ХРОНИКА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- В. Г. Кикнадзе** — Вторая мировая и Великая Отечественная война в научной и научно-популярной периодике России..... 4
- Э. В. Хубулова, Л. Х. Дзахова** — Деятельность советских и партийных органов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) в первый ее период (на материалах Алагирского района Северо-Осетинской АССР)..... 17
- М. К. Нагиева** — Условия повседневной жизни и бытовое обслуживание населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. .... 32

### СТАТЬИ

- В. Н. Бенда, Н. Д. Козлов, Т. И. Сидненко, В. О. Левашко, Л. Н. Семёнова** — Порядок производства в унтер-офицерские и офицерские чины в русской армии во второй половине XVIII в. .... 38
- М. В. Девейкис** — История неизвестных музеев Петербурга начала XX в. по материалам первоисточников и архивных документов..... 53
- М. Н. Барышников** — И. И. Чайковский и Русское общество пароходства и торговли ..... 60
- З. Х. Соблирова, А. Г. Кажаров, Р. П. Лисеев, М. А. Хоконов** — Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Кабардино-Балкарии в 1922—1929 гг. . 74
- А. Ю. Петров, И. В. Савельев** — Особенности правового взаимодействия участников экспедиций по изучению Тихоокеанского региона (конец XVII — начало XVIII вв.) ..... 88

Выходит  
с 1926 года  
ООО  
ЖУРНАЛ  
«ВОПРОСЫ  
ИСТОРИИ»  
Москва

<b>Л.А. Ивкина</b> — «Радикальный Олимп» и его роль в истории Колумбии (1863—1886) .....	99
<b>СООБЩЕНИЯ</b>	
<b>О.В. Устинова</b> — Функции управления персоналом в колхозах в послевоенные годы (1946—1950) .....	119
<b>Ю.Е. Кондаков</b> — Источники финансирования строительства Русской Палестины (1857—1864 гг.) .....	129
<b>З.Г. Сактаганова, Г.М. Байгожина, Н.Е. Тутинова, Е.С. Сыздыкбеков</b> — Национальная политика в Казахстане в 1953—1965 гг. ....	140
<b>Т.М. Соловьёва, А.С. Арчугова</b> — Образы М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина на страницах газеты «Жэньминь жибао» .....	152
<b>В.Ю. Ланцева</b> — Зарождение черноморского объединения трудящихся в 1917—1918 гг. ....	163
<b>Н.С. Мигда</b> — К вопросу о становлении приказной системы как органов централизованного управления в XIII в. ....	168
<b>В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ</b>	
<b>Р.М. Валеев</b> — Основные этапы развития торговых связей Волжской Булгарии и финно-угров в период Средневековья (VIII — начало XV в.) .....	173
<b>ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ</b>	
<b>И.Т. Цориева</b> — Георгий Александрович Кокиев: между логикой времени и внутренним нравственным законом .....	179
<b>НАРОДЫ РОССИИ</b>	
<b>А.В. Аверьянов</b> — Особенности политики коренизации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920—1930-е гг. ....	189
<b>МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО</b>	
<b>А.Х. Отман, Х.А. Аль-Джабери</b> — Механизмы принятия решений в саудовско-иракской политической системе: анализ официальных институтов .....	199
<b>ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.</b>	
<b>В.В. Иохвидов, И.Г. Ованесян</b> — Историческая ретроспектива развития представлений о психологической безопасности личности .....	211

## **ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ**

- Н.С. Куклин, М.А. Шпаковская** — Реформа МИД Индонезии как отражение эволюции внешнеполитического курса страны (2001—2009 гг.) ..... 220

## **ИСТОРИЯ И ПРАВО**

- С.И. Гирько** — Ретроспектива и историческая этапность правовых подходов к процедуре унифицированного досудебного производства в России ..... 237
- И.А. Потёмкин, А.И. Тамбовцев, Н.В. Павличенко** — Негласное содействие полиции подданными Российской империи ..... 246
- Н.В. Лукашов, С.С. Лукашова** — Заложничество как правовой институт в истории Российской империи второй половины XVII — первой половины XVIII вв. .... 260
- В.А. Шестаков, Л.Р. Халикова** — Практика применения «Закона о трех ошибках» в США ..... 270

## **ИСТОРИОГРАФИЯ**

- С.Л. Дударев** — Ю.Ю. Клычников. Тысячелетие формирования Российского Кавказа. Часть I ..... 277

# ХРОНИКА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

---

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi01  
УДК 94(4)«1939/1945»::930::323.2(470)«21»

## Вторая мировая и Великая Отечественная война в научной и научно-популярной периодике России

В. Г. Кикнадзе

---

*Аннотация.* В статье проводится анализ редакционной политики периодических научных изданий России в 2008 и 2009 гг. в области освещения истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Для выявления динамики в развитии ведущих научных и научно-популярных изданий в области исторических наук («Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «Новая и новейшая история», «Родина», «Российская история») с 2008 г. сравниваются показатели их публикационной активности в 2019 и 2020 гг. по вопросам военной истории, истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Освещается роль Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России», в том числе особенности его проведения в Год памяти и славы в Российской Федерации.

*Ключевые слова:* Вторая мировая война, Великая Отечественная война, историческая наука, военная история, научные журналы, СМИ, публикации, редакционная политика, Россия.

*Abstract.* The article analyzes the editorial policy of the periodical scientific publications of Russia in 2008 and 2009 in the field of coverage of the history of the Great Patriotic War of 1941—1945. To identify the dynamics in the development of leading scientific and popular scientific publications in the field of historical sciences (Voprosy Istorii, Military Historical Journal, New and Modern History, Rodina, Russian History), the indicators of their publication activity in 2019 and 2020 on military history, the history of the Great Patriotic and World War II are compared since 2008. The role of the All-Russian media contest “Patriot of Russia” is highlighted, including the features of its holding in the Year of Memory and Glory in the Russian Federation.

*Key words:* World War II, the Great Patriotic War, historical science, military history, scientific journals, mass media, publications, editorial policy, Russia.

---

Тридцатилетнее нарастание угрозы подрыва традиций защиты Отечества и сплоченности российского народа в результате искажения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн привело в 2020 г. к внесению в Конституцию России важных поправок. Теперь в соответствии

---

*Кикнадзе Владимир Георгиевич* — доктор исторических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук. E-mail: KiknadzeVG@gmail.com.

*Kiknadze Vladimir G.* — doctor of historical sciences, associate professor, corresponding member Russian Academy of Missile and Artillery Sciences. E-mail: KiknadzeVG@gmail.com.

---

с основным законом страны Российская Федерация чтит память о защитниках Отечества, обеспечивает защиту исторической правды и не допускает умаления подвига народа при защите Отечества. При этом по-прежнему, как отметил Президент России В.В. Путин в ходе заседания РОК «Победа» 20 мая 2021 г., «мы все чаще сталкиваемся с попытками оболгать, извратить историю, пересмотреть роль Красной армии в разгроме нацизма, в освобождении народов Европы от “коричневой чумы”». Поэтому и в 2021 г. продолжается совершенствование российского законодательства, направленного на защиту исторической правды о Великой Победе. Так, 1 июля Президент РФ подписал два федеральных закона: «О внесении изменений в ФЗ “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”» (№ 278—ФЗ,<sup>1</sup> устанавливает запрет публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и стран «оси» в ходе Второй мировой войны, а также запрет отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии Союза ССР при освобождении стран Европы); № 280-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 ФЗ “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов” и ст. 1 ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности”» (предусматривает запрет использования, в том числе публичное демонстрирование, являющихся экстремистскими материалами изображений руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, как оскорбляющих многонациональный народ и память о жертвах и потерях, понесенных в Великой Отечественной войне; исключение составляют случаи использования изображений руководителей групп, организаций или движений, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма).

Не менее важная роль в реализации исторической политики отводится научным и научно-популярным журналам. В этой связи не случайно решение Президента РФ от 30 июля 2021 г. об образовании Межведомственной комиссии по историческому просвещению.

Как же сегодня характеризуется редакционная политика ведущих российских исторических журналов? Насколько они готовы к защите исторической правды об ответственности за преступления Второй мировой войны, о роли Советского Союза в разгроме германских войск в Европе и японских войск в Азии, о роли России в освобождении народов мира от фашизма и японского милитаризма?

Анализ публикаций периодических научных изданий (журналов) за 2008 г. («Вопросы истории», «Отечественная история» (ныне — «Российская история»), «Новая и новейшая история»), а также научно-популярных изданий «Военно-исторический журнал» и «Родина», выполненный в канун 70-летия начала Второй мировой войны, показал следующее.

Во-первых, следует отметить количественную ограниченность материалов по военной истории в академических изданиях: 23 — «Вопросы истории» (ВИ), 10 — «Отечественная история» (ОИ), 7 — «Новая и но-

вейшая история» (НИИ), то есть фактически 1—2 в номере, и достаточно высокое значение в «Родине» — 67 статей. При этом публикации «Родины», несмотря на значительное количественное преимущество, по объему и качеству в большинстве случаев все же уступали статьям академических изданий.

Во-вторых, тематическая направленность публикации вопросов военной истории в количественном выражении (включая материалы «Военно-исторического журнала») свидетельствует о том, что чаще всего освещались вопросы истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и военной истории XVIII — начала XX в. В меньшей степени исследовались Первая мировая война и межвоенный период. Единичные публикации касались вопросов военной истории до XVIII в. и Второй мировой войны вне контекста Великой Отечественной, а также военной истории послевоенного периода. Обращали на себя внимание количественные выбросы «Родины» в освещении Гражданской войны (около 50% всех публикаций по военной истории), причем 90% статей были связаны с историей Белого движения — очередной переход из одной крайности в другую.

В-третьих, в целом в отношении вопросов военной истории научным периодическим изданиям на тот момент были свойственны узкая тематическая и хронологическая направленность; отсутствие сквозных и обобщающих статей по истории военного искусства, военного строительства, истории войн и военной мысли, вопросам методологии; малая доля материалов на стыке наук (междисциплинарных исследований); минимальное количество статей, раскрывающих характер Великой Отечественной войны, разъясняющих смысл освободительной миссии Советского Союза и Великой Победы для настоящего и будущего; увлеченность публикациями документов из архивов и ранее не публиковавшихся рукописей; юбилейный характер публикаций; ажиотаж на количество публикаций соискателями ученых степеней, нередко снижающий научный уровень их статей.

Изменилась ли ситуация в 2009 г. и какова была реакция отечественных историков и научных изданий в связи с началом работы по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России на государственном уровне (имеется в виду создание соответствующей комиссии при Президенте РФ)? Анализ публикаций академических журналов за 2009 г. показал вовлеченность в общегосударственный процесс и творческую активность как редакций, так и авторского сообщества:

- общее количество публикаций по военно-исторической тематике возросло в два раза (в «Российской истории» — почти в три раза), причем большая их часть (более 60%) приходилась на второе полугодие;

- значительно (в 2,5 раза) увеличилось количество материалов, касающихся истории Второй мировой и Великой Отечественной войн (наибольший прирост в этом направлении у «Вопросов истории» — 450%), причем подавляющее большинство статей (70%) также относилось ко второй половине года, что свидетельствует о действенности курса, взятого Россией в мае 2009 г.

Вместе с тем сложившейся ситуацией информационного вакуума в освещении ключевых событий Второй мировой войны отечественной

исторической и военной наукой успели воспользоваться силы, заинтересованные в переделе наследства России как державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба. Посредством принижения исторической роли России эти силы стремятся ограничить ее влияние на современные глобальные процессы.

Уровень знания в России истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в 2010 г. демонстрируют опубликованные в прессе социологические опросы по исторической тематике. Так, по данным опроса компании Synovate, опубликованного в газете «МетроРоссия» 4 мая 2010 г., четверть россиян не помнят или не знают ни одной битвы, сыгравшей решающую роль в победе над фашизмом, 54% не помнят, когда была развязана Вторая мировая война, а некоторые назвали главным сражением Великой Отечественной войны Куликовскую битву. 7 мая 2010 г. «Комсомольская правда» в рубрике «Читательский форум» опубликовала весьма неоднозначную подборку откликов читателей на проблему необходимости общего учебника по истории для стран СНГ, которая обсуждалась в интервью с В.Р. Мединским, профессором МГИМО. Несмотря на кажущуюся первоначально «альтернативность» мнений, сводились они к одному знаменателю: это нереально — пусть пишут, что хотят — этот учебник никогда не будет создан — время еще не настало — единая история была. Таким способом СМИ старались донести до российского общества бесперспективность усилий по сохранению исторического прошлого и даже намекали на отсутствие такового. На наш взгляд, это было сознательной провокацией в целях разобщения соотечественников на постсоветском пространстве.

21 июня 2010 г. все та же газета «МетроРоссия» разместила результаты опроса аналитического центра Ю.А. Левады («Левада-Центр»; в 2016 г. организации присвоен статус «иностранный агент»), в соответствии с которыми на вопрос «Кто несет ответственность за огромные потери в войне?» 30% опрошенных россиян ответили «Сталин», 28% — «немецкая сторона», 20% — «компартия и руководство СССР», 11% — «все несут». Получается, что убивали советских солдат и мирных жителей на оккупированных территориях, угоняли их на принудительные работы и мучили в концентрационных лагерях фашисты, а ответственна советская сторона (Сталин, компартия и руководство СССР) — так, судя по опубликованным результатам социологического исследования, считали 50% опрошенных россиян. Это ли не попытка со стороны СМИ провокации в отношении пересмотра итогов Второй мировой войны, очередного раскола в обществе?

Причинами такого бедственного положения являются незнание истории, нежелание ее изучать, искусственно созданный в обществе в конце XX — начале XXI в. приоритет «рыночного» образования (экономического, юридического, торгового и т. п.) над гуманитарным.

Полагаем, что принципиально ситуация не изменилась и во втором-третьем десятилетии XXI в. — попытки технологического прорыва в России осуществляются без опоры на гуманитарное образование, без идеи, без единой государственной идеологии, без духовно-нравственной опоры на традиции и ценности прошлого нашего Отечества, без самосознания

и убежденности в правильности избранной обществом и государством цели и пути, готовности жертвовать личным в имя общего.

Для уточнения оценки ведущих научных изданий в области исторических наук (журналы «Вопросы истории», «Российская история», «Новая и новейшая история»), научно-популярных СМИ федерального значения (журнал «Родина») и ведомственного подчинения («Военно-исторический журнал» Минобороны России) сравним показатели их публикационной активности по вопросам военной истории и истории Великой Отечественной войны за 2008 и 2019 гг. (рис. 1).



Рис. 1. Освещение вопросов военной истории в российских периодических научных и научно-популярных изданиях в 2008 и 2019 гг.

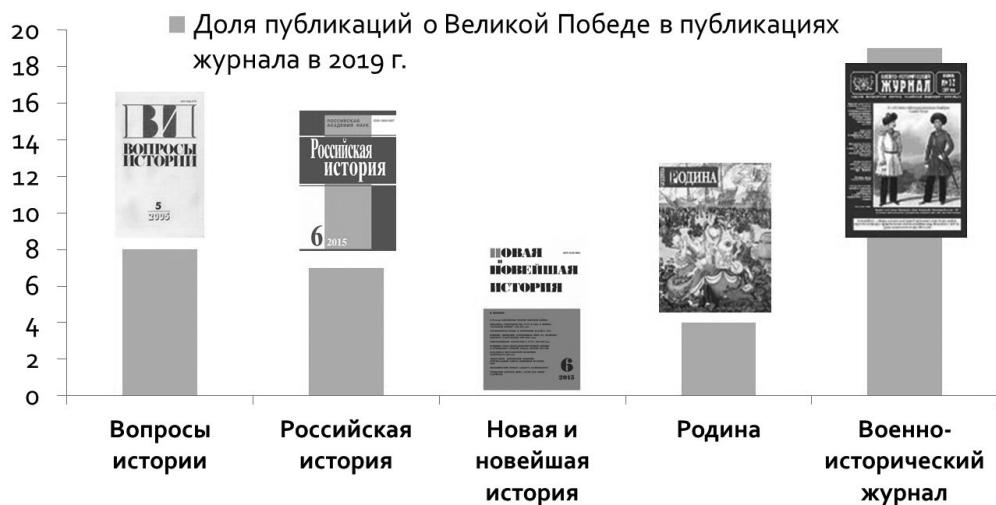
При увеличении в научных журналах общего количества публикаций по военной истории большая часть данного сегмента СМИ (включая научно-популярный журнал «Родина»), на наш взгляд, не удовлетворяет в полной мере потребности государства и общества в освещении истории Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствует количество публикаций, посвященных истории Великой Победы — всего 80 из 1 118 статей за 2019 г. Как положительный пример можно отметить журнал «Вопросы истории» и «Военно-исторический журнал», чья доля в общем объеме публикаций о Великой Отечественной войне данного сегмента СМИ составила 24 и 44% соответственно.

О редакционной политике журналов позволяет судить доля публикаций, посвященных Великой Отечественной войне, в общем количестве всех статей журнала за 2019 г. (рис. 2): 0 — «Новая и новейшая история», 4% — «Родина»; 7% — «Российская история»; 8% — «Вопросы истории»; 19% — «Военно-исторический журнал».

Дополнительно усугубляют ситуацию в данном сегменте СМИ два фактора: небольшие тиражи печатных версий журналов (за исключением журнала «Родина», 20 тыс. экз., с января 2020 г. — 26 тыс. экз.); сверхвысокая стоимость электронных версий в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (от 4 300—5 600 руб. за 2020 г. для РИ, НИИ и ВИ



до 19 600 руб. для «Родины»), за исключением «Военно-исторического журнала» (1 000 руб. за 12 выпусков).



*Рис. 2. Освещение истории Великой Отечественной войны в российских научных и научно-популярных изданиях в 2019 г. (относительно общего количества публикаций журнала)*

Очень важным и недостаточно востребованным государством остается еще один сегмент медиа — электронные и печатные СМИ, получающие заслуженно высокую оценку экспертов Всероссийского конкурса «Патриот России» на лучшее освещение темы патриотического воспитания. Этот конкурс проводится государством уже 19 лет в рамках программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». В основном это региональные СМИ, представляющие все субъекты России. Финальную часть конкурса каждый раз принимают разные российские города. Так, в 2020 г. финальные акции XIX конкурса, в которых приняли участие журналисты из 40 регионов России, состоялись в Архангельске, городе воинской славы России, городе славы русских моряков. Рабочая программа была очень насыщенной. 8 октября был проведен мастер-класс на тему «Электронные СМИ в сохранении наследия Великой Победы: тенденции, проблемы и перспективы». Вниманию журналистов организаторы представили обзор изменений российского законодательства в области защиты исторической правды, противодействия пропаганде фашизма, нацизма, экстремизма. Российские журналисты в ходе мастер-класса ознакомились с сетевыми ресурсами новых межведомственных проектов, выполненных в рамках реализации поручений Президента России: «Вторая мировая война в архивных документах» (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов); «Образы войны» (база фотографий периода Великой Отечественной войны, свидетельства беспримерного подвига советского народа); «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (оцифрованные документы РГАСПИ на сайте Росархива в рамках Всероссийского проекта «Без срока давности»).

В условиях проводившегося в 2020 г. в России Года памяти и славы, ввиду особой обстановки на «историческом фронте», организаторы «Патриота России» ввели в Положение о конкурсе две новые номинации: «Против фальсификации истории» (публикации, направленные на борьбу с фальсификацией истории в ущерб интересам Российской Федерации и сохранения памяти о Великой Отечественной войне в одной или нескольких сериях журналистских работ) и «Без срока давности» (истории о трагедиях мирного населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны). Круглый стол, проведенный 9 октября в рамках финальных мероприятий в Молодежном центре Архангельской области, также был посвящен теме «Патриотизм в российских СМИ. Фальсификация истории Великой Отечественной войны в ущерб интересам Российской Федерации».

Наиболее широкое освещение в ходе дискуссий 8 и 9 октября на «Патриоте России — 2020» получили следующие проблемы: неотвратимость наказания в рамках предусмотренной законодательством России ответственности за преступления, связанные с попытками реабилитации нацизма, в том числе за осквернение воинских памятников и захоронений; оскорбление памяти предков, связанной с днями воинской славы России; перспективы принятия федерального закона о патриотическом воспитании граждан; соблюдение авторского права при публикации личных фотоматериалов периода Великой Отечественной войны; ограниченность изучения истории Великой Отечественной войны в рамках основной школьной программы; развитие школьных музеев боевой славы; вовлечение детей и молодежи в сферу патриотической журналистики; необходимость более широкой поддержки Президента России В.В. Путина со стороны научного сообщества и отечественных СМИ в защите исторической правды о Великой Победе.

Оценивая электронные СМИ (сетевые издания, сайты, порталы, социальные СМИ), представляющие работы на конкурс, можно отметить две тенденции: значительное увеличение количества таких медиа (от единиц в начале 2000-х гг. до более 80 в настоящее время, издание практически в каждом субъекте РФ) и расширение формата СМИ, форм и способов представления информации, а значит — рост читательской аудитории. Следовательно, именно сетевые СМИ сегодня могут и должны сыграть значимую роль в освещении истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Вместе с тем именно этот сегмент СМИ в большей степени нуждается в государственной поддержке.

Одним из таких СМИ является сетевое издание «Наука. Общество. Оборона», учрежденное в 2013 г. С тех пор оно неоднократно признавалось победителем и лауреатом Всероссийского конкурса «Патриот России», а его научный журнал индексируется в РИНЦ и с 2018 г. входит в Перечень ВАК (Отечественная история; Всеобщая история). Около 25% материалов каждого выпуска научного журнала освещают историю Великой Отечественной или Второй мировой войны. Так, если за 2019 г. опубликовано 10 статей восьми авторов, то в 2020 г. это уже 15 статей от 18 авторов, в том числе четыре статьи зарубежных авторов из Италии, Польши, Сербии и Вьетнама (работы зарубежных историков опубликованы на английском и русском языках). Предметная область тематики публикаций

весьма разнообразна. Это вопросы развития военно-политической обстановки и военной безопасности накануне Второй мировой войны<sup>2</sup>, хода военных действий, реализации освободительной миссии Советского Союза во Второй мировой войне<sup>3</sup> и героизма советского народа<sup>4</sup>; особенности советского тыла в условиях военного времени, включая вопросы эвакуации<sup>5</sup>, военного обучения населения<sup>6</sup>, деятельности военно-шефских комиссий<sup>7</sup> и обеспечения общественной безопасности<sup>8</sup>. Значительное место в редакционной политике журнала занимает освещение военных преступлений германских нацистов<sup>9</sup> и движения Сопротивления, в том числе за пределами СССР<sup>10</sup>. Увековечение памяти погибших красноармейцев и история воинских захоронений, в том числе за пределами Отечества<sup>11</sup>, социальная интеграция демобилизованных военнослужащих после Великой Отечественной войны<sup>12</sup> и формирование образа войны в исторической памяти в Советском Союзе<sup>13</sup> также не остались без внимания журнала. Проблемы защиты исторической правды и памяти о защитниках Отечества, исторической политики России<sup>14</sup> и зарубежных государств<sup>15</sup> — одно из важнейших и перспективных направлений научной и публицистической деятельности сетевого издания «Наука. Общество. Оборона».

Ставшие актуальными в последнее время для российского общества вопросы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн получили освещение в 2020 г. и на страницах «Военно-исторического журнала»: военные преступления и преступления против человечества германских нацистов и их пособников<sup>16</sup>, коллаборационизм (измена Родине) советских граждан<sup>17</sup>, особенности военного обучения советского населения в условиях военного времени<sup>18</sup>, советско-японские взаимоотношения<sup>19</sup>, противодействие фальсификации истории в наши дни<sup>20</sup>. В Год памяти и славы в России «Военно-исторический журнал» увеличил по сравнению с 2019 г. количество публикаций, посвященных Второй мировой и Великой Отечественной войне, причем как в абсолютных показателях (с 35 до 45 статей), так и в относительных (с 19 до 28%). Кроме того, «Военно-исторический журнал» с 2020 г. сделал открытый доступ не только к архиву, но и к текущим выпускам журнала на официальном сайте Редакционно-издательского центра «Красная звезда» Минобороны России (URL: <http://history.ric.mil.ru/Nomera>), а со второй половины 2021 г. увеличил объем выпуска до 120 полос (на 25%) и перешел на полноцветную печать.

Значительный вклад в освещение истории Великой Отечественной войны и защиту исторической правды о Великой Победе по-прежнему вносит редакция и авторский коллектив журнала «Вопросы истории». В Год памяти и славы журнал ежемесячно публиковал в среднем более двух статей, посвященных проблемам истории Великой Отечественной (22 статьи) и Второй мировой войн (6 статей). И в относительных показателях, даже при значительном увеличении объема журнала в 2020 г. (до 440 статей), это составило 6% общего количества публикаций; прирост количества публикаций относительно 2019 г. — 40%, что в целом соответствует и особому статусу 2020 г. в России и отражает понимание научным сообществом важности проблемы защиты исторической правды о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны,

об освободительной миссии Красной армии во Второй мировой войне. Наиболее широкое освещение на страницах «Вопросов истории» получила региональная история Великой Отечественной войны: роль в защите и освобождении родных земель; оккупационная политика; оценка нанесенного материального ущерба и демографических потерь; особенности повседневной жизни, промышленного производства и подготовки кадров в военное время (Астраханская область, Ленинград, Каракалпакстан, Северная Осетия, Ставропольский край, Узбекистан, Чувашия) <sup>21</sup>. Второе по актуальности направление публикаций связано с реализацией проекта «Без срока давности» — оккупационный режим, включая военные преступления и преступления против человечества (против гражданского населения и военнопленных) на советской оккупированной территории, свидетельства геноцида советского народа, коллаборационизма, нанесенного материального ущерба <sup>22</sup>. Все более востребованным вопросом на страницах научной печати становится изучение политики памяти, исторической политики России, что также нашло отражение на страницах журнала «Вопросы истории» в 2020 г. <sup>23</sup> Как и в других журналах, в меньшей степени авторы научных статей были сосредоточены на причинах, обстановке накануне Второй мировой и Великой Отечественной войны, в том числе на советско-германских отношениях в 1939—1940 гг. и «польском вопросе» <sup>24</sup>, а также на истории антигитлеровской коалиции и движении Сопротивления <sup>25</sup>. Значительный потенциал для дополнения исторической картины Великой Отечественной войны представляют фронтовые дневники и письма, публикуемые в журнале «Вопросы истории» <sup>26</sup>.

Таким образом, за 2008—2020 гг. произошли значимые изменения в освещении историческими научными и научно-популярными журналами России истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Количество публикаций данного тематического направления увеличилось в абсолютных значениях в большинстве журналов. Наибольший прирост отмечается в юбилейные годы Великой Победы (1945 г.) и начала Второй мировой войны (1939 г.).

В статьях, посвященных истории Второй мировой войны, поднимаются в первую очередь вопросы развития военно-политической обстановки и военной безопасности накануне Второй мировой войны, в том числе советско-германские отношения в 1939—1940 гг., вопросы эволюции антигитлеровской коалиции за пределами Европы и деятельности движения Сопротивления.

Что касается содержания публикаций по истории Великой Отечественной войны, то здесь наблюдаются следующие тенденции: смена фокуса с героического прошлого войны на трагедию войны для гражданского населения СССР, прежде всего остававшегося на оккупированных территориях (геноцид советского народа немецко-фашистскими агрессорами), включая проблему измены Родине советских граждан; оценку материального ущерба и демографических потерь; раскрытие единого «полотна» советского военного тыла под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!» через изучение составляющих его фрагментов (различные сферы производства и направления профессиональной и общественной деятельности; регионы; народы; социальные группы; повседневная жизнь в военное время).

Актуальным направлением последних лет стали публикации, связанные с изучением политики памяти (в том числе увековечения памяти погибших советских воинов за пределами Отечества), исторической политики России, защиты исторической правды, увековечения Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

По-прежнему существует запрос на более полное раскрытие содержания освободительной миссии Советского Союза во Второй мировой войне; на статьи, раскрывающие характер Великой Отечественной войны; на обобщающие материалы по истории военного искусства, военного строительства, истории военной мысли в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Общими проблемами российских научных и научно-популярных СМИ в сохранении исторической памяти и защите исторической правды о Великой Победе являются следующие: сложность жанра, тематики, что предъявляет особые требования к квалификации авторов и редакторов, ответственности физических и юридических лиц за содержание публикаций (включая административную и уголовную).

Оценивая прошлое, настоящее и перспективы, мы считаем целесообразным учредить в Российской Федерации тематический научно-популярный журнал, посвященный истории Великой Отечественной войны, как в печатной, так и в сетевой версии. Новому импульсу к освещению истории Отечества, вероятно, будет способствовать реализация задач, обозначенных в Стратегии национальной безопасности РФ (сохранение исторического наследия отнесено к национальным интересам, а защита исторической памяти — к стратегическим национальным приоритетам РФ), а также деятельность Межведомственной комиссии по историческому просвещению, которая является координационным и совещательным органом при Президенте России.

#### *Примечания*

1. Законопроект № 1166218—7 от 5.5.2021 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”».
2. ГРИШИН Я. Я., ГАЛИУЛЛИН М. З., ТУМАНИН В. Е. Советско-румынские отношения накануне и в первые недели Великой Отечественной войны (январь — июль 1941 г.). — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 1; ИХ ЖЕ. Сентябрьская катастрофа 1939 года и ее истоки (по страницам документов). — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2; ИХ ЖЕ. Сентябрьская катастрофа 1939 года и ее истоки (по страницам документов). — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 3; ИХ ЖЕ. Сентябрьская катастрофа 1939 года и ее истоки (по страницам документов). — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 4; ИЛИЕВСКИЙ Н. В. «Ab ovo», или когда же началась Вторая мировая война? — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 4.
3. ЛАТЫПОВ Т. Р. Пражская стратегическая наступательная операция (6—11.5.1945 г.): боевые действия 31-й армии. — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 1; ЕГО ЖЕ. «И танки наши быстры»: Боевые действия 3-й гвардейской танковой армии в Пражской стратегической наступательной операции (6—11.5.1945 г.). — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 3; СКОРОБОГАТОВ С. Б. Действия штурмовой авиации в операции по освобождению Крыма в 1944 году на примере 214-й штурмовой авиационной дивизии. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 1.

4. ГОГУНСКАЯ Т.А. Женщины-герои Крыма: Военный подвиг, память и бессмертие. — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2.
5. ВЫЧЕРОВ Д.А. Эвакуация в дневниках ленинградских детей и подростков в 1941—1942 гг. — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2.
6. ЕГО ЖЕ. Военное обучение школьников в конце 1930-х — 1945 гг. (на материалах города Тюмени). — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 1; АВЕРЬЯНОВ А.В., ГРЯДСКИЙ Д.М. Организация военной подготовки и обучения на Юге РСФСР в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 2.
7. РЯЗАНЦЕВА Ю.А. Организация и деятельность городской военно-шефской комиссии в Ленинграде, 1941—1944 гг. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 1.
8. КЛИМОВ А.А. Обеспечение общественной безопасности личным составом органов НКВД СССР в период Великой Отечественной войны. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3.
9. ПЛОТНИКОВ А.Ю. Катынская фальсификация как инструмент информационной войны. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 4.
10. NGUYEN THI MAI HOA. Viet Minh established relationship and coordinated activities with the United States in the fight against Japanese fascists (1942—1945) [НГУЕН Т.М.Х. Установление взаимоотношений и координация действий между Вьетминь и США в борьбе против японских фашистов (1942—1945)]. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3; BILJANA ZIVKOVIC. The Independent State of Croatia committed the genocide of serbs in World War II [ЖИВКОВИЧ Б. Независимое государство Хорватия совершило геноцид сербов во Второй мировой войне]. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 4; IRENE GUERRINI, MARCO PLUVIANO. 1943—1945: Italian enforced laborers in Germany. Men and women forced to support German military efforts [ГЕРРИНИ И., ПЛУВИАНО М. 1943—1945 гг.: Итальянские подневольные работники в Германии. Мужчины и женщины были вынуждены поддерживать немецкую военную мощь]. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 4.
11. ОБЕРНИХИН Е.А. Увековечение памяти погибших в годы Второй мировой войны красноармейцев: терминологические аспекты проблемы. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3; СОКЛАКОВ А.Ю. Международное гуманитарное право: из истории правовой регламентации статуса воинских захоронений за пределами Отечества. — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 4.
12. СОБОЖНИКОВ Н.А. Социальная интеграция демобилизованных военнослужащих после Великой Отечественной войны (на примере В.В. Чевалкова). — Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2.
13. МАНАЕВ А.Ю. «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»: Формирование образа Сталинградской битвы в исторической памяти (1940-е — 1950-е гг.). — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 1.
14. КИКНАДЗЕ В.Г. История Второй мировой войны в СССР и России: Антигосударственная деятельность за государственный счет. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 2; БУБНОВ А.Ю., КОМПЛЕЕВ А.В. Российско-немецкая «война памяти»: Анализ современной онлайн-дискуссии о Великой Отечественной войне. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 2.
15. RENKAS K. The Memory War [РЕНКАС К. Война памяти]. — Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3.
16. АВРАМЕНКО С.М. Военные преступления нацистской Германии на Смоленщине. — Военно-исторический журнал. 2020. № 5; ТУЖИЛИН С.В. «...Выломали правую руку, выкололи глаза, нанесли несколько ран в области головы, а затем убили выстрелом в голову». Преступления германских оккупационных властей и их союзников на территории Курской области (октябрь 1941 — август 1943 г.). — Военно-исторический журнал. 2020. № 5; ЕГО ЖЕ. «Совершенные преступления являются громадными злодеяниями против человечества». Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками. — Военно-исторический журнал. 2020. № 12; АЛЕКСЕЕВ А.В. «Это нельзя себе представить». Советские военнопленные и остарбайтеры периода Великой Отечественной войны на страницах журнала «Британский союзник». — Военно-исторический журнал. 2020. № 12.

17. КУЛИНОК С. В. «Каждый может быть шпионом и каждый должен быть шпионом». Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов в Минске в 1941—1944 гг. — Военно-исторический журнал. 2020. № 6; БОГДАНОВ С. В., ОСТАПЮК В. Г., МАСЛОВ В. А. Агентура немецких спецслужб и коллаборационистские органы на юге и юго-востоке Курской области в 1941—1943 гг. — Военно-исторический журнал. 2020. № 4; КРЫСИН М. Ю. «Комитет» и «правительство» эстонских коллаборационистов и шпионов в 1941—1949 гг. — Военно-исторический журнал. 2020. № 4; ЕГО ЖЕ. Провалы иностранных разведок в Литве в 1945—1949 гг. — Военно-исторический журнал. 2020. № 11.
18. АРТЮХОВ С. А. Сочинские школы — фронту. — Военно-исторический журнал. 2020. № 5; ДОБРОВОЛЬСКИЙ В. С., ШПАКОВ Г. Г. Военная подготовка в гражданских вузах СССР в 1924—1944 гг. — Военно-исторический журнал. 2020. № 3; ЛОЖКАРЕВ А. И., ЧЕРКАССКИЙ Г. А. «Четкость и суровая воинская дисциплина всей организации и деятельности школы особенно необходима в период Отечественной войны против фашистских варваров...». Курсанты-пожарные Урала в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Военно-исторический журнал. 2020. № 9.
19. ТУЖИЛИН С. В. «"Нейтралитет" Японии в войне служил ширмой для оказания помощи Германии». Военно-политические и социально-экономические факторы обеспечения государственной безопасности на советском Дальнем Востоке (1941—1945 гг.). — Военно-исторический журнал. 2020. № 2; ЗОРИХИН А. Г. «Японо-советская война... должна быть проведена как можно скорее». Противоборство военной разведки Японии и советских спецслужб в 1922—1931 гг. — Военно-исторический журнал. 2020. № 1.
20. СТРЕЛЕЦКИЙ Я. И. «Наш ответ на ложь — это правда». — Военно-исторический журнал. 2020. № 5.
21. ХУБУЛОВА С. А., ХУБУЛОВА Э. В. Роль Орджоникидзевого (Владикавказского) комитета обороны в защите столицы Северо-Осетинской АССР (август — ноябрь 1942 г.). — Вопросы истории. 2020. № 2, с. 34—50; ХАБЛИЕВА Л. Ч., ДЗАГУРОВА Н. Х., ТЕДЕВА У. Ш., ТУСКАЕВА Г. Б. Материальный ущерб и демографические потери СССР в годы Великой Отечественной Войны (на основе материалов ГАНИ РСО — Алания и ЦГА РСО — Алания). — Вопросы истории. 2020. № 12 (3), с. 83—92; ХАБЛИЕВА Л. Ч., СОСРАНОВА З. В., ДЗОТЦОЕВА З. Е., ЦАРИКАЕВ А. Т. Оккупация территории Северной Осетии в пространстве индивидуальной памяти (по материалам ЦГА РСО-А). — Вопросы истории. 2020. № 4, с. 223—229; ДЖУМАШЕВ А. М., НУРЖАНОВ С. У., АЛЛАМУРАТОВ Г. С. Повседневная жизнь каракалпакского общества в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — Вопросы истории. 2020. № 7, с. 71—81; КОЛЕСНИКОВ И. Н., МЕНЯЙЛОВ А. А., КАСПАРЯН К. В. Память о Великой Отечественной войне в мемориалах и памятниках Ставропольского края. — Вопросы истории. 2020. № 11 (1), с. 67—75; ТЕРЕНТЬЕВ В. О., ТЕРЕНТЬЕВА Е. А. Арктика на завершающем этапе Второй мировой войны. — Вопросы истории. 2020. № 4, с. 61—76; КРАСНОЖЕНОВА Е. Е., КУЛИК С. В., КУЛИНОК С. В. Повседневная жизнь ленинградского студенчества в период оккупации и блокады: 1941—1944 гг. (на материалах Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина). — Вопросы истории. 2020. № 8, с. 76—83; КРАСНОЖЕНОВА Е. Е. Хозяйственно-экономические особенности нацистской оккупационной политики 1941—1944 гг. (на материалах Северо-Запада России). — Вопросы истории. 2020. № 11 (1), с. 56—64; ПЯНКЕВИЧ В. Л. «Это бедствие, пожалуй, хуже бомбежки»: Пожары блокадного Ленинграда в восприятии ленинградцев. — Вопросы истории. 2020. № 12 (2), с. 50—59; ВИНОГРАДОВ С. В., ЕЩЕНКО Ю. Г. Промышленность Астраханской области в годы Великой Отечественной войны. — Вопросы истории. 2020. № 10 (4), с. 76—84; ИШАНХОДЖАЕВА З. Р., ХАЗОВ В. К., АЛМАЗОВА-ИЛЬБИНА А. Б. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом во Второй мировой войне. — Вопросы истории. 2020. № 8, с. 205—211; ЮСТУС Т. В. Источники пополнения промышленных кадров в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. — Вопросы истории. 2020. № 4, с. 230—237.
22. КИКНАДЗЕ В. Г. Без срока давности: Преступления нацистской Германии, ее союзников и пособников против гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории СССР. — Вопросы истории. 2020. № 5, с. 16—41; ЯКЕМЕНКО Б. Г. «Концентрационный мир» нацистской Германии: проблема генезиса и особенности системы. —

- Вопросы истории. 2020. № 6, с. 32—42; КОВАЛЕВ Б.Н., КУЛИК С.В. Образ Белоруссии на страницах русской коллаборационистской прессы на Северо-Западе России (1942—1944 гг.). — Вопросы истории. 2020. № 10 (2), с. 31—41; ИХ ЖЕ. Работа советских органов Государственной безопасности на оккупированной территории Ленинградской области (1941—1944). — Вопросы истории. 2020. № 3, с. 32—41; КРАСНОЖЕНОВА Е.Е., КУЛИК С.В., КУЛИНОК С.В. Ук. соч.; ПЯНКЕВИЧ В.Л. Ук. соч.; ХАБЛИЕВА Л.Ч., ДЗАГУРОВА Н.Х., ТЕДЕЕВА У.Ш., ТУСКАЕВА Г.Б. Ук. соч.; ХАБЛИЕВА Л.Ч., СОСРАНОВА З.В., ДЗОТЦОЕВА З.Е., ЦАРИКАЕВ А.Т. Ук. соч.
23. КРАСНОЖЕНОВА Е.Е., МИХАЙЛОВ А.А. Города-герои: Становление почетного звания в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное двадцатилетие. — Вопросы истории. 2020. № 12 (1), с. 4—17; РЫКУН Г.Н., КОЛЕСНИКОВ И.Н. Сохранение памяти о победе над фашизмом: уроки истории и вызовы современности. — Вопросы истории. 2020. № 5, с. 42—50; ВОРОБЬЕВ С.В., КАШИРИНА Т.В. «Этот день мы приближали как могли»: К 75-летию Великой Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. — Вопросы истории. 2020. № 9, с. 45—52; КОЛЕСНИКОВ И.Н., МЕНЯЙЛОВ А.А., КАСПАРЯН К.В. Память о Великой Отечественной войне в мемориалах и памятниках Ставропольского края. — Вопросы истории. 2020. № 11 (1), с. 65—75; РЫКУН Г.Н., КОЛЕСНИКОВ И.Н., ОГАРКОВА И.В., МЕНЯЙЛОВ А.А. Победа в Великой Отечественной войне в народной памяти России. — Вопросы истории. 2020. № 6, с. 95—104.
24. КАРГАПОЛЬЦЕВ С.Ю., ЛАПИНА И.Ю. «Польский вопрос» и советско-германское сближение в 1939—1940 гг.: События, документы, комментарии. — Вопросы истории. 2020. № 4, с. 34—51; ИХ ЖЕ. Советско-германские отношения в 1939—1940 гг. — Вопросы истории. 2020. № 6, с. 43—83.
25. СИДОРОВА Г.М., ЕМЕЛЬЯНОВ А.И., ПУПЫШЕВА М.В. Международно-политическое значение присоединения африканских и латиноамериканских стран к антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне (на примере французских колоний). — Вопросы истории. 2020. № 9, с. 189—198.
26. ГРУБОВ В.И., ЕФИМОВ О.В., ХОРЕВА Н.В., КУДРЯШОВА А.С. Фронтовой дневник Ф.М. Хорькова. 1942—1945. — Вопросы истории. № 4—6, с. 7—17; 4—15; 4—31; ХУБУЛОВА С.А. «Здравствуйте, милые!»: Из писем капитана Ф.С. Леонтьева семье. — Вопросы истории. 2020. № 11 (1), с. 4—17.



# Деятельность советских и партийных органов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) в первый ее период (на материалах Алагирского района Северо- Осетинской АССР)

Э. В. Хубулова, Л. Х. Дзахова

---

*Аннотация.* Подборка документов составлена из протоколов пленумов и заседаний бюро Алагирского райкома ВКП(б) Северо-Осетинской АССР в первый период Великой Отечественной войны. Представленные документы отражают ход мероприятий периферийных партийных комитетов, направленных на проведение мобилизационных кампаний, перевод местной промышленности и сельского хозяйства на военные рельсы, а также социальную помощь семьям эвакуированных из прифронтовых регионов Европейской части СССР. Найденные в республиканских архивах материалы позволили реконструировать мобилизационные мероприятия, которые сыграли важную роль в Алагиро-Гизельской оборонительной операции осенью 1942 г. Тесное сотрудничество местных партийно-советских органов со штабом Северной группы войск Закавказского фронта способствовало тому, что после тяжелых отступлений части Красной армии и местные военизированные отряды смогли не только остановить противника, но и провести наступательные операции в ноябре-декабре 1942 г.

*Ключевые слова:* Великая Отечественная война, Северо-Осетинская АССР, мобилизационная экономика, партия, оборона, героизм.

*Abstract.* The selection of documents is compiled from the minutes of the plenums and meetings of the bureau of the Alagir district committee of the CPSU (b) of the North Ossetian ASSR in the first period of the Great Patriotic War. The documents presented reflect the course of activities of the peripheral party committees aimed at conducting mobilization campaigns, transferring local industry and agriculture to military rails, as well as social assistance to families of evacuees from the frontline regions of the European part of the USSR. The materials found in the republican archives make it possible to reconstruct the mobilization measures that played an important role in the Alagir-Gizel defensive operation in the autumn of 1942. Close cooperation of local party-Soviet bodies with the headquarters of the Northern Group of Troops of the Transcaucasian Front contributed to the fact that after heavy retreats, Red Army units and local paramilitary detachments were able not only to stop the enemy, but also to conduct offensive operations in November-December 1942.

*Key words:* Great Patriotic War, North Ossetian ASSR, mobilization economy, party, defense, heroism.

---

В современных общественных науках важная роль отводится изучению разных регионов страны, исторического опыта и того общего и особенного, что в них есть. В этом смысле наиболее результативными социоисторическими направлениями, вобравшими в себя все сферы бытия человека и социума, являются новая локальная история и микроистория, изучающие повседневную жизнь населения малых территорий (дома, села, города, района), которые в традиционных исследованиях обходятся учеными<sup>1</sup>. Такие реконструкции особенно актуальны в процессе анализа истории регионов на переломных этапах, например в годы Великой Отечественной войны.

В истории Великой Отечественной войны до настоящего времени остаются аспекты, которые ждут своих исследователей. Как правило, объектом пристального внимания военных историков становятся крупные военные операции с применением больших воинских сил и техники. Менее масштабные, но не менее значимые сражения остаются за рамками серьезного научного поиска. Это не позволяет создать целостную картину истории Великой Отечественной войны, возникают лакуны, которые следует обязательно заполнять критически осмысленным материалом.

Немаловажное значение придается стратегиям выживания советского человека в экстремальных условиях, повседневности и массовому сознанию в годы войны<sup>2</sup>. В современной геополитической обстановке особенно необходимо правильно трактовать и оценивать героические и трагические вопросы военной истории России.

Взаимодействие власти и общества в военные годы, состояние экономики, политической и социальной сферы, системы образования и культуры, участие в войне мирных жителей и вооруженных формирований, созданных в регионе, могут получить объективное освещение только с помощью новой методологии исследования.

Современные исследовательские подходы позволяют дать ответ на ряд новых вопросов. Например, военно-историческая антропология — новое направление в науке, отдающее приоритет изучению истории «снизу»<sup>3</sup>, помогает понять механизмы выживания людей в условиях войны, их поведение и психологию.

---

*Хубулова Эда Владимировна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева — филиала ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр Российской академии наук». E-mail: dudieva63@mail.ru; *Дзахова Лариса Хасановна* — доктор политических наук, профессор ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова». E-mail: ldzakhova@mail.ru.

*Khubulova Eda V.* — candidate of historical sciences, senior researcher at the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research V.I. Abaev — Branch of the Federal State Budget Scientific Institution Federal Scientific Center “Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”. E-mail: dudieva63@mail.ru; *Dzakhova Larisa Kh.* — doctor of political sciences, professor of the North Ossetian State University. E-mail: ldzakhova@mail.ru.

---

Так как в годы войны происходила централизация управления в разных сферах жизни, стала возрастать роль местных органов власти <sup>4</sup>. В этой связи большое значение приобретает исследование деятельности местных партийно-советских органов по переводу экономики региона на военные рельсы. В качестве примера можно проследить за работой Алагирского райкома и горкома ВКП(б) в первый период Великой Отечественной войны.

Цель данной публикации — воссоздать на материалах выявленных документов основные направления деятельности Алагирского комитета партии в первый период Великой Отечественной войны, когда все силы были брошены на создание надежной обороны района, а также на обеспечение сырьем военных предприятий страны.

В состав бюро Алагирского райкома ВКП(б) входило шесть человек, однако в полном составе оно собиралось редко ввиду загруженности текущими вопросами <sup>5</sup>. Заседания проходили два раза в месяц и носили закрытый характер. Все постановления имели гриф «Совершенно секретно». Райком решал много разнообразных вопросов — от размещения эвакуированного населения до строительства железнодорожной узкоколейки от Садонских рудников до завода «Электроцинк».

Благодаря слаженной организаторской работе райкома было обеспечено строительство оборонительных укреплений вокруг г. Алагира, осуществлен перевод многих предприятий на заказы для армии, организована помощь в сборе теплых вещей для бойцов и командиров РККА и т. д.

За июнь 1941 — август 1942 гг. удалось силами местных жителей осуществить уборку зерновых, перегнать колхозный скот в горные районы, подготовить боевые участки на подступах к Военно-Осетинской дороге, имевшей исключительное стратегическое значение, обеспечить жильем и работой значительную часть эвакуированного населения, перевести все предприятия района на выпуск военной продукции. Летом 1942 г, когда войска неприятеля рвались к Сталинграду и предгорьям Кавказа, под руководством Орджоникидзевого (Владикавказского) комитета обороны было развернуто строительство нескольких мощных оборонительных линий перед Алагиром на подступах к Военно-Осетинской дороге: построено несколько командных пунктов, много газоубежищ, вырыто 16 тыс. погонных метров щелей полевого типа, проведены оборонительные работы на Военно-Осетинской дороге. Наиболее опасные места были оборудованы огневыми точками, дотами, баррикадами и проволочными заграждениями. В конце августа 1942 г. были начаты строительные работы по укреплению выхода из Алагирского ущелья, прилегающего к стратегической Военно-Осетинской дороге от Алагира до Зарамага.

Даже после занятия г. Алагира немецкими войсками в Садоне и Мизуре продолжилась работа комбината и обогатительной фабрики в опасной близости к фронту.

Публикуемая подборка документов извлечена из Государственного архива новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А), ф. 9 (Алагирский райком ВКП (б)), и отчасти дополнена материалами из других фондов того же архива.

Археографическая обработка осуществлялась по традиционным правилам. Включенные в подборку документы отражают основные направления работы партийно-советских органов в первый период Великой Отечественной войны. В основном материалы приведены без сокращений; часть дана в извлечениях, в этом случае в названии указано, что это выдержки из документа. Стилистика сохранена, что позволяет проникнуться духом времени.

№ 1

**Из протокола № 8  
заседания VIII Пленума Алагирского райкома ВКП (б)**

23.06.1941

Участвуют члены Пленума — 15 человек.

Слушали: О задачах партийной организации Алагирского района в проведении мобилизации (докл. Бтемиров).

Постановили: 1. Предложить секретарям первичных партийных организаций, председателям сельских исполкомов, директорам предприятий образцово с честью провести мобилизацию, а именно:

А) своевременную поставку в технической исправности автотранспорта, гужевого транспорта и лошадей;

Б) образцовую мобилизацию военнообязанных, не допустив малейшего нарушения закона о всеобщей воинской обязанности по мобилизации.

2. Обязать руководителей первичных партийных организаций, предприятий, колхозов, МТС, сельских исполкомов и политуполномоченных райкома ВКП (б) принять все меры к укреплению хозяйственно-политических работ на местах, в частности, по мобилизации средств и госпоставкам.

3. Обязать всех руководителей парторганизаций, политуполномоченных райкома ВКП (б) всю работу по мобилизации проводить на основе широкой массово-разъяснительной работы.

4. Предложить председателю райисполкома тов. Кантееву, председателю горисполкома тов. Хаматову, председателям сельских исполкомов и руководителям предприятий обеспечить нормальную противовоздушную оборону в районе (светомаскировку и т. д.) — контроль возложить на председателя райисполкома тов. Кантеева.

5. Обязать руководителей предприятий, колхозов, МТС, сельских исполкомов и других учреждений обеспечить соответствующую охрану в колхозах, предприятиях, а также круглосуточное дежурство.

6. Предложить председателю райисполкома тов. Кантееву, председателю горисполкома тов. Хаматову, начальнику районного НКВД тов. Аккалаеву обеспечить полное соблюдение уличного движения и полную тишину в районе и городе.

7. Обязать руководителей торговых организаций и райторга тов. Ревазова на время мобилизации организовать в пунктах сбора ларьков, а также проводя нормальную торговлю, установить контроль за отпуском товаров и продуктов питания.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 11, л. 14

№ 2

**Из протокола № 65  
заседания бюро Алагирского райкома ВКП (б)**

9.07.1941

Участвуют: Бтемиров, Кушнаренко, Дзоциев, Кантеев, Аккалаев, Пачюк.

Слушали: О всеобщей обязательной подготовке населения к противоздушной и противохимической обороне (докл. Гогаев).

Постановили:

1. Предложить председателю райсовета Осоавиахима тов. Томаеву немедленно приступить к организации широкого обучения населения по нормам «Готов к противоздушной и противохимической обороне».

2. Для подготовки населения к сдаче норм ПВХО организовать в течение июля и августа 1941 г. подготовку 80-ти инструкторов ПВХО, организацию курсов и подготовку инструкторов возложить на райсовет Осоавиахима.

3. Предложить секретарям первичных парторганизаций и руководителям предприятий, учреждений и колхозов: выделить курсантов для подготовки инструкторов ПВХО из числа женщин и мужчин не военнообязанных, наиболее грамотных товарищей к 12.07.1941 г. из колхозов — с отрывом от производства, из городских предприятий и учреждений — без отрыва от производства.

4. Предложить председателю райсовета Осоавиахима тов. Томаеву, председателю исполкома горсовета тов. Хаматову, руководителям предприятий, учреждений срочно приступить к организации обучения и оснащению групп самозащиты.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

*ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 13, л. 1—2*

№ 3

Совершенно секретно

**Из протокола № 67  
заседания бюро Алагирского райкома ВКП (б)**

18.07.1941

Участвуют: Бтемиров, Кушнаренко, Дзоциев, Кантеев, Бокоев, Аккалаев.

Слушали: О подготовке и проведении антивоенного дня 1-го августа (докл. Кайтов).

Антивоенный день 1941 года провести под углом мобилизации всех трудящихся района на выполнение производственных планов промышленности и сельского хозяйства, овладения военными специальностями, всемерное укрепление социалистического Отечества и поддержки нашей Красной армии и ВМФ.

Бюро РК ВКП (б) постановляет:

1. Обязать секретарей первичных партийных организаций, председателей сельских исполкомов и райком ВЛКСМ в период подготовки провести широкую массово-разъяснительную работу среди трудящихся

о существе и возникновении империалистических войн как войн захватнических; разъяснять задачи советского народа в проведении отечественной войны на разгром и уничтожение фашизма.

2. Предложить секретарям первичных партийных организаций провести политико-массовую работу среди трудящихся района об организации истребительного батальона по борьбе с парашютным десантом и диверсантами противника, вокруг организации отрядов народного ополчения, о всеобщем обязательном обучении населения по противовоздушной и противохимической обороне.

3. Обязать секретарей первичных партийных организаций, председателей сельских исполкомов, райкома ВЛКСМ, райсовет Осоавиахима и РОКК улучшить работы оборонных кружков по подготовке ворошиловских стрелков, гранатометчиков, пулеметчиков и других военных специальностей.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

*ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 13, л. 14.*

№ 4

Совершенно секретно

**Из протокола № 68  
заседания бюро Алагирского райкома ВКП (б)**

28.07.1941

Участвуют: Бтемиров, Бокоев, Дзоциев, Кантеев, Аккалаев.

Слушали: О создании истребительного батальона по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника (докл. Аккалаев, Гогаев).

Бюро РК ВКП (б) постановляет:

В соответствии с решением СНК СССР от 24-го июня 1941 г., решения ЦК ВКП (б) от 1.07.1941 г., приказа НКВД СССР от 2.07.1941 г. и решением Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 4.07.1941 г.:

1. Обязать начальника районного отдела НКВД Аккалаева, отдела кадров РК ВКП (б) Дзоциева и зав. военным отделом РК ВКП (б) укомплектовать истребительный батальон из числа проверенных коммунистов, комсомольцев, советских активистов, способных владеть оружием.

2. Обязать партийно-советские, профсоюзные, комсомольские, хозяйственные организации оказывать всемерную помощь истребительному батальону.

3. Возложить руководство истребительным батальоном на начальника районного отдела НКВД тов. Аккалаева.

4. Утвердить состав истребительного батальона при Алагирском районе 200 человек.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

*ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 13, л. 11*

№ 5

Совершенно секретно

**Из протокола № 74**

**заседания бюро Алагирского райкома ВКП (б)**

9.09.1941

Участствуют: Бтемиров, Бокоев, Дзоциев, Кантеев, Аккалаев.

Слушали: О сборе теплых вещей для нужд Красной армии (докл. Амбалов).

В соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) от 5.09.1941 г. и решением бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 8.09.1941 г. о сборе теплых вещей и белья для нужд Красной армии, бюро РК ВКП (б) постановляет:

1. Обязать секретарей первичных партийных организаций, РК ВЛКСМ, председателей сельских советов и профсоюзов довести решения ЦК ВКП (б) и решения Северо-Осетинского обкома ВКП (б) до сознания широких слоев трудящихся района. Развернуть по всем предприятиям, учреждениям, колхозам массово-разъяснительную работу среди населения о сборе теплых вещей для Красной армии.

2. Для практической работы по сбору теплых вещей для Красной армии создать районную комиссию в составе: Бтемирова (секретарь РК ВКП (б), Кантеева (председателя исполкома), Назарова (военкома), Хаматова (председателя горисполкома), Толпарова (секретаря РК ВЛКСМ).

3. Обязать районную газету «Раздзог» и радиокомитет систематически освещать ход сбора теплых вещей для нужд Красной армии.

4. Поручить секретарям первичных партийных организаций, сельским исполкомам, комсомольским организациям и профсоюзам, что работа по проведению сбора теплых вещей должна проводиться как важнейшее государственное дело, имеющее важнейшее оборонное значение. Поручить председателю горисполкома тов. Хаматову обеспечить сборный пункт хорошим помещением, пригодным для приемки и отправки вещей в однодневный срок.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

*ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 13, л. 57*

№ 6

Совершенно секретно

**Из протокола № 75**

**заседания бюро Алагирского райкома ВКП (б)**

15.09.1941

Участствуют: Бтемиров, Бокоев, Дзоциев, Кантеев, Аккалаев.

Слушали: О создании бюро продовольственных карточек в г. Алагире (докл. Бтемиров).

Постановили:

1. В соответствии с постановлением бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 12.09.1941 г. ввести в г. Алагире карточную систему продажи хлеба, сахара и кондитерских изделий с 1.10.1941 г.

2. Организовать при исполкоме г. Алагира бюро продовольственных карточек, возложив на него снабжение продуктами карточками предприятий, учреждений и школ города.

3. Утвердить состав бюро продовольственных карточек в количестве 3-х человек.

4. Поручить райисполкому и горисполкому приступить к уточнению состава контингента рабочих, служащих, их иждивенцев и закончить к 26.09.1941 г.

5. Обязать секретарей первичных партийных организаций предприятий, учреждений г. Алагира провести массово-разъяснительную работу среди населения о порядке торговли по карточкам.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 13, л. 61

№ 7

Совершенно секретно

### Из протокола заседания

### IX Пленума Алагирского районного комитета ВКП (б)

15.09.1941 г.

Участвуют члены Пленума — 15 человек.

Слушали: О состоянии агитационно-массовой работы в районе (докл. Бтемиров).

<...> Обеспечивая победу над врагом в тылу, самоотверженно работают на фабриках, заводах и в колхозах рабочие, колхозники, советская интеллигенция, проявляя образцы трудовой доблести.

В эти грозные дни, когда над нашей любимой родиной нависла серьезная опасность, наша агитация должна нести в массы огненное слово большевистской правды, разжигать в сердцах миллионов людей священную ненависть к фашистским извергам и поработителям, сплачивать и мобилизовывать советских людей на оборону своей родины.

Пленум районного комитета ВКП (б) отмечает значительное улучшение агитационно-массовой работы в районе. С первых же дней Отечественной войны агитаторы широко развернули на предприятиях и в колхозах агитационно-массовую работу (Алагиртранс, мебельная фабрика, колхозы «Хаталдон», «Раздзог»).

Пленум РК ВКП (б) постановляет:

1. Предложить секретарям первичных партийных организаций, отделам пропаганды и агитации райкома ВКП (б) немедленно перестроить всю агитационную работу в районе, направив ее на укрепление тыла, организацию всесторонней помощи Красной армии, на воспитание трудящихся в духе советского патриотизма и повышение революционной бдительности.

2. Реорганизовать райпарткабинет в агитпункт, в котором сосредоточить всю агитационно-массовую, политическую и пропагандистскую работу среди населения. Довести до сознания трудящихся района воззвание участников женского антифашистского митинга и обращение кол-



хозников Ардонского района о посеве гектара в Фонд обороны и о сборе теплой одежды для Красной армии.

3. Секретарям первичных партийных организаций, отделам пропаганды и агитации РК ВКП (б) немедленно доукомплектовать агитаторами имеющиеся в районе агитколлективы из числа лучших и подготовленных товарищей и обеспечить руководителями.

4. Предложить отделу пропаганды и агитации РК ВКП (б) и военному отделу оборудовать в районном парткабинете военный уголок, в котором сосредоточить всю работу, связанную с пропагандой военного дела, оказывая практическую помощь трудящимся в получении ими военных знаний. Привлечь к этой работе руководителей Осоавиахима и командно-политический состав запаса.

5. Обязать редактора районной газеты тов. Кайтова систематически печатать на страницах газеты местные материалы, связанные с показом работы лучших агитаторов, пропагандистов, освещающих трудовой героизм и воспитывающих трудящихся в духе патриотизма.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

*ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 11, л. 19—20*

№ 8

Совершенно секретно

**Из переписки Северо-Осетинского обкома ВКП (б)  
с СНК республики с Военным советом  
Северо-Кавказского военного округа  
об усилении оборонных мероприятий  
по Северо-Осетинской АССР**

16.10.1941

<...> Обком ВКП (б) и СНК СО АССР считают крайне необходимым поставить перед Военным советом Северо-Кавказского военного округа вопрос о проведении в ближайшее время следующих актуальных мероприятий.

Во-первых, провести оборонно-укрепительные работы в районе Эльхотовских ворот до реки Урух и по Сунженскому хребту, которые являются серьезным препятствием на подступах к нефтяной промышленности и цветной металлургии, не говоря об остальных решающих отраслях народного хозяйства.

Во-вторых, провести оборонно-укрепительные работы у ворот Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог совместно с Закавказским военным округом, который уже практически приступил к строительству укрепительных сооружений...

Секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б)

А. Газзаев

Председатель СНК СОАССР

К. Кулов

Машинопись. Подлинник. Автографы

*ГАНИ РСО-А, ф. 1, оп. 3, д. 721, л. 47*

**Из протокола № 84  
заседания бюро Алагирского райкома ВКП (б)**

26.11.1941

Участвуют: Бтемиров, Бокоев, Дзоциев, Кантеев, Аккалаев.

Слушали: Заявление Басиевой Чабахан Михайловны о приеме из кандидатов в члены ВКП (б) (докл. Ревазов).

Басиева Ч.М., кандидат в члены ВКП (б) с марта 1940 г., 1912 года рождения, национальность осетинка, образование высшее, социальное происхождение из крестьян-середняков, социальное положение служащая. В настоящее время работает в средней школе № 1 преподавателем русского языка <sup>6</sup>.

Рекомендуют: Ваниева С.И., Тиджиев Б.А., Синюшин А.И.

Постановили: Принять из кандидатов в члены ВКП (б) Басиеву Ч.М.

Слушали: Об организации обучения сельскохозяйственным работам учащихся старших классов средних школ и части служащих районного центра (докл. Баскаев).

Бюро РК ВКП (б) и райсовет постановляют:

1. В соответствии с Постановлением бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и СНК СО АССР от 20.11.1941 г. в целях оказания организованной помощи рабочей силой колхозам в напряженный период сельскохозяйственных работ, организовать обучение сельскохозяйственным работам учащихся старших классов средних учебных заведений, а также части служащих районного центра, в первую очередь, всех служащих органов райЗО и МТС.

2. Обязать райЗО, МТС, райОНО, горисполком, директоров средних школ ввести с 1.12.1941 г. обязательное массовое практическое обучение сельскохозяйственных работам: а) всех учащихся средних учебных заведений старших классов; б) части служащих всех учреждений райцентра; в) часть домашних хозяйек города и района.

3. Подготовка массовых кадров проводится в г. Алагире в помещении райисполкома.

4. Обязать райЗО, МТС, директоров школ, руководителей предприятий и колхозов оказывать полное содействие в организации практического обучения навыкам сельскохозяйственных работ обучающихся.

5. Обязать райЗО, руководителей колхозов: а) одновременно организовать в каждом колхозе стахановское движение из колхозников для всех звеньевых бригадиром полеводческих бригад, работников животноводческих ферм; б) полностью выполнить план подготовки кадров из числа колхозников и главным образом, женщин, утвержденный Постановлением бюро обкома ВКП (б) и СНК СО АССР от 6.11.1941 г. о плане подготовки сельскохозяйственных кадров.

Слушали: О мероприятиях по обслуживанию эвакуированного населения, прибывающего из прифронтовой полосы в Алагирский район (докл. Кушнаренко).

В целях реализации Постановления бюро обкома ВКП (б) и СНК СО АССР от 20.11.1941 г. и оказания практической помощи по улучшению жилищно-бытовых условий эвакуированного населения, прибывшего в Алагирский район, бюро РК ВКП (б) постановляет:

1. Для проведения всех мероприятий, связанных с размещением и трудоустройством эвакуированного населения из прифронтовой полосы уполномоченным утвердить тов. Кушнаренко И.П., заместителем Баскаева Д.

2. Предложить уполномоченному установить тщательный учет и регистрацию прибывающего эвакуированного населения и совместно с горисполкомом обеспечить: а) нормальные условия расквартирования как в части жилплощади, так и отопления; б) быстрое трудоустройство особо нуждающегося эвакуированного населения по предприятиям, учреждениям и в колхозы района; в) организацию бесперебойного снабжения хлебом за счет выделения фондов Наркомторгом; г) учет и выявление семей, не имеющих трудоспособных, требующих материальной помощи, организовав последнюю за счет средств, выделенных райисполкому для указанных целей.

3. Предложить райсобесу (Гозюмов) обеспечить своевременную выдачу пособий семьям военнослужащих.

4. Обязать райздравотдел (Секинаева) обеспечить систематическую санобработку всех прибывающих эвакуированных граждан, медобслуживание, принятие срочных мер для ликвидации вспышек заразных заболеваний.

5. Обязать райторг (Кайтов), Севосторг (Калаев) не позднее 12.12.1941 г. выбрать все товары, выделенные Наркомторгом и Севосоюзом исключительно для снабжения эвакуированного населения и обеспечить их реализацию по назначению и указанию районного уполномоченного.

6. Обязать директора МТС (Цидаев) изготовить необходимое количество деревянных топчанов по указанию уполномоченного.

7. Для обеспечения эвакуированного населения картофелем предложить Севосторгу (Калаев) провести госзакупку в колхозах района 45 тонн картофеля.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

*ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп.1, д. 13, л. 110—113*

№ 10

Совершенно секретно

**Из Постановления Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны о выделении 2 020 человек на оборонно-укрепительные работы по Северо-Осетинской АССР**

3.12.1941

Для обеспечения заявки Закавказского фронта на рабочую силу по оборонно-укрепительным работам на территории Северо-Осетинской АССР Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны постановляет:

Выделить в распоряжение Закавказского фронта для выполнения оборонно-укрепительных работ на территории Северо-Осетинской АССР в порядке платной трудовой повинности сроком на 15 дней 2 020 человек. Из них:

по г. Орджоникидзе	900 чел.
по Орджоникидзевскому району	200
по Ардонскому району	200
по Алагирскому району	150
по Дигорскому району	200
по Ирафскому району	100
по Правобережному району	100
по Садонскому району	80
по Гизельдонскому району	90

Председатель О(В)КО

Н. Мазин

Подлинник. Машинопись. Автограф

ГАНИ РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 120

№ 11

**Из протокола № 86  
заседания бюро Алагирского райкома ВКП (б)**

10.12.1941

Участвуют: Бтемиров, Бокоев, Дзоциев, Кантеев, Аккалаев.

Слушали: О выполнении оборонно-укрепительных работ по району (докл. Баскаев).

Постановили:

1. Предложить председателю горисполкома тов. Хаматову мобилизовать по городу дополнительно 50 человек и выставить их на работу.

2. Обязать райуполномоченных по строительству тов. Баскаева и Кайтова наладить учет произведенных работ в каждой бригаде и каждым рабочим в отдельности; улучшить массово-разъяснительную работу среди рабочих коллектива; развернуть социалистическое соревнование между бригадами и отдельными строителями, показывать опыт лучших работников и на этой основе мобилизовать других; предложить директору Севосторга и райторготделу организовать на строительном участке торговлю продуктами питания и промтоварами.

3. Обязать всех председателей колхозов и секретарей первичных партийных организаций организовать регулярное снабжение колхозников питанием, а также прикреплять к ним людей из эвакуированного населения, мобилизованных на оборонно-укрепительные работы.

4. Обязать райздравотдел (Секинаева) выделить одного врача для обслуживания рабочих строительства оборонительных работ.

Секретарь Алагирского РК ВКП (б)

Бтемиров

Машинопись. Заверенная копия

ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 13, л. 121

№ 12

**Из Постановления СНК СО АССР  
«О проведении военного налога по Северо-Осетинской АССР»**

30.01.1942

Совет народных комиссаров Северо-Осетинской АССР постановляет:

1. Обязать исполкомы городских и районных советов депутатов трудящихся и городские и районные финансовые отделы провести обложение военным налогом граждан Северо-Осетинской АССР.

2. Установить для колхозников и единоличников, занимающихся сельским хозяйством в сельских местностях, членов их хозяйств, следующие средние ставки военного налога:

Алагирский, Ардонский, Дарг-Кохский, Дигорский, Ирафский, Правобережный	-255 руб.
Орджоникидзевский, Кировский	-270 руб.
Садонский, Махческий, Гизельдонский	-270 руб.

3. Установить единую ставку военного налога для всех селений Ирафского и Алагирского районов и для гор. Алагира в сумме 255 руб.

4. Граждане, подлежащие по возрасту призыву на действительную военную службу или призыву по мобилизации в РККА и ВМФ, но не мобилизованные или освобожденные от призыва, уплачивают налог с увеличением на 50%.

Председатель СНК СО АССР

К. Кулов

Подлинник. Машинопись. Автограф

ЦГА РСО-А, фр. 629, оп. 2, д. 43, л. 193

### № 13

#### Сведения об эвакуированном населении по Алагирскому району

10.05.1942

Прибыло		Размещено		Общее количество	
всего	детей до 14 лет	в г. Алагир	в сельской местности	из прифронтной полосы	из Москвы
1 451	489	1 220	231	1 454	23

Начальник отдела СНК по хозяйству эвакуированного населения И. Абаев

Подлинник. Машинопись. Автограф

ЦГА РСО-А, фр. 629, оп. 1, д. 21, л. 6

### № 14

#### Из протокола № 115

#### заседания бюро Алагирского РК ВКП (б) о размещении по Алагирскому району эвакуированного населения

12.09.1942

Слушали: О размещении эвакуированного населения по Алагирскому району (докл. Дзоциев).

Постановили: 1. В соответствии с Постановлением Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны разместить 9 тыс. человек эвакуированного населения по району по следующим населенным пунктам: в гор. Алагире — 4 500 чел., в Тамиске — 100, в Кр. Ходе — 90, в Црау — 350, в Бираганге — 775, в Суадаге — 640, в Хаталдоне — 640, в Ногкау — 1 050.

2. Обязать председателей сельисполкомов, колхозов и секретарей парторганизаций в суточный срок подготовить жилплощадь в порядке обязательного уплотнения местного населения, освободить помещения колхозов, учреждений, организаций и школ.

3. Подготовить весь имеющийся транспорт для переброски имущества и детей в пункты размещения.

4. Обязать руководителей сельисполкомов и торговдел строго и своевременно обеспечить эвакуированных хлебом и другими продуктами питания, предусмотренными для них.

5. Обязать отдел кадров РК ВКП (б) оказать максимальную помощь в трудоустройстве, особенно нуждающимся семьям.

Секретарь РК ВКП (б)

Бтемиров

Подлинник. Машинопись. Автограф

ГАНИ РСО-А, ф. 9, оп. 1, д. 20, л. 191

№ 15

Совершенно секретно

**Из протокола № 79  
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)  
комитета обороны**

31.10.1942

Слушали: О включении партизанских отрядов СО АССР в активное действие (докл. Зоделава).

Учитывая, что часть территории СО АССР занята немцами, Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны постановляет:

1. Ввести в действие партизанские отряды Кировского, Махческого, Дигорского, Ирафского, Алагирского и Садонского районов.

2. Поручить секретарю обкома ВКП (б) тов. Газзаеву А.П. организовать из партизан Правобережного, Орджоникидзевского, Дарг-Кохского, Алагирского, Гизельдонского и Ардонского районов отряды, которым также вступить в активные действия против немецких войск. Организованные партизанские отряды перебросить в Куртатинское и Кобанское ущелья с тем, чтобы они имели возможность <...> выхода на Военно-Грузинскую дорогу.

3. Поручить тов. Газзаеву в суточный срок отгрузить в Садонский район, в Куртатинское ущелье все вооружение и боеприпасы, предназначенные для партизан <...>.

Председатель О (В)КО

Н. Мазин

Машинопись. Заверенная копия. Автограф

ГАНИ РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 17, л. 205

*Примечания*

Статья опубликована при финансовой поддержке РФФИ (проект 21—09—43008 СССР).

1. Новая локальная история макрорегиона: Практикум. Ставрополь. 2016; JARITZ G. The History of Late Medieval Everyday Life: A Review of Patterns and Contracts. — New Approaches to the History of Late Medieval and Early Modern Europe: Selected Proceeding of Two International Conferences at the Royal Danish Academy of Sciences and Letters in Copenhagen in 1997 and 1999. Neilsen. 2009; РЕПИНА Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М. 2011; РУМЯНЦЕВА М.Ф. Теория истории. М. 2002; Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: Методы, источники, столичная и провинциальная историография: М-лы первой Всероссийской научной интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г. Ставрополь. 2003.
2. КАБИРОВА В.Н. Ратный и трудовой подвиг Татарстана в военный период 1941—1945 гг. — Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в судьбах народов и регионов:

- Сб. статей. Казань. 2015; ОРЛОВ И.Б. Карточное снабжение в 1941—1943 гг.: Расчеты и просчеты. — Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3; КРИНКО Е.Ф. Карточная система и регламентация потребления советских граждан в 1941—1945 гг. — Сумський історико-архівний журнал. 2012. № 6—7; МАРИСКИН О.И. Повседневная жизнь населения СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: По м-лам Атяшевского района Мордовской АССР. — Экономическая история. 2020. Т. 16. № 1.
3. СЕНЯВСКАЯ Е.С. Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки. — Отечественная история. 2002. № 4; КРОМ М.М. Отечественная история в антропологической перспективе. — Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя. М. 2003.
  4. ЗАГВОЗДКИН Г.Г. Социальная политика ВКП(б) и Советского государства в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л. 1991; ПАВЛОВ В.С. Военная деятельность Советов депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 1992; БОДРОВА Е.В. Создание и деятельность системы обеспечения людскими ресурсами действующей армии в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 2000; ИСРАПОВ А.А. Государственные органы управления и народ в республиках Северного Кавказа 1941—1945 гг.: Аспекты политического, экономического и организационно-правового взаимодействия. Махачкала. 2005; СОМОВ В.А. Радио как коммуникативное средство формирования трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на примере Волго-Вятского региона). — Новейшая история России. СПб. 2012. № 1.
  5. Государственный архив новейшей истории РСО-Алания. Ф. 9, оп.1, д. 13, л. 1.
  6. Ч.М. Басиева отказалась сотрудничать с немцами, которые хотели использовать ее для работы в газете, выпускаемой оккупантами в пропагандистских целях. Барон фон Кассен надеялся, что сможет уговорить молодую женщину, но получил твердый отказ. Тогда оккупанты перешли от уговоров к пыткам: на глазах Чабахан истязали ее 70-летнюю мать и брата; когда и эта мера не сломила девушку, фашисты жестоко пытали и ее. Семья была похоронена в братской могиле незадолго до освобождения Алагирского района от оккупантов.

# Условия повседневной жизни и бытовое обслуживание населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

М.К. Нагиева

---

*Аннотация.* В статье освещаются проблемы с продовольственным снабжением и общественным питанием, жилищные вопросы, связанные с обслуживанием граждан республики Дагестан и эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны, и пути их решения. Автор отмечает, что произошедшие в годы войны значительные изменения всех сфер жизни советского общества серьезно затронули и повседневную сторону жизни простых граждан.

*Ключевые слова:* Дагестан, повседневность, Великая Отечественная война, продовольственные карточки, медицинское обслуживание, жилищные условия.

*Abstract.* The article highlights the problems with food supply and public catering, housing issues related to servicing the citizens of the Dagestan republic and the evacuated population during the war, and ways of resolving them. The author notes that significant changes in all spheres of life of Soviet society during the Great Patriotic War also affected the everyday life of ordinary citizens.

*Key words:* Dagestan, everyday life, the Great Patriotic War, food ration cards, medical care, housing conditions.

---

Начавшаяся Великая Отечественная война, безусловно, повлияла на все стороны жизни советского общества. Стремительное наступление немецко-фашистских войск и последовавший за ним захват западных областей Советского Союза, производивших до войны примерно половину сельскохозяйственной и промышленной продукции, привели к сокращению материальных ресурсов страны, что потребовало срочного переустройства работы отраслей экономической сферы, в первую очередь промышленной.

---

*Нагиева Мадина Курбанисмаиловна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. Махачкала. E-mail: nagieva-73@mail.ru.

*Nagieva Madina K.* — PhD (History), senior researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Science. Makhachkala. E-mail: nagieva-73@mail.ru.

---



Огромная роль в перестройке экономики на военный лад принадлежала Махачкалинскому городскому комитету обороны (МГКО), созданному постановлением Дагобкома ВКП(б) от 24 октября 1941 г. Сфера деятельности комитета распространялась на всю республику <sup>1</sup>.

Наличие в Дагестане недефицитного сырья, пищевых ресурсов создавало благоприятные условия для организации массового производства товаров первой необходимости. Этому способствовало вышедшее 16 сентября 1942 г. постановление ГКО, которое предусматривало также восстановление и развитие кустарных промыслов в республике. В 1942—1943 гг. здесь по линии местной промышленности было создано 20 райпромкомбинатов и 10 райпищескомбинатов, занимавшихся производством товаров широкого потребления и продовольствия <sup>2</sup>.

С 1943 г. местная промышленность стала испытывать большие трудности вследствие резкого сокращения снабжения предприятий, получавших необходимое сырье из центра. Так, фонды на основные виды сырья в 1943 г. сократились против 1942 г. почти на 30%. Ощущалась острая необходимость в рабочей силе. Во всех городах и районах республики были проведены партийные собрания и собрания актива, которые помогли мобилизовать для местной промышленности необходимые рабочие, инженерно-технические кадры.

На прошедшем в октябре 1944 г. XXII пленуме Дагобкома ВКП(б) была отмечена необходимость увеличения производства товаров широкого потребления <sup>3</sup>. Здесь же было сказано, что республика в состоянии производить разнообразные товары повседневного использования, такие как сельскохозяйственный инвентарь, строительные материалы, гончарные и трикотажные изделия, мебель, обувь, школьные принадлежности и др.

В первый период войны в условиях сокращения производства товаров народного потребления, недостатка продуктов первой необходимости советским правительством были проведены мероприятия по введению карточной системы. Нормированное обеспечение населения продовольственными и промышленными товарами — это чрезвычайная и необходимая мера военного времени, одно из звеньев социальной политики государства. Эта мера распространялась на всех граждан Советской страны <sup>4</sup>. Исключение составляли жители села, занятые сельскохозяйственным производством. Суть введенной карточной системы состояла в распределении основных видов продовольствия (хлеб, сахар, крупы, мясо) и ширпотреба по талонам с указанием фиксированной цены.

Нормы выдачи продовольствия по талонам были строго ранжированы и зависели от вида деятельности конкретного человека. Паек большого размера выдавался рабочим и служащим промышленных объектов оборонного значения и транспорта, наименьшего — иждивенцам и детям до 12 лет. Кроме того, все работники были разделены на две категории в зависимости от значимости предприятия в деле обороны страны. Работники, принадлежавшие к первой категории, получали от 800 до 1 200 г хлеба в день. Рабочие остальных отраслей — 500 г, служащие — 400—500 г, иждивенцы и дети — 300—400 г <sup>5</sup>.

В Дагестане система нормированного снабжения населения основными видами продовольствия начала работать с сентября 1941 г. Только за первый месяц его было выдано товаров на сумму 374 тыс. руб. В даль-

нейшем число жителей республики, состоявших на государственном обеспечении продовольственными товарами, увеличилось. Однако даже обладание продовольственной карточкой не означало ее полного отоваривания. Зачастую, простояв в очереди несколько часов, можно было остаться без продуктов, не хватало даже хлеба. Продовольственные талоны выдавались на месяц. Следствием введения нормированного снабжения в стране на основные виды продовольствия стало появление таких негативных явлений, как ограничение выбора и объема закупок продовольственных товаров, снижение их качества и бедность ассортимента. Вот что вспоминает П. Капланова, уроженка г. Махачкалы: «...Помню, как ходила за хлебом на Краснофлотскую. Приходилось занимать очередь с 4—5 утра. И отойти было нельзя — потеряешь место. Стоишь с карточками в руке и ждешь, когда подойдет твоя очередь. На каждого члена семьи полагалось 200 г., причем хлеб был наполовину из кукурузы и ячменя...»<sup>6</sup> В воспоминаниях В.Н. Миловидовой, тоже уроженки г. Махачкалы, есть строки, показывающее тяжелое продовольственное положение: «...Хлеба было мало, его получали по карточкам. Рабочим выдавали по 500 г. Чтобы прокормиться, варили рыбные головы. На путях стояли цистерны с патокой. К ним выстраивались огромные очереди. В свободной продаже был сахар, но это было очень дорого. Его могли купить только те, у кого были деньги. Взрослые все время были заняты на работе, а нас, детей, отправляли за продуктами. Тогда были большие очереди, поэтому приходилось стоять сутками...»<sup>7</sup>

От введения карточной системы выиграли спекулянты и воры, в республике довольно частым явлением были случаи злоупотреблений, подделок и мошенничества с выдачей карточек и обменом их на продукты первой необходимости. Результатом подобных правонарушений стал, например, перерасход хлеба с сентября по ноябрь 1941 г. только в столице Дагестана на 79 т по сравнению с тем, который был выдан по карточкам<sup>8</sup>. Вот какой случай описывает в воспоминаниях Г. Мудрова: «... Я помню и трудные послевоенные годы, когда продукты получали по карточкам, в том числе и хлеб. Приходилось стоять в длинной очереди с карточками, от которых продавщица отрезала по карточке за день. Я платила 5 руб. и получала небольшой кусок хлеба. Помню, как однажды обманом некая мошенница выманила у меня карточки. Она сказала, что принесет мне хлеб. Я, маленькая девочка, поверила взрослой тете. И все ждала... А потом поняла, что нет, она не придет...»<sup>9</sup>

Для улучшения централизованного государственного снабжения в военный период в ноябре 1942 г. по указанию Совнаркома СССР за предприятиями и учреждениями закреплялись земельные участки, отведенные под индивидуальные огороды рабочих и служащих. Индивидуальное огородничество получило широкое распространение среди дагестанцев. В 1944 г. в республике насчитывалось до 25 тыс. семей рабочих и служащих, занимавшихся индивидуальным огородничеством<sup>10</sup>. Продукты с подсобных хозяйств рабочих и служащих были представлены в столовых и буфетах.

Органами власти уделялось большое внимание деятельности торгующих организаций, предпринимались меры для улучшения их работы. В 1945 г. торговая сеть республики значительно расширилась. Она вклю-

чала 1 079 точек, в том числе 908 магазинов. ОРСы <sup>11</sup> имели 81 точку, из них 53 магазина. Сеть общественного питания в 1945 г. увеличилась на 58 единиц и составила 261 точку <sup>12</sup>. Торговая сеть имела свои производственные предприятия. В системе Наркомата торговли и ОРСов было 67 производственных предприятий, которые выпускали промышленные и продовольственные товары, предметы первой необходимости <sup>13</sup>.

Республика в годы войны испытывала большие трудности с жилищным строительством. Эта проблема усугубилась с приездом в Дагестан эвакуированного населения. Огромное количество эвакуированных, проблема с их размещением в условиях военного времени изменили повседневную жизнь республики, что сказалось на материально-бытовом положении местных жителей. К лету 1942 г. во временных эвакуопунктах Махачкалы находилось около 150 тыс. эвакуированных граждан <sup>14</sup>. Обеспечение жильем, питанием, организация их медицинского обслуживания были связаны с определенными трудностями, разрешением которых занимались органы государственной власти.

В сентябре 1941 г. вышло постановление Совнаркома СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения». Началось возведение строений упрощенного типа — барачков, полуземляных построек. Одновременно возобновилось строительство типовых домов. Основная масса эвакуированного населения обеспечивалась жильем за счет уплотнения местного населения. В ноябре 1941 г. было принято совместное постановление Совнаркома ДАССР и Бюро Обкома ВКП(б) «О строительстве барачков для временного размещения эвакуированных». На основании данного постановления в Махачкале было начато строительство двух барачков легкого типа площадью 1 440 кв. м каждый. Для этого из городского бюджета было выделено 43 200 руб. Средняя жилплощадь в республике на одного проживавшего в условиях военного времени была установлена в пределах 6 кв.м, излишки изымались для нужд эвакуированных граждан, семей фронтовиков, прикомандированных партийных и советских работников, инвалидов и т. д. <sup>15</sup>

В столице республики Махачкале было размещено самое большое количество людей. Для них отводились места на привокзальной площади, были организованы справочные столы, пункты регистрации прибывавших в город людей, установлены круглосуточные милицейские посты, а также медицинские пункты для оказания первой медицинской помощи. В воспоминаниях жителя Махачкалы В. Фираджева присутствует эпизод о беженцах: «...Беженцы прибывали в город непрерывными потоками, заполняли все городские парки, скверы, бульвары. Все стремились в Баку. Говорили, что оттуда можно переправиться через Каспий в Среднюю Азию. Тихая одноэтажная Махачкала с чистенькими и белеными домами и ухоженными садами превратилась в помойку, сточные канавы, прорытые вдоль центральных улиц и по окраинам города, не были рассчитаны на то обилие грязи, которое оставляли после себя беженцы. Поначалу дворники пытались бороться с этой грязью, но потом поняли, что это безнадежно...» <sup>16</sup> В августе 1942 г. на территории Махачкалы была введена трехдневная карточная система выдачи хлеба для эвакуированного населения с расчетом 400 г в сутки. Карточки на хлеб каждые три дня выдавались в республиканском карточном бюро <sup>17</sup>.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о жилищно-бытовых условиях рабочих и служащих. В годы войны в Дагестане были размещены заводы и фабрики, эвакуированные преимущественно из Украины и Ростовской области, которые обеспечивались трудовыми резервами путем трудовой мобилизации сельской молодежи республики. Большинство общежитий в городах и поселках были переполнены и требовали капитального ремонта. В небольших комнатах проживало по 4—5, а то и более человек<sup>18</sup>. Многие помещения не имели нормального освещения, ощущалась нехватка мебели и предметов домашнего обихода, большинство комнат в холодное время не отапливалось.

Несмотря на все трудности военного времени, жилищный фонд пяти городов республики с 380,1 тыс. кв.м в 1940 г. вырос до 397,9 тыс. кв.м в 1945 г. Эти средства, конечно, не решали всей проблемы с выдачей жилья населению. Тысячи рабочих с семьями продолжали жить в общежитиях и бараках. Но местные органы власти старались решать насущные проблемы городов республики. В период войны были построены и сданы в эксплуатацию учебные заведения, детские сады, больницы<sup>19</sup>.

За годы войны была проведена большая работа по очистке и благоустройству населенных пунктов. Приведены в порядок улицы, дворы, общежития, колодцы. Весной 1944 г. прошел двухмесячник по благоустройству населенных пунктов, месячник по борьбе с малярией, значительно оживилась работа по вовлечению населения в санитарно-оздоровительные мероприятия, во всех районах и городах развернулась работа чрезвычайных противоэпидемических комиссий<sup>20</sup>.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны произошли существенные изменения во всех сферах социально-экономического и культурного развития региона. Не осталась в стороне и повседневная жизнь простых граждан. Проблема обеспечения продовольственными и промышленными товарами решалась введением карточной системы в стране, жилищная — посредством уплотнения жилой площади и строительства типовых и упрощенных домов — бараков, полуземлянок. Сложное материально-финансовое положение, приоритет в снабжении всем необходимым фронта не позволяли в полной мере решить имевшиеся проблемы. Местные органы власти принимали все меры для возможного улучшения жизни и материально-бытового обслуживания населения республики.

#### *Примечания*

1. БАБАЕВ А.-М. Патриотизм трудящихся Дагестана в годы великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). В кн.: Ученые записки. Т. IV. Махачкала. 1960, с. 95.
2. КАЙМАРАЗОВ Г.Ш., КЕРИМОВ И.К., КОЙСТИНЕН Г.С., МЕЛЕШКО А.Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Махачкала. 1963, с. 133.
3. Там же, с. 136.
4. ХАБЛИЕВА Л.Ч., СОСРАНОВА З.В., ДЗОТЦОЕВА З.Е. Условия жизни и быт населения Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. — Научный диалог. 2018. № 5, с. 246.
5. URL: <http://Historic-Journal.Ru/Povsednevnost-Naseleniya-Tyla-V-Gody-Velikoj-Otechestvennoj-Vojny/>

6. Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941—1945 гг.: Воспоминания / Сост.: М. М. Амирханова, Л. Г. Каймаразова, Ю. М. Лысенко. Махачкала. 2015, с. 182.
7. Там же, с. 285.
8. URL: <http://Historic-Journal.Ru/Povsednevnost-Naseleniya-Tyla-V-Gody-Velikoj-Otechestvennoj-Vojny/>
9. Детство, опаленное войной..., с. 296.
10. Дагестанская правда. 1945. 18 апреля.
11. ОРС — Отдел рабочего снабжения.
12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п, оп. 1, д. 442, л. 9.
13. Дагестанская правда. 1945. 3 августа.
14. URL: <http://Historic-Journal.Ru/Povsednevnost-Naseleniya-Tyla-V-Gody-Velikoj-Otechestvennoj-Vojny/>
15. КАКАГАСАНОВ Г.И. Деятельность органов власти и управления Дагестана по приему и размещению эвакуированного населения, продовольствия и скота в 1941—1943 гг. 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу. В кн.: Материалы республиканской научной конференции. Махачкала. 2010, с. 204.
16. Детство, опаленное войной..., с. 422.
17. КАКАГАСАНОВ Г.И. Ук. соч., с. 209.
18. URL: <http://Historic-Journal.Ru/Povsednevnost-Naseleniya-Tyla-V-Gody-Velikoj-Otechestvennoj-Vojny/>
19. КАЙМАРАЗОВ Г.Ш., КЕРИМОВ И.К., КОЙСТИНЕН Г.С., МЕЛЕШКО А.Г. Ук. соч., с. 142.
20. ЦГА РД. Ф. 1-п, оп. 1, д. 6200, л. 124.

## Порядок производства в унтер-офицерские и офицерские чины в русской армии во второй половине XVIII в.

В.Н. Бенда, Н.Д. Козлов, Т.И. Сидненко, В.О. Левашко, Л.Н. Семёнова

---

*Аннотация.* В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с порядком комплектования офицерским и унтер-офицерским составом русской армии и ее артиллерийского и инженерного корпусов во второй половине XVIII в. Авторы расширяют и дополняют имеющиеся сведения и данные по данной проблеме, уточняют некоторые выводы, оценки и факты, содержащиеся в ранее опубликованных работах, вводят в научный оборот ранее не опубликованные архивные и другие источники.

*Ключевые слова:* Россия, вторая половина XVIII в., офицеры, унтер-офицеры, артиллерия, инженерные войска, кадры, комплектование.

*Abstract.* The article deals with some issues related to the order of recruitment of officers and non-commissioned officers of the Russian army and its artillery and engineering corps in the second half of the 18<sup>th</sup> century. Authors expand and supplement the available information and data on this problem, clarify some conclusions, estimates and facts contained in previously published works, introduce previously unpublished archival and other sources into scientific circulation.

*Key words:* Russia, officers, non-commissioned officers, artillery, engineering troops, personnel, recruitment.

---

В разные годы был опубликован ряд работ, в которых освещаются проблемы подготовки кадров для русской армии на протяжении XVIII в., в том числе для артиллерийского и инженерного корпусов. В первую очередь отметим работы авторских коллективов изданий «Русская военная сила»<sup>1</sup>, «Столетие военного министерства. 1802—1902. Прохождение службы по военному ведомству»<sup>2</sup>, «Столетие военного министерства. 1802—1902. Чинопроизводство по военному ведомству. Исторический очерк»<sup>3</sup>, вышедшие в конце XIX — начале XX в.; труды советских и российских историков Л.Г. Бескровного<sup>4</sup>, А.И. Каменева<sup>5</sup>, С.В. Волкова<sup>6</sup>, Ю.А. Глушко, А.А. Колесникова<sup>7</sup>, диссертационные исследования В.В. Иконова<sup>8</sup>, И.И. Белоусова<sup>9</sup>, В.Н. Бенды<sup>10</sup> и др. В указанных работах

освещены некоторые аспекты подготовки артиллерийско-инженерных кадров для русской армии и порядок прохождения ими службы во второй половине XVIII в.

Общеизвестно, что в это время военнотружущие русской армии подразделялись на четыре категории (степени): нижние чины (сегодня рядовой и сержантский состав); обер-офицерский состав (соответственно, младший офицерский состав); штаб-офицерский состав (старший офицерский состав) и генеральские чины (высший офицерский состав). Наименование военных чинов (воинских званий) в родах и видах войск русской армии было различным. Равнозначные чины в любом виде войск обладали одинаковыми правами и льготами, за исключением офицерских чинов в гвардии.

Система (название, наименование) основных воинских чинов в артиллерийском и инженерном ведомствах в рассматриваемый период представлена в табл. 1 и 2, составленных авторами на основании архивных и других источников.

Небезынтересно узнать о количестве личного состава, требовавшегося для укомплектования артиллерийского и инженерного корпусов в рассматриваемый период. Например, в конце первой половины XVIII в., согласно проекту артиллерийского штата, разработанного в 1746 г. при генерал-фельдцейхмейстере В. А. Репнине, в полевой и осадной артиллерии насчитывалось не менее 88 штаб- и обер-офицерских должностей и 117 унтер-офицерских (8 сержантов бомбардирских, 30 канонирских и 1 понтонный, а также 16 капралов бомбардирских, 60 канонирских и 2 понтонных) <sup>17</sup>.

---

*Бенда Владимир Николаевич* — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. E-mail: [bvn.1962@mail.ru](mailto:bvn.1962@mail.ru); *Козлов Николай Дмитриевич* — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. E-mail: [koznic49@yandex.ru](mailto:koznic49@yandex.ru); *Сидненко Татьяна Ивановна* — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. E-mail: [sidnenko@list.ru](mailto:sidnenko@list.ru); *Левашко Вадим Олегович* — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. E-mail: [vo-levashko@yandex.ru](mailto:vo-levashko@yandex.ru); *Семёнова Людмила Николаевна* — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. E-mail: [ln.semenova@mail.ru](mailto:ln.semenova@mail.ru).

*Benda Vladimir N.* — doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of History, Leningrad State University named after A. S. Pushkin. E-mail: [bvn.1962@mail.ru](mailto:bvn.1962@mail.ru); *Kozlov Nikolay D.* — doctor of historical sciences, professor, professor of the department of Russian history, Leningrad State University named after A. S. Pushkin. E-mail: [koznic49@yandex.ru](mailto:koznic49@yandex.ru); *Sidnenko Tatyana I.* — doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of State and municipal administration, Leningrad State University named after A. S. Pushkin. E-mail: [sidnenko@list.ru](mailto:sidnenko@list.ru); *Levashko Vadim O.* — candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of History, Leningrad State University named after A. S. Pushkin. E-mail: [vo-levashko@yandex.ru](mailto:vo-levashko@yandex.ru); *Semenova Lyudmila N.* — candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of Russian history, Pushkin Leningrad State University. E-mail: [ln.semenova@mail.ru](mailto:ln.semenova@mail.ru).

---

Штат инженерного полка, утвержденный в 1757 г., предусматривал в каждой минерной, пионерной и мастеровой роте (их было по две) по 5 обер-офицеров (всего в полку более 30 штаб- и обер-офицерских должностей) и 27 унтер-офицерских (всего на полк 167 унтер-офицерских должностей) <sup>18</sup>.

Таблица 1

**Наименование чинов артиллерийского корпуса  
в период с 1757 по 1799 г.**

<b>Наименование чинов</b>	<b>Штаты 1757 г. <sup>11</sup></b>	<b>Штаты 1763 г. <sup>12</sup></b>	<b>Штаты 1796 г. <sup>13</sup></b>
<b>Штаб-офицерский состав</b>	Полковник	Полковник	Полковник
	Подполковник	Подполковник	Подполковник
	Майор	Майор	Майор
<b>Обер-офицерский состав</b>	Капитан	Капитан	Капитан
	—	—	Штабс-капитан
	Поручик	Поручик	Поручик
	Подпоручик	Подпоручик	Подпоручик
	Штык-юнкер	Штык-юнкер	—
<b>Унтер-офицеры и рядовые</b>	Сержант	Сержант	Юнкер
	Каптенармус	Каптенармус	Фейерверкер
	Фуриер	Фуриер	Унтер-офицер
	Капрал	Капрал	Барабанщик
	Бомбардир	Бомбардир	Бомбардир
	Гантлангер	Канонир 1 разр.	Канонир
	Канонир	Канонир 2 разр.	Гантлангер
	Фузилер	Фузилер	Пионер 1 кл.
	—	—	Пионер 2 кл.
	—	—	Понтонир 1 кл.
	—	—	Понтонир 2 кл.
—	—	Минер	

Штат 1-го артиллерийского полка (1759 г.) включал 67 офицерских и 68 унтер-офицерских должностей <sup>19</sup>. Согласно штатному расписанию, утвержденному в 1763 г., в одном бомбардирском полку числилось 2 295 чел., в одном канонирском — 2 329 (соответственно, в двух канонирских — 4 658 чел.), в одном фузилерном полку — 2 330 (соответственно, в двух фузилерных — 4 660 чел.). Всего 11 613 чел. <sup>20</sup>

Офицерский состав артиллерийского корпуса насчитывал 328 офицеров, в том числе 6 полковников, 8 подполковников, 18 майоров, 62 капитана, 58 поручиков, 120 подпоручиков и 81 штык-юнкера <sup>21</sup>. Ко всему этому необходимо добавить офицерский состав гарнизонной артиллерии и арсеналов.



**Наименование чинов инженерного корпуса  
в период с 1757 по 1799 г.**

<b>Наименование чинов</b>	<b>Штаты 1757 г. <sup>14</sup></b>	<b>Штаты 1763 г. <sup>15</sup></b>	<b>Штаты 1798 г. <sup>16</sup></b>
<b>Штаб-офицерский состав</b>	Полковник	Полковник	Полковник
	Майор	Подполковник	Подполковник
	—	Майор	Майор
<b>Обер-офицерский состав</b>	Капитан	Капитан	Капитан
	Капитан-поручик	—	Штабс-капитан
	Поручик	Поручик	Поручик
	Подпоручик	Подпоручик	Подпоручик
	Прапорщик	Прапорщик	—
<b>Унтер-офицеры и рядовые</b>	Сержант	Кондуктор 1 кл.	Кондуктор 1 кл.
	Каптенармус	Кондуктор 2 кл.	Кондуктор 2 кл.
	—	—	Кондуктор 3 кл.
	Фурьер	Сержант	Цейгвартер
	Капрал	Капрал	Унтер-цейгвартер
	Минер старший	Минер 1 кл.	Вахтер
	Минер младший	Минер 2 кл.	Цейгдинер и счетчик
	Пионер	Пионер 1 кл.	Унтер-офицер для письма 1 класса
	—	Пионер 2 кл.	-//- 2 класса
	—	—	-//- 3 класса

Что касается унтер-офицерского состава, то только в двух канонирских и двух фузилерных полках в соответствии со штатами 1763 г. числилось 150 унтер-офицерских должностей, из них 40 сержантов, 10 каптенармусов, 20 фурьеров, 80 капралов <sup>22</sup>.

По состоянию на январь 1772 г. в одном бомбардирском, двух канонирских и двух фузилерных полках (в каждом из них) числились 64 обер-офицерские должности (капитан, поручик, подпоручик, штык-юнкер) и 32 обер-офицерские в других подразделениях (кадетский корпус, при понтонной роте, цейхвартеры, квартирмейстерская служба и т. д.) <sup>23</sup>

Штат инженерного корпуса, утвержденный в 1763 г., включал 70 штаб- и обер-офицерских должностей, среди которых 4 полковника, 4 подполковника, 6 майоров, 14 капитанов, 14 поручиков, 14 подпоручиков, 28 прапорщиков и 120 кондукторов 3-х классов, в каждом из кото-

рых по 40 чел. В одной минерной или пионерной роте инженерного корпуса было по 15 унтер-офицерских должностей (сержант, каптенармус, фурьер, капрал) <sup>24</sup>.

Как видно из вышеизложенного, артиллерийский и инженерный корпуса нуждались в большом количестве офицерских и унтер-офицерских кадров, особенно последней категории.

В рассматриваемый период существовали определенные принципы и правила производства в соответствующие унтер-офицерские и офицерские чины (звания), которые были установлены еще Петром Великим. При нем были определены первые устойчивые законоположения о чинопроизводстве, привлекающие внимание своей строгой, обдуманной целесообразностью, оригинальностью и отсутствием чего-либо подобно в армиях иностранных государств.

Законоположения Петра Великого о чинопроизводстве в русской армии отображены множеством его указов и других документов, но главные из них выражены в указе, направленном царем Государственной военной коллегии (ГВК) в конце января 1719 г., в котором Пётр I запретил производить в офицерские звания офицерских и дворянских детей, не служивших в гвардии солдатами. Также было определено, что повышение в звании должно производиться последовательно, чтобы «никто через чин не пожалован» был. А при наличии свободных вакансий выбор кандидата на замещение свободной должности должен был проводиться «...из двух или трех кандидатов» <sup>25</sup>.

Что касается чинопроизводства в артиллерийском и инженерном корпусах, то в указе Петра I от 7 марта 1721 г., направленном из ГВК генерал-фельдцейхмейстеру Якову Вилимовичу Брюсу, сказано: «...по именному своему великого государя указу в артиллерии как в полевой, так и в гарнизонной артиллерийских служителей производить в офицеры и повышать... по их достоинству и наукам кто в какой чин будет достоин по подлинным свидетельствам» <sup>26</sup>.

Каких-либо законодательных актов, инструкций и других документов, регламентирующих порядок комплектования армии унтер-офицерскими и офицерскими кадрами, изданных во времена правления Елизаветы Петровны, нам обнаружить не удалось.

Более определенные правила присвоения того или иного унтер-офицерского или офицерского звания (чина) были определены в начале царствования Екатерины II. Например, 8 декабря 1764 г. была издана «Инструкция пехотного полка полковнику...» <sup>27</sup> В ней, в частности, командиру полка предписывалось аттестаты на повышение в штаб- и обер-офицерские чины представлять совместно со всеми штаб-офицерами полка. Однако с их мнением командир полка мог не считаться, поскольку на него одного возлагалась ответственность за правильность выбора достойного кандидата на повышение в чине. Командир полка обязан был внимательно следить за тем, чтобы старшие и достойные военнослужащие не были обижены в карьерном росте, а недостойные и неспособные к повышению не аттестовывались <sup>28</sup>.

Командир не мог полагаться только на представление командира роты, а обязан был самолично изучить способности каждого из представленных кандидатов. Этой же инструкцией было определено, что

унтер-офицеров, не принадлежавших к дворянскому сословию, аттестовать на присвоение первого офицерского чина можно не ранее чем после 12 лет службы в унтер-офицерском чине. Преимущество в производстве в офицерские чины из унтер-офицерских кадров всегда имели дворяне <sup>29</sup>.

Производство как в первый обер-офицерский чин, так и в последующие (вышестоящие) происходило на свободные вакансии, количество которых было определено для каждого конкретного артиллерийского, инженерного или иного подразделения.

Что касается присвоения унтер-офицерского звания и первого офицерского чина унтер-офицерам, происходившим из дворян, офицерских детей и других сословий, то претендентам необходимо было выдержать экзамен и получить от всего офицерского состава полка аттестат, подтверждающий право кандидата из унтер-офицеров на присвоение первичного офицерского звания или же унтер-офицерского чина <sup>30</sup>.

Содержание одного из таких аттестатов приведено ниже. «АТТЕСТАТ. Нами нижеподписавшимися 2-го канонирского полка господина поручика Власьева сын его родной недоросль экзаменован в знании им наук и по экзаменации оказалось: читать и писать, арифметику, тригонометрию и артиллерийскую науку знает в чем и подписываемся». Далее следовали подписи офицеров и дата — 20 июля 1765 г. <sup>31</sup> К аттестату были приложены чертежи артиллерийских орудий различного типа и калибра. По всей видимости, этот сын артиллерийского офицера аттестовался на присвоение первого унтер-офицерского чина, поскольку, если бы он проходил службу, то в аттестате обязательно был бы указан его нынешний чин, как это сделано в других подобного рода документах. Например, «...бомбардирской команды сержанты... при собрании наличных господ штаб и обер-офицеров экзаменованы и показали знающими...» <sup>32</sup>

Присвоение очередного воинского звания происходило на основании старшинства в чине: тот, кто из претендентов дольше прослужил в предыдущем чине, тот и заслуживал повышения. Если же такой кандидат не «удостаивался» командованием и офицерским составом части повышения в чине, то на освободившуюся вакансию претендовал по старшинству следующий из достойных. Например, на вакансию капитана в артиллерийском или инженерном подразделении мог претендовать кто-либо из поручиков, имевший большую выслугу в этом звании и достойный повышения <sup>33</sup>. Если первый по выслуге лет поручик не заслуживал повышения в воинском звании, это право переходило к следующему по старшинству, то есть по выслуге лет, поручику.

Порядок баллотировки унтер-офицеров к производству в первый обер-офицерский чин и повышения других офицеров в чинах с соблюдением всех формальностей того времени хорошо прослеживается на примере пионерного батальона в 1782 г. В данном случае были представлены следующие документы: 1) показывающие, какие вакансии освободились; 2) формулярные списки представленных кандидатов на повышение с графами «о происхождении», «о прохождении службы», «бытность в службе» и «образование». В последней графе (образование) подробно перечислялись все сведения о научных познаниях пред-

ставленных к производству в первый офицерский чин, а также производимых в последующие; 3) «аттестат» на производимых в первый офицерский чин, подписанный всем офицерским составом батальона, и «аттестат» на офицеров, представленных к повышению чина (звания), подписанный только офицерами, старшими по званию кандидата, представленного к повышению в чине (если штык-юнкер производился в подпоручики, то аттестат подписывали все офицеры начиная с подпоручиков; если поручик производился в капитаны, то аттестат подписывали все офицеры, начиная с капитанов и т. д.) Аттестаты всегда подписывались командирами частей с пометкой, кто из кандидатов достоин повышения и кто не достоин и по каким причинам; 4) к представлению прилагался общий присяжной лист с собственноручными подписями офицеров начиная с младших.

Форма присяги в данном случае была следующего содержания (форма и стиль сохранены): «Мы, нижеподписанные обещаемся и клянемся Всемогущим Богом и пред Святым его Евангелием в том что хотим мы и должны следуемых нам чинов в достоинстве к повышению оных аттестованием свидетельствовать, не посягая ни на кого не для зависти или дружбы, ниже подарков ради — по самой сущей справедливости; в чем да поможет нам нелицемерный Судья. В заключении сего целуем слова и крест Спасителя Нашего. Аминь. Такого то числа и года»<sup>34</sup>.

Изучив архивный источник под названием «Присяга, какую надлежит в полках чинить при аттестовании к произвождению штаб и обер-офицеров»<sup>35</sup>, мы полагаем, что подобная форма присяги офицеров части или подразделения, принимавших участие в аттестации кандидатов на повышение в чине, была утверждена в феврале 1756 г. Ниже приведен полный текст указанной формы присяги (форма и стиль документа сохранены): «Я, нижепоименованный обещаюсь именем Всемогущего Бога и Пресвятого Его Животворящего Креста Спасителя что следующих к повышению аттестовать иметь по пущей справедливости не на ровня никому для дружбы и не посягая ни на кого для зависти и вражды но по самой чистой совести истинной так как я в том пред богом и его судом страшным ответ дать могу. В заключение же всей моей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь». Внизу, под подписями офицеров, всегда делалась запись примерно следующего содержания: «... вышеписанных персон к присяге привел священник... такой-то». При сравнении двух текстов присяги видно, что хотя содержание и стиль присяги образца 1782 г. изменился, смысл обоих документов остался одинаковым.

Приведем другой пример участия офицеров артиллерийского подразделения в аттестации кандидата из унтер-офицеров на присвоение первичного офицерского чина. В ноябре 1785 г. на имя генерала артиллерии И. И. Меллера поступило ходатайство о повышении в чине сержанта Рижской городской артиллерийской команды Виллима Шуленуса, сына майора артиллерии<sup>36</sup>. Ранее он не представлялся к повышению в чине, так как недостаточно изучил курс артиллерийской науки. После окончания изучения курса артиллерии начальник артиллерийской команды полковник Киль совместно с еще девятью обер-офицерами «...как полевой четвертой канонирской роты, равно и гарнизонной ар-

тиллерии» проэкзаменовали вышеуказанного сержанта в знании следующих наук: арифметики — «отвечал хорошо» (результат экзамена, указанный в экзаменационном листе); Лок. (слово в источнике отчетливо не читается, может быть, имеется в виду «внутренняя геометрия», то есть сечения и т. д.); геометрия — «знает»; план-геометрия — «знает хорошо»; штор-геометрия — «отвечал хорошо»; тригонометрия — «знает»; артиллерия — «отвечал хорошо»; рисование — «изрядно», тушевание — тоже («изрядно») <sup>37</sup>. По мнению полковника Киля и офицеров, принимавших участие в экзамене, сержант Шуленус «...по экзаменту оказался довольно в науках знающим... и к повышению чина признан достойным» <sup>38</sup>. К рапорту полковника Киля были приложены экзаменационный лист с указанными выше результатами экзамена, подписанный всеми девятью обер-офицерами артиллерии, и чертежи 24-фунтовой пушки, полупудовой гаубицы и 5-пудовой мортиры, выполненные в красках <sup>39</sup>. Кстати, в данном случае к представлению почему-то не был приложен так называемый «присяжной лист».

Никакой определенной выслуги в предыдущих чинах или соблюдения каких-либо особых условий для получения права производства в следующий офицерский чин не требовалось. Знание офицерами общеобразовательных и военно-специальных наук для их дальнейшего продвижения по службе было необязательным. Первопричиной такого положения дел в области общеобразовательной и военно-специальной подготовки офицерского состава русской армии служил уровень развития общего образования, сформировавшийся в Российской империи к началу второй половины XVIII в.

Подобные условия производства в первый и последующие офицерские чины оставались неизменными до конца царствования Елизаветы Петровны. И в период царствования Екатерины II хорошая военно-специальная теоретическая подготовка кандидатов не являлась определяющим критерием для их производства в первый и в последующие офицерские чины. Однако следует отметить, что Екатерина II, признавая несвоевременным установление высокого образовательного уровня для кандидатов на офицерские должности, принимала решительные меры по повышению общего уровня образования кадет (но не военно-специального) в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе.

Следующим шагом, теперь уже в развитии военно-специального образования, было учреждение в октябре 1762 г. Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК), где учащиеся, наряду с подготовкой по общеобразовательным дисциплинам, изучали специальные военные науки из области артиллерийского и инженерного дела и получали практические знания в этой сфере.

Главным условием производства как в первый офицерский чин, так и в последующие до штаб-офицерского включительно, была хорошая практическая подготовка по выполнению своих служебных и функциональных обязанностей и нравственный ценз, то есть согласие на повышение во всех чинах всех наличных офицеров части (старших по отношению к младшим) под присягой и закрытой баллотировкой.

Другим важным основанием для производства, особенно в первый офицерский чин, была строгая проверка прав по происхождению.

Отметим еще один важный момент. Вплоть до начала правления императора Павла I определенной системы и четкого порядка чинопроизводства в армии не существовало. В системе военного чинопроизводства во времена правления не только Елизаветы Петровны, но и Екатерины II присутствовали злоупотребления и неразбериха. Это происходило по ряду причин.

Во-первых, в частях и подразделениях армии числилась масса дворянских недорослей, которые для дальнейшего продвижения по службе должны были последовательно пройти службу в звании капрала, фурыера, каптенармуса и сержанта. Характерный пример — сын известного генерал-инженера А. П. Ганнибала (во всех архивных источниках, изученных нами, фамилия Ганнибал пишется с одним «н») Иван, который в соответствии с челобитной его отца на имя Елизаветы Петровны в феврале 1748 г. о его определении в шляхетный кадетский корпус «...написан в службу... в прошлом 1743 г. в Ревельский гарнизон где и ныне сержантом обретается... и от роду ему 11 лет...»<sup>40</sup>

Во-вторых, на освободившиеся вакансии могли претендовать только офицеры, находившиеся в расположении части. Все офицеры, которые находились в других местах по причине их откомандирования в силу служебной надобности, в баллотировании на замещение вышестоящей освободившейся офицерской вакансии не участвовали, несмотря на то что и по выслуге лет, и по своим достоинствам заслуживали повышения в воинском звании (чине) больше других кандидатов. Между прочим, в командировках всегда находилось большое количество офицеров. Особенно это было характерно для инженерных и артиллерийских подразделений. Такие офицеры, считая себя обиженными, предъявляли свое старшинство и требовали восстановления справедливости. Их производили в вышестоящие чины сверх комплекта, что вносило еще большую путаницу в систему чинопроизводства.

В-третьих, присутствовали злоупотребления старших начальников при производстве в вышестоящие чины родственников, знакомых и т. п. Так, 9 июня 1745 г. был издан, если можно так выразиться, разгромный именной указ Елизаветы Петровны «О порядке производства генеральских адъютантов в следующие чины», данный ГВК, в котором говорилось, что Елизавета Петровна с возмущением восприняла факты незаслуженного повышения в чинах адъютантов, состоящих при генералах. Тем более что такие повышения были произведены в нарушение требований ее устного указа, данного 29 ноября 1742 г. в Военной коллегии ее президенту — генерал-фельдмаршалу В. В. Долгорукову. Для повышения в чине генеральские адъютанты должны были прослужить в этой должности не менее 10 лет. Императрица потребовала всех адъютантов, незаслуженно и в нарушение ее указа повышенных в чинах, то есть не прослуживших 10 лет, вернуть в прежние чины для достижения определенной выслуги<sup>41</sup>. При императрице Екатерине II этот срок был уменьшен до шести лет, а в 1817 г. окончательно отменен.

С сыновьями А. П. Ганнибала — Осипом и Петром — связан и другой типичный пример, показывающий злоупотребления, которые допускались при производстве в следующий чин. Напомним, что они в соответствии с указом императрицы Елизаветы Петровны из Прави-

тельствующего Сената от 15 июня 1752 г. были определены в Санкт-Петербургскую артиллерийскую школу в ученики<sup>42</sup>. Мы изучили челобитную преподавателя механики Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса поручика Якова Козельского, поданную им на имя императрицы Екатерины II<sup>43</sup>. Суть документа заключалась в том, что Я. Козельский просил императрицу устранить несправедливость, произошедшую по отношению к нему и связанную с дальнейшим повышением в чинах. В своей челобитной Козельский писал, что упомянутые Пётр и Осип Ганнибалы были прежде него повышены в чинах, несмотря на то что этого и не заслуживали. Как уже было отмечено выше, свою челобитную Яков Козельский подал в ноябре 1763 г. Изученные нами другие архивные источники позволяют утверждать, что ходатайство Козельского в силу его обоснованности и справедливости было удовлетворено императрицей 25 мая 1764 г. Я. Козельскому был присвоен чин капитана артиллерии<sup>44</sup>.

На основании изложенного выше можно утверждать, что в основе повышения военнослужащих русской армии по иерархической служебной лестнице во времена правления Елизаветы Петровны и Екатерины II лежал принцип личного происхождения.

Стремясь к однообразию офицерского состава и поддержанию его высокого нравственного уровня, Екатерина II считала необходимым по возможности ограничить доступ в офицерскую среду лицам не дворянского происхождения. Какое значение придавалось личному происхождению будущих унтер-офицеров и офицеров еще на этапе их поступления на военную службу и в военно-учебные заведения, можно судить по приведенным ниже примерам.

В конце мая 1775 г. указом Екатерины II из Правительствующего Сената (ПС) в ГVK было определено, чтобы недоросли, определяемые для службы в полки, представляли справки «о дворянстве от герольдии»<sup>45</sup>. Более того, от кандидатов для зачисления на службу в полки требовалось, чтобы так называемые справки о дворянстве подтверждались следующими данными (стиль и орфография документа сохранены): «...1) Родословная в которой по крайней мере фамилия была доведена до деда, прописаны службы каждого предка. 2) О произведении и от показанных предков засвидетельствованы от однородцев, или кто бы и обер-офицеров. 3) Показывать имели кто какие жалованные грамоты от государей с которых и копии с засвидетельствованием прилагать. 4) За кем есть деревни или земли прописывать где оные и как они до писцовой книги доходили. 5) Ежели кто не из дворян ктоб и обер-офицерских детей недоросли просить будут определения в полки в военную службу, то таковым сверх предьявляемого о сем засвидетельствовании от посторонних представлять данные на чины отцов и патенты...»<sup>46</sup> В октябре 1787 г. императрицей было издано постановление, которым определялось, что в капралы и унтер-офицеры гвардии производились лишь только одни дворяне и то при условии, что ими будут представлены достоверные свидетельства о дворянском происхождении<sup>47</sup>.

Строго отслеживалось происхождение учащихся Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса, в том числе желавших поступить в него. Напомним, что АИШКК был учрежден на базе Обь-

единенной артиллерийской и инженерной дворянской школы, действовавшей с 1758 г. Весь личный состав учащихся указанной школы был автоматически зачислен в штаты вновь образованного АИШКК. Однако вскоре по решению генерал-фельдцейхмейстера А. Вильбоа те кадеты, которые не представили подлинных доказательств своего дворянского происхождения, были назначены в «школу художеств» (солдатскую роту), действовавшую при АИШКК, в которой обучались дети не дворянского сословия. Представленный в табл. 3 именной список таких кадет весьма любопытен, так как поясняет некоторые обстоятельства зачисления в объединенную артиллерийскую и инженерную дворянскую школу и дает информацию об их родословной (происхождении).

Таблица 3

**Именной список находящихся в АИШКК  
в числе дворян-кадет, которые, за неимением подлинных  
доказательств об их дворянстве, назначены в школу художеств <sup>48</sup>  
(орфография и стиль документа сохранены)**

<b>Об оных от его высокопревосходительства писано Правительствующего Сената в герольдмейстерскую контору</b>	
Семен Облеухов	По ордеру графа Шувалова велено генерал-лейтенанту и кавалеру Глебову бывшего при кабинете Ея Императорского Величества копииста Александра, да недоросля Семена Облеухова освидетельствовать в науках куда и каким чином способны явятся определением по экзамену, из которых Семен пожалован капралом и отослан в бывшую артиллерийскую школу для обучения наук в 1759 г. 3 февраля. А сказкою показал, что отец его был кабинета регистратором
Прохор Голечеников	По предложению артиллерии генерал-лейтенанта и кавалера Глебова 1760 г. 10 апреля в силу данного ему от графа Шувалова ордера, велено его причислить в школу капралом. Именованный же в том предложении недорослем а из дворян или офицерских детей не упомянуто
Пётр Выезжий	По справке канцелярии главной артиллерии и фортификации значится в промемории правительствующего сената в 1755 г. 9 июля в оной канцелярии на требование определения инженерного корпуса кондуктора Выезжого сына его Петра Выезжого в инженерные ученики
Фёдор Соколов	По прошению отца его архитектора гезеля Савелия Соколова определен графом Шуваловым в инженерные ученики в 1759 г. 10 марта. Отец его сказкою показал, что родился сын его будучи архитектуры гезеля рангу прапорщичьего в 1749 г.



<b>Об оных надлежит писать в гетманскую канцелярию</b>	
Дмитрий Вольховский	Определился в бывшую школу в 1758 г., а сказкой объявил, что отец его в малороссийских полках службу продолжает сотником из шляхетства
Пётр Мешанко	По ордеру графа Шувалова данного генерал-инженеру Ганнибалу от него, по таковому в бывшую инженерную школу показано малороссийского полтавского полка знакового товарища сын определен в 1758 г. 10 марта
<b>Об оных писать от его высокопревосходительства в Оренбург</b>	
Василий Лобанов Андрей Лобанов Алексей Кузнецов Фёдор Кузнецов Яков Шепиской Фёдор Спижарный Пётр Гасвицкий Константин Маркарский	Оные определены были в бывшую здесь дворянскую школу в прошлом 1760 г. по ордеру покойного генерал-фельдцейхмейстера графа Шувалова. При определении их при том ордере из каких чинов кто есть, из дворян или кто и офицерских детей формулярного списку не сообщено. А по данными ими скасками показывают некоторые из дворян, а другие из обер-офицерских детей

Кстати, быстрее всего (4 сентября 1763 г.) был получен ответ из Оренбурга от генерал-майора Этныгера с подтверждением тех сведений о своем происхождении, которые были показаны кадетами родом из Оренбургской губернии <sup>49</sup>.

Нами изучены некоторые другие архивные источники, демонстрирующие, каким образом подтверждалось дворянское происхождение «недорослей», желавших поступить для обучения в АИШКК. Содержание одного из таких источников мы приводим полностью <sup>50</sup>: «Я, нижеподписавшийся засвидетельствую, что означенный недоросль Александр Неелов подлинно из дворян коему родословная его прилагается. Подпись: Действительный тайный советник, сенатор и кавалер... такой-то». Родословная Александра Неелова выглядела следующим образом: 1) прадед Константин в службе находился в Новгородском архиерейском доме дворянином; 2) его сын Тимофей в службе находился по именному указу от Новгородских дворцовых вотчин — стражник; 3) сын Тимофея Никита в службе находился в Его Величества главной дворцовой канцелярии комиссаром; 4) Александр — проситель.

Ниже приведенные данные, составленные на основе изучения архивных источников и характеризующие социальный состав 132 кадет, состоявших в штате АИШКК, и 40 кадет, числившихся в кадетском корпусе сверх комплекта по состоянию на сентябрь 1774 г. <sup>51</sup>, являются еще одним доказательством тезиса о важности для военной карьеры фактора личного происхождения военнослужащего.

Происхождение комплектных (штатных) кадет: из дворян — 80 чел.; из лифляндских дворян — 12; артиллерии генерал-поручика сыны — 2 (Карл Меллер и Иван Меллер); штаб-офицерские сыны — 2; артилле-

рии подполковника сын — 1; докторские сыны — 2; из померанских дворян — 2; генерал-майорский сын — 1; прусской нации из шляхетства — 1; обер-офицерские сыновья — 5; подполковничий сын — 1; статского советника сын — 1; сыновья поручиков — 4; прапорщика сын — 1; артиллерии капитана сын — 1; титулярных советников сыновья — 3; секретарский сын — 1; лекарский сын — 1; коллежских асессоров сыновья — 2; надворного советника сын — 1; капитанские сыновья — 3; придворного аптекаря сын — 1; полковничий сын — 1; из малороссийского шляхетства — 1; из саксонских дворян — 2. Происхождение сверхкомплектных (заштатных) кадет <sup>52</sup>: из дворян — 21 чел.; из лифляндских дворян — 2; полковника сын — 1; майорские сыновья — 3; секунд-майора сын — 1; капитанские сыновья — 2; титулярного советника дети — 2 брата; камергерский сын — 1; статского советника сын — 1; надворного советника сын — 1; из смоленского шляхетства — 3; коллежского асессора сын — 1 и один без указания происхождения — Карл фон Баэр.

Таким образом, основные петровские положения по комплектованию армии офицерским составом, одним из которых был принцип баллотировки, оставались практически без изменений на протяжении всего XVIII в. Положение баллотировки на этапе присвоения первого офицерского и первого штаб-офицерского чина было более чем справедливым и в какой-то степени предотвращало возможные злоупотребления командиров и начальников в процессе чинопроизводства их подчиненных. Эти положения временно были нарушены только во времена Миниха, когда генералитету были предоставлены права на производство в тот или иной унтер-офицерский или офицерский чин по своему усмотрению или желанию <sup>53</sup>.

Главные черты военного чинопроизводства, установленные Петром Великим, оставаясь в нашей армии без изменений на протяжении всего XVIII столетия, лишь дополнялись некоторыми законами и инструкциями для предотвращения злоупотреблений командиров и начальников, возникавших в силу разных причин в процессе чинопроизводства их подчиненных. В частности, об указе Елизаветы Петровны, устанавливавшей обязательную десятилетнюю выслугу адъютантов, и «полковничьей инструкции», утвержденной в 1764 г., мы говорили выше.

Право утверждения в новых чинах вплоть до подполковника было предоставлено фельдмаршалам. Генерал-аншефы или полные генералы пользовались правом утверждения чинов до капитанского включительно. И тем и другим предписывалось докладывать о всех случаях утверждения ими военнослужащих в новых чинах в ГВК, которая и выдавала патенты на эти чины. Производство в чин полковника и в генеральские звания происходило только по указу самого императора (императрицы).

#### *Примечания*

1. Русская военная сила: Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней. Вып. VII. М. 1890, с. 123—225.

2. Столетие военного министерства. 1802—1902. Главный штаб: Исторический очерк. Комплектование Вооруженных сил в России до 1802 г. Ч. I. Кн. 1. СПб. 1902.
3. Столетие военного министерства. 1802—1902. Главный штаб. Чинопроизводство по военному ведомству: Исторический очерк. Кн. 1. СПб. 1912.
4. БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М. 1958.
5. КАМЕНЕВ А. И. История подготовки офицерских кадров в России. М. 1990.
6. ВОЛКОВ С. В. Русский офицерский корпус. М. 1993.
7. ГАЛУШКО Ю. А., КОЛЕСНИКОВ А. А. Школа российского офицерства: Исторический справочник. М. 1993.
8. ИЗОНОВ В. В. Подготовка военных кадров в России: XIX — начало XX вв.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб. 1998.
9. БЕЛОУСОВ И. И. Кадровая политика Российского государства в армии и на флоте в XVIII веке: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 2008.
10. БЕНДА В. Н. Развитие артиллерии и инженерного дела и подготовка артиллерийских и инженерных кадров в постпетровский период XVIII века (на материалах Санкт-Петербурга и Москвы): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб. 2018.
11. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). Собр. 1. Т. 43. Ч. I. Книга штатов: Ч. 1. Штаты военно-сухопутные (1711—1800): 1711—1762. СПб. 1830, с. 330—331.
12. Там же, с. 21—23.
13. Там же, с. 73—77.
14. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2, оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера), д. 4785а, л. 6—7.
15. Там же, л. 7об. — 9об.
16. Там же, оп. Сборная, д. 3388, л. 1—1об.
17. Там же, оп. ШГФ, д. 1147, л. 34.
18. Там же, д. 4785а, л. 6—7.
19. Там же, д. 1015, л. 712об.
20. Там же, оп. Сборная, д. 3359, л. 21—47.
21. Там же, оп. ШГФ, д. 2289, л. 281—288.
22. ПСЗ. Собр. — 1. Т. 43: Книга штатов, с. 23.
23. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2, оп. КО (Командное отделение), д. 197, л. 21—26об.
24. ПСЗ. Собр. — 1. Т. 43: Книга штатов, с. 18—19.
25. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2, оп. 1 (Приказ артиллерии), д. 241, л. 19.
26. Там же, оп. ШГФ, д. 971, л. 5.
27. ПСЗ. Собр. — 1. Т. 16 (28 июня 1762—1764). СПб. 1830, с. 972—999.
28. Там же, с. 973.
29. Там же.
30. Русская военная сила... Вып. VII, с. 131, 137.
31. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1684, л. 325.
32. Там же, д. 2480, л. 2.
33. Столетие военного министерства. 1802—1902. Главный штаб. Чинопроизводство по военному ведомству..., с. 6.
34. МАСЛОВСКИЙ Д. Ф. Примечания и приложения к запискам по истории военного искусства в России. Царствование Екатерины II. Вып. 2. СПб. 1894, с. 10.
35. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 984, л. 527.
36. Там же, д. 2452, л. 1.
37. Там же, л. 2.
38. Там же, л. 1.
39. Там же, л. 4—6.
40. Там же, д. 952, л. 282—282об.
41. ПСЗ. Собр. — 1. Т. 12 (1744—1748). СПб. 1830, с. 398.
42. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2, оп. Генеральное Повытье, д. 41, л. 52.
43. Там же, оп. ШГФ, д. 1596, л. 187—188об.
44. Там же, д. 1848, л. 10об. — 11.
45. Там же, оп. Генеральное Повытье, д. 992, л. 2.

46. Там же.
47. ПСЗ. Собр. 1. Т. 22 (1784—1788). СПб. 1830, с. 945.
48. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1596, л. 47—48.
49. Там же, л. 121.
50. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 315, оп. 1, т. 3, д. 4194, л. 310.
51. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1855, л. 2об. —25.
52. Там же, л. 22об. —25.
53. МАСЛОВСКИЙ Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. II. СПб. 1894, с. 44—45.

# История неизвестных музеев Петербурга начала XX в. по материалам первоисточников и архивных документов

М. В. Девейкис

---

*Аннотация.* В статье впервые вводятся в научный оборот материалы по истории не сохранившихся Музея великой войны и Музея Дальнего Востока в Петербурге. Прослеживается история их создания, описываются коллекции и взаимодействие с государственными органами власти того времени. При исследовании использовались принцип историзма и метод периодизации.

*Ключевые слова:* история музеев, Петербург, архивные источники, музейные коллекции.

*Abstract.* For the first time the article introduces materials on the history of the Great War Museum and the Museum of the Far East in St. Petersburg, which have not been preserved, into scientific circulation. The history of their creation is traced, collections and interaction with state authorities of that time are described. The research used the principles of historicism and the method of periodization.

*Key words:* history of museums, Saint Petersburg, archival sources, museum collections.

---

К 1917 г. в Петербурге функционировал 51 музей. Это цифра всех энциклопедий Петербурга-Ленинграда, а также Российской музейной энциклопедии<sup>1</sup>. Мы определили все эти музеи, и в соответствии с предлагаемыми этапами императорского периода статистика возникновения музеев выглядит следующим образом.

I этап (1714—1796) — 6 музеев: Кунсткамера, Музей 1-го Кадетского корпуса, Достопамятный зал, музей Академии художеств, Эрмитаж, музей Горного училища.

II этап (1796—1855) — 11 музеев. Это «Морской музеум», музей Института Корпуса инженеров путей сообщения, Азиатский музей, Ботанический музей, Египетский музей, Нумизматический музей, Зоологический музей, Минералогический музей, Этнографический музей, Румянцевский музей, Музей фарфоровых изделий.

---

*Девейкис Марина Викторовна* — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: [deveykis@bk.ru](mailto:deveykis@bk.ru).

*Deveykis Marina V.* — postgraduate student, Institute of History of Saint Petersburg University. E-mail: [deveykis@bk.ru](mailto:deveykis@bk.ru).

---

III этап (1855—1894) — 13 музеев: Конюшенный музей, Императорский Сельскохозяйственный музей, Педагогический музей военно-учебных заведений, Интендантский музей, Художественно-промышленный музей, Музей прикладных знаний, Телеграфный музей, Церковно-археологический музей, Пушкинский музей, Лермонтовский музей, музей Русского археологического общества, Мясной музей, Музей пчеловодства.

IV этап (1894—1917) — 21 музей. Это Подвижной музей наглядных учебных пособий, Музей сравнительной экологической морфологии животных, Музей спасения на водах, Музей М.И. Глинки, Музей барона А.Л. Штиглица, Музей Н.И. Пирогова, Русский музей, Музыкальный музей, Музей А.Г. Рубинштейна, Музей Николая I, Музей А.В. Суворова, Музей почвоведения, Пушкинский дом, Кустарный музей, Музей Старого Петербурга, Музей трезвости, Музей изобретений и усовершенствований, Музей князя Михаила Николаевича, Музей Л.Н. Толстого, Музей Д.И. Менделеева, Еврейский музей.

Однако в результате изучения опубликованных источников и архивных материалов по Петербургу эпохи правления Николая II (1894—1917) — фондов Городской управы, Городской думы, Канцелярии градоначальника, фондов промышленных предприятий, Научного образования, Петербургских университетов, фондов различных обществ — нами были выявлены еще два музея, которые были созданы и функционировали в этот период и о которых нет информации в современной литературе. Это Музей великой войны и Музей Дальнего Востока.

В коллективной монографии «Музейное дело в России», созданной музеоведами двух крупных научных центров Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (АПРИКТ) и Российского института культурологии (РИК), отмечается: «Многочисленные музейные проекты начала XX в., инициированные как правительством, так и общественностью, остались нереализованными. Не удалось создать Центральный военно-исторический музей и Музей великой войны в Петрограде»<sup>2</sup>. Тем не менее, как выяснилось в результате исследования источников, все-таки удалось. Восстановим историю этого музея на основе обнаруженных нами документов. Предложения о коммеморации Первой мировой войны стали поступать с 1914 г., а уже в 1915 г. начался сбор трофеев и документов о войне. Сбором материалов занимались специальные трофейные комиссии и общественные организации. Общество ревнителей военной истории организовало Выставку войны и трофеев.

Первая статья о музее в журнале «Исторический вестник» была посвящена описанию предварительных работ по созданию музея. «По закрытии выставки войны и трофеев, устроенной минувшим летом императорским обществом ревнителей истории и прошедшей с выдающимся успехом — материальным и духовным, — было преступлено, согласно постановлению общего собрания общества от 30-го сентября 1915 г. к сбору материалов для устройства постоянного в Петрограде Музея великой войны при императорском обществе ревнителей истории. В настоящее время количество поступивших в музей предметов делает возможным и даже обязательным предоставить собранные материалы общему обозрению, и с этой целью совет общества снял с 1-го июля

1916 г. дом-особняк в Петрограде по 12-й линии В.О. № 47, где и будет помещаться музей, а также будут отныне происходить общие собрания и доклады общества. Этот музей явится первым по времени учреждения музеем войны, и в его успехе естественно заинтересован каждый член нашего общества. Поэтому представляется крайне желательным посильное участие — духовное и материальное — каждого члена общества в его устройстве и оборудовании тем более, что для столь важного и большого предприятия в распоряжении совета общества имеются лишь ограниченные средства. Для достижения наибольшей полноты и успеха музея совет обращается с покорнейшей просьбою не отказать пожертвовать в музей всякого рода предметы, документы, фотографии, рисунки, печатные произведения и проч., связанные с войной, или внести на оборудование музея денежное пожертвование в любом размере. Всю корреспонденцию и пожертвования надлежит направлять по адресу М.К. Соколовского: Петроград, В.О., 10 линия, 23, телеф. 183—46»<sup>3</sup>.

Следующая обнаруженная статья об этом музее была опубликована в журнале «Летопись войны 1914—1915—1916 гг.», где уже говорится об открытии и освящении музея войны в Петрограде. «9-го октября на Вас. Остр., по 12-й линии, в особняке под № 17, состоялось освящение и открытие музея великой войны, устраиваемого Императорским обществом ревнителей истории. В здании музея собрались члены общества, представители городского общественного управления, представители художественного мира и другие. Преосвященным Анастасием, епископом ямбургским, было совершено молебствие с провозглашением Царского многолетия и многолетия Августейшему Почетному Председателю Императорского общества ревнителей истории Великому Князю Николаю Михайловичу и председателю общества герцогу Г.Н. Лейхтенбергскому. После окропления св. водой всех помещений музея, расположенного в двух этажах, все присутствовавшие на торжестве заняли места в зале. И. об. председателя Императорского общества ревнителей истории М.К. Соколовский ознакомил присутствовавших с возникновением музея, причем в своей речи сообщил о Высочайшей милости, дарованной нарождающемуся музею, о которой он получил от начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, генерал-адъютанта Алексева, следующее сообщение: “Государь Император, 4-го сего октября, соизволил музей Императорского общества ревнителей истории именовать впредь «Императорским Петроградским музеем великой войны Имени Его Императорского Величества Наследника Цесаревича”. Сообщая о таковой Высочайшей милости, М.К. Соколовский предложил отправить Государю Императору всеподданнейшую телеграмму с выражением верноподданнических чувств и провозгласил Его Императорскому Величеству “ура”. Дружное “ура” огласило зал. Далее М.К. прочел телеграммы, полученные по случаю открытия музея: от председателя общества герцога Г.Н. Лейхтенбергского, от управляющего министерством внутренних дел и от начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. Музей расположен в двухэтажном особняке, приобретенном обществом в аренду. Он состоит пока из пяти отделов. Первый отдел, которым заведует М.К. Соколовский, — военнотехнический и ручного оружия; второй отдел — снаряжения и обмундирования, им заведует С.К. Хитрово; третий отдел, заключающий собрание

документов, плакатов и печати, находится в ведении ученого секретаря общества Т.О. Соколовской; четвертый — собрание неприятельских знамен в оригиналах и рисунках, отделом заведует капитан 1-го ранга Белавенец, и пятый отдел, отведенный путям сообщения, находится в ведении Е.А. Генрици. <...> Между собранными предметами обращает на себя особое внимание искусно сделанная чинами саперного батальона модель германской позиции с блиндажами, окопами, проволочными заграждениями, наблюдательной вышкой и проч., а также взятая нашими войсками в Германии доска, находившаяся на доме, где имел пребывание в 1813 г. Император Александр I, на которой немцы называют Императора “Освободителем Европы”. На дворе музея выставлены: привезенная из Галиции в разобранном виде и вновь собранная часовня, аэропланы, орудия и проч. По окончании заседания музей был объявлен открытым, и присутствовавшие подробно ознакомились со всеми его отделами»<sup>4</sup>.

Далее излагаются сведения о работе и функциях музея, полученные в ходе изучения архивных документов. Так, представлен счет типографии «Северная печатня», в соответствии с которым изготовлено и доставлено музею «30.000 шт. билетов Императорского музея имени Наследника Цесаревича, 300 шт. афиш большого формата, 1.000 шт. афиш меньш. формата, 600 шт. программ»<sup>5</sup>, а также 1 000 шт. каталога Музея Великой войны при Императорском обществе ревнителей истории<sup>6</sup>.

«Музей хотя и не работает на оборону, но имеет огромное значение для воспитания духа в тылу армии; музей открыт ежедневно с 11 час. до 7 и по праздникам до 8 час. вечера»<sup>7</sup>. Важно отметить, что кроме названных выше отделов, планировалось создание еще одного — «Школа и народное просвещение». Приведем приблизительный перечень его экспонатов:

1. Ученические сочинения на заданные темы о войне.
2. Ученические журналы, стихотворения и рисунки, связанные с войной.
3. Наблюдения педагогического персонала над учащимися; свидетельства отношения учащихся к русской истории и немецкому языку.
4. Участие в благотворительности. Однодневные благотворительные газеты и значки.
5. Программы патриотических и вокально-музыкальных вечеров в учебном заведении; объявления и отзывы о них в местных газетах.
6. Оружие и снаряды, случайно полученные из армии. Благодарственные открытки из армии за подарки.
7. Побег учеников на фронт. Их рассказы.
8. Различные предметы и документы, связанные с войной<sup>8</sup>.

В 1916 г. был опубликован каталог отдела путей сообщения Музея великой войны. Он был составлен заведующим отделом Е.А. Генрици и имел следующие разделы: предметы, карты, планы документы и т.д. из Восточной Пруссии, Галиции и Буковины (пруссский военный флаг; герб, снятый с австрийского парохода «Граф Андрей Потоцкий», взятого русскими войсками в 1914 г. в Галиче; подробная карта Пруссских железных дорог и многое другое); обмундирование (фуражка почтового чиновника Пруссских железных дорог, мундиры австрийских железнодорожных служащих); правила, инструкции, технические условия, альбомы и прочее



(технические условия сооружения и эксплуатации Прусских железных дорог); разрушенные сооружения в пределах Галиции (схема разрушенных мостов в Галиции); обстрел сооружений и разрушения (три пули и оболочка бомбы с германского аэроплана, осколок снаряда, германская неразорвавшаяся граната); фотографические снимки (общий вид сгоревшего поселка при станции Броды, германские окопы, русские окопы на линии Ораны-Сувалки); распоряжения Правительства по Министерству путей сообщения местных властей и пр. (указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения; указатель законов и распоряжений за период всемирной войны); санитарные устройства, свидетельства попечения о больных и раненых и о семьях пострадавших от военных действий (плакат о сборе 22 сентября 1914 г. Главного комитета при Ведомстве путей сообщения пожертвований в пользу пострадавших от войны); благодарственные письма; документы о труде военнопленных, перевозке беженцев; предметы обороны и железнодорожное оборудование (два корпуса мины, восемь снимков производства ручных гранат); статьи и другие материалы (французская полевая открытка, статья «Германские железные дороги и война» из газеты «Рязанская жизнь») <sup>9</sup>. Всего в каталоге представлено 388 наименований экспонатов. Примечательно, что указывается, кем они были переданы в музей: Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог, инженерами Е. А. Генрици, П. Н. Верховским, В. П. Некрасовым и т. д. Таким образом, данные, представленные в первоисточниках и архивных материалах, свидетельствуют, что в начале XX в. в городе функционировал еще один музей.

Музей Дальнего Востока заинтересовал нас на начальной стадии исследования. Просматривая и изучая все без исключения музеи Петербурга дореволюционного периода, работая с периодической печатью, справочниками того времени, в частности «Петербург и его жизнь», мы натолкнулись на следующую информацию: «Музей Дальнего Востока. Литейный 60. Открыт от 1—3 ч. Плата за вход 1 р.» <sup>10</sup> Учитывая, что вход в большинство музеев (Эрмитаж, Русский музей, Музей бар. Штиглица, Императорский сельскохозяйственный музей) был бесплатным, лишь в Зоологический и Музей Николая I входная плата составляла, соответственно, 30 и 25 коп., было интересно узнать подробнее о его деятельности, но никакой информации по данному адресу и музею найти не удалось. Однако, работая с архивными материалами по музеям эпохи Николая II, мы обнаружили дело <sup>11</sup>, содержащее сведения о нем.

Разрешение на открытие Музея Дальнего Востока было дано санкт-петербургским градоначальником 1 марта 1907 г. Создателем музея был зоолог, этнограф Врядий Вячеслав Пантелеймонович. В основу собрания музея вошла научная, главным образом этнографическая, коллекция, привезенная им из путешествия 1898—1900 гг. по Азии: Манчжурия, Китай, Япония, Южно-Уссурийский край и Сибирь. «За период двухлетнего путешествия с научными целями по Азии — помимо дневников, записок, метеорологических данных и статистических материалов — было собрано до 4000 научных коллекций по зоологии, ботанике, почвоведению, геологии, китайской медицине и этнографии и сделано свыше 1000 фотографических негативов» <sup>12</sup>. 9 апреля 1905 г. в письме из Министерства императорского двора читаем: «Канцелярия по приказанию Министра

Императорского двора считает долгом уведомить В.П. Вradiя, что за доставленные им, для поднесения Государю Императору, список научных и литературных сочинений, а равно некоторых брошюр, составленных им после двухлетнего пребывания на Дальнем Востоке, повелено благодарить его <...> от Высочайшего его Величества Имени»<sup>13</sup>.

В письме министру внутренних дел от 22 декабря 1907 г. В.П. Вradiй писал, что «важность основания в С. Петербурге научного “Музея Дальнего Востока” очевидна. Мои коллекции послужат этому началом. Музей будет постоянно пополняться из года в год и представлять полезное к познанию всего Дальнего Востока учреждение»<sup>14</sup>. Далее он сообщил, что средств у музея недостаточно, нужны плата за помещение, лабораторная посуда, витрины, составление и печатание каталога и пр.<sup>15</sup>

В переписке с Департаментом общих дел Министерства внутренних дел Санкт-Петербургский градоначальник 21 февраля 1908 г. указывал, что имеет честь «уведомить Департамент Общих дел, что неблагоприятных в нравственном и политическом отношении сведений о личном почетном гражданине Вячеславе Пантелеймоновиче Вradiй, равно сведений о судимости в делах моего Управления не имеется. Вradiй занимает в доме № 56 по Каменноостровскому проспекту квартиру, состоящую из 3 комнат, в которых помещаются его коллекции по зоологии, ботанике, почвоведению, геологии и др., а также фотографические негативы инородцев Дальнего Востока»<sup>16</sup>.

Вице-директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел в письме Вradiю от 24 марта 1908 г. просит его «пожаловать для личных переговоров со мною по делу об устройстве Вами музея, в один из ближайших дней в здании Д-та Общих дел»<sup>17</sup>.

Зоолог В.П. Вradiй обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о разрешении ему повсеместного сбора пожертвований на устройство музея и на продолжение и развитие его научных трудов. «По сему поводу г. Вradiй был приглашен в Департамент Общих дел, где ему было указано, что ему единолично едва ли будет разрешен повсеместный сбор пожертвований на усовершенствование и развитие уже открытого им “Музея Дальнего Востока” и не пожелает ли он, с передачей своих коллекций, вступить в соглашение с одним из существующих учреждений, из числа посвятивших себя изучению Сибири, например Императорским Географическим Обществом, Императорским Этнографическим Музеем, Обществом Востоковедения и проч. На это г. Вradiй ответил, что он предпочел бы продолжать свои научные занятия самостоятельно и при жизни быть полным хозяином своего Музея; вместе с тем он просил отложить окончательное разрешение его ходатайства. В настоящее время от г. Вradiя поступило дополнительное сообщение (письмо), в котором он просит выдать ему только удостоверение в том, что Министерство Внутренних Дел не имеет ничего против сбора им пожертвований для осуществления создаваемого Музея Дальнего Востока и вообще сочувственно относится к идее основания означенного Музея»<sup>18</sup>.

Департамент общих дел 31 мая 1908 г. в письме редактору-издателю журнала «Сибирская мысль» В.П. Вradiю на прошение о разрешении ему повсеместного сбора пожертвований на усовершенствование и развитие Музея Дальнего Востока ответил отказом. «Министерство Внутренних

дел, относясь вполне сочувственно к идее учреждения означенного музея, тем не менее не признало возможным разрешить повсеместный сбор пожертвований», — писал вице-директор К. Веймарн<sup>19</sup>.

Приведенные данные подтверждают, что Музей Дальнего Востока в Петербурге был организован и функционировал. Безусловно, история воссоздания этого уникального музея не закончена и требует дальнейшего изучения как автором исследования, так и другими специалистами.

### *Примечания*

1. Российская музейная энциклопедия. М. 2001. Т. 2, с. 88.
2. Музейное дело в России. М. 2010, с. 129.
3. Выставка войны и трофеев. — Исторический вестник. Т. CXLVI. 1916, с. 267.
4. Освящение и открытие Музея войны в Петрограде. — Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916, № 114, с. 1823—1824.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2168, Общество ревнителей истории, оп. 1, д. 19. Денежный отчет и приходо-расходные документы музея великой войны, ч. 1, л. 73.
6. Там же, л. 73об.
7. ЦГИА СПб. Ф. 2168, Общество ревнителей истории, оп. 1, д. 18. Положение комиссии по организации и устройству народного военно-исторического музея, объявления об открытии музея «Великой войны и революции», л. 21.
8. Там же, л. 3.
9. Музей великой войны при Императорском Обществе ревнителей истории. Отдел путей сообщения. Петроград. 1916.
10. Петербург и его жизнь. СПб. 1914, с. 327.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284, Департамент общих дел МВД, оп. 187, д. 212. Музей Дальнего Востока в Петербурге 1907 год.
12. РГИА. Ф. 1284, оп. 187, д. 212, л. 4.
13. Там же, л. 3.
14. Там же, л. 2.
15. Там же, л. 1.
16. Там же, л. 6.
17. Там же, л. 7.
18. Там же, л. 15—15об.
19. Там же, л. 16.

# И. И. Чайковский и Русское общество пароходства и торговли

М. Н. Барышников

---

*Аннотация.* История Русского общества пароходства и торговли иллюстрирует некоторые проблемы, связанные с особенностями участия И. И. Чайковского в деятельности крупнейшей компании судоходной отрасли. Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть историю изменения межличностных отношений в руководстве фирмой в свете их возможных экономических последствий и выявить связь между соблюдением корпоративных норм и деловым поведением Чайковского в 1884—1912 гг. Неоднозначные отношения между Чайковским и собственниками транспортного бизнеса, а также с руководством компании частично объясняются межличностными конфликтами.

*Ключевые слова:* И. И. Чайковский, бизнес, корпорация, судоходство, управление, акционеры, Ближний Восток, паломничество.

*Abstract.* The history of Russian steam navigation and trading company illustrates some of the problems associated with I. I. Tchaikovsky's features of participation in the activities of the largest company in a shipping industry. This article has two aims. First, it reviews the history of shifting interpersonal relationships in the management of firm in the light of their possible economic effects. Second, it examines the link between corporate norms enforcement and Tchaikovsky's business conduct for the years 1884—1912. The ambiguous relationships between Tchaikovsky and the transport business owners, and with the company management, are partly explained by the underlying interpersonal conflicts.

*Key words:* I. I. Tchaikovsky, business, corporation, shipping, management, shareholders, Middle East, pilgrimage.

---

Опыт работы Ипполита Ильича Чайковского в Русском обществе пароходства и торговли (РОПиТ) подтверждал факт того, что наличие или отсутствие баланса интересов (частных, общественных и государственных) в деятельности корпораций свидетельствовало об успехах или неудачах бизнеса в той же мере, что и экономические показатели. В частности, важную роль играло согласование предпочтений собственников и высшего управленческого персонала при определении стратегии и оперативной направленности действий транспортных компаний. В данном

---

*Барышников Михаил Николаевич* — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: barmini@list.ru.

*Baryshnikov Mikhail N.* — doctor of historical sciences, professor, head of the Department of History of the Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: barmini@list.ru.

---

контексте в исследовании поставлены две цели: во-первых, рассмотреть историю изменения межличностных отношений в руководстве РОПиТ с точки зрения их последствий для работы пароходства; во-вторых, выявить связь между соблюдением корпоративных норм и особенностями поведения Чайковского в период с 1884 по 1912 г. Обращение к истории крупнейшей в России компании в сфере морских перевозок позволяет выявить межличностные аспекты взаимодействия в среде акционеров и высших должностных лиц с точки зрения не только последствий для деловой карьеры Чайковского, но и соответствующего влияния на осуществление трансграничной судоходной деятельности в последней четверти XIX — начале XX в.

Интерес И. И. Чайковского к работе в РОПиТ имел давнюю историю. В середине 1870-х гг. он состоял в должности капитана судна «Хопер», а после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. был назначен капитаном одного из крупных пароходов компании — «Великий князь Михаил». Карьерная ситуация резко поменялась весной 1884 г., с приходом в Одессе на пост распорядительного директора Н. Ф. Фан-дер-Флита. Близко знакомые еще с довоенной поры, они с Чайковским договариваются о более тесном сотрудничестве. Определяющим для достигнутого соглашения стало мнение Фан-дер-Флита о необходимости привлечения на должности местных представителей пароходства лиц с опытом морской службы. Чайковский возглавил агентство РОПиТ в Таганроге. Другим значимым событием стало назначение в том же году Н. И. Жеванова членом правления в Петербурге. С Чайковским он познакомился еще в 1874 г., когда вслед за избранием в наблюдательный совет компании приехал с ознакомительной поездкой в Одессу.

Во второй половине 1880 — начале 1890-х гг. И. И. Чайковский при поддержке Н. Ф. Фан-дер-Флита и Н. И. Жеванова приобрел заметное влияние среди владельцев РОПиТ. Вместе с супругой Софьей Петровной он состоял в числе собственников компании и регулярно приезжал в Петербург на собрания акционеров<sup>1</sup>. В условиях сохраняющейся значимости прямого грузового и пассажирского сообщения между Таганрогом и Константинополем<sup>2</sup> Чайковский обеспечивал взаимодействие судоходных операций РОПиТ в Азовском и Черном морях. Кроме того, он координировал деятельность пароходства и Императорского православного палестинского общества при отправке православных паломников в Святую землю. Переломным для служебной деятельности Чайковского стал 1893 г. После смерти старшего брата, композитора Петра Ильича Чайковского, он получает от руководства РОПиТ предложение переехать в Петербург. Здесь ему было поручено создать и возглавить агентство для обеспечения работы черноморско-балтийской судоходной линии между Одессой и Петербургом. Отметим, что уже первый год работы Чайковского был успешным: грузопоток в столицу вырос с 46,7 тыс. руб. в 1893 г. до 173,5 тыс. руб. в 1894 г.<sup>3</sup> Значимость статуса петербургского агента объяснялась, помимо прочего, тесным взаимодействием с Н. И. Жевановым, избранным в 1892 г. председателем правления. Поддержка Жеванова стала для Чайковского особенно важной после ухода в 1894 г. с поста распорядительного директора Н. Ф. Фан-дер-Флита<sup>4</sup>.

Уровень доверия к И.И. Чайковскому хорошо иллюстрирует его участие во внеочередном собрании акционеров 7 мая 1900 г. При низкой явке собственников требовалось обеспечить легитимность принимаемых решений, в том числе по подведению первых итогов открывшегося судоходного сообщения с Болгарией. Результативность голосования была обеспечена благодаря присутствовавшим членам правления и наблюдательного совета. По своим и представленным по доверенности акциям они заявили 52 голоса (из 102) и приняли при минимальном большинстве все необходимые решения <sup>5</sup>. Чайковский, один из немногих присутствовавших миноритариев, неизменно подавал за себя и отсутствовавшую супругу (по доверенности) два голоса в поддержку всех предложений членов правления.

В конце 1890-х гг., помимо руководства петербургским агентством, И.И. Чайковский налаживал тесные деловые отношения с младшим братом. Анатолий Ильич Чайковский состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел и был директором Петербургской компании для морского, речного и сухопутного страхования и транспортирования кладей «Надежда». Общие интересы братьев способствовали тому, что партнерство РОПиТ и «Надежды» вышло на более высокий уровень. Свою роль в развитии совместных операций двух фирм сыграл личный интерес Н.И. Жеванова к сфере страховых операций. В это же время Чайковский и его супруга обретают достойное финансовое состояние, которое объяснялось не только дивидендами по принадлежавшим им акциям. В 1900 г. выплаты составили 7,8% на каждую из 30 пятисотрублевых акций. Более весомым для Чайковского являлось жалование в должности главы агентства, составлявшее внушительную сумму в 13 тыс. руб. Для сравнения приведем жалование распорядительного директора О.Л. Радлова за 1899 г. — 18 тыс. руб. (вместе с 2,5% вознаграждения от чистой прибыли составило 41 тыс. руб., не считая дивидендов) и пяти членов правления — по 5 тыс. руб. каждый (помимо премий и иных выплат, в том числе дивидендных) <sup>6</sup>.

В 1901 г. в жизни И.И. Чайковского начинается сложный период. На фоне кризисных явлений в российской экономике доходность операций РОПиТ снижалась. С 1900 по 1902 г. чистая прибыль уменьшилась с 861 до 485 тыс. руб., дивидендные выплаты сократились до 6% <sup>7</sup>. Тяжелой потерей для Чайковского стал уход из жизни Н.И. Жеванова в 1902 г. С этого времени глава петербургского агентства утратил прежнее влияние в руководстве компании. У избранного председателем правления К.С. Старицкого в силу его личных предпочтений (он одновременно занимал должность председателя наблюдательного совета другой паровой компании — «Кавказ и Меркурий» <sup>8</sup>) отсутствовал интерес к тесному сотрудничеству с Чайковскими и компанией «Надежда». В 1903 г. последовало крайне ощутимое для семейного бюджета столичного агента решение о сокращении его жалования до 6 тыс. руб. <sup>9</sup> Полученные по итогам того же года дивидендные выплаты в размере 1 155 руб. стали для Чайковских слабым утешением.

В начале июня 1904 г. И.И. Чайковскому представился реальный шанс укрепить свои позиции в компании. В связи с назначением О.Л. Радлова начальником отряда транспортных судов Тихоокеанской

эскадры освободилась должность распорядительного директора. В правлении возникла идея назначить на должность в Одессе человека с опытом работы на морских судах и руководящих постах в местных агентствах. Чайковский оказался в числе наиболее вероятных кандидатов на этот пост. Однако выбор пал не на него, а на главу ялтинского агентства И.Э. Жирара<sup>10</sup>. Это сильно задело самолюбие Чайковского. Отсутствие, как ему казалось, перспектив для карьерного роста (при солидном возрасте в 61 год) сыграло свою роль в решении о переходе на работу в компанию «Надежда». В конце 1904 г. он принял предложение брата Анатолия занять должность члена правления. Одновременно С.П. Чайковская переписала на деверя свои акции (по уставу они являлись именными), что позволило братьям совместно участвовать в последующих общих собраниях акционеров РОПиТ. Первое такое участие состоялось в мае 1905 г. в условиях переживаемых Россией революционных потрясений<sup>11</sup>. Трудности в деятельности пароходства, обсуждавшиеся в то время акционерами, лишний раз убедили И.И. Чайковского в правильности принятого решения.

При участии И.И. Чайковского «Надежда» добивается в 1905 г. заметных успехов. Несмотря на крайне сложную социально-экономическую ситуацию в стране, чистая прибыль увеличилась до 462 тыс. руб. (ранее деятельность компании была убыточной)<sup>12</sup>. В соответствии с уставом шесть членов правления получили для распределения между собой до назначения дивидендов 6% с чистой прибыли. В будущее братья Чайковские смотрели с оптимизмом. Уверенности их действиям прибавила готовность академика живописи М.П. Боткина — нового председателя правления РОПиТ — продолжать сотрудничество с «Надеждой». Это решение объяснялось продолжавшимися в России беспорядками, которые привели в 1906 г. к обвальному падению доходности операций пароходства. Террористические акты на судах компании, сокращение объема грузоперевозок, забастовки судовых команд и портовых рабочих, добивавшихся увеличения зарплат, — все это обернулось почти миллионным убытком (в том числе 406 тыс. руб. вследствие погромов в Одессе)<sup>13</sup>. При мизерных прибылях дивидендные выплаты составили лишь 0,07% на акцию<sup>14</sup>. Впрочем, трудные времена переживала и «Надежда»: при некотором увеличении выручки по транспортному делу имели место рост страховых возмещений — до 480 тыс. руб. (вместо 200 тыс. руб. в 1905 г.) и падение чистой прибыли до 20 тыс. руб.<sup>15</sup>

Перспективы функционирования двух компаний определялись одним немаловажным обстоятельством — возможностью получить государственную поддержку. С учетом масштаба операций РОПиТ, в том числе сохранявшихся миллионных оборотов в сфере грузоперевозок и ежегодной транспортировки по внутрироссийским и зарубежным линиям более 1 млн пассажиров, правительство уделяло этой компании исключительное внимание. 1 января 1906 г. истек 15-летний срок договора о поддержке РОПиТ казенными субсидиями. После этого в виде временной меры соглашение было продлено до 1 января 1908 г., а затем еще на трехлетний срок, с ежегодными выплатами от правительства в размере 666 тыс. руб.<sup>16</sup> Как поясняли чиновники Отдела торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности, в создании и деятельности

РОПиТ проявлялась «настоятельная необходимость в поддержании постоянной связи с Ближним Востоком как с точки зрения политических интересов наших, так и в целях развития торговли южного края России и паромных сообщений между русскими и иностранными портами Черного и Средиземного морей»<sup>17</sup>. В целом правительственная помощь, сопровождавшаяся входением Государственного банка в число акционеров, позволила компании относительно безболезненно преодолеть кризисные 1906 и 1907 гг.

Значимым для РОПиТ стало избрание в 1907 г. в состав правления А.Е. Молчанова. Меценат<sup>18</sup>, считавший театр «самостоятельным предприятием» для своей общественной деятельности<sup>19</sup>, он занимал к этому времени посты члена наблюдательного совета компании, а также вице-президента Императорского русского театрального общества и председателя правления Союза драматических и музыкальных писателей. Еще одним его увлечением была история, а также культура и хозяйственный быт Ближнего Востока. Уже в качестве члена правления Молчанов приступил к разработке плана по активному развитию судоходных операций в Эгейском море и Восточном Средиземноморье. С учетом постоянно растущего спроса богомольцев на посещение святых мест одним из ключевых направлений работы пароходства становятся пассажироперевозки в Яффу, Афон, Александрию, Ямбу, Джидду и Басру. Незаурядные административные способности Молчанова (в том числе при реализации крупных общественных проектов по поддержке паломнического движения) сыграли важную роль в преодолении имевшихся у РОПиТ финансовых и управленческих проблем.

Более сложная ситуация складывалась у «Надежды». При наличии у нее многомиллионной кредиторской задолженности, в том числе более 2 млн руб. Государственному банку, правительственные чиновники пришли к выводу о бесперспективности дальнейшей казенной поддержки. Летом 1908 г. между руководством банка и Министерства финансов было достигнуто согласие по поводу учреждения по делам «Надежды» ликвидационной комиссии<sup>20</sup>. Прекращение операций компании стало серьезной проблемой для целого ряда российских фирм, в том числе РОПиТ, которое при посредничестве «Надежды» ежегодно привлекало к транспортировке на своих пароходах свыше 2 млн пудов различных грузов<sup>21</sup>. Не дожидаясь начала работы ликвидационной комиссии, братья Чайковские приняли решение покинуть «Надежду». Анатолию Ильичу, состоявшему в должности товарища обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, этот шаг дался без особых трудностей. Для И.И. Чайковского же уход из правления стал серьезным испытанием, поскольку означал потерю значимого источника доходов. Кроме того, он лишился возможности заниматься мореходным делом, которому посвятил большую часть своей жизни. В мае 1908 г. в крайне непростой для себя жизненной ситуации И.И. Чайковский обратился за помощью к ближайшему родственнику. Возможный вариант возвращения в РОПиТ оказался связан с А.Е. Молчановым, давним знакомым Модеста Ильича Чайковского.

М.И. Чайковский написал Молчанову письмо, наполненное искренней заботой о судьбе старшего брата:



«Милый Анатолий!

До меня дошла весть, что ты один из влиятельнейших членов правления Р.О.П.иТ. и я решаюсь обратиться к тебе с просьбой, удовлетворение которой меня сделает счастливым, а вместе с тем, мне кажется, даю тебе случай совершить акт высшей справедливости.

Мой брат Ипполит, 35 лет безукоризненно служивший в Р.О.П.иТ., основавший Петербургское агентство, человек преданный своему делу, превосходно знающий его и несмотря на свои годы до сих пор свежий и полный энергии, в настоящее время вследствие чисто случайных обстоятельств принужденный искать работы в чуждых ему специальностях, спит и видит вернуться к “родному делу”.

Не найдешь ли ты возможным способствовать назначению его в члены совета? Он акционер, специалист вашего дела, безупречен по исполнительности и честности, а в добавок в самом деле талантливый работник <...>

М. Чайковский

Тысячу самых прочувственных приветствий моей прежней “благодетельнице”! <sup>22</sup> На днях высылаю ей мое последнее произведение, на этот раз не для сцены» <sup>23</sup>.

Письмо было отправлено накануне общего собрания акционеров РО-ПиТ 4 июня 1908 г., одним из итогов которого стало подтверждение полномочий А.Е. Молчанова по выработке принципов нового соглашения о государственно-частном партнерстве. Эти принципы (прежде всего повышение казенных дотаций компании и сохранение в правлении представителей от трех министерств — торговли и промышленности, финансов и морского) должны были учитываться при последующем обсуждении с правительством договора о ведении зарубежных судоходных операций. Заметим, что в условиях непрекращавшихся дискуссий в среде акционеров по поводу будущего РОПиТ у Молчанова вряд ли имелись возможности и особое желание продвигать И.И. Чайковского в члены наблюдательного совета. Более насущным был поиск баланса интересов в составе крупнейших собственников, опираясь на который можно было вести переговоры с правительственными чиновниками и депутатами III Государственной думы. В конечном счете Молчанову удалось обеспечить этот баланс при участии нескольких крупных акционеров. В их число вошли великие князья Михаил Николаевич, Кирилл Владимирович, великая княгиня Елена Владимировна (всего 420 акций), петербургские Азовско-Донской, Волжско-Камский, Учетный и Ссудный, Международный коммерческий, Русский для внешней торговли и Сибирский банки (1 700 акций), предприниматели Л.С. Аржанов и Ю.С. Нечаев-Мальцов (каждый по 500 акций), баронессы А.К., М.А., Е.А. и Е.И. Корф (458 акций), четыре наследника Н.И. Жеванова (373 акции), петербургские банкирские дома «Волков Г. с с-ми» (297) и «Лампе и К°» (278), князь К.А. Горчаков (290) и др. Этим 28 физическим и юридическим лицам принадлежало более 50% заявленных на собрании акций (из присутствовавших 181 акционера) <sup>24</sup>. Молчанов, владелец 127 акций, даже при большом желании вряд ли мог отстаивать членство в наблюдательном совете Чайковского с его 15 акциями. На очередном общем собрании 1 июля 1908 г. он вновь

оказался сосредоточен на согласовании интересов крупнейших собственников. В результате ему удалось получить достаточно убедительную поддержку своего плана переговоров с правительственными чиновниками: за предложения по предстоящим в 1909 г. действиям правления было подано 173 голоса, против — 89 <sup>25</sup>.

На состоявшемся в октябре 1908 г. очередном собрании акционеров кандидатура И.И. Чайковского по-прежнему не обсуждалась. Избранным в наблюдательный совет на трехлетний срок оказался А.И. Гучков, глава самой многочисленной в III Государственной думе фракции «Союз 17 октября» <sup>26</sup>. Такой выбор был вполне объясним, учитывая предстоявшее обсуждение в Думе договора между РОПиТ и правительством (в марте 1910 г., после избрания председателем Думы, Гучков вышел из состава совета). Здесь следует пояснить, что нахождение в совете давало не столько материальные преимущества (15 членам выплачивалось по 1 тыс. руб., не считая премиальных и командировочных), сколько статусные. Как заметил один из акционеров, в его состав все чаще избирали депутатов Государственной думы, гласных Петербургской городской думы и банковских деятелей <sup>27</sup>. Например, в 1909 г. членство в совете получил А.Я. Поммер, директор петербургского Русского для внешней торговли банка <sup>28</sup>, имевший давние связи в деловых кругах Одессы.

Следует отдать должное А.Е. Молчанову, которому удавалось успешно обходить острые углы во взаимоотношениях с акционерами, а также отстаивать в переговорах с правительством и депутатами III Думы интересы компании. Итогами дискуссий 1909 г., во время которых правление последовательно доказывало необходимость развития ближневосточного направления судоходных операций и соответствующего повышения государственных субсидий, стало постепенное сближение позиций договаривающихся сторон <sup>29</sup>. Усилиям руководства РОПиТ благоприятствовал успех проведенной в декабре 1909 — январе 1910 г. на пароходе «Император Николай II» выставки достижений русской промышленности. Организованная Молчановым при участии владельцев крупных российских фирм плавучая выставка была представлена в ряде крупнейших портовых городов Болгарии, Турции, Греции и Египта <sup>30</sup>. Только в Бейруте в течении трех дней ее посетили около 25 тыс. чел. По оценке газеты «Новое время», экспозиция подтвердила, что в России есть «цветущая промышленность», а не только «бомбисты» и «экспроприаторы» <sup>31</sup>. Вместе с тем отечественная пресса не обошла вниманием положительное отношение к выставке со стороны министерства торговли и промышленности <sup>32</sup>. Для Молчанова особое значение экспозиции заключалось в возможности дальнейшего развития двух восточно-средиземноморских линий РОПиТ — александрийской круговой и македонско-сирийско-александрийской. По его мнению, они образовали взаимодополняющие транспортные направления, которые удовлетворяли, помимо своего политического и торгового значения, потребности русских православных паломников в посещении святых мест. Особенно важным было то, что обе линии связывали прямым беспересадочным сообщением не только Россию с Афоном и Яффой, но и оба эти пункта между собой <sup>33</sup>.

К весне 1910 г. стал очевиден положительный характер переговоров с правительственными чиновниками о возобновлении государственно-

частного партнерства. Речь шла о поддержке зарубежных судоходных операций РОПиТ, в первую очередь на ближневосточном направлении. Что не менее важно, достигнутое соглашение обеспечивало дальнейший рост влияния А.Е. Молчанова в руководстве компании. Показательным было заседание наблюдательного совета 29 апреля. По инициативе Молчанова и при согласии председателя совета, заслуженного профессора Петербургского технологического института Н.Ф. Лабзина, было внесено предложение об избрании в число членов И.И. Чайковского и инженера В.П. Аршаулова. Это предложение было поддержано и тем самым положено начало череде событий, приведших далеко не к тем результатам, на которые рассчитывал Чайковский.

Главной проблемой в отношении акционеров к И.И. Чайковскому оставался его прежний уход из компании. Из двух вакантных мест В.П. Аршаулову предложили трехлетний период пребывания в совете, Чайковскому — годичный (это был оставшийся после ухода А.И. Гучкова срок). При этом положительное отношение к Аршаулову как преподавателю трех петербургских институтов (Технологического, Политехнического и Инженеров путей сообщения) и специалисту по дизелестроению было особенно болезненно воспринято Чайковским. Тем не менее он счел необходимым лично обратиться к Н.Ф. Лабзину с выражением чувства «душевной признательности за оказанную мне честь гг. членами Совета»<sup>34</sup>. На общем собрании акционеров 12 июня решение наблюдательного совета получило поддержку, но далеко не единодушную. За кандидатуру Чайковского был отдан 101 голос, против — 61<sup>35</sup>.

Как бы то ни было, И.И. Чайковский стал полноправным членом наблюдательного совета. Во второй половине 1910 г. он регулярно участвовал в заседаниях, оказывая содействие всем начинаниям правления и лично А.Е. Молчанову. Подобная поддержка вполне соответствовала результативности операций компании, демонстрировавшей рост объемов грузовых и пассажирских перевозок как по внутрироссийским, так и по заграничным направлениям. Особенно активно развивались три регулярные судоходные линии, призванные, помимо прочего, способствовать увеличению паломнических потоков из России на Ближний Восток. Чайковский полагал, что при налаживании более эффективного обеспечения пароходов углем (в деятельности распорядительного директора А.К. Тимрота он не видел соответствующих усилий) можно было повысить результативность функционирования зарубежных линий<sup>36</sup>. По итогам 1910 г. численность перевезенных пассажиров по александрийской прямой линии достигла 31,1 тыс., александрийской круговой — 28,3 тыс., болгарско-македонско-сирийской — 38,7 тыс. В Константинополь было доставлено 24 979 чел., Яффу — 11 526, Смирну — 9 882, Бейрут — 8 806, Джидду — 5 962, Александрию — 5 446, Хайфу — 1 938, Афон — 1 777<sup>37</sup>. Впервые за многие годы выручка РОПиТ достигла 12,8 млн руб., рентабельность уставного капитала увеличилась до 9,8%, дивидендные выплаты превысили 8%<sup>38</sup>.

В числе проблем, чаще всего обсуждавшихся в наблюдательном совете, оставалась ситуация с одесским адмиралтейством компании, находившимся в ведении А.К. Тимрота. Значительные расходы на содержание предприятия при невысокой производительности труда и несоблюдении

сроков выполнения заказов, прежде всего по ремонту морских судов РО-ПиТ, вызывали постоянные нарекания со стороны членов правления. 21 декабря 1910 г. Н.Ф. Лабзин подписал постановление совета о командировке В.П. Аршаулова и И.И. Чайковского в Одессу для обследования адмиралтейства<sup>39</sup>. Это решение стало по-своему роковым в судьбе Чайковского, тем более с учетом того что его поездка не планировалась и состоялась только в связи с болезнью другого члена совета.

Дальнейшие события, связанные с ревизией адмиралтейства, остаются не до конца понятными. Не вызывает сомнений лишь то, что в ходе изучения дел на предприятии между И.И. Чайковским и В.П. Аршауловым (на стороне последнего выступил А.К. Тимрот) произошел конфликт, имевший скорее всего межличностный характер. Вероятно, в оценке перспектив развития адмиралтейства столкнулись профессиональные амбиции морского офицера Чайковского и промышленника Аршаулова. Какими бы ни были причины конфликта, его последствия не заставили себя ждать. Оба командированных вернулись в Петербург порознь и порознь же выступили с отчетами, не приходя к друг другу на заседания совета. При этом оба отчета были выстроены достаточно критично в отношении «злоупотреблений» в отчетности и хозяйственной деятельности одесского предприятия<sup>40</sup>. И тем сложнее было разрешить возникший конфликт для Чайковского, учитывая, что Аршаулов пользовался безусловной поддержкой Н.Ф. Лабзина.

Ситуация осложнялась тем, что И.И. Чайковский не был включен ни в одну из трех избранных в январе 1910 г. комиссий совета (уставную, бюджетную, по соглашению с правительством). Значимость работы комиссий заключалась не только во взаимосвязи их решений по поводу стратегии компании на предстоящие 15 лет, но и в определении нового баланса интересов в составе ее собственников. Последнее было связано с тем, что за период с 1908 по 1911 г. численность акционеров сократилась с 823 до 584 вследствие скупки акций петербургскими банками. В частности, Азовско-Донскому банку удалось увеличить свой пакет с 387 до 2613 акций при общем их количестве 20 000. Примерно та же картина наблюдалась с другими петербургскими кредитными учреждениями, в том числе банкирским домом «Лампе и К<sup>о</sup>», представительство которого выросло с 278 до 1 033 акций<sup>41</sup>. Соответственно, на протяжении 1911 г. происходило все более активное вовлечение этих учреждений в процесс выработки и реализации стратегических и оперативных решений РОПиТ.

Наибольший интерес для представителей банковских структур вызвала работа над новой редакцией устава компании. 15 января 1911 г. на общем собрании акционеров принимается решение зафиксировать сложившийся баланс интересов путем формализации двух групп собственников. Одну должны были составить не менее 300 акционеров из числа физических и юридических лиц, имевших право голоса (один голос предоставлялся при наличии не менее 15 акций; 50 акций давали два голоса, 150 — три и т.д., считая за каждые последующие 150 акций по одному голосу), другую — юридические лица из числа столичных банковских учреждений. Последнюю группу возглавил Азовско-Донской банк и лично председатель его правления Б.А. Каменка<sup>42</sup>. Представителям обеих

групп поручалось выработать компромиссный вариант изменений в уставе, а также подтвердить приемлемость для компании разработанного А.Е. Молчановым и правительственными чиновниками соглашения по содержанию заграничных судоходных линий. В поддержку предложенного проекта высказалось большинство акционеров, в том числе И.И. Чайковский.

Судя по характеру участия И.И. Чайковского в работе, он не испытывал опасений по поводу своего будущего в РОПиТ. В этом убеждали положительные итоги голосования в наблюдательном совете 27 мая 1911 г. по вопросу рекомендации его кандидатуры для избрания на трехлетний срок<sup>43</sup>. Чайковскому оставалось пройти окончательное одобрение головами акционеров на общем собрании 28 мая. На этом же собрании предполагалось принять выработанный двумя группами собственников проект решения по договору с правительством о государственно-частном партнерстве. Отметим, что к тому времени банковскому сообществу принадлежало более трети всех акций РОПиТ. Соответственно, из заявленных к заседанию 28 мая акций больше половины оказалось представлено кредитными учреждениями<sup>44</sup>.

Начало общего собрания прошло спокойно. После некоторой дискуссии акционеры согласились с позицией правления о том, что заключение договора с правительством на согласованных условиях отвечает интересам РОПиТ. Предполагаемое соглашение было рассчитано на 15 лет и включало организационно-хозяйственные параметры развития судоходного сообщения в пространстве от Черного моря до Персидского залива. Министерства торговли и промышленности, финансов и морское подтверждали ведомственное содействие, в том числе финансовое, деятельности РОПиТ, которое, со своей стороны, обязывалось ввести в строй на ближневосточном направлении шесть новых крупных пароходов<sup>45</sup>. В поддержку представленного проекта договора проголосовал и И.И. Чайковский. Затем присутствующие перешли к решению организационных вопросов, в том числе к выборной процедуре, включавшей переизбрание Чайковского в состав совета. Результат голосования стал для него настоящим ударом. Кандидатура Чайковского оказалась забаллотирована. С учетом того что подобные случаи в работе собраний встречались нечасто, в публичный отчет была вписана мягкая формулировка (без упоминания фамилии) о том, что один из представленных советом кандидатов не получил требуемого числа голосов<sup>46</sup>.

Спустя два дня Чайковский отправил Н.Ф. Лабзину письмо, в котором обозначил свое отношение к случившемуся. Не скрывая того, что к этому времени он уже «сроднился» с компанией, Чайковский подчеркивал, как тяжело ему было перенести результат голосования. В завершение письма выражалась просьба передать членам совета «искреннее чувство благодарности за доброе ко мне отношение и засвидетельствовать мою скорбь, что лишен права в совместной работе на пользу нашего Общества»<sup>47</sup>. Безусловно, результат голосования был предопределен закулисно принятым решением крупных акционеров о выводе И.И. Чайковского из состава наблюдательного совета. Столь же очевидно, что такое решение было невозможным без поддержки представителей банков. В данном случае определяющую роль сыграли прежний уход Чайковско-

го с поста главы петербургского агентства, а также мнение владельцев компании по поводу неурегулированного конфликта И.И. Чайковского и В.П. Аршаулова. Следовало учитывать возросшее в 1911 г. влияние последнего в промышленных и правительственных кругах, в том числе вхождение в высочайше утвержденный Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования. Примечательно событие, произошедшее вскоре после собрания акционеров. 14 июня Аршаулов был наделен полномочиями замещать любого члена правления, который по тем или иным причинам не может выполнять свои функции<sup>48</sup>. Решение исходило от Н.Ф. Лабзина и М.П. Боткина, имевших давнюю, со времени открытия петербургского агентства, историю взаимоотношений с Чайковским. В связи с этим можно сделать вывод, что позиция глав правления и наблюдательного совета стала ключевой при его удалении из совета РОПиТ.

Показательным во всей этой истории стало нежелание И.И. Чайковского сдавать позиции без боя. К середине января 1912 г. ему удалось организовать группу акционеров, недовольных деятельностью правления и наблюдательного совета. 13 января последовало публичное заявление его сторонников, в котором была подвергнута критике процедура выборов в высшие органы компании<sup>49</sup>. Одновременно было принято решение не допустить к руководству очередным собранием М.П. Боткина, выставив в противовес ему «независимого» кандидата И.И. Чайковского. 15 января 1912 г. произошло невиданное для собственников пароходства событие — на собрании акционеров возник раскол по вопросу о выборах председательствующего. Последовавшее голосование показало значительное число сторонников «независимого» кандидата, хотя и недостаточное для того, чтобы переломить ситуацию в его пользу. За Чайковского были отданы 83 голоса, за Боткина — 120<sup>50</sup>. Заметим, что на собрание, которое должно было подводить первые операционные итоги 1911 г., А.Е. Молчанов не явился. На вопрос одного из акционеров был дан обтекаемый ответ, согласно которому, ключевой член правления по состоянию здоровья предпочел вести работу дома<sup>51</sup>. Следует отметить, что в глазах многих акционеров удаление Чайковского из наблюдательного совета РОПиТ выглядело тем более странным, если учесть представленные собранию положительные результаты деятельности компании. 1911 г. завершился заметным ростом выручки — на 10,8% и таким же процентом дивидендных выплат<sup>52</sup>.

Последняя возможность для И.И. Чайковского повлиять на позицию руководства РОПиТ оказалась связана с собранием акционеров 30 мая 1912 г. Вынесенная на обсуждение новая редакция устава предполагала, помимо прочего, увеличение размеров денежного содержания членов правления и совета<sup>53</sup>. В конечном счете, по рекомендации банковского сообщества во главе с Б.А. Каменкой планировалось за счет процентных выплат с чистой прибыли увеличить вознаграждение первым до 120 тыс. руб., вторым — до 40 тыс. руб.<sup>54</sup> Столь существенные прибавки, выделяемые за счет уменьшения дивидендов (заметим, что последние составляли около 85% чистой прибыли), не могли не вызвать негативного отношения миноритариев. На собрании Чайковский в составе уже многочисленной группы сторонников потребовал отложить принятие

нового устава для более детального его рассмотрения. При баллотировке предложение было отклонено, и большинством голосов проект оказался одобрен. Вслед за этим было высказано и внесено в протокол «особое мнение» несогласных с изменениями в уставе, к которому Чайковский уже не считал возможным присоединиться<sup>55</sup>. Обозначившийся к этому времени рост прибыльности операций РОПиТ не оставлял ему надежды заручиться поддержкой сколько-нибудь значительной части собственников. По итогам 1913 г. дивидендные выплаты выросли до 12%<sup>56</sup>. Заметное увеличение выручки демонстрировало ближневосточное направление пассажироперевозок, достигшее рекордных 144 тыс. чел. (общий пассажиропоток по внутренним и зарубежным линиям составил более 1,4 млн чел.)<sup>57</sup>

Участие И.И. Чайковского в деятельности РОПиТ свидетельствовало о том, что он не нарушал корпоративных норм, прописанных в уставе компании<sup>58</sup>. Его уход с поста главы петербургского агентства не сопровождался имущественными потерями для фирмы, точно так же как собственная позиция при ревизии одесского адмиралтейства не являлась причиной для последующего кадрового решения в общем собрании акционеров. Не могло иметь негативных последствий для пароходства и поведение Чайковского с точки зрения результативности работы наблюдательного совета. Лишение возможности работать в совете следовало рассматривать как формализованный результат действий нескольких влиятельных собственников, причиной которого явилось несоответствие индивидуальных предпочтений Чайковского сложившейся практике неформального взаимодействия в среде высокопоставленных управленцев РОПиТ. Остается добавить, что характер межличностных связей в администрации компании не только сказался на служебной карьере Чайковского, но и по-своему определил судьбу ее представителей. В сентябре 1913 г., по результатам ревизии нескольких лет работы одесской конторы, в отставку был отправлен А.К. Тимрот. Более того, акционеры поставили вопрос об обновлении всего состава руководства корпорации. Скоропостижная смерть М.П. Боткина 22 января 1914 г. и последовавшее вслед за этим решение Н.Ф. Лабзина покинуть свой пост ускорили процесс согласования предпочтений крупных собственников. Отныне перспективы развития пароходства должен был определять А.Е. Молчанов, избранный председателем правления. Примечательна в связи с этим публикация в журнале «Банки и биржа», представленная «от лица интересов всех акционеров». Поясняя на примере других крупных транспортных фирм, которые «погибали не от недостатка перевозок или средств, а исключительно из-за внутренних неурядиц и отсутствия согласованности в действиях органов управления», автор (издатель и редактор журнала И.М. Эн-Янков) предлагал не забывать о том, что РОПиТ своей «славной историей» обязан «инициативе отдельных личностей, какие были привлекаемы на службу его прежними руководителями»<sup>59</sup>. Результативность взаимодействия заинтересованных сторон, признавалось в статье, позволила РОПиТ преодолеть «множество разнообразнейших опасностей» и занять в конечном счете положение ведущей отечественной компании в сфере внутреннего и заграничного судоходства.

## Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20—09—41001 «Русское общество пароходства и торговли в истории православного паломничества в Святую Землю (1857—1914 гг.)».

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 107, оп. 1, д. 1408, л. 58—64.
2. ПОЗНЕР М. В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб. 1895, с. 311—312.
3. Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли с 1 января по 31 декабря 1894 г. СПб. 1895, с. 1.
4. ИЛОВАЙСКИЙ С. И. Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. Одесса. 1907, с. 276.
5. РГИА. Ф. 107, оп. 1, д. 2536, л. 40—42.
6. Отчет Русского общества пароходства и торговли с 1 января по 31 декабря 1899 г. СПб. 1900, с. 1.
7. РГИА. Ф. 678, оп. 1, д. 1385, л. 1—2.
8. ГЕССЕН В. Ю. Структура акционерных обществ и методы управления ими (на примере некоторых крупных пароходств). — Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования. СПб. 2007, с. 478.
9. РГИА. Ф. 678, оп. 1, д. 1385, л. 97.
10. Там же, л. 179.
11. Там же, л. 259.
12. Там же, ф. 23, оп. 25, д. 202, л. 218—219.
13. Там же, ф. 107, оп. 1, д. 2561, л. 6.
14. Там же, ф. 678, оп. 1, д. 1385, л. 427.
15. Там же, ф. 23, оп. 25, д. 202, л. 219—220.
16. Там же, ф. 107, оп. 1, д. 2586, л. 2, 12; ф. 678, оп. 1, д. 1386, л. 300.
17. Там же, ф. 107, оп. 1, д. 1876, л. 309.
18. ШОР Л. Г. Коммерсант, страстный театрал и меценат Анатолий Евграфович Молчанов — для ветеранов сцены. — Библиотечное дело. 2006, с. 19—21.
19. МОЛЧАНОВ А. Е. Предисловие. — Русское сценическое искусство за границей. Артистическая поездка М. Г. Савиной с труппой в Берлин и Прагу. СПб. 1909, с. 1.
20. БАРЫШНИКОВ М. Н. Чайковские и Плеске в деловой жизни России. — Вопросы истории. 2020. № 10 (3), с. 22.
21. РГИА. Ф. 107, оп. 1, д. 1844, л. 49.
22. Имеется в виду гражданская супруга А. Е. Молчанова, актриса Александринского театра М. Г. Савина, которая в 1881 г. в свой бенефис сыграла одну из первых пьес М. И. Чайковского «Благодетель» (СВЕТАЕВА М. Чайковский и драматический театр. — Вопросы театра. 2019. № 1—2, с. 280).
23. РГИА. Ф. 678, оп. 1, д. 1361, л. 1—2.
24. Там же, д. 1386, л. 74—77.
25. Там же, л. 105.
26. Там же, л. 111.
27. Там же, л. 378.
28. Там же, ф. 107, оп. 1, д. 1898, л. 95.
29. Там же, л. 99—100, 106.
30. Одесский листок. 1909. 9 декабря.
31. Новое время. 1910. 12 февраля.
32. Голос Москвы. 1910. 4 мая; Торгово-промышленная газета. 1910. 5 июня.
33. РГИА. Ф. 107, оп. 1, д. 1876, л. 70.
34. Там же, д. 1945, л. 23, 28.
35. Там же, ф. 678, оп. 1, д. 1386, л. 224—225.
36. Там же, ф. 107, оп. 1, д. 3576, л. 1—5.
37. Там же, д. 2685, л. 25—49.
38. Отчет Русского общества пароходства и торговли с 1 января по 31 декабря 1910 г. СПб. 1911, с. 1.



39. РГИА. Ф. 107, оп. 1, д. 1945, л. 131.
40. Там же, д. 1992, л. 18, 22.
41. Там же, ф. 678, оп. 1, д. 1386, л. 74—77, 357—360.
42. Там же, ф. 678, оп. 1, д. 1386, л. 366.
43. Там же, ф. 107, оп. 1, д. 1992, л. 48.
44. Там же, ф. 678, оп. 1, д. 1386, л. 347—349.
45. Там же, л. 301—302.
46. Там же, л. 304, 310.
47. Там же, ф. 107, оп. 1, д. 1992, л. 52.
48. Там же, л. 67.
49. Биржевые известия. 1912. 13 января.
50. Биржевые известия. 1912. 16 января.
51. РГИА. Ф. 678, оп. 1, д. 1386, л. 355—356.
52. Отчет Русского общества пароходства и торговли с 1 января по 31 декабря 1911 г. СПб. 1912, с. 1.
53. Биржа. 1912. 8 января.
54. РГИА. Ф. 678, оп. 1, д. 1386, л. 377.
55. Там же, л. 371.
56. Там же, ф. 107, оп. 1, д. 2558, л. 93—94.
57. Там же, д. 2821, л. 7—13.
58. Устав Русского общества пароходства и торговли. СПб. 1899, с. 15—16, 47.
59. Банки и биржа. 1913. № 31 (7 сентября).

# Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Кабардино-Балкарии в 1922—1929 гг.

З.Х. Соблирова, А.Г. Кажаров, Р.П. Лисеев, М.А. Хо-  
КОНОВ

---

*Аннотация.* В статье рассматриваются становление и деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ) в Кабардино-Балкарии. Созданные на основе исторических форм взаимопомощи, комитеты служили связующим звеном между крестьянской общиной и органами советской власти, вовлекая горское крестьянство в систему новых социально-экономических, политических и культурных отношений. Постепенно они вышли за рамки социального обеспечения и подготовили крестьянство к новым коллективным формам хозяйствования.

*Ключевые слова:* крестьянство, советская власть, общественная взаимопомощь, социальное обеспечение, колхозное движение.

*Abstract.* The article studies the formation and activities of the Peasant Committees for Public Mutual Assistance (KCOV) in Kabardino-Balkaria. Created on the basis of historical forms of mutual assistance, the committees acted as a link between the peasant community and the bodies of Soviet power, involving the mountain peasantry in the system of new socio-economic, political and cultural relations. Gradually, they went beyond the framework of social security and prepared the peasantry for new collective forms of management.

*Key words:* peasantry, soviet power, public mutual assistance, social security, collective farm movement.

---

Изучение истории крестьянства как самой многочисленной социальной группы остается одной из важных проблем в отечественной историографии. Исследователей особенно интересует период начала XX в., с которым связаны переустройство политической системы, изменение общественного жизнеустройства и трансформация крестьянского сознания. В 20-е гг. XX в. все внимание Народного комиссариата социального обеспечения (НКССО) переключилось на крестьянство, которое испытало на себе последствия двух революций, Гражданской войны, неурожаев 1921—1922 гг. Если к началу 1921 г. количество голодающего населения составляло 10 млн чел., то к концу этого же года его численность возросла до 22 млн<sup>1</sup>. Многие крестьянские хозяйства были разорены, производительность труда значительно снизилась, и страна оказалась на грани катастрофы. В этих условиях во главу угла был поставлен вопрос продовольственного снабжения нуждающегося населения в рекордно ко-

роткие сроки. Проблема также имела идеологическое значение, ведь без самостоятельного крепкого крестьянского хозяйства невозможно было обеспечить опору нового строя.

Для установления конструктивного диалога с крестьянством использовались различные методы общественной саморегуляции. Так, исторический опыт взаимной помощи стал основой для создания крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ). Они были реализованы Декретом Совета народных комиссаров от 14 мая 1921 г. за подписью председателя В. И. Ленина.

Вопросу создания системы государственного социального обеспечения коммунистическая партия придавала решающее значение, так как потребность деревни в помощи в несколько раз превышала поступления по продовольственному налогу. Советская власть взяла на себя всю совокупность социальных функций путем распределения благ с помощью деревенских общественных организаций. Начало было положено Декретом «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев»<sup>2</sup>. Документ предполагал активное использование крестьянской инициативы в деле разрешения основных социально-экономических проблем деревни. Предполагалось, что общественные организации возьмут на себя часть проблем и обеспечат столь необходимую для государства передышку.

К началу 1922 г. по сведениям Народного комиссариата социального обеспечения на территории РСФСР было образовано 4282 волостных и 41923 сельских комитетов крестьянской взаимопомощи<sup>3</sup>. Уже в декабре 1922 г. был проведен Всероссийский съезд крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, где были подведены первые итоги работы<sup>4</sup>.

---

*Соблирова Зарета Хасанбиевна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru; *Кажаров Артур Гусманович* — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: artur-kazharov@mail.ru; *Лисеев Роман Петрович* — кандидат филологических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: romalis@mail.ru; *Хоконов Мурат Анатольевич* — кандидат философских наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: mhokonov@gmail.com.

*Soblirova Zareta Kh.* — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru; *Kazharov Artur G.* — doctor of historical sciences, professor of the Department of General History of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: artur-kazharov@mail.ru; *Liseev Roman P.* — candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism of the Kabardino-Balkar State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: romalis@mail.ru; *Khokonov Murat A.* — candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism of the Kabardino-Balkar State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: mhokonov@gmail.com.

---

Согласно доработанным инструкциям, общества взаимопомощи должны были стать опорой государства в деле поддержания малообеспеченных крестьян и дальнейшего социалистического строительства в деревне.

Главные направления деятельности крестьянских обществ взаимопомощи были определены в Декрете от 14 мая 1921 г.: «добровольное создание крестьянских комитетов в селениях путем собрания сельского схода и решающего положительного большинства в данном вопросе; самодеятельность и инициатива крестьянства в поиске форм и методов работы; организационная и правовая поддержка крестьянской взаимопомощи со стороны государственной власти и руководство ею органами соцобеспечения»<sup>5</sup>. Сразу оговаривалась возможность государственного вмешательства в работу органов взаимопомощи. Всеобщее участие крестьян в выполнении трудовых, финансовых и продовольственных обязательств было выгодно власти не только как возможность контроля, но и как социальный гарант помощи все большему числу нуждавшихся<sup>6</sup>. Было решено, что для успешной деятельности комитетов «они должны охватить все слои крестьянского населения <...> иначе их работа будет невозможна, т.к. встретит сопротивление наиболее сильной части крестьянства, которая должна будет дать комитетам большую часть средств»<sup>7</sup>.

Деятельность крестьянских обществ взаимопомощи включала организацию своевременной поддержки малообеспеченных крестьянских хозяйств в случаях пожаров, неурожая, стихийных бедствий путем справедливого распределения государственных средств и собственных фондов. На такую поддержку могли рассчитывать прежде всего семьи погибших красноармейцев и бедняков. Все крестьяне могли надеяться на защиту своих хозяйственно-экономических и правовых интересов в различных государственных органах.

Материальные и денежные фонды комитетов формировались за счет членских взносов. В этом вопросе крестьянам была предоставлена большая самостоятельность, так как государственный аппарат не имел возможности обновлять актуальные списки нуждающихся и вовремя оказывать помощь. Максимально приближенные к местному населению, комитеты взаимопомощи обязаны были содействовать справедливому распределению фондов. Финансовая стабильность обеспечивалась государственной поддержкой и подчинением НКСО. В случае необходимости некоторые вопросы принимались на рассмотрение органами собесов. Так, государство взяло на себя функцию социального партнера по отношению к крестьянам, а комитеты общественной взаимопомощи, контролируемые собесами, стали проводниками советской политики в деревне.

Первые крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Кабардино-Балкарии стали создаваться в конце 1922 г. Сроки исполнения предписаний Декрета СНК от 14 мая 1921 г. оказались сдвинуты в связи со всеобщим отставанием региона в создании государственных партийных органов. Период совпал с национально-государственным строительством и образованием автономии коренных народов. В связи с этим на первый план вышли вопросы политико-культурной интеграции и территориального переустройства Кабардино-Балкарской республики.

Общественный институт взаимопомощи занимал значительное место в этнокультуре кабардинцев и балкарцев. Взаимовыручка и взаимная

поддержка во время сельскохозяйственных работ имели строго регламентированные обрядовые формы, воспроизводившие социогенетический механизм общности. Устойчивость этим формам придавали совместный труд и отдых, которые объединяли людей, формировали духовное родство<sup>8</sup>. Типы взаимопомощи в горской среде можно дифференцировать по видовой принадлежности, выделяя всесезонные и сезонные формы. Обязательной была помощь в экстремальных ситуациях (пожары, наводнения, эпидемии). Кроме того, коллективно выполнялся целый комплекс работ, связанных с постройкой нового дома, сбора и обмолота урожая, стрижки овец и т.д. Широкое распространение получила супруга, когда происходило добровольное объединение труда, скота и инвентаря для выполнения в короткие сроки трудоемких работ. Общества по выпасу скота были одной из наиболее устойчивых трудовых коллективных форм в хозяйстве кабардинцев и балкарцев. Эффективность достигалась благодаря совместной аренде при ограниченности пастбищных угодий. Таким образом, традиции родственной и соседской взаимной помощи глубоко укоренились в сознании горцев и носили устойчивый характер.

Сложное социально-экономическое и политическое положение на Северном Кавказе ставило перед Кавказским бюро ЦК РКП(б) задачи коренной перестройки форм сельского хозяйства, укрепления материально-технической базы и превращения мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные на базе новой техники<sup>9</sup>. При этом большинство преобразований необходимо было проводить на принципах добровольности с учетом реальной ситуации горского жизнеустройства. В условиях безграмотности населения агитационная и разъяснительная работа не могла привести к должному результату, поэтому государство решило действовать, апеллируя к функциональным традиционным общественным институтам. Природный консерватизм крестьян требовал от государства поиска альтернативных рычагов воздействия, а привычные принципы ведения хозяйства использовались параллельно с мероприятиями по повышению культурного уровня населения. Осваивая различные формы взаимопомощи, крестьяне приходили к пониманию преимуществ коллективного совместного труда, и нужные советской власти изменения постепенно происходили в их сознании.

Основные положения Декрета от 14 мая 1921 г. были направлены во все исполкомы и собесы 22 мая 1921 г. Циркуляры и телеграммы уведомляли о придании деятельности органов социального обеспечения политического направления. Областной отдел социального обеспечения, созданный в мае 1920 г., взял на себя всю ответственность по организации комитетов крестьянской общественной взаимопомощи. Кадровые сотрудники собеса начали вести активную работу<sup>10</sup>. В августе 1921 г. всем окружным и городским собесам от Народного комиссариата собеса Горской республики был направлен Циркуляр № 1 о немедленном формировании комитетов взаимопомощи. Во всех селениях Кабардинской автономной области требовалось создать комитеты до октября 1921 г.<sup>11</sup>

Особенностью формирования крестьянских комитетов общественной взаимопомощи на Северном Кавказе стало широкое привлечение представителей духовенства. Многие из них возглавили общества вза-

имопомощи (в Кабардино-Балкарии — всего 51 чел.). Председателем Кабардинского Областного ККОВ стал мулла Алий Абуков. Вместе с тем обязанности мулл значительно сузились и включали лишь разбор семейных споров, наследственных дел и контроль над сбором десятинного налога — закята (саджита) в фонд комитетов<sup>12</sup>. Эта мера была не случайной, так как власти с помощью духовных лиц рассчитывали популяризировать органы взаимопомощи среди крестьянского населения и постепенно получить контроль над закятом. Малограмотное местное население плохо ориентировалось в политической обстановке и не понимало смысла создания параллельных народной традиции взаимопомощи государственных органов, а привлечение духовенства давало властям возможность использовать его влияние на крестьян.

Одной из основных проблем стало формирование фондов ККОВ. В регионе власти решили взять за основу закят — ежегодно выплачиваемый налог в пользу неимущих с различного вида доходов, который был обязанностью всего трудоспособного мужского населения (1/10 часть посева, за крупный рогатый скот 1/30, за мелкий рогатый скот 1/40)<sup>13</sup>. За сбор и распределение закята отвечали сельские муллы. Еще в августе 1921 г. Народный комиссариат Горской республики признавал, что в деле сбора десятинного налога «Кабарда является самой благоприятной почвой»<sup>14</sup>. Согласно архивным материалам, количество собранного в Кабарде закята (саджита) несколько раз превышало количество сельскохозяйственного налога, соответственно, требовалось взять его под свой контроль<sup>15</sup>.

Правительством были определены основные направления деятельности крестьянских обществ взаимопомощи в Кабардино-Балкарии. Местные задачи дублировали те, которые должны были быть реализованы по всей стране: справедливое распределение государственных поступлений, натурального (денежного) фонда и организация трудовой помощи общественными силами. Права, обязанности, порядок организации комитетов взаимопомощи определялись специальной инструкцией. В декабре 1923 г. на заседании Президиума ЦИК Б.Э. Калмыковым была утверждена Инструкция о порядке организации комитетов крестьянской взаимопомощи<sup>16</sup>. Особенностью документа стало включение в состав президиума ККОВ в селениях служителей духовенства, которым поручалось «собирать саджит по установленным шариатским отделом нормам»<sup>17</sup>. В остальном инструкция дублировала общероссийскую и содержала все ее тезисы и пункты. Тогда же был избран состав Областного комитета в составе Мусукаева, Кокожева, Савчука и Куприянова<sup>18</sup>. Фонд областного ККОВ был образован за счет передачи имущества Комитета помощи голодающим и Областного собеса.

В первые месяцы 1922 г. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи были сформированы в Нальчикском, Баксанском, Урванском округах. Селения Чегем I, Лечинкай, Шалушка, Вольный аул Нальчикского округа первыми представили отчеты о создании комитетов и образовании фондов. В Нальчике ККОВ был учрежден в апреле 1922 г. Селения Урванского округа — Аушигер, Жемтала, Аргудан, Лескен, Старый Лескен, Старый Урух отчитались о своей работе. В Баксанском округе с апреля по май 1922 г. было образовано 15 комитетов взаимопомощи,

которые сосредоточились в селениях Алтуд, Куркужин, Сармаково, Заюково, Кишпек, Куба и др. Главной проблемой новых органов стало изыскание средств для формирования полноценных фондов, необходимых для распределения между малообеспеченными семьями. На саджит не приходилось рассчитывать до осени и снятия урожая, а большинство членов ККОВ были бедняками. Обеспеченные крестьяне не были заинтересованы в деятельности комитетов и отказывались вступать в них. На протяжении 1922 г. комитеты взаимопомощи были заняты изысканием средств для формирования фондов, агитационной работой среди крестьян и составлением списков инвалидов, сирот, вдов и семей красноармейцев. Окружные исполкомы шли на уступки и предписывали докладывать о деятельности ККОВ со времени снятия урожая и о количестве проживающих в селении нуждающихся<sup>19</sup>.

Социальный и партийный состав сельских комитетов в Кабардино-Балкарии на протяжении первого года менялся. Наряду с бедняками, представителями духовенства и сельскими активистами, в них вступала сельская интеллигенция — учителя, рабочие и служащие. На первых перевыборах муллы были объявлены «порочными» элементами и вытеснены из ККОВ. Они не имели теоретической и практической подготовки для служения советской власти, зато пользовались уважением горского населения и выполнили свое первоначальное предназначение — привлекли в ККОВ большое число крестьян. Уже в ноябре 1924 г. муллы и эфенди не числились в составе членов ККОВ. Членов партии было 97 чел., членов РЛКСМ — 37<sup>20</sup>. В постановлениях настойчиво рекомендовалось вводить все большее количество активных бедняков и середняков в состав ККОВ. Общее число работников на местах колебалось от 3 до 30 чел., причем постоянную работу осуществляли только председатель и два его помощника.

В конце октября 1922 г. Циркуляр № 128 НКСО официально упразднил положение о содержании комитетов общественной взаимопомощи за счет государственных средств. Такой шаг был призван укрепить доверие крестьян к этим организациям, чтобы они не считали их государственными органами, а воспринимали как собственные, которыми могут управлять по своему усмотрению. Эта мера имела для комитетов взаимопомощи в Кабардино-Балкарии обратный эффект. Большинство селений находилось на начальном этапе формирования фондов и вынуждены были объявить о реорганизации в связи с отсутствием помощи со стороны государства. В некоторых селениях минимальный запас фондов оказался в руках недобросовестных работников, пытавшихся улучшить свое положение за счет ККОВ. Например, по факту кражи зернового фонда были заведены уголовные дела в селениях Псыгансу<sup>21</sup>. Такие случаи вызывали недоверие к комитетам общественной взаимопомощи на селе. Слабая активность или полное бездействие привели к роспуску большинства из них.

Начало 20-х гг. XX в. связано с проведением землеустроительных работ в Кабардино-Балкарии и хозяйственно-экономическим обследованием региона. К работе были привлечены крупные ученые — С.И. Месяц, А.Н. Минин, Н.М. Яхонтов. Частновладельческие земли в количестве 86 500 десятин были переданы крестьянам. Были установлены новые гра-

ницы между селениями, произошло объединение и укрупнение отдельных сельских советов и комитетов взаимопомощи. При этом учитывались экономические и национальные особенности региона. Так, из Баксанского округа была выделена восточная часть, где преобладало русское население, и образован Прималкинский округ. Западная часть Баксанского округа, население которого преимущественно занималось животноводством, выделилась в Нагорный округ с центром в Пятигорске. Станицы Мало-Кабардинского и Прималкинского округов выделились в Казачий округ. После проведенного укрупнения сел повысилась эффективность комитетов взаимопомощи, перестали существовать «бумажные», а действующие получили возможность развернуться в полную силу. Власти признавали, что, наряду с сельскими советами, необходимы еще союзники в деревне, которые могли бы контролировать работу на местах. На этом фоне усиливается авторитет крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. Таким образом, укрупнение крестьянских комитетов имело не только экономическое, но и политическое значение. Крестьяне переселялись на более удобные земли. Переселенцам предоставлялись долгосрочные кредиты и строительные материалы. Объективно данный процесс приближал крестьян к земле, давал возможность расширить приусадебное хозяйство, но все же эти меры не укладывались в психологию крестьян, стремившихся сохранять родственные связи и оставаться на земле предков.

Для пополнения фондов комитетов взаимопомощи постановили изымать религиозные пожертвования и сборы — биттир, бытыр (добровольное пожертвование на нужды мечети) и деур-искат (выплата представителю духовенства за совершение погребального обряда)<sup>22</sup>. Эти меры были приняты и в отношении калыма — дара жениха родителям невесты. Средства конфисковывались и передавались в фонды ККОВ. Учитывая, что размер выплат мог быть внушительным, члены комитетов могли осуществлять изъятие как на месте, так и спустя определенное время («задним числом»). Параллельно на страницах местной периодики под громкими заголовками шла разъяснительно-агитационная работа по преодолению этих «пережитков» и «искоренению обычаев», так как «живое дело не может уложиться в застывшие рамки»<sup>23</sup>. Половина средств направлялась в фонд сельского ККОВ, другая половина пополняла фонды окружного и областного комитетов. С устраиваемых гуляний, игр и танцев устанавливался сбор для образования фондов по два пуда кукурузы в зерне, а с каждой свадьбы — по три пуда кукурузы<sup>24</sup>. Все недовольства пресекались с помощью ст. 73 УК.

Отрывочные сведения о формировании фондов Кабардино-Балкарии за 1922—1923 гг. не дают полной картины в связи с тем, что собранный десятинный сбор не фиксировался. В соответствии с Инструкцией члены комитетов взаимопомощи имели возможность принудительного взыскания средств с помощью советов и милиции, что способствовало превращению ККОВ в органы экономического принуждения, обостряя тем самым отношения внутри села между представителями советской власти и духовенством.

Председатель областного отдела ККОВ А. Абуков докладывал, что в 1924 г. на иждивении комитетов находилось 615 инвалидов, 3 968 сирот



и 2035 вдов красноармейцев, которым ежемесячно выплачивались пенсии и пособия<sup>25</sup>. Всего пенсионеров по области насчитывалось 144, из них 103 в городе, 41 в селениях со средней нормой пенсии 9 руб. 66 коп.<sup>26</sup> Думается, что эти цифры несколько занижены, так как многие сельские жители не имели возможности либо желания предоставить справки об инвалидности. Менталитет горцев исключал публичное признание в неспособности или бедности.

В селениях на долговременную денежную помощь рассчитывать не приходилось, так как здесь комитеты взаимопомощи могли предоставить только инвентарь во временное пользование. Практиковалась трудовая помощь семьям, впавшим во временную нужду или пострадавшим от стихийных бедствий. Масштабы и периодичность устанавливались в каждом случае индивидуально.

Для Кабардино-Балкарской автономной области 1924 г. оказался неурожайным<sup>27</sup>. Гибель урожая вызвала массовую распродажу крестьянами скота и сельскохозяйственного инвентаря за бесценок. Комиссия по неурожаю (в составе Максидова, Булычева, Боровицкого) констатировала гибель урожая на площади в 57957 дес. земли. Соответственно, начался активный приток крестьян в комитеты взаимопомощи, а количество обращений увеличилось вдвое. Отсутствие государственной поддержки и низкий уровень организации социальной помощи не позволили комитетам удовлетворить просьбы большинства крестьян. Так, более 14 тыс. чел. остались в ожидании помощи. Изыскивая другие способы оказания поддержки, комитеты стали предлагать трудовую помощь. Особенности экономического развития крестьянских хозяйств горцев (малоземелье, обеднение, большое количество бесскотных хозяйств) повышали значение трудовой помощи. Во всероссийском масштабе трудовую помощь именовали возвратной. Получив поддержку от комитета, крестьянин обязан был так или иначе ее вернуть. В Кабардино-Балкарской области трудовая взаимопомощь фиксировалась отрывочно. В 1923—1924 гг. от комитетов взаимопомощи такую помощь получили 217 хозяйств<sup>28</sup>. Чаще всего трудовая помощь оказывалась при постройке жилья, заготовке сена, при запашке земли, уборке урожая, подвозе древесины. В селении Безенги ККОВ помог запашкой 23 дес. земли, в Дейском — 15 дес., всего за 1924 г. вдовам и сиротам было обработано 612 дес. земли под пшеницу<sup>29</sup>. При этом многие члены ККОВ могли регулярно помогать родственникам и соседям. Чтобы получить официальную трудовую помощь от комитета, требовалось письменное разрешение президиума. Крестьяне избегали официальных обращений в адрес председателя. Владельцы рабочего скота, напротив, уклонялись от обременительных поручений комитета. Властям ничего не оставалось, как направлять трудовую помощь в русло безвозмездной коллективной работы.

В феврале 1924 г. Земельное управление КБАО получило от Областного ККОВ распоряжение о передаче комитетам взаимопомощи 2—3 дес. земли<sup>30</sup>. Общественная запашка была призвана пополнить фонды ККОВ. Решения о содержании земли принимались на собраниях ККОВ. Расчет государства на развитие коллективизма вновь не оправдался, так как содержание общественной запашки легло на плечи крестьян, обладавших рабочим скотом и инвентарем. Остальные вовсе не участвовали в работе.

Эксплуатация общественной земли не принесла ощутимого пополнения в фонды комитетов.

Другой формой пополнения фондов ККОВ стали аренда и создание промышленных предприятий. Циркуляр № 201 разрешил самостоятельную производственную деятельность. В КБАО в 1922—1924 гг. это направление не получило широкого распространения, так как большинство предприятий находились в тяжелом положении, а комитеты не могли осуществлять серьезных финансовых вложений на данном этапе. За 1924 г. были организованы лишь сапожная мастерская в Нальчике для семи инвалидов, артель корзиночно-мебельного производства в Прималкинском округе, объединившая восемь инвалидов, и инвалидный кооператив в Баксане. Небольшие мельницы, кузницы, маслобойки, созданные комитетами, обслуживали членов ККОВ по льготным ценам и приносили незначительный доход.

Таким образом, организационное оформление Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в селениях Кабардино-Балкарии в конце 1922 г. способствовало развитию коллективизма, материальной и трудовой взаимопомощи, сдерживало расслоение крестьянства. В то же время активное государственное вмешательство и административное давление сельских органов власти снижали доверие крестьян к ККОВ.

К середине 20-х гг. XX в. общий подъем сельского хозяйства привел к необходимости пересмотра подходов к развитию деревни. Крестьяне получили свободу в ведении хозяйства и возможность сдавать землю в аренду. Этот процесс привел к закономерному обогащению отдельной категории крестьян. Чтобы не потерять идеологическое воздействие на крестьян, государство «повернулось лицом к деревне»<sup>31</sup>. Эта политика предполагала вытеснение «зажиточного элемента» из сельских советов, кооперации и крестьянских комитетов.

Второй Всероссийский съезд ККОВ в 1924 г. объявил о реорганизации крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в крестьянские общества взаимопомощи (КОВ). Фактически реорганизация означала переименование и сохранила все прежние права и обязанности органов взаимопомощи. Происходило расширение социальной базы КОВ, они получили большую самостоятельность<sup>32</sup>. Сельские рабочие, врачи, учителя становились членами КОВ, промышленные и производственные предприятия КОВ освобождались от уплаты налогов и сборов. Был введен обязательный членский взнос и непереносимое участие в трудовой взаимопомощи и всех мероприятиях, проводимых КОВ. Эти изменения были зафиксированы в «Положении о крестьянских обществах взаимопомощи» от 25 сентября 1924 г.<sup>33</sup> Общества взаимопомощи избавлялись от опеки сельских органов власти, становились самостоятельными в сделках и операциях. По-прежнему избирались комитет из 3—7 чел. и ревизионная комиссия, которая осуществляла контроль деятельности КОВ на местах. Главным условием их эффективной деятельности было признано усиление коммунистических элементов в составе КОВ, что вступало в противоречие с крестьянским самоуправлением, провозглашенным на начальных этапах работы.

В сентябре 1925 г. НКССО принял Инструкцию Крестьянским обществам взаимопомощи, которая стала дополнением к Положению о КОВ.

Согласно этому документу, происходило расширение индивидуальной помощи, впредь КОВ должны были поддерживать различные местные объединения и учреждения (больницы, школы и т. д.). Ужесточался надзор за поступлением, расходом средств, за возвратом ссуд. В связи с этим традиционные формы оказания взаимной помощи отошли на второй план, уступив место директивности. Следуя общеполитическому курсу, в Инструкции было уделено внимание вовлечению женщин в общественную работу. ЦК КОВ 8 декабря 1925 г. издал документ «О поднятии активности крестьянки в практической работе КОВ и их выборных органах», который рекомендовал увеличить число активных женщин в составе обществ<sup>34</sup>.

Государственная помощь и активная работа общественных организаций на селе способствовали улучшению положения сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии к середине 20-х гг. XX в. Произошло увеличение посевных площадей, занятых зерновыми культурами, вырос посев технических культур. Посевная площадь увеличилась с 57 330 дес. в 1921 г. до 93 054 дес. в 1923 г.<sup>35</sup> Улучшились показатели численности рабочего скота за те же годы — с 100,9 до 135,9 тыс., количество лошадей — с 30,1 до 36,2 тыс., овец и коз — со 196,2 до 349,4 тыс. В Балкарии прирост наблюдался за счет основной отрасли — животноводства. Процесс подъема экономики неминуемо сопровождался социальным расслоением деревни. Сильные экономические позиции продолжало удерживать мусульманское духовенство. В сложившихся условиях власти придавали большое значение обществам взаимопомощи. Наряду с поддержкой малоимущих крестьян, они должны были способствовать созданию союза бедняков и середняков против зажиточных крестьян и мусульманского духовенства.

Преобразование ККОВ в КОВ и общий хозяйственный подъем НЭПа вызвали в Кабардино-Балкарии снижение интереса к органам взаимопомощи. Крестьянские общества взаимопомощи оказались в менее выгодном положении по сравнению с новыми кооперативными и кредитными объединениями. В результате вся ответственность была возложена на «кулаков» и представителей религии. Председатели КОВ жаловались на агитаторов (эфенди), которые выступали против сбора «сагида»<sup>36</sup>. К началу 1925 г. среди руководителей обществ взаимопомощи представителей духовенства уже не было. В том же году Областной КОВ возглавил Закерья Кайтукович Бозиев, который внес большой вклад в дальнейшее развитие обществ взаимопомощи.

Задачами новых КОВ в селениях Кабардино-Балкарии были признаны помощь сиротам, беспризорным детям, инвалидам, семьям погибших военнослужащих; помощь крестьянским хозяйствам, пострадавшим от природных бедствий, и гражданам, впавшим во временную нужду; защита хозяйственных и правовых интересов членов КОВ; борьба с беспризорностью, пьянством; помощь в укреплении сельской кооперации, содействие в организации трудовых объединений, популяризация сельскохозяйственных знаний, объединение крестьян в трудовые коллективы; содействие в оборудовании и содержании школ, больниц, яслей, детских домов, изб-читален, а также учреждение и содержание их собственными средствами<sup>37</sup>. Приоритетным направлением стала производственная деятельность.

Расширение социального состава КОВ привело к привлечению в общества женщин-крестьянок. Идеологические трудности, связанные с введением женщин в общественную работу, преодолевались нелегко. В августе 1924 г. областная комиссия объявила об обязательном включении в новые комитеты женщин-крестьянок. Так, на перевыборах Нагорного округа из 4 404 участников в КОВ были избраны 40 женщин<sup>38</sup>. Хотя эти цифры сами по себе невысокие (0,9%), для селений округа это был успех.

Как было отмечено выше, из руководящего состава КОВ были исключены представители духовенства и зажиточные крестьяне. Работу пришлось осваивать заново, так как новые председатели не пользовались авторитетом мулл и эфенди и с трудом могли донести до населения значение КОВ и их отличие от ККОВ. Сельские жители, длительное время находившиеся под защитой представителей духовенства и подчинявшиеся «божественному закону», не понимали смысла советских указаний и директив. Председатель ОблКОВ З.К. Бозиев регулярно выступал с критикой калыма, требуя передачи средств в фонды комитетов: «Отбирать калым в пользу комитетского фонда, сельскому комитету — 50%, окружному — 30%, областному — 20%»<sup>39</sup>.

Реорганизация комитетов взаимопомощи на начальном этапе привела к снижению эффективности работы. Новый состав не имел должного авторитета. В начале 1925 г. Президиум ЦИК в лице Б. Э. Калмыкова принял решение о реформировании существующих КОВ. Было предложено ликвидировать «бумажные» комитеты и провести укрупнение. В результате к сентябрю 1925 г. в КБАО насчитывался 81 комитет взаимопомощи против 53 в 1924 г.<sup>40</sup> Реорганизация КОВ имела положительное значение. Добровольное коллективное членство, механизация и упор на производственную деятельность придали обществам более устойчивый характер. Наладилась отчетность, живая связь с населением, кооперативными и кредитными организациями, а также с государственными органами. Возрос интерес со стороны крестьян и государства. Постепенно комитеты взаимопомощи стали неотъемлемой частью общественно-политической структуры села. От функции социального обеспечения комитеты взаимопомощи перешли к кооперации и коллективизации крестьянства.

В 1925 г. КОВы Кабардино-Балкарии охватывали 138 182 чел., в 1926 г. — 145 091 чел.<sup>41</sup> Фонды большей частью стали формироваться из членских взносов, а не «закята», как прежде. За 1926 г. З.К. Бозиев докладывал, что общее количество поступлений составило 199 131 руб., из них 133 415 — членские и периодические взносы<sup>42</sup>. Руководители КОВ оповещали о приоритете денежных взносов перед закятом, ведь за весь предшествующий период не удалось создать условий для хранения собранного урожая, что вело к его гибели. Таким образом, десятинный сбор перестал быть основой для формирования фондов комитетов взаимопомощи. Дополнительным источником пополнения средств стала прибыль от других направлений деятельности: эксплуатация предприятий, сдача в аренду земли и инвентаря, общественная запашка. Общества взаимопомощи в 1925 г. открыли в Каменноостском пекарню, в Сармаково — кузнечную мастерскую, в Ташлы-Тала заработал известково-черепичный завод. В 1926 г. наблюдался значительный рост предприятий, организованных КОВ. Во всех селах появились торговые лавки; в Нальчике была

построена сапожная мастерская; мельницы в с. Дейское, Старый Урух, Каменноостское; кирпично-черепичные заводы в Старом Черее, Псыгансу, Нижнем Чегеме; в Пришибском — томатный завод и т. д. К началу 1928 г. ОблКОВ отчитался об общем доходе в 29 552 руб.<sup>43</sup> Вся прибыль поступала в фонды КОВ.

Благоприятные условия кредитования позволили комитетам создать собственный парк сельскохозяйственных машин. Если в 1925 г. КОВы приобрели 14 тракторов «Фордзон», то в 1926 г. — уже 73<sup>44</sup>. Помимо этого, закупались молотилки, сноповязалки, сенокосилки, веялки, плуги и т. д. Сельхозмашинами пользоваться не умели, что не позволяло сразу приступить к сложным агрокультурным мероприятиям. Тем не менее техника значительно ускорила обработку земли. Данное направление деятельности КОВ оказалось прибыльным для всех участников, включая государство. Так, органы власти могли предоставлять предприятия в аренду, председатели и члены КОВ заключали выгодные сделки с зажиточными крестьянами, середняки пользовались льготами, а бедняки получали дополнительный заработок.

В целом к 1927 г. наблюдается устойчивый рост эффективности комитетов взаимопомощи. Продолжалась работа по оказанию трудовой помощи населению, по предоставлению различных видов правовой поддержки (защита в суде, заключение и расторжение договоров, составление исков).

В 1927—1928 гг. происходит трансформация правового статуса крестьянских обществ взаимопомощи. Неудачи хлебозаготовительной кампании 1928 г., дублирование функций КОВ и сельских советов, необходимость ускоренной коллективизации поставили перед властью новые задачи. В связи с переходом к массовой коллективизации крестьянских хозяйств крестьянские общества взаимопомощи получили распоряжение об оказании содействия в этом вопросе. В 1929 г. крестьянскими обществами взаимопомощи КБАО было организовано 22 колхоза на 478 хозяйств<sup>45</sup>. Интенсивная работа по обеспечению фондов колхозов привела к ликвидации обществ взаимопомощи. Вместо них были организованы кассы общественной взаимопомощи в составе колхозов. Положение о кассах общественной взаимопомощи, опубликованное 13 марта 1931 г., законодательно закрепило их оформление<sup>46</sup>. Денежные и натуральные фонды КОВ, урожай 1929—1930 гг., инвентарь, сельхозмашины, постройки, промышленные предприятия, членские взносы переходили в распоряжение колхозов. Началась массовая ликвидация комитетов, а все результаты многолетней работы оказались под угрозой, так как накопленное имущество передали административным властям на местах. По Северо-Кавказскому краю из 2 046 КОВ было образовано 999 касс общественной взаимопомощи. Они передали имущества на 3 191 863 руб.<sup>47</sup>

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. государственная политика по отношению к крестьянским обществам кардинально изменилась. С началом сплошной коллективизации КОВы потеряли свое назначение, став одной из форм психологической и практической подготовки крестьян к коллективным хозяйствам. Их материальные фонды были переведены в фонды касс взаимопомощи при колхозах, и они прекратили свое существование.

Таким образом, советское государство в 20-е гг. XX в. на примере крестьянских комитетов общественной взаимопомощи успешно реализовало программу по социальному обеспечению многочисленного крестьянского населения. Взяв за основу веками отработанную систему взаимной помощи, власть за короткое время восстановила экономическую базу деревни и включила сельских жителей в новую жизнь. Для Кабардино-Балкарии деятельность ККОВ приобрела особое значение, так как комитеты взаимопомощи смогли без грубого вмешательства в повседневную жизнь горских крестьян привлечь их к общественно-политической работе.

### *Примечания*

1. ПОЛЯКОВ Ю.А. 1921-й: победа над голодом. М. 1975, с. 17—18.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 2243, оп. 1, д. 7, л. 55.
3. АЛЕКСАНОВ П.А. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (1921—1925 гг.). — История СССР. 1964. № 5, с. 92.
4. Управление центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (УЦГА КБР). Ф. Р-489, оп. 1, д. 7, л. 158.
5. ГАРО. Ф. 2243, оп. 1, д. 7, л. 55.
6. Там же.
7. Там же, ф. Р-1182, оп. 2, д. 520, л. 27.
8. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России имперского периода (XVIII—начало XX в.). СПб. Т. 1—2. 1999, с. 456.
9. АБУЛОВА Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа 1917—1937 гг. Ростов н/Д. 1984, с. 102.
10. УЦГА КБР. Ф. Р-489, оп. 1, д. 7, л. 15.
11. Там же, л. 12.
12. Там же, ф. Р-2, оп. 1, д. 75. Т. I, л. 87.
13. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 2. Нальчик. 1979, с. 133.
14. УЦГА КБР. Ф. Р-3, оп. 1, д. 121, л. 14.
15. Там же.
16. Там же, ф. Р-489, оп. 1, д. 7, л. 12.
17. Там же, ф. Р-2, оп. 1, д. 46, л. 12.
18. Там же, д. 75. Т. 1, л. 23.
19. Там же, ф. Р-109, оп. 1, д. 18, л. 8, 9.
20. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ). Ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 5.
21. УЦГА КБР. Ф. Р-489, оп. 1, д. 7, л. 84.
22. Там же, ф. Р-5, оп. 1, д. 218, т. 1, л. 99.
23. ГАРО. Ф. Р-1182, оп. 2, д. 520, л. 27.
24. УЦГА КБР. Ф. Р-489, оп. 1, д. 7, л. 245.
25. Там же, ф. Р-21, оп. 1, д. 20, л. 74об.
26. Там же, ф. Р-2, оп. 1, д. 323, л. 72.
27. Там же, ф. Р-5, оп. 1, д. 119, л. 15—17.
28. Там же, ф. Р-8, оп. 1, д. 80, л. 100.
29. Там же, ф. Р-21, оп. 1, д. 20, л. 74.
30. Там же, ф. Р-2, оп. 1, д. 75, т. II, л. 304.
31. ВЕНЕР М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924—1925 гг.). — Отечественная история. 1993. № 5, с. 86.
32. ГАРО. Ф. Р-1798, оп. 1, д. 250, л. 147.
33. УЦГА КБР. Ф. Р-232, оп. 1, д. 3, л. 28.
34. ГАРО. Ф. 3528, оп. 1, д. 3, л. 6.
35. БЕРБЕКОВ Х.М. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1963, с. 141.

36. УЦГА. Ф. Р-2, оп. 1, д. 16, т. I, л. 3.
37. ТИХИЙ А. Создавайте новые, работоспособные комитеты взаимопомощи. — Карахалк. 12 августа, 1925.
38. УЦГА КБР. Ф. Р-232, оп. 1, д. 1, л. 71.
39. Там же, д. 11, л. 11.
40. Там же, ф. Р-2, оп. 1, д. 260. Т. II, л. 353.
41. Там же, д. 358, т. III, л. 475.
42. Там же, д. 312, л. 119.
43. БОЗИЕВ З.К. 3-й Областной съезд ККОВ. — Карахалк. 28 февраля, 1928.
44. УЦГА КБР. Ф. Р-5, оп. 1, д. 270, л. 99.
45. ГАРО. Ф. 3528, оп. 1, д. 2, л. 91.
46. АЛЕКСАНОВ П.А. Ук. соч., с. 103.
47. ГАРО. Ф. Р-3528, оп. 1, д. 2, л. 16, 14.

# Особенности правового взаимодействия участников экспедиций по изучению Тихоокеанского региона (конец XVII — начало XVIII вв.)

А.Ю. Петров, И.В. Савельев

---

*Аннотация.* В статье рассматриваются обстоятельства возникновения и реализации правовых норм и их имплементация в Сибири и на Дальнем Востоке в Петровскую эпоху. Изучены особенности взаимодействия различных институтов власти при совершении экспедиций в северную часть Тихого океана. Показано, какие группы населения принимали участие в освоении новых территорий в Тихоокеанской регионе. Рассмотрены особенности сбора ясака на осваиваемых территориях. Исследованы особенности взаимодействия с европейскими колониальными державами. Статья подготовлена на основе междисциплинарного подхода с использованием сведений из отечественных и зарубежных архивов.

*Ключевые слова:* История Русской Америки, Сибирь, экспедиции, географические исследования, колониальное право, Морской устав.

*Abstract.* The article examines the circumstances of the emergence and implementation of legal norms and their implementation in Siberia and the Far East in the Peter the Great era. The features of the interaction of various government institutions during expeditions to the northern part of the Pacific Ocean are studied. It is shown which population groups participated in the development of new territories in the Pacific region. The features of collecting yasak in the developed territories are considered. The features of interaction with the European colonial powers are investigated. The article is prepared on the basis of an interdisciplinary approach using information from domestic and foreign archives.

*Key words:* History of Russian America, Siberia, expeditions, geographical research, colonial law, Maritime charter.

---

Предпосылками для освоения дальневосточных рубежей Российской империи в начале XVIII в. стало активное освоение Сибири, выразившееся в развитии промыслов и сельского хозяйства, строительстве укрепленных поселений, дорог, развитии Русской православной церкви.

В последние годы изучение истории освоения севера Тихого океана происходит на междисциплинарной основе. Появляются работы историков, филологов, экономистов, археологов и юристов. Одним из важных направлений является изучение правовых норм, регулировавших отношения с представителями различных социальных групп населения России в ходе частных и государственных экспедиций на севере Тихого океана. Особое внимание уделяется взаимодействию с представителями других



стран и с коренным населением Дальнего Востока, Сибири, Курильских и Алеутских островов. Данные вопросы мы уже рассматривали в ряде специальных публикаций, которые вызвали плодотворную научную дискуссию<sup>1</sup>. Кроме того, в ходе международной конференции «История и наследие Русской Америки: истоки и переосмысление», прошедшей в Институте всеобщей истории РАН 20 ноября 2020 г., было предложено обратиться к истокам становления колониального права. В данной статье мы рассмотрим указанную проблему.

При постановке проблемы мы опирались на школу юридической и историко-правовой науки России (И. Д. Беляев, В. Н. Латкин<sup>2</sup> и другие), эволюцию взаимоотношений имперского центра и местной администрации (В. Е. Романовский, Н. П. Ерошкин<sup>3</sup> и т. д.), а также развитие гражданского права в разрезе деятельности акционерных обществ (Г. В. Шершеневич, К. П. Победоносцев<sup>4</sup> и другие). Отечественные правоведы Ф. Ф. Мартенс и В. В. Еремян использовали понятие колониального права, но при этом рассматривали его отдельные региональные аспекты<sup>5</sup>.

Рассматриваемая проблема была лишь косвенно затронута в ряде специальных исторических исследований: П. А. Тихменевым — при изучении проникновения русских на Аляску, С. Б. Окунем — при развитии теории о широком плане экспансионистских стремлений государства, Р. В. Макаровой — при описании деятельности первых промысловых компаний, С. Г. Фёдоровой — при обсуждении вопросов, связанных с этнографией Русской Америки, А. Ю. Петровым — при анализе финансово-хозяйственной деятельности освоения территорий на северо-западе Америки. Митрополит Климент (Капалин) писал об этом, раскрывая вопросы взаимодействия Русской православной церкви с жителями Алеутских островов и Аляски, Г. Банкрофт — при рассмотрении процесса проникновения русских на Аляску и в Калифорнию, Дж. Гибсон — при выявлении особенностей снабжения продовольствием колоний на Аляске, Б. Дмитришин — в ходе анализа административного аппарата Российско-американской компании<sup>6</sup>.

В 90-х годах XX в. на многие процессы в истории Русской Америки удалось взглянуть по-новому. Тогда появилась возможность привлечь данные различных дисциплин, что было вполне закономерно, так как «в эпоху глубоких политических и национальных перемен всегда возрастала

---

*Петров Александр Юрьевич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета. E-mail: [alaska13@yandex.ru](mailto:alaska13@yandex.ru); *Савельев Иван Вячеславович* — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права сравнительного правоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: [i.savelev@narfu.ru](mailto:i.savelev@narfu.ru).

*Petrov Aleksandr Yu.* — doctor of historical sciences, senior research fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, professor of Moscow State Linguistic University. E-mail: [alaska13@yandex.ru](mailto:alaska13@yandex.ru); *Savelev Ivan V.* — candidate of historical sciences, associate professor, head of international law and comparative jurisprudence department, Northern (Arctic) federal university named after M. Lomonosov. E-mail: [i.savelev@narfu.ru](mailto:i.savelev@narfu.ru).

---

роль гуманитарных наук, особенно истории»<sup>7</sup>. В это время Н.Н. Болховитинов подготовил серию публикаций, посвященных истокам Русской Америки, значение которых актуально и поныне<sup>8</sup>.

Со времени образования русского централизованного государства главной доминантой его развития становится практика «собираания земель». Это определило специфику формирования российской государственности, заключающуюся в ее многонациональном характере. При этом народы и племена, входившие в состав государства, как правило, сохраняли самобытность и определенную автономность. В этом заключается отличие отечественной практики включения новых земель в состав страны от западноевропейских процессов<sup>9</sup>.

Переломным периодом в истории России в Новое время принято считать рубеж XVII и XVIII вв.<sup>10</sup> Именно в это время создается Российское имперское государство. Внешне- и внутривосточные факторы его формирования можно рассматривать в качестве детерминанты образования имперской формы российской государственности<sup>11</sup>. В связи с этим Россия стремилась обеспечить безопасность как западных, так и восточных своих границ. Имперская государственная власть при наполнении политико-правового пространства проявлялась в характере политики по отношению к присоединяемым территориям. Мы полагаем, что это происходило как в результате войн (Прибалтика, прикаспийские территории и т.д.), так и в процессе экспедиционных открытий (Курильские и Алеутские острова, Аляска).

В историографии вопросы, связанные с причинами и ходом освоения новых территорий на севере Тихого океана, освещаются по-разному. Так, некоторые исследователи полагают, что в присоединении новых территорий отсутствовал экономический расчет, а имелся лишь политический аспект<sup>12</sup>. Н.П. Коркунов утверждал, что Россия «постепенно овладела своими окраинами и на западе, и на востоке в силу чисто политических побуждений»<sup>13</sup>. Мы полагаем, что это односторонние суждения. В погоне за прибылью и новыми пушными богатствами русские продвигались все дальше на восток. Н.Н. Болховитинов писал: «В бескрайние просторы Сибири русских вел соболиный хвост. К берегам Америки их манил бесценный мех морского бобра»<sup>14</sup>. Пушнина способствовала обогащению многих категорий населения Сибири, она стала «мягким золотом»<sup>15</sup>. Соответственно, необходимо выделять как политические, так и экономические причины движения русских к берегам Тихого океана.

Государство в Петровскую эпоху поддерживало инициативу в освоении вновь открытых территорий, хотя и располагало ограниченными возможностями. Для их реализации привлекался частный капитал. Формировалось своеобразное государственно-частное партнерство с характерными правовыми нормами. Казачество и поморы продвигали дальневосточный фронт Российской империи. Если поморы составляли основную массу мореходов и торговцев (имели опыт проживания в суровых условиях, умели вести хозяйство на севере, располагали подходящей одеждой и снаряжением), то казаки обеспечивали безопасность и военное сопровождение походов. В отличие от поморов, которые имели административную и хозяйственную самостоятельность, казаки были служилым сословием и подчинялись различным органам государственной власти.

После первичного закрепления на новой территории казачий круг обращался к властям для введения прямого правления.

Во время похода, как и в военное время, обычное право наделяло относительной полнотой власти главу экспедиции — атамана, что предполагало единоличное принятие им решений<sup>16</sup>. Должность атамана являлась выборной<sup>17</sup>, что теоретически делало его власть более легитимной. В мирное время атаман, как правило, был исполнителем решений казачьего круга.

К задачам атамана на основании норм обычного права относилось поддержание дисциплины во время похода. Так как поход приравнивался к военному событию, атаман имел право жизни и смерти в отношении своих подчиненных. Представляется, что в условиях, когда немногочисленным участникам похода противостояло все местное население и каждый участник был на счету, подобная санкция применялась крайне редко, уступая в распространенности телесным и дисциплинарным наказаниям.

На атамане лежала обязанность приведения в российское подданство населения открытых земель и обложение их ясаком. В большинстве случаев это происходило мирным путем, поскольку в русских коренные народы видели защитников от своих воинственных соседей. В случае опасности атаман единолично мог принять решение о подавлении сопротивления со стороны коренного населения. По окончании похода его глава подавал в Сибирский приказ отчет (сказку) о результатах, а также сообщал о географических открытиях, населении новых территорий и прочие сведения, перечень которых мог меняться<sup>18</sup>.

Между тем уже к началу 20-х гг. XVIII в. Пётр I выразил явное стремление сократить казачьи вольности и усилить личный контроль над всеми процессами, происходящими на дальневосточных рубежах Российской империи. Имперская направленность проявилась и в экспедиционной деятельности, которая осуществлялась уже не вольными дружинами под руководством казаков, а офицерами, напрямую подчинявшимися командованию и императору лично. Петровская эпоха привносит государственный интерес, единоначалие и утвержденные правовые нормы, с которыми должны были отныне считаться казаки и поморы, устремившиеся в Сибирь и на Дальний Восток за пушниной, ценными металлами и просто в поисках лучшей доли<sup>19</sup>. Вслед за казаками и поморами появлялась в крае администрация, которая состояла уже из представителей других регионов России. При этом формирование русского фронта было в основном сопоставимо в концептуальных положениях с развитием приграничных территорий в Северной Америке<sup>20</sup>.

При открытии новых территорий активно применялись принципы первооткрытия и первозаселения. Они повлияли на правосубъектность русского монарха и правовой статус территорий. Традиционно новые земли попадали в казенную собственность, то есть переходили в разряд государственных (коронных). Отношения между российским монархом и вождями коренных народов основывались на обычно-правовых представлениях о суверенитете монарха, его верховной власти над подконтрольной ему территорией и независимости во внешних сношениях, способности создавать нормы международного права при заключении международных договоров.

Российское государство при освоении новых земель уважало суверенные права вождей или правителей коренных народов. В отношении со знатью народов Сибири, Дальнего Востока, а в дальнейшем и Русской Америки, находившихся на до- и раннегосударственной стадии развития, московская дипломатия использовала фикцию, которая позволяла рассматривать племенных вождей как суверенов своих земель<sup>21</sup>. Присоединение новых территорий, по мнению Л.Н. Гумилева, было в целом мирным процессом: «единственным практическим следствием русского присутствия для аборигенов стал ясак (уплата одного-двух соболей в год), который инородцы понимали как подарок, дань вежливости “белому царю”»<sup>22</sup>. Ученый полагал, что выплата ясака воспринималась как своеобразная форма торговли. Между тем сбор ясака мог быть разорительным для коренных народов.

Начальную границу истоков колониального права при освоении Тихого океана можно обозначить серединой XVII века<sup>23</sup>. В это время состоялось плавание Ивана Москвитина (1639 г.), который дошел до Охотского моря. С.И. Дежнев (1648 г.) доказал, что восточные пределы России омываются морем. Именно об экспедиции Дежнева нам могут рассказать наиболее ранние источники, позволяющие судить о том, как регулировались взаимоотношения между членами экспедиции и государственными властями Сибири.

По всей видимости, экспедиция Дежнева была одобрена русским царем, что позволило якутскому приказчику П. Ходыреву в 1639 г. выдать грамоту о сборе ясака. В этой грамоте, которая имела вид инструкции, четко обозначен маршрут и цели экспедиции: найти выдающийся далеко в море мыс и «нос», а также выяснить, на каких двух островах живут народы, с которых требовалось взять ясак. Характерно, что при всей свободе реализации правовых норм между членами экспедиции и народами, с которых следует собрать ясак, нарушить, изменить или отменить инструкцию Дежнев не мог. Собственно, и отчет Дежнева строился как отчет о выполнении маршрута<sup>24</sup>. Это была также одна из первых инструкций или наставлений по исследованию севера Тихого океана.

Изучение дальневосточных рубежей империи продолжилось при Петре I: страна вышла на мировую дипломатическую арену. Одна из первых разведок русскими севера Тихого океана была предпринята в 1722 г., ее произвели геодезисты И.М. Евреинов и Ф.Ф. Лужин. Исследователи отправились к северным Курильским островам, но ответить в итоге на вопрос, «сошлася ли Азия с Америкой»<sup>25</sup>, не смогли. Инструкция, выданная императором главе экспедиции, была весьма краткой. В ней было намечено географическое направление исследований. Была указана необходимость картографической фиксации сделанных открытий. Документ содержал положение о финансовой и административной поддержке плавания со стороны Сибирской губернии: «об отправлении Вашем от Тобольска и о даче подвод, провозатых и прочего, в чем вам будет нужда, Сибирской губернии <...> управителям указ послан», без подчинения власти губернатора<sup>26</sup>. Ответственность геодезисты несли перед императором, что нашло свое отражение в письме на имя сибирского генерал-губернатора Измайлова: «ответствовать самому его царского величества»<sup>27</sup>. Местные власти получили от главы государства указание «отправить [Евреинова

и Лужина] до Камчатки и далее и для того дать им провожатых, сколько человек пристойно, из таких людей, которые гораздо были сведомы о тамошних местах, также (и) подводы и прочее, чего они будут требовать, дабы ни в чем им остановки не было. И пока они там будут, то велите им давать кормовые деньги по 5 рублей на месяц»<sup>28</sup>. Обеспечение всем необходимым экспедиции Лужина и Евреинова осуществлялось местными властями по личному указанию Петра I. Адмиралтейств-коллегия была вовлечена в этот процесс с позиции проведения гидрографических изысканий. При этом взаимодействие Адмиралтейств-коллегии и сибирских властей, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, было минимальным.

Следующим шагом по проникновению русских к берегам Америки можно считать подготовку и осуществление Первой Камчатской экспедиции под руководством датчанина на русской службе Витуса Беринга. Император собственноручно написал для Беринга инструкцию, в которой поставил задачу отправиться с Камчатки на поиски новых земель<sup>29</sup>. По объему она была еще короче, чем инструкция Евреинову, и содержала основу для формирования новых правовых норм, которые были разработаны уже Адмиралтейств-коллегией. Эта инструкция была объявлена секретной, и вручили ее Берингу только в день его отъезда в Сибирь. Здесь нам хотелось бы отметить еще одну причину этой секретности, которая была связана со стремлением избежать конфликта с западными странами по вопросам международного колониального права, нормы которого уже действовали в Западной Европе с конца XV в., но еще не применялись в России. В первую очередь наблюдалось стремление избежать конфликта с Мадридским двором, который считал север Тихого океана своими колониальными владениями<sup>30</sup>.

Одновременно с инструкцией Берингу были выданы предписания Адмиралтейств-коллегии относительно организации экспедиции. Ему поручалось обеспечить кадровый состав и его материальную составляющую: «сыскать геодезистов, тех, которые были в Сибири и приехали... сыскать ис порутчиков или ис подпорутчиков морских достойного, ково с ними послать в Сибирь на Камчатку... отпустить ... парусов, блоков, шхив, веревок и прочего»<sup>31</sup>. Для обеспечения экспедиции штурманами, знающими воды к северу от Японии, коллегия была уполномочена рекрутировать специалистов из Голландии<sup>32</sup>.

В отличие от предыдущих плаваний, ни один из сибирских чиновников, вплоть до генерал-губернатора, не давал Берингу наставлений, как было принято до этого. У него были письма к сибирским властям и копия личного царского указа. Этого было более чем достаточно, чтобы вопросы снабжения экспедиции решались быстро. Беринг в глазах местных чиновников наделялся практически теми же полномочиями, что и высшее губернское руководство. Действующие в Сибири правовые нормы в случае проступков членов команды Беринга могли быть применены только с его согласия. В ряде позиций полномочия Беринга даже превосходили власть генерал-губернатора. Так, ему были обязаны доставить провиант, лошадей, военную амуницию даже в том случае, если все это было в ограниченных количествах в местности, через которую проходила экспедиция. На этот счет Беринг имел соответствующие бумаги от

Адмиралтейств-коллегии<sup>33</sup>. Кроме того, организация экспедиции регулировалась указами Сената, который обязал сибирского губернатора князя М. В. Долгорукова оказывать Берингу всестороннюю помощь<sup>34</sup>.

В дальнейшем, уже в 30-х гг. XVIII в., Адмиралтейств-коллегия дала Берингу более четкие инструкции, касающиеся организации экспедиции, с учетом вопросов жалования членам команды, платежа прогонов и т. д.<sup>35</sup>. Экспедиции Петровской эпохи вызвали тревогу в европейских правительствах, и особенное беспокойство выражал Мадридский двор, прямо указывая на отсутствие согласованности принятых норм Российским руководством.

Французский посол Эдуард Саломон Фонтон 1 октября 1734 г. писал: «В конце правления царь Пётр Великий наказал совершить путешествия капитану Берингу в Восточном море у Камчатки, в связи с чем в 1724 году были направлены на Камчатку служащие Петербургского адмиралтейства, дабы построить в порту оной судно, пригодное для совершения открытий в Восточном море. Я читал подписанные капитаном приказы. Они были довольно краткими и гласили о том, что капитан должен как можно быстрее выйти из порта Камчатки и следовать вдоль российских земель, всегда оставаясь на северо-востоке до 6-й степени широты; 2 градусов долготы; если он обнаружит на этой высоте какие-то неизвестные донныне земли, он исследует их и высадится туда, дабы узнать у жителей, находятся ли они в подданстве у каких-либо европейских князей, и что это за князья, после чего он вернется на Камчатку, независимо от того, обнаружил ли он новые ему земли или нет. Пётр I был убежден, что континент Америки соединяется с Азией, что позволяет русским очень легко сообщаться с народами Америки через Восточное море»<sup>36</sup>.

Пётр Первый приказал задействовать при организации экспедиций регулярный флот, а на флоте действовал армейский принцип единоначалия и беспрекословного подчинения капитану. В свою очередь, капитан руководствовался Морским уставом 1720 г.<sup>37</sup>. Думается, что прямое действие этого документа отчасти объясняет краткость инструкций Евреинovu и Берингу — в основном все взаимоотношения участников плавания регулировались Уставом, и не было необходимости дублировать их в инструкциях.

Большинство статей Морского устава были неприменимы в полной мере к реалиям экспедиций, поскольку они касались вопросов осуществления боевой деятельности, что не предполагалось. Между тем имелись и такие положения, которые могли быть использованы в полном объеме<sup>38</sup>.

Устав состоял из пяти томов, первый из которых касался исполнения своих обязанностей морскими офицерами. Для экспедиционной деятельности положения этого раздела могли быть применимы в части разрешения капитану военного судна брать под свое начало частные суда<sup>39</sup>. Это положение устава использовалось Берингом при навигации по сибирским рекам к месту постройки судов для дальнего плавания.

Материалы второго тома, определяющие перечень флотских чинов и ранги военных кораблей, порядок отдачи корабельных почестей и т. д. могли быть использованы для регулирования взаимоотношений между участниками правительственных экспедиций, состоявших из одного-двух кораблей.

Статьи третьего тома касаются правового статуса капитана судна, других офицеров команды, корабельного священника и корабельного лекаря, а также других членов команды. Особенности применения статей этого тома можно проследить по сохранившимся дневникам членов Первой Камчатской экспедиции мичмана П. А. Чаплина и лейтенанта А. И. Чирикова <sup>40</sup>. Глава первая этого тома наделяла капитана — главу экспедиции — значительными правами и обязанностями: «Капитан должен быть почтен как губернатор на своем корабле». Применение этой нормы можно зафиксировать при принятии Берингом решения о завершении Первой Камчатской экспедиции, хотя некоторые офицеры придерживались иной точки зрения. Капитан должен был заботиться о материальном и боевом обеспечении судна и команды. Он же определял порядок несения вахты и с этой целью делил всю команду на части, что четко соблюдалось Берингом при навигации в Тихом океане во время Первой Камчатской экспедиции. Отдельные правила определяют характер общения лиц, находящихся на борту судна. Офицеры и прочие участники экспедиции должны были «любить друг друга верно, как христианину подлежит» <sup>41</sup>. При организации высадки осуществлялась перепись направляющихся на берег лиц. Благодаря этой норме мы знаем порядок высадки членов команды на берег по завершении экспедиции: «По полудни господин капитан отправился с бота в острог и прочим служащим приказано перебираться. Из офицеров посла с бота лейтенант Шпанберг. И тогда вымпел спустили, а бот со всеми вещами приказано отдать подшкиперу Белому, здешнего острога управителю с роспиской, что и учинено» <sup>42</sup>. Отдельная норма запрещала капитану участвовать в торговле. В случае нужды в провианте или такелаже капитан имел право пополнять свои запасы товарами с частных судов (российских и союзнических). Выданные за товары расписки подлежат компенсации Адмиралтейств-коллегией. С выполнением этой нормы уже после завершения экспедиции у Беринга были определенные затруднения, ему пришлось писать подробные пояснения руководству Адмиралтейств-коллегии спустя годы после завершения плавания <sup>43</sup>.

Четвертый том устава регулировал отношения между членами команды. Запрещалось богохульство, чернокнижие, идолопоклонничество, непочтение к священнику, азартные игры, пьянство, торговля табаком и спиртным, содержание в неопрятности личных вещей и корабельного имущества, привод на борт лиц женского пола. Этот же том определял нормы пищевого и вещевого довольствия членов команды и порядок их награждения. У капитана даже были полномочия указывать местному начальству на то, как население обеспечивается провиантом. Это вполне проявилось, когда Беринг прибыл в Охотск и нашел амбары, в которых хранился такелаж, съестные припасы и амуниция в плачевном состоянии, и через Якутскую канцелярию распорядился построить новые <sup>44</sup>.

Пятый том посвящен специальным воинским и другим тяжким преступлениям: неповиновение командиру, неисполнение или «непристойное обсуждение» приказа, самовольное обнажение шпаги, самовольное покидание вахты или сон на вахте, организация драки, дуэли, убийство, изнасилование, кража и т. д. Вид и характер наказания мог определять капитан <sup>45</sup>.

Таким образом, положения морского устава становились источником правовых норм, регулирующих отношения между военными и гражданскими участниками экспедиций по освоению азиатско-тихоокеанского региона.

В Морском уставе можно найти лишь косвенные упоминания о взаимодействии с коренными народами Российской империи. Это взаимодействие регулировалось нормами, сложившимися в начале XVIII в.

Особенность отечественного правового регулирования в то время заключалась в том, что все присоединенные земли переходили в государственную собственность и попадали под коронное управление (в отличие от XIX в., когда принадлежащая империи территория Русской Америки находилась под управлением формально независимой Российско-американской компании). Все представители коренных народов становились подданными Российского государства и переходили в разряд «ясашных людей». Появились первые нормативно-правовые акты, освобождающие отдельные группы местного населения от ясашной и рекрутской повинностей (в дальнейшем это будет реализовано в отношении коренных жителей Русской Америки и Курильских островов)<sup>46</sup>.

В процессе освоения Сибири сложилась система норм обычного права, регулирующих положение аманатов. Хотя в последние годы появились работы по истории аманатства, думается, что историко-когнитивный компонент применительно к освещению Сибири и Русской Америки все еще заслуживает отдельного комплексного изучения.

Таким образом, развитие организованной экспедиционной деятельности, основанной на российских нормах обычного права и положениях Морского устава, получило развитие во время правления Петра I. Именно начиная с правления первого российского императора сухопутный вектор расширения государства дополняется морским. Вплоть до окончания Северной войны страна располагала ограниченными человеческими и материальными ресурсами для развития дальневосточной экспедиционной деятельности, хотя этот вопрос был актуален с самого начала Петровской эпохи. Полномасштабная дальневосточная программа была намечена уже после провозглашения государства империей. Потенциал этой программы оказался столь значительным, что его реализация происходила уже в послепетровскую эпоху вплоть до середины XIX в., когда, уступив Аляску, Россия отказалась от дальнейшего продвижения на восток.

#### *Примечания*

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20—09—42044.

1. ПЕТРОВ А.Ю., митрополит КЛИМЕНТ (КАПАЛИН), МАЛАХОВ М.Г., ЕРМОЛАЕВ А.Н., САВЕЛЬЕВ И.В. История и наследие Русской Америки. — Вестник Российской академии наук. Т. 81. 2011. № 12, с. 1090—1099.
2. БЕЛЯЕВ И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М. 1879; ЛАТКИН В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб. 1909.
3. РОМАНОВСКИЙ В.Е. Государственные учреждения древней и новой России. М. 1911; ЕРОШКИН Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1983.



4. ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М. 1995; ПОБЕДОНОСЦЕВ К.П. Курс гражданского права. В 3-х частях. СПб. 1868.
5. МАРТЕНС Ф.Ф. Африканская конференция в Берлине. Колониальная политика современных государств. — Вестник Европы. Т. VI. 1885; ЕРЕМЯН В.В. Местное самоуправление и муниципальное управление в Латинской Америке: исторический опыт генезиса. М. 1999.
6. ТИХМЕНЕВ П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действие ее до настоящего времени. Ч. I, II. СПб. 1861, 1863; ОКУНЬ С.Б. Российско-американская компания. М. —Л. 1939; МАКАРОВА Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М. 1968; ФёдорОВА С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М. 1971; ПЕТРОВ А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799—1867). М. 2006; Митрополит КЛИМЕНТ (КАПАЛИН). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М. 2009; BANCROFT H. History of Alaska (1730—1885). — Works of H.H. Bancroft, vol. XXXIII. San Francisco. 1886; GIBSON J. Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America. 1784—1867. N.Y. 1976; ДМУТРИШИН В. The Administrative Apparatus of the Russian-American Company, 1798—1867. — Canadian-American Slave Studies. 1994. Vol. 28. No. 1.
7. КАРПОВ С.П. Размышления о понимании истории. — Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 1, с. 3—17.
8. БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. Россия открывает Америку. 1732—1799. М. 1991.
9. БОЧАРНИКОВ И.В. Роль казачества в освоении новых земель России. — Человеческий капитал. 2018. № 2, с. 9.
10. МИРОНЕНКО С.В. Россия на пути модернизации. — Российская история. 2018. № 3, с. 3—18.
11. КОДАН С.В. Имперские параметры государства и права в России (первая половина XVIII — начало XX века). — Российский юридический журнал. 2013. № 1, с. 16—18.
12. БИЮШКИНА Н.И., БЕЛЯКОВ Д.А. Особенности правового регулирования договорной уступки Аляски. М. 2018, с. 52.
13. КОРКУНОВ Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная. СПб. 1897, с. 180—181.
14. История Русской Америки (1732—1867). В 3-х томах. Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1725—1867). М. 1999. с. 8—9.
15. ПЕТРОВ А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М. 2012, с. 15—21.
16. ГУБАРЕВ В.В. Книга о казаках. Материалы по истории казачьей древности. Париж. 1957, с. 181.
17. Энциклопедия казачества. / Сост. Губарев Г.В. М. 2008, с. 29.
18. ОГЛОБЛИН Н.Н. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки. URL: [http://ostrog.ucoz.ru/publikacii\\_2/4\\_64.htm](http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_2/4_64.htm)
19. БОЧАРНИКОВ И.В. Роль казачества в освоении новых земель России. — Человеческий капитал. 2018. № 2, с. 9—17.
20. ПЕТРОВ А.Ю., ВОРОБЬЕВА Т.В. Теория российско-американского фронта в оценках отечественных и зарубежных исследователей. — КЛИО. 2014. № 3, с. 87.
21. АКИШИН М.О. Проблемы международной правосубъектности при присоединении Сибири к России. — Российский юридический журнал. 2012. № 5, с. 220—227.
22. Данная точка зрения принята к изучению и практически воспринимается как аксиома, что отражено в учебных материалах для средней школы. ГУМИЛЕВ Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. М. 2020, с. 369.
23. Обращаем внимание, что речь идет именно об истоках, само колониальное право начинает развиваться, по нашему мнению, уже в период полномасштабного освоения территорий Алеутских островов и побережья Аляски.
24. Отписка служилого человека Семена Дежнева якутскому воеводе Ивану Павловичу Акинфому о морском походе на реку Анадырь и о судьбе его спутников. — Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1177 (Якутская приказная изба), оп. 3, д. 1146, л. 3.
25. Инструкция Петра I И.М. Евреину и Ф.Ф. Лужину о задачах экспедиции, 2 января 1719 г. — Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. V, № 3266.

26. Там же.
27. Ведение И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина якутскому воеводе лейб-гвардии капитан-поручику М.П. Измайлову о выполнении задания и скором возвращении в Петербург, 3 сентября 1721 г. — Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Серия: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М.1981 (далее ИРТО), Т. 1, с. 31.
28. Послушной указ Петра I комендантам и управителям Сибирской губернии об оказании помощи Ф.Ф. Лужину и И.М. Евреинову в организации экспедиции, 2 января 1719 г. — ИРТО, с. 31.
29. Подробный анализ инструкции Петра I предприняли В. Фишер, Н.Н. Болховитинов и Б.П. Полевой. История Русской Америки (1732—1867). В 3-х томах. Т. 1. Основание Русской Америки (1732—1799). М. 1997, с. 53—56.
30. Данный факт подтверждается документами, найденными в испанских архивах. См.: письмо от 27 июля 1773 г. Букарели (вице-король Мексики) Арильяге (испанскому губернатору Верхней Калифорнии). — *Archivo General de Indias, Estado 20 (1)*, переписка испанских властей о русских экспедициях на север Тихого океана: *Archivo Histórico Nacional, Estado 4289, Exp.1*.
31. Указ Петра I Адмиралтейств-коллегии об организации Первой Камчатской экспедиции. — ИРТО, с. 33.
32. Там же.
33. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 223. Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета и других мест. Коллекция 1659—1855, оп. 1, д. 29, л. 110—111.
34. Указ Сената сибирскому губернатору князю М.В. Долгорукову об оказании помощи экспедиции В.Й. Беринга, 1 февраля 1725 г. — ИРТО, с. 36—37.
35. Инструкция Адмиралтейств-коллегии В.Й. Берингу об организации Первой Камчатской экспедиции, 3 февраля 1725 г. — ИРТО, с. 37.
36. *Archives Nationales de Paris. Dossier AE / B1 / 985. Feuille 387—392.*
37. НАСЫРОВ К.З. Морской устав 1720 г. как отрасль военно-уголовного права и основа морского статуса России в эпоху Петра I. — Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. 2018, с. 139—145.
38. Морской устав Петра I: исторические факты, содержание и обзор. URL: <https://autogear.ru/article/382/172/morskoy-ustav-petra-i-istoriya-sozdaniya-soderzhanie/>
39. Морской устав. 13 января 1720. — ПСЗРИ. Т. VI, № 3485.
40. Документы Первой Камчаткой экспедиции, 1725—1730 гг. — РГАВМФ, оп. 1, д. 2.
41. Морской устав. 13 января 1720. — ПСЗРИ. Т. VI, № 3485.
42. Журнал лейтенанта А.И. Чирикова, 25 июля 1729 г. — РГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 167об.
43. Отчеты Первой Камчатской экспедиции, 1729—1730 гг. — РГАВМФ, ф. 212, оп. 1, д. 117, л. 50—70.
44. Дневник лейтенанта П.А. Чаплина, 1 октября 1726 г. — РГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 13об.
45. Морской устав. 13 января 1720. — ПСЗРИ. Т. VI, № 3485.
46. Наказные статьи Нерчинскому воеводе «Об управлении казенными, земскими и военными делами». 5 января 1701 г. — ПСЗРИ. Т. IV, № 1822; Сенатский указ «Об увольнении лопарей от подушного оклада», 11 июля 1723 г. — ПСЗРИ. Т. VII, № 4265; Сенатский указ «О невзятии рекрутов Сибирской губернии с бухарцев и служилых сибирских татар», 23 марта 1724 г. — ПСЗРИ. Т. VII, № 4486.

# «Радикальный Олимп» и его роль в истории Колумбии (1863—1886)

Л. А. Ивкина

---

*Аннотация.* Конституция Рионегро 1863 г. ознаменовала наступление нового этапа в развитии Колумбии, вошедшего в историю как эпоха «Радикального Олимпа». Этот период стал продолжением важных либеральных перемен, начавшихся еще в 40—50-е гг. XIX в. Создателями конституции стали представители либеральной молодежи, принадлежавшие к радикальной фракции Либеральной партии (бывшие голгофцы) и впервые проявившие себя в годы президентства видного либерального деятеля генерала Хосе Иларио Лопеса (1849—1853). Воодушевленные европейскими революционными событиями 1848 г., французским романтизмом, утопическим социализмом, радикалы, придя к власти, провозгласили своей целью окончательное искоренение всех пережитков старого колониального прошлого и создание нового светского, республиканского общества на федеративных началах. Однако многочисленные региональные и национальные войны, постоянная борьба с оппозиционными силами (консервативной партией и духовенством) и внутрипартийные разногласия в лагере радикалов в итоге привели к серьезному политическому кризису «Радикального Олимпа» и переходу к новому политическому порядку — эпохе «Возрождения».

*Ключевые слова:* Конституция Рионегро, «Радикальный Олимп», федерализм, радикализм, социальные, экономические, политические реформы, кризис «Радикального Олимпа».

*Abstract.* The Constitution of Rionegro in 1863 marked the beginning of a new phase in the development of Colombia, which went down in history as the era of the “Radical Olympus”. This period was a continuation of important liberal changes in the history of the country, which began in the 1840s. The founders of the constitution were representatives of the second generation of liberal youth, who belonged to the radical faction of the Liberal Party (former golgotas), and first manifested themselves during the presidency of the prominent liberal figure General Jose Ilario Lopez (1849—1853). Inspired by the European revolutionary events of 1848 (French romanticism, utopian socialism), the radicals, having come to power, declared their goal the ultimate eradication of all remnants of the old colonial past and the creation of a new secular, democratic and republican society on a federal basis. Numerous regional and national wars and conflicts, constant struggle with both opposition forces (conservative party and clergy), and serious intra-party disagreements in the radical camp eventually led to a serious political crisis of “Radical Olympus” and a transition to a new political order — the era of “Regeneration”.

*Key words:* Rionegro Constitution, “Radical Olympus”, federalism, radicalism, social, economic, political reforms, the crisis of “Radical Olympus”.

---

В национальной колумбийской историографии эпоха «Радикального Олимпа», конституция Рионегро 1863 г. и деятельность колумбийских радикалов, продолжают оставаться в центре внимания исследователей. Консервативные историки негативно оценивают историческую роль этого периода, считая, что он стал порождением хаоса, анархии

и беспорядков и втянул страну в череду бесконечных гражданских региональных войн и конфликтов<sup>1</sup>. Либеральные историки, в целом объективно оценивая недостатки и достоинства этого политического этапа в истории страны и конституцию Рионегро, считают его важным вкладом в развитии страны в целом и колумбийского конституционализма, в частности<sup>2</sup>. Так, Эрнандо Валенсия Вилья отметил, что «депутаты подготовили не только самый радикальный, но и самый оригинальный федеральный проект, когда-либо существовавший в истории колумбийского конституционализма»<sup>3</sup>. Колумбийский историк А. Перес Агирре отметил, что в своих главных концепциях «конституционный кодекс 1863 г. стал символом либеральной мысли XIX века»; он «внес существенный вклад в реформирование политической, социальной, экономической и административной системы страны»<sup>4</sup>. Объективная оценка как положительных, так и отрицательных сторон этого исторического периода дана в работах современных колумбийских и американских авторов<sup>5</sup>. В нашей отечественной историографии этот этап в истории страны освещен недостаточно. Заслуживают внимания работы А. А. Щелчкова о событиях либеральной революции 1849—1854 гг. и «Плебейской республике», ставших прелюдией к последующим важным социально-экономическим и политическим преобразованиям 60—70-х гг., и труд, освещающий общественную мысль Колумбии в эпоху «Радикального Олимпа»<sup>6</sup>.

*Идеологические и исторические истоки «Радикального Олимпа».* «Радикальный Олимп» (1863—1886) вошел в историю Колумбии XIX в. как самый радикальный образец политической государственной системы, основанной на федеративных принципах. Он стал продолжением важных социально-политических перемен предшествующих десятилетий. Огромное значение имели реформы, осуществленные в 40—50-е гг. XIX в. и особенно в годы президентства видного либерального деятеля, участника Войны за независимость 1810—1826 гг. генерала Хосе Иларио Лопеса (1849—1853). Именно тогда проявило себя молодое поколение либералов, вошедшее в коалиционное правительство, были осуществлены важные реформы политического, экономического и социального характера, которые определили курс исторического развития Колумбии до 1886 года. Была окончательно отменена торговая монополия на табак, ликвидирована общинная собственность индейцев (ресгуардос), упразднены церковные привилегии (фуэро), отменена церковная десятина, церковь отделена от государства, осуществлена налоговая реформа, высланы из страны иезуиты, отменена смертная казнь и тюремное наказание за долги, проведена судебная реформа, разрешен гражданский брак, введен суд присяжных, издан закон о свободе печати и обязатель-

---

*Ивкина Людмила Андреевна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: lais07@mail.ru.

*Ivkina Liudmila A.* — doctor (PhD), senior researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: lais07@mail.ru.

---

ном бесплатном начальном образовании, введено всеобщее избирательное право. Главной заслугой правительства Лопеса стала отмена рабства в 1851 году <sup>7</sup>.

Идея федеративного государственного устройства в истории Колумбии присутствовала с самого начала ее независимого существования. Децентрализация и последующая федерализация страны представлялись либералам наиболее соответствующей реальной ситуации в стране. Принимали ее и консерваторы, и либералы, и этот вопрос в тот период не был точкой водораздела между двумя партиями. Уже в Конституции 1853 г., разработанной либералами, присутствовали такие понятия, как демократия, республика, свобода, суверенитет. Она ввела всеобщее избирательное право, провозгласила свободу печати, собраний, неприкосновенность жилья и личности. Была предоставлена широкая автономия муниципальным органам власти провинций, получившим право создавать свои законодательные, исполнительные и судебные органы власти. За этот период (1853—1854) было промульжировано более 30 провинциальных конституций <sup>8</sup>. Впервые примененное на выборах всеобщее избирательное право, к удивлению либералов, привело к победе консерваторов.

После подавления плебейской революции 1854 г. к власти ненадолго пришли консерваторы. При правительствах М. Мальярино (1855—1857) и М. Оспины Родригеса (1857—1861) была осуществлена важная административная реформа. В течение 1855—1857 гг. вместо 35 провинций было сформировано 8 штатов. 22 мая 1858 г. была принята новая конституция, которая стала первой конституцией с ярко выраженной федералистской тенденцией. За нее проголосовал 71 депутат, из которых 25 были либералами и 46 — консерваторами <sup>9</sup>. Согласно 1-й статье, 8 штатов объединялись в вечный союз и создавали независимую и суверенную республику — Гранадскую конфедерацию. Конституция закрепила широкие права за штатами и выработала большой перечень индивидуальных прав и свобод. Штаты могли создавать свои провинциальные органы власти, но были обязаны подчиняться решениям центрального правительства. Они не имели права вмешиваться в религиозные дела, возрождать рабство, препятствовать продаже и приобретению оружия, облагать налогами товары, идущие на экспорт и импорт, а также собственность, принадлежавшую всей конфедерации, и т.д. <sup>10</sup> Известный колумбийский экономист Анибал Галиндо отмечал в своих воспоминаниях, что хотя штаты официально не были провозглашены суверенными, «фактически они были таковыми, так как имели свои собственные административные органы власти, свои конституции и свои местные законы» <sup>11</sup>.

В то же время и правительство конфедерации получило довольно широкие полномочия. Оно должно было решать такие вопросы, как внешние отношения, обеспечивать внутренний порядок и безопасность в случае конфликтов, возникавших между двумя или несколькими штатами, или в случае нарушения одним из них конституции и законов центральных властей; организовывать и управлять доходами конфедерации и общественным кредитом и т.д. Верховный суд получил право отменять законы, принятые правительствами штатов, если они противоре-

чили основному закону. Президент и глава верховного суда избирались всеобщим голосованием сроком на четыре года, а конгресс — на два. Был отменен пост вице-президента, вместо него создан институт трех уполномоченных, которые должны были замещать президента в случае его отсутствия <sup>12</sup>.

Федералистские тенденции, победившие при создании Конституции 1858 г., способствовали возникновению сильных центробежных тенденций, параду суверенитетов. Борьба враждующих политических группировок была сдублирована и теперь возникала не только на национальном, но и на региональном уровне, что усложнило политическую ситуацию в стране. По словам А. Васкеса Каррисосы, страна «потеряла административную и политическую целостность, превратившись в суверенную конфедерацию суверенных республик» <sup>13</sup>.

В 1859 г. консерваторы приняли ряд законов, ущемлявших самостоятельность штатов, что вызвало недовольство либералов и спровоцировало новую гражданскую войну, вошедшую в историю, как «война суверенитетов» 1859—1862 гг. В результате консерваторы потерпели поражение и вынуждены были на долгие годы потерять контроль над страной и уступить власть радикальной фракции Либеральной партии <sup>14</sup>.

Собравшийся в столице конгресс 20 сентября 1861 г. принял «Пакт о союзе» между штатами Магдалена, Боливар, Бояка, Сантандер, Кундинамарка, Каука и Толима. Они провозглашались суверенными и независимыми и объединялись в свободную независимую нацию, которая называлась теперь Соединенные Штаты Колумбия. «Пакт о союзе» определял полномочия штатов и центрального правительства, предусматривал разделение властей и гарантировал широкие личные свободы. Примкнувший к либералам генерал Т. С. де Москера, герой «войны суверенитетов», провозгласив себя временным президентом страны, продолжил радикальные преобразования: иезуиты вновь были изгнаны из страны, отменены все привилегии церкви, национализирована и выставлена на продажу собственность церковных корпораций, установлен контроль за деятельностью всех религиозных учреждений («туисьон»).

Созванное 4 февраля 1863 г. в местечке Рионегро (Антиокия) Учредительное собрание приняло новую конституцию, получившую название «Конституция Рионегро». Она стала первой конституцией, в преамбуле которой не упоминалось о боге; в ней говорилось «от имени и по воле Народа и Штатов...» Колумбия провозглашалась федеративной республикой. Статья 1-я гласила: «Суверенные штаты Антиокия, Боливар, Бояка, Каука, Кундинамарка, Магдалена, Панама, Сантандер и Толима... объединяются в вечный союз на принципах конфедерации ради сохранения своей внешней безопасности и взаимной поддержки, и образуют свободную суверенную и независимую нацию Соединенные Штаты Колумбии» <sup>15</sup>.

Конституции признавала суверенитет не только нации, но и штатов. Они получили право формировать свои правительства, создавать свои конституции, осуществлять налоговую систему и формировать бюджет.

Создатели конституции полностью отделили католическую церковь от государства, деятельность которой была ослаблена либеральными ре-

формами предыдущего десятилетия. Это было вызвано заинтересованностью в умалении влияния этого института на политическую жизнь страны. Кроме того, существовала насущная необходимость в активизации экономики за счет экспроприации церковной собственности. Штаты получили право запрещать религиозным общинам приобретать недвижимость и навязывать долговые ипотечные обязательства. Служители культа были устранены от занятия государственных должностей; была узаконена деамортизация имущества «мертвых рук», что создавало условия для расширения товарных отношений в сельском хозяйстве и свободного обращения на рынке пустующих земель<sup>16</sup>. Статья 9-я обязывала власти каждого штата исполнять все законы и постановления, одобренные и принятые основной Конституцией Соединенных Штатов Колумбии, декреты президента республики, Верховного суда<sup>17</sup>.

Конституция 1863 г. провозгласила широкие индивидуальные права и свободы, многие из которых уже присутствовали в предшествующих законодательных кодексах 1853 и 1858 гг.: правовое и гражданское равенство, отмена смертной казни, сокращение тюремного срока до 10 лет; право на образование, невмешательство в личную жизнь граждан; защита собственности от конфискации (кроме случаев крайней необходимости или обвинений в тяжких преступлениях), абсолютная неограниченная свобода слова, печати, мнений и высказываний, право на создание гражданских объединений, ношения, продажи и покупки оружия в мирное время; свобода передвижения по территории страны и за ее пределами; занятие любой хозяйственной деятельностью, неприкосновенность жилья и частной переписки, свободу вероисповедания<sup>18</sup>.

В отличие от конституций 1853 и 1858 гг. Конституция Рионегро отменила прямые выборы органов власти: они стали непрямыми, двухуровневыми и осуществлялись выборщиками; каждый штат имел лишь один голос при выборе президента. В сенат избирались по три представителя от каждого штата, в палату представителей — 1 депутат от 50 тыс. человек<sup>19</sup>. Было принято и еще одно новшество. Чтобы обуздать диктаторские амбиции генерала Москеры, главного лидера «войны суверенитетов» 1859—1862 гг., президентский срок был сокращен с четырех до двух лет без права повторного переизбрания. Это касалось и членов Конгресса. Было также установлено, что ни одно положение исполнительной власти не может быть принято без предварительного одобрения законодательной. Ст. 66-я обязывала президента предотвращать любое вооруженное выступление одного штата против другого или против иностранной агрессии, а также следить за соблюдением общественного порядка<sup>20</sup>. По мнению колумбийского историка Э. Валенсии Вилья, ни «в одном политическом кодексе не прослеживались так отчетливо призывы к кардинальным изменениям социального порядка в стране»<sup>21</sup>.

Конституция 1863 г. была в значительной степени детищем молодого поколения интеллектуалов и политиков, сформировавшихся идеологически и политически в период «революционных событий середины XIX века», приверженных демократическим, республиканским и антирелигиозным преобразованиям 40—50-х гг. В группу «просвещенной молодежи» вошли многие будущие деятели радикализма 60-х — 70-х

гг.: Мануэль Мурильо Торо (1816—1880), Сальвадор Камачо Рольдан (1827—1900), Мигель Сампер (1825—1899), Хосе Мария Сампер (1828—1888), Анибал Галиндо (1834—1901), Сантьяго Перес (1830—1900), Эусторгио Сальгар (1831—1885), Акилео Парра (1825—1900), Сантос Гутьеррес (1820—1872), Хосе Мария Рохас Гарридо (1824—1883) и сам Рафаэль Нуньес (1825—1894), покинувший впоследствии ряды радикалов. Многие из них займут в эпоху «Радикального Олимпа» президентские кресла<sup>22</sup>.

Второе поколение либералов, сформированное под влиянием европейской философской социальной и политической мысли, европейских революционных событий 1848 г., занимало менее высокий социальный статус, чем представители первого поколения либералов — выходцы из аристократических семей и военные лидеры Войны за независимость 1810—1826 годов. Их можно причислить к формировавшейся торговой буржуазии и интеллигенции. Как правило, это были служащие адвокатских контор, журналисты, писатели, адвокаты и юристы, книгоиздатели, профессора и преподаватели вузов. Именно эти социальные слои, преимущественно городского населения, смогли успешно ассимилировать и впитать реформистские тенденции, шедшие в этот период из Европы и особенно Франции, которые господствовали в политическом и социальном мышлении Колумбии в 40—50-х гг.

Культурная и интеллектуальная атмосфера Колумбии середины XIX в. благоприятствовала быстрому распространению подобных веяний. Для этого периода были характерны необычайное развитие прессы на национальном уровне, расширение издательского рынка и книжной продукции, а также значительное увеличение поездок за границу, особенно во Францию. Все это позволило завезти в страну многочисленные зарубежные книги, издания, газеты и особенно произведения таких авторов, как А. Ламартин, Виктор Гюго, Эжен Сю, Луи Блан, Ж.П. Прудон. Ш. Фурье, труды мыслителей эпохи Просвещения и энциклопедистов. Либеральная молодежь играла активную роль в их распространении. Она стала знаменосцем индивидуализма, утопического социализма и французского романтизма. Но именно утопический социализм и романтизм определили дух и поражения политической деятельности радикализма.

Победившая фракция либералов — радикалы — после принятия Конституции Рионегро начали претворять в жизнь свои идеалы и программы, которые, как они надеялись, продолжат либеральные преобразования так называемой «полувековой революции». В них были закреплены такие важные социальные, экономические, политические реформы, как окончательная отмена рабства, свобода торговли, секуляризация церковного имущества и отделение церкви от государства, введение светского образования, широкий набор индивидуальных прав и свобод — то есть многие атрибуты, которые способствовали превращению Колумбии в современное светское государство.

Конституция Рионегро 1863 г., сформулировав правила политической игры до 1886 г., определила условия отношений между центральным правительством и штатами. Она означала максимальную точку федеративного мышления в Колумбии XIX века.



*«Радикальный Олимп»: реформаторская деятельность (1863—1876)*. В течение всего периода нахождения у власти радикализм пребывал в состоянии перманентной борьбы с оппозиционными силами. Уже при выработке Конституции Рионегро было заметно, что эта политическая сила не была однородной, существовали серьезные размежевания между либералами первого поколения и примкнувшими к ним консерваторами и радикалами. Разногласия по важнейшим вопросам конструирования нового общества, таким, как отношение к церкви и степень ограничения ее влияния в обществе и особенно в системе образования, проблемы свободной торговли, предоставление неограниченных индивидуальных прав и свобод, зафиксированных в конституции, соотношение полномочий между центральной властью и властями каждого штата — все эти важные проблемы со всей остротой встали перед «Радикальным Олимпом», нарушая часто эфемерный мир и выполнение поставленных радикалами задач по преобразованию колумбийского общества.

После провозглашения новой конституции в мае 1863 г. начался процесс политической и административной реорганизации страны, и к концу третьего квартала 1863 г. уже все штаты приняли свои законы.

Первым президентом был избран победитель «войны суверенитетов» Т. С. де Москера (1863—1864, 1866—1867), хотя результаты выборов показывали, что он не получил большинства голосов на выборах. Главные разногласия между москеристами и радикалами заключались в степени ограничения роли церкви и ее вмешательства в дела государства и роли центрального правительства в разрешении внутренних конфликтов каждого штата. Усиление разногласий между двумя фракциями вскоре вылилось в прямые столкновения, приведшие впоследствии к отставке Москеры и изгнанию его из страны в мае 1867 года.

После отставки Москеры радикализму удалось закрепиться в качестве главной политической силы на национальном уровне. Эту позицию они смогли не без труда сохранить до конца следующего десятилетия (1867—1878). Именно этот период и можно называть «Радикальным Олимпом». За время своего пребывания у власти радикалы предприняли ряд мер по преобразованию полуколониальной, католической страны в современную, светскую и просвещенную нацию.

В своей экономической политике радикалы руководствовались принципами свободы торговли и системой низких тарифов, что позволило Колумбии включиться мировой рынок в качестве поставщика сырья в обмен на иностранные товары. Средние импортные пошлины в 1850—1859 гг. составляли 13,7, в 1862—1872 гг. — 5,9%<sup>23</sup>. Эти принципы преобладали в экономической политике радикалов до 1880 года.

Главным источником поступлений в федеральную казну были доходы от импортных пошлин, составлявшие в 1865 г. 64, а в 1874 г. уже 71% всех национальных доходов. Экономическая жизнеспособность страны всецело зависела от четырех портов, расположенных в штатах Магдалена, Боливар и Каука. Более 90% от общего объема таможенных поступлений с 1864 по 1874 гг. шли из Санта-Марты, Барранкильи, Сабанильи, Картахены и Буэнавентуры. Соляная монополия обеспечивала вторую по величине сумму национального дохода, хотя в процентном отношении

доходы от нее снизились с 27 до 19%. С 1864 по 1874 г. 82% добычи соли приходилось на штаты Кундинамарка и Бояка <sup>24</sup>.

Децентрализация власти привела к существенному сокращению доходов федерального правительства. Если в 1865 г. они составляли 92%, то к 1870 г. сократились до 48, в то время как доходы штатов выросли с 5 до 22%. Соперничество между штатами зачастую вело к разбалансировке внутреннего рынка, так как нередко власти одного штата вводили дополнительные таможенные барьеры для транзита через их территорию товаров из других штатов, тем самым нарушая Конституцию 1863 года <sup>25</sup>. И хотя в абсолютном отношении доходы федерального бюджета с 1865 по 1874 г. увеличились на 86%., они не могли обеспечить профицит бюджета. В 1865 и в 1874 гг. расходы составили 2,59 и 4,46 млн долл., а доходы соответственно, — 2,1 и 3,9 млн <sup>26</sup>. Тяжелым бременем для бюджета, особенно в 1868—1873 гг., была оплата национального долга. Доля ежегодных расходов, выделяемых на эту статью, варьировалась от 27 до 56%, а годовая выплата составляла в среднем 39% <sup>27</sup>.

Особое внимание уделялось развитию агроэкспортной экономики, выращиванию новых экспортных товаров и совершенствованию внутренней и внешней транспортной системы. В структуре колумбийского экспорта в 50—70-х гг. продолжал доминировать табак, а его стоимость в 1865—1874 гг. удвоилась. К середине XIX в. определились три важных района его выращивания. В 1850-е гг. более 90% экспорта табака приходилось на Амбалему (север Толимы), в 60-е — на Кармен (Боливар), а позднее — Пальмиру (Каука). В 1869—1870 гг. экспорт табака составил свыше 2,3 тыс. т, а в 1875—1876 гг. — 2,1 тыс. т стоимостью, соответственно, 5,38 и 5,79 млн долларов <sup>28</sup>. В структуре колумбийского экспорта в 1860-е гг. табак составлял 27,8%, а в 1870-е — 23,3% <sup>29</sup>. Сокращение производства и экспорта табака ускорило после Гражданской войны 1876—1877 гг.

Другими важными экспортными товарами были золото, хинная кора, каучук, индиго, кофе и кожи. Золоторудные разработки Антиокии давали 70% всего экспорта золота, хинное дерево добывалось в Тολиме и Кундинамарке, а затем и в Сантандере. Кофе, главным районом разведения которого в XIX в. был штат Сантандер, а позднее Бояка и Кундинамарка, стал приобретать большую экономическую важность лишь со второй половины XIX века. Его экспорт в 1860-е гг. занимал 5-е место в списке наиболее важных экспортных товаров, а в 1870-е — уже 3-е (4,7 и 17,5% соответственно) <sup>30</sup>. Так постепенно формировалась специализация регионов.

Радикальные преобразования затронули также сферу средств общения. Американский историк Джеймс У. Парк выделил четыре региона, объединенных определенной степенью географического единства, сходным набором экономических и коммерческих интересов и относительно однородной политической принадлежностью: обширный район Каука; Атлантическое побережье, образованное штатами Панама, Боливар и Магдалена; центральный горный район, состоящий из Антиокии и Тολимы; восточный горный комплекс, где находились штаты Кундинамарка, Бояко и Сантандер <sup>31</sup>. Экономические связи между внутренними горными районами и побережьем были затруднены, кроме того,

они были дорогостоящими, главным транспортным путем служило река Магдалена.

С целью расширения товарного обмена между штатами и поощрения транзита товаров как внутри страны, так и за ее пределы, стимулировалось создание шоссейных и железных дорог, применялись меры совершенствования речной навигации с использованием паровой системы. Усилия по интеграции различных регионов страны дополнились в 1870-х гг. систематическим расширением телеграфной сети, а расцвет коммерческой деятельности обусловил создание банковской системы.

В 1870 г. в стране началась железнодорожная лихорадка, однако в 1870-е гг. была сооружена только одна железная дорога Барранкилья — Сабанилья, протяженностью 27 км. Железная дорога Медельин — Пуэрто Беррио, протяженностью 45 км, строилась почти десять лет (1874—1885). Ветка Кукута — Сулия (1878—1888 гг.), протяженностью 71 км, также была завершена только спустя 10 лет <sup>32</sup>. В 1872 г. возник масштабный проект строительства Северной железной дороги от Боготы через Бояка, Кундинамарку и Сантандер до верховьев Магдалены. Растущий интерес к крупным проектам общественных работ, таким как железные дороги, которые не могли финансироваться только штатами, способствовал возникновению конкурентной борьбы между ними, усилившейся в 1870-е годы <sup>33</sup>. Однако больших финансовых возможностей не было и у центральной власти, которая, к тому же, была ограничена многими статьями конституции и не имела права вмешиваться во внутренние дела суверенных штатов. Многие проекты так и не были завершены. Так, проект Северной железной дороги не был осуществлен не только по причине отсутствия достаточных средств, но и ввиду серьезных разногласий между штатами. К 1885 г. в Колумбии было проложено всего 286 км железных дорог. Большой успех пришелся на создание телеграфных средств сообщения в 1864—1876 годах <sup>34</sup>.

На 70-е гг. пришелся и расцвет банковского дела. В 1871 г. возник банк Боготы, в 1873—1874 гг. два банка в Медельине и по одному в Барранкилье, Букараманге, Картахене и Кали. В 1875 г. были созданы еще два банка в Боготе и один в Нейве. Все они в основном занимались торгово-импортными операциями. Однако Гражданская война 1876—1877 гг. прервала банковский бум <sup>35</sup>.

Наиболее важной экономической реформой стала деамортизация имущества «мертвых рук», которая стала осуществляться еще в 1861 году. По мнению историка Альваро Тирадо Мехии, главная цель этой политики состояла в пополнении национальной казны <sup>36</sup>. Несмотря на сильное противодействие, продажа собственности «мертвых рук» проходила довольно успешно. К 1876 г. большая часть недвижимости была распродана.

Министр финансов при президенте М. Мурильо Торо (1872—1874) Фелипе Перес отметил, что общая стоимость имущества, подпавшего под закон о деамортизации, составила за период с 1862 до 1881 г. почти 16 млн долларов, а с учетом стоимости объектов недвижимости, переданных государственным, благотворительным и образовательным учреждениям, — около 20 млн долларов <sup>37</sup>. Значительная часть церковной собственности земель перешла в руки светского крупного землевладения. Землю получили свыше 4 тыс. новых собственников <sup>38</sup>.

Важные шаги были предприняты в сфере просвещения. Реформа образования стала осуществляться при президенте Эусторгио Сальгаре (1870—1872). При Министерстве внутренних дел был создан Отдел народного образования. Нация также взяла на себя ответственность за создание системы высшего образования. Цель ставилась высокая: распространять знания, обучать и воспитывать всесторонне развитого человека, активных граждан свободного республиканского общества, способных участвовать в политической жизни <sup>39</sup>.

Образовательная реформа должна была подготовить педагогов и создать современные учебники и пособия. В 1870 г. по инициативе министра внутренних дел Фелипе Сапаты правительство выделило 100 тыс. песо на создание Нормальных школ с целью подготовки преподавательского персонала нового типа. Предполагалось в каждом штате организовать школы, которые должны были подготовить национальных педагогов, владеющих современными знаниями и навыками преподавания. Для решения этой задачи правительство пригласило группу немецких педагогов-протестантов. По контракту немецкие педагоги не должны были вмешиваться в политические и религиозные проблемы. В 1872 г. в каждом штате было создано по одной школе. Учащиеся получали стипендии и обязаны были по ее окончании четыре года отработать в официальных школах. Так стал формироваться первый светский преподавательский персонал в стране. Необходимо было также подготовить учебники и пособия по различным предметам. В течение восьми лет выходил еженедельник «Escuela Normal», где публиковались труды известных национальных интеллектуалов, историков, философов, ученых: «Apuntaciones críticas» Руфино Куэрво, «Compendio de historia Patria» Кихано Отеро, исследования по педагогике Мартина Льера, лекции по грамматике кастельяно, географии Хосе Игнасио Эскобара, донесения дипломатических представителей Колумбии в других странах. Коллекция трудов, опубликованная в «Escuela Normal», оказала огромное влияние на формирование целого поколения известных колумбийских деятелей <sup>40</sup>.

Стали выходить такие издания, как «Maestro de Escuela», «La Revista», «La Escuela Primaria», «El Monitor», «El Pestalozziano». В 1871 г., согласно статистике 1871 г., в стране с населением около 3 млн чел. существовало всего 842 школы, в которых обучалось 43 463 ученика. В 1876 г. в стране уже функционировала 1831 школа, где обучалось 80 458 учеников <sup>41</sup>.

Усилия радикальных властей в сфере просвещения благоприятствовали постепенному расширению политического участия народных масс в избирательном процессе. Минимальные требования к голосованию — в большинстве случаев это касалось возрастных категорий и грамотности — привело к значительному росту избирательной активности по всей стране. Регистрация избирателей на выборах президента страны между 1863 и 1875 гг., хотя неполная, дает представление об этом факте: в 1863 г. насчитывалось почти 40 тыс. избирателей, в 1867 г. — 67 тыс.; к 1873 г. их число возросло до 85 тыс., а в выборах 1875 г. уже участвовало 124 тыс. человек <sup>42</sup>.

Важное внимание радикалы уделяли развитию науки, образования и культуры. При президенте Сантосе Акосте (1867—1868) в стране был

открыт Национальный университет (22.09.1867). Он насчитывал шесть кафедр (права, медицины, естественных наук, инженерную, искусства и ремесел, литературы и философии). К университету были приписаны Национальная библиотека, музей, химическая лаборатория и военный госпиталь. В его распоряжение были также переданы общественные здания, конфискованные у церкви. Ректором был назначен видный политический деятель и ученый Мануэль Ансисар (1811—1882). В университете работали известные национальные деятели, историки, экономисты, политики, общественные деятели, преподаватели и профессора: Мигель А. Каро, Эсекиель Рохас, Сальвадор Камачо Рольдан, Хосе Мария Кихано-и-Отеро и др. Всего там насчитывалось 48 профессоров и 315 студентов. Был основан печатный орган университета «*Annales de la Universidad*», выходявший в течение 12 лет. Бюджет университета составлял 30 тыс. песо<sup>43</sup>. 17 сентября 1870 г. были созданы Академия Естественных наук и Колумбийский лицей.

Серьезные попытки реформирования экономической, политической и общественной жизни резко контрастировали с социальной структурой колумбийского общества, которая оставалась по-прежнему архаичной и застывшей. В 1870 г. из населения, общей численности в 2,891 млн чел., 1,528 млн считались экономически активным населением. Большая часть из них — 823 тыс. (53%) — была занята в сельском хозяйстве, 349 тыс. (22,7%) составляли ремесленники, фабриканты и актеры; 40 тыс. (2,6%) — шахтеры, 41 тыс. (2,7%) была занята в торговле, 224 тыс. (14,7%) — в сфере услуг<sup>44</sup>. Незначительный приток европейской иммиграции не приносил новых веяний и идей в широкие слои общества, изменения происходили лишь в среде незначительной части населения, связанной в основном с внешней торговлей. Становление национальной буржуазии и интеллигенции шло медленно. Основная масса населения проживала в сельской местности; из 15 более или менее важных городских центров с численностью населения более 10 тыс. были Богота (40 883 жителей), Медельин (29 765), Сокорро (16 048), Кали (12 743), Пальмира (12 390), Барранкилья (11 598) и Букараманга (11 255)<sup>45</sup>. Численность грамотных на душу населения была чрезвычайно низкой: в 1852 г. — 21 937 чел., в 1870 — более 60 тыс., а в 1873—1874 гг. — 83 626 человек<sup>46</sup>. В 1873 г. только 3,3% населения было грамотным. Перепись 1870 г. зарегистрировала всего 275 инженеров, получивших образование за рубежом<sup>47</sup>.

Реформы радикалов были направлены на структурные преобразования всего колумбийского общества, начатые еще в 40-е гг. XIX в., на внедрение современных политических, демократических и социальных доктрин, ограничение роли церкви в политической жизни страны. Однако все благие намерения наталкивались на естественные преграды — сохранение многих архаичных структур и пережитков прежнего социального порядка, несовместимых с модернизацией страны. По-прежнему были актуальны такие черты прошлого, как каудильлизм, патернализм, клиентелизм и кумовство, коррупция, огромное влияние на массы сельского населения католической религии. Незначительная часть образованной элиты, ассоциировавшей себя со всем колумбийским обществом, не понимала или не представляла, какая глубокая дистанция и пропасть отделяет их от этого общества и народа в целом.

Реакция на радикальные реформы возникла сразу же, как только была издана Конституция 1863 года. Принципы и свободы, провозглашенные в ней, подверглись резкой критике; плюрализм суверенитетов, когда суверенитет штатов ставился превыше суверенитета всей нации (государства), вел к плюрализму властей, правительств, законов; политическая и административная децентрализация рассматривались как факторы анархии и беспорядка, антицерковные меры вызвали воинствующий фанатизм среди всех слоев населения. Многие критические замечания касались комплекса неограниченных свобод, зафиксированных в конституции, как источника всевозможных беспорядков и анархии: декларация абсолютной свободы мысли и выражения, равно как и широкое право на ассоциации и собрания, содействовали подрыву общественного порядка; право покупки и продажи оружия представлялось очень серьезной ошибкой, которая способствовала постоянной подготовке войны.

Но наибольшей проблемой для радикалов после 1863 г. стали положения в конституции, регулировавшие процесс избрания и продолжительность нахождения на государственных постах. Политическая жизнь страны до 1876 г., когда был принят единый календарь выборов для всех штатов, характеризовалась непрерывной «предвыборной лихорадкой», растягивавшейся на пять-шесть месяцев в году, избирательными битвами, насильственными сгонами голосующих и фальсификациями при подсчете голосов. Партийные лидеры радикалов вмешивались как в общенациональные избирательные кампании, так и в избирательные кампании штатов, прибегая к подкупу голосов и предоставляя своим лидерам наиболее благоприятные условия, чтобы обеспечить гегемонию своей фракции. С этой целью широко использовались «неформальные» методы, связанные с мошенничеством и насилием и вошедшие в историю как «сапистская практика»<sup>48</sup>. С ее помощью радикальные правительства смогли обеспечить победу своим ставленникам. Именно тогда возник термин «Радикальный Олимп» или «олигархия», используемый оппозицией для обозначения круга, состоящего из радикальных лидеров, таких как М. Мурильо Торо, Сантьяго Перес, Акилео Парра и др. Неоднократное применение «неформальной» практики признавали даже их сторонники, обвиняя в нарушении республиканских и демократических принципов.

Важной опорой радикалов была колумбийская армия. В 1863—1875 гг. на ее содержание расходовалось в среднем 12% федерального бюджета, а ее численность колебалась от 1000 до 2500 человек. К 1880 г. эта цифра возросла до 5000. Гарнизон столицы насчитывал около 1000 чел., еще 500 были размещены в Панаме для обеспечения охраны Панамской железной дороги<sup>49</sup>.

В эпоху «Радикального Олимпа» консерваторы нередко включались в предвыборную борьбу в различных штатах. Однако отсутствие лидера национального масштаба и четкой программы действий способствовало их разобщенности. К тому же партия потеряла прежние тесные связи с церковью, подвергшейся гонениям со стороны радикального правительства<sup>50</sup>. Консерваторы сохранили свое преимущество только в двух штатах — Антиокии и Толиме.

Оппозиция предприняла несколько попыток восстановить свою политическую власть. В 1869 г. сторонники Москеры во главе с Х. М. Рохас Гарридо создали с диссидентами — консерваторами из Кундинамарки, Ольгина и Медельина — так называемую «Лигу 1869», выдвинув кандидатуру Москеры на ближайшие президентские выборы. Многие видные консерваторы Кундинамарки поддержали этот союз, но в результате голосования за кандидата от радикалов Эусторгио Сальгара проголосовало пять штатов (Сантандер, Кундинамарка, Бояка, Панама и Магдалена), в то время как за Москеру отдали свои голоса Каука, Боливар и Толима <sup>51</sup>. В 1873 г. москеристы и консерваторы вновь попытались положить конец радикальной гегемонии, выдвинув кандидатом в президенты от своего блока сторонника Москеры Х. Трухильо. Консерваторы поддержали Трухильо, но за него проголосовали только Антиокия, Толима и Каука <sup>52</sup>.

В начале 1870-х гг. консерваторы начали постепенно восстанавливать силы, возвращаясь к своим прежним фундаментальным позициям, главная из которых состояла в поддержке католической церкви и национальных традиций. Главным идеологом возрождения консервативной партии и возвращения ее к базовым принципам стал Мигель Антонио Каро (1843—1909).

В 1870-е гг. существенные изменения произошли в Либеральной партии. Радикальная фракция имела большинство в штатах Бояка, Сантандер, Кундинамарка, в Кауке преобладали сторонники Москеры (москеристы), в трех штатах Атлантического побережья (Магдалене, Боливаре и Панаме) все большее влияние приобретал Р. Нуньес и его сторонники — нуньесты.

Серьезные разногласия возникли и внутри фракции радикалов. В саму конституцию Рионегро была заложена мина замедленного действия, заметно ослаблявшая их власть. Выступавшие за ограничение роли центральной власти и суверенитет штатов, радикалы, находясь у вершин этой власти, часто нарушали ими же принятый закон о невмешательстве, особенно в период избирательных кампаний.

Особое недовольство вызывал декрет от 1870 г. о реформе системы образования, которая должна была осуществляться под контролем центрального правительства, что противоречило принципам, заявленным в конституции 1863 года.

Еще большее недовольство вызывало отлучение некоторых штатов, в частности, расположенных на Атлантическом побережье, от участия в административных и властных структурах, полностью оккупированных радикалами из центральных регионов (Кундинамарка, Сантандер и Бояка), ущемление их прав при распределении национальных ресурсов <sup>53</sup>. Часть радикалов объединилась вокруг Р. Нуньеса. Выходец из Картахены (штат Боливар), начинавший свою политическую карьеру в Панаме и сотрудничавший со всеми правительствами независимо от партийной принадлежности (Москерой, Обандо), Нуньес все более отмежевывался от своих бывших соратников-радикалов, возглавив новую политическую фракцию — независимых. Впоследствии его стали поддерживать такие видные радикалы, как С. Камачо Рольдан, братья П. и Х. Аросемена, Франсиско Х. Сальдуа, умеренные радикалы Мигель и Хосе Мария Сампер, и даже генерал Москера, Х. Трухильо и др.

Однако и во фракции независимых не было единства. Одни настаивали на смене руководства радикалов-олигархов, узурпировавших центральную власть, другие требовали существенного изменения самих основ политической модели государственного устройства, созданной конституцией Рионегро.

Разногласия, зревшие все эти долгие годы, проявились накануне президентских выборов 1875 г., когда вступил в силу новый, более мощный фактор: региональное соперничество и региональные интересы, которые обеспечили более эффективную основу для формирования антирадикальной оппозиции. Борьба за президентский пост разгорелась между радикалом Акилео Парра, выдвигавшегося президентом Сантьяго Пересом (1874—1876), и Р. Нуньесом. Консерваторы и москерысты, как в 1869 и 1873 гг., создали предвыборный блок, призванный восстановить региональный паритет и положить конец радикальной гегемонии. В основе всех этих интриг и противоборства лежала борьба за власть, теперь уже не только между консерваторами и либералами, но и между различными фракциями Либеральной партии. Нуньесты обвиняли «парристас» или «олигархов» в нарушении закона о невмешательстве во внутренние дела штатов, в использовании грязных схем в избирательном процессе, в защите принципа свободной торговли, настаивали на необходимости расширения полномочий федерального правительства<sup>54</sup>. С яростной критикой нуньесты обрушились на проект строительства Северной железной дороги.

Раскол среди радикалов достиг такой степени, что отколовшиеся радикалы замыслили переворот против главы Кауки — либерала Сесара Конто — в конце 1875 года. Серьезные волнения начались и в штатах побережья (Магдалена, Боливар и Панама), и когда попытки мирных переговоров не увенчались успехом, радикальное правительство ввело туда свои войска, усмирив эти территории к 11 октября 1875 года<sup>55</sup>.

В результате выборов, проходивших в атмосфере напряженности, ни один из претендентов не получил большинства голосов, и окончательное решение должен был принять Конгресс, который в феврале 1876 г. признал победу А. Парры, получившему 48 голосов<sup>56</sup>. Именно тогда раскол в рядах радикалов стал необратимым.

Длинный перечень военных конфликтов, региональных гражданских войн, обвинения в санкционировании свободных закупок оружия и использовании «неформальных практик» в избирательном процессе показали, что конституция Рионегро не способствовала созданию стабильной политической атмосферы в стране. Она провозгласила широкий набор индивидуальных прав, правда, только на бумаге, но в суровой реальности по-прежнему преобладало право оружия<sup>57</sup>. Она лишь показала, что, ни колумбийское общество, ни политические силы не были готовы к столь радикальным социальным, экономическим и политическим переменам.

*Кризис «Радикального Олимпа».* После выборов 1875 г., проходивших в обстановке крайней политической напряженности, усилилась конфронтация между гражданскими властями и церковью в связи с проводимой с 1870 г. реформой образования, где традиционно ведущая роль принадлежала церкви. Она вызывала резкую критику как со стороны



католической иерархии и священнослужителей, так и со стороны широких слоев верующего населения и создала небывалую в истории молодой республики обстановку идеологической поляризации. Церковная оппозиция сосредоточилась на критике светского характера обучения, а также на протестантском кредо немецких преподавателей, нанятых радикалами с целью создания светских школ. Духовенство воспринимало воспитательные усилия радикализма как «ошибочные», как попытку навязать католическому верующему народу «нечестивые» доктрины «атеизма», «протестантизма», «материализма», «коммунизма», «социализма» и «масонства»<sup>58</sup>. Наиболее энергичное противодействие программе реформ в области образования выражали консервативные силы Кауки, где крайняя реакционность католического духовенства накаляла политическую обстановку и способствовала разжиганию военной истерии. Возглавил оппозицию епископ Карлос Бермудес из Попаяна, которого поддержали епископы Мануэль Кануто Рестрепо из Пасто и епископ Медельина<sup>59</sup>.

Клерикалы в противовес светской системе образования стали создавать сначала Общества развития, а впоследствии Католические общества, ставившие своей целью организацию школ с католическим уклоном. В Кауке это движение против светских начальных школ превратилось в подобие «крестового похода» фанатичных католиков. Во многих приходах Кали, Попаяня и Пасто клерикалы создавали свои церковно-приходские школы, переманивая учеников из светских школ, и таким образом препятствуя осуществлению реформы народного образования<sup>60</sup>. Антикатолические взгляды избранного в августе 1875 г. главой Кауки радикала С. Конто усилили экстремистские действия католической оппозиции. В начале 1876 г. Конто назначил Хорхе Исаакса, яркого антикатолика, главой департамента общественного образования Кауки. Этот шаг консерваторы и клерикалы расценили как заявление о войне всем верующим.

Прокатолическими настроениями общества воспользовалась консервативная партия, сделав своим главным лозунгом защиту церкви от гонений со стороны радикалов. Консерваторы усилили критику образовательной реформы, утверждая, что она расходится с провозглашенной конституцией 1863 г. широкой автономией штатов, поскольку носит централизованный и насильственный характер и нарушает как административную автономию государств, так и индивидуальные свободы родителей, детей и учителей, принуждая их к обязательному образованию<sup>61</sup>. В конце 1875 г. в Боготе был создан Национальный комитет консервативной партии, призванный координировать усилия по объединению своих членов в девяти штатах и выработать единую национальную программу партии. В столице было создано общество Возрождения, куда вошли свыше трех тысяч человек, в основном, представители студенческой молодежи и ремесленники столицы. Общество располагало и своим печатным органом идентичного названия<sup>62</sup>. Подобные общества стали возникать и в других штатах. Именно тогда возникло само понятие «Возрождение», которое ввели в исторический оборот консерваторы.

Годами вызревший внутривнутриполитический конфликт усугубился мировым экономическим кризисом 1873 г., вызвавшим падение цен на

основные экспортные товары — табак, золото, серебро и др. Стремление консерваторов в союзе с нуньистами захватить власть и свергнуть радикалов совпало с воинствующим крестовым походом католической реакции против реформы народного образования и вылилось в новую гражданскую войну, вошедшую в историю как «война школ» (1876—1877 гг.).

Война началась в Кауке, и вскоре боевые действия распространились по всей территории. Епископы Антиокии, Медельина, Пасто и Попайяна активно поддержали консерваторов, выступая с проповедями против федеральных властей, громя начальные светские школы и уничтожая их имущество. Президент Парра направил федеральную армию в Кауку. В ответ 8 августа 1876 г. объявила войну Антиокия, 13 августа — Толима. 16 августа Парра ввел военное положение по всей стране, федеральная армия была увеличена до 30 тыс. чел., на реке Магдалена была сформирована военная флотилия<sup>63</sup>. Силы консерваторов насчитывали около 12 тыс. человек.

Самые крупные сражения в годы Гражданской войны 1876—1877 гг. произошли в Антиокии, Толиме и Кауке, в то время как в Кундинамарке, Бояка и Сантандере развернулось широкое партизанское движение. Первое серьезное сражение произошло в Лос-Чанкос (Каука), когда 31 августа объединенные силы консерваторов Кауки и Антиокии, численностью около 6 тыс. чел., вступили в бой с федеральными силами под руководством генерала Х. Трухильо. Либералы одержали победу, вынудив консервативную армию отступить. Битва при Лос-Чанкос закрепила территорию Кауки за либералами, а генерал Трухильо приобрел статус национального героя<sup>64</sup>.

Консерваторы надеялись, что Нуньес поддержит их, но первые победы радикалов изменили его первоначальные планы, и честолюбивый политик после объявления 16 августа 1876 г. военного положения в стране перешел на сторону радикалов. В октябре 1876 г. он был избран главой штата Боливера<sup>65</sup>.

Второе крупное сражение произошло в местечке Гаррапата (Толима), когда консерваторы предприняли попытку прорваться в Кундинамарку и Боготу. Силы консерваторов насчитывали 6 тыс. чел., а радикалов — 4,7 тыс. Сражение длилось несколько дней (20—22 ноября) и закончилось вничью. Битва при Гаррапате остановила проникновение консервативных сил во внутренние районы страны и существенно ослабила их военный потенциал<sup>66</sup>.

Основные сражения в январе-июле 1877 г. происходили с партизанскими силами консерваторов в Кундинамарке, Бояка, Сантандере. В конце 1876 г. партизанские объединения этих штатов объявили о создании единого партизанского фронта. В начале января 1877 г. было сформировано временное правительство трех штатов, поддержанное консерваторами столицы<sup>67</sup>. Собрав свыше 4 тыс. чел. объединенные силы повстанцев предприняли наступление на Сантандер, и в январе 1877 г. заняли Букарамангу и Памплону.

24—27 января 1877 г. федеральные силы, окружив повстанческие отряды в районе «Ла Донхуана» (недалеко от Кукуты, Сантандер) и «Редонда», разгромили противника, вынудив его отступить. 14 февраля

1877 г. генерал Вильчес разбил остатки консервативных сил в «Мутискуа». В феврале-марте 1877 г. армия федералов нанесла ряд поражений повстанческим силам в Кауке и Антиокии. В начале февраля 1877 г. генерал Трухильо предпринял наступление на Манисалес (Антиокия), вынудив консерваторов 5 апреля капитулировать<sup>68</sup>. 18 апреля был подписан мирный договор. Вскоре прекратили сопротивление штаты Толима и Кундинамарка. Последние остатки партизанских соединений в районе Пасто (Каука) и на севере Сантандера (Галиндо) отказались от борьбы в июне-июле 1877 г.<sup>69</sup>.

7 августа 1877 г. власти объявили о восстановлении общественного порядка на всей территории страны. Война длилась девять месяцев, в ходе нее погибло от 9 до 10 тыс. чел. Число раненых и инвалидов превысило 50 тыс. человек. Расходы страны были огромны: свыше 7 млн долл., в то время как доходы составили всего 4,3 млн долл.<sup>70</sup>

На созванном в марте 1877 г. конгрессе министр внутренних дел Карлос Н. Родригес призвал к введению правовых ограничений для клерикалов, заявив, что «чрезмерные претензии духовенства, подстрекаемые религиозным фанатизмом масс», были основной причиной нынешнего конфликта<sup>71</sup>. В мае 1877 г. конгресс принял закон № 35, согласно которому духовенство будет признано виновным в нарушении общественного порядка в случае, если в своих проповедях будет подстрекать верующих к неповиновению любому закону государственной власти<sup>72</sup>. Еще ранее, 19 марта 1877 г., конгресс принял закон, отменивший ежегодные выплаты церкви за имущество, подпавшее под дезамортизацию в 1861 году<sup>73</sup>. 10 мая 1877 г. Парра издал указ о высылке из страны на 10 лет всех епископов и представителей духовенства, которые инициировали войну, и вновь ввел закон о надзоре за церковью.

Наиболее существенный удар война нанесла светскому образованию. Прекратили свое существование «La Escuela Normal de Bogota» и «La Escuela primaria en Santander». Во время военных действий все учебные заведения были закрыты, а Национальный университет в 1877 г. функционировал всего полгода в связи с отсутствием студентов.

По окончании войны среди радикалов вновь разгорелась борьба за президентское кресло. Нуньес призывал голосовать за популярного генерала Трухильо, который и был избран президентом страны (1878—1880).

Дальнейшие события убедительно показали, как постепенно радикализм терял свои позиции в политической жизни страны. Призывы к возрождению стали звучать все чаще, бывшие когда-то радикалами Р. Нуньес и Х. Трухильо постепенно эволюционировали в сторону новой административной и политической системы государственного устройства. При поддержке консерваторов и независимых в 1880—1882 и 1884—1886 гг. президентом дважды избирался Нуньес. Придя к власти, он заявил о необходимости ради спасения родины начать программу Возрождения, став активным пропагандистом централизованной системы власти и проведя закон о праве федерального правительства вмешиваться во внутренние дела штатов.

В 1885 г., когда радикалы, пытаясь вернуть прежнее господство, выступили против независимых, вспыхнула новая гражданская война. На-

чавшаяся в штате Сантандер война вскоре распространилась по всему району Атлантического побережья. В марте 1885 г. при попытке захватить порт Картахену радикалы потерпели поражение и были вынуждены прекратить сопротивление. Гражданская война длилась восемь месяцев и закончилась 26 августа 1885 г. подписанием мирного договора.

Так завершилась эпоха «Радикального Олимпа», которая показала несостоятельность и несвоевременность осуществления столь радикальных экономических, антирелигиозных и социальных реформ. Это был эксперимент, показавший неготовность страны к столь масштабным структурным преобразованиям.

### *Примечания*

1. HENAO J.M., ARRUBLA G. History of Colombia. Chapel Hill. 1938; CARO A. Artículos y Discursos. Bogotá. 1951; NIETO ARTETA L.E. Economía y cultura en la historia de Colombia. Bogotá. 1975; LÉVANO AGUIRRE I. Rafael Nuñez. Bogotá. S.f.; VÁZQUEZ CARRISOZA A. El poder presidencial en Colombia. La crisis permanente del derecho constitucional. Bogotá. 1979; BASILIEN GAINCHE M.-L. La constitucionalidad de contienda: la promoción jurídica de la Guerra civil en Colombia del siglo XIX. — Historia Crítica. 2008. Enero-Junio, № 35.
2. VALENCIA VILLA H. Cartas de Batalla. Bogotá. 1987; PUENTES M. Historia del Partido Liberal Colombiano. 1961; TIRADO MEJÍA A. El estado y la política en el siglo XIX. Bogotá. 1981; PÉREZ AGUIRRE A. Los radicales y la Regeneración. Bogotá. 1941; PÉREZ AGUIRRE A. 25 años de historia colombiana. Bogotá. 1959; MOLINA G. Las ideas liberales en Colombia, 1849—1914. Primera parte. Bogotá. 1984.
3. VALENCIA VILLA H. Op. cit., p. 137—138.
4. PÉREZ AGUIRRE A. Op. cit., p. 217—219.
5. PARK J. W. Rafael Nuñez and the Politics of Colombian Regionalism, 1863—1886. Baton Rouge-London. 1985; DELPAR H. Red against Blue. The Liberal Party in Colombia, 1863—1889. Alabama. 1981; PALACIOS V., SAFFORD F. Colombia: País fragmentado. Sociedad dividida. Su historia. Bogotá. 2002; CRÚZ RODRÍGUEZ E. La Nación en Colombia del Radicalismo a la Regeneración (1863—1880): Una interpretación política. — Pensamiento jurídico. No. 28, mayo-agosto. Bogotá. 2010, p. 69—104; ALZATE GARCIA A. Asociaciones, Prensa y Elecciones. Sociabilidades Modernas y Participación Política en el Régimen Radical (1863—1876). Medellín. 2010.
6. ЩЕЛЧКОВ А.А. Либеральная революция и «Плебейская республика в Колумбии, 1849—1854 гг. М. 2012; ЕГО ЖЕ. Колумбийский феномен: Либералы и консерваторы — два века противостояния двух партий. В кн.: Либерализм и консерватизм в Латиноамериканской истории. М. 2018, с. 408—490.
7. Подробнее см.: ЩЕЛЧКОВ А.А. Либеральная революция и «Плебейская республика» в Колумбии, 1849—1854 гг., с. 108—134; Справедливости ради следует отметить, что первые шаги по реформированию страны были сделаны при коалиционном правительстве Т.С. де Москеры (1845—1849).
8. VALENCIA VILLA H. Op. cit., p. 132.
9. PÉREZ AGUIRRE A. Op. cit., p. 79.
10. POMBO M.A., GUERRA J.J. Constituciones de Colombia recopiladas y precedidas de una breve reseña histórica. Bogotá. 1892, p. 289—309.
11. GALINDO A. Recuerdos Históricos. 1840 a 1895. Bogotá. 1900, p. 95.
12. POMBO M.A., GUERRA J.J. Op. cit., p. 292—294, 298, 302—305.
13. VÁZQUEZ CARRIZOSA A. El poder presidencial en Colombia. Bogotá. 1979, p. 128.
14. ИВКИНА Л.А. Гражданская война 1859—1862 гг. в Колумбии. — Латиноамериканский исторический альманах. М. ИВИ РАН. 2019, № 21, с. 253—264.
15. POMBO M.A., GUERRA J.J. Op. cit., p. 323.
16. Ibid., p. 324.
17. Ibid., p. 325.

18. Ibid., p. 326—327.
19. Ibid., p. 332.
20. Ibid., p. 337—339.
21. VALENCIA VILLA H. Op. cit., p. 138.
22. Президентами в эпоху «Радикального Олимпа» были бывший губернатор провинции Сантандер, названной первой «лабораторией радикального эксперимента», Мануэль Мурильо Торо (1864—1866, 1872—1874), Сантос Гутьеррес (1868—1870), Эусторгио Сальгар (1870—1872), Сантьяго Перес (1874—1876), Акилео Парра (1876—1878), Франсиско Хавьер Сальдуа (1882—1884), Рафаэль Нуньес (1880—1882, 1884—1886).
23. WILLIAM MCGREEVEY P. Historia económica de Colombia, 1845—1930. Bogotá. 1975, p. 172.
24. PARK J. W. Op. cit., p. 56—58.
25. Nueva Historia Económica de Colombia. / Ed. by S. Kalmanovitz. Bogotá. 2010, p. 97, 99.
26. PARK J. W. Op. cit., p. 55—56.
27. Ibid., p. 54.
28. NIETO ARTETA L. E. Economía y cultura en la historia de Colombia. Bogotá. 1975, p. 215.
29. Historia económica de Colombia. Bogotá. 1997, p. 184.
30. PARK J. W. Op. cit., p. 60; PALACIOS M., SAFFORD F. Op. cit., p. 432; PALACIOS M. El café en Colombia (1850—1970). Una historia Económica, Social y Política. Bogotá. 1976, p. 19—22.
31. PARK J. W. Op. cit., p. 24.
32. Historia económica de Colombia, p. 166—167.
33. PARK J. W. Op. cit., p. 65.
34. PALACIOS M., SAFFORD F. Op. cit., p. 439—440.
35. Ibid., p. 437.
36. TIRADO MEJIA A. Introducción a la historia económica de Colombia. Bogotá. 1988, p. 151.
37. PÉREZ F. Geografía general física y política de los Estados Unidos de Colombia, Bogotá. 1883, p. 266.
38. JARAMILLO R.L., ROCA A.M. Más allá de la retórica de la reacción. Análisis económico de la desamortización en Colombia, 1861—1888. — Revista de Economía Institucional. 2009, vol. 11, № 20, p. 59, 71.
39. PÉREZ AGURRE A. Op. cit., p. 300—303.
40. Ibid., p. 300—306.
41. Ibid., p. 307—308.
42. BUSHNELL D. Elecciones presidenciales, 1863—1883. — Revista de Extensión Cultural. Medellín. — Universidad Nacional de Colombia, diciembre de 1984, № 18, p. 44—51.
43. PÉREZ AGURRE A. Op. cit., p. 274—275.
44. Historia económica de Colombia, p. 160.
45. Ibid., p. 158—159.
46. PÉREZ F. Op. cit., p. 264.
47. Historia económica de Colombia, p. 163.
48. Речь идет об избирательном режиме, установленном в Кундинамарке в начале 1860-х годов сторонником Москеры Рамоном Гомесом, получившим кличку «жаба» (sapa). Система, внедренная Гомесом, поставила весь избирательный процесс вплоть до счетных комиссий под контроль радикалов и их сторонников. Впоследствии практика «сапистов» была полностью связана с политической и электоральной практикой радикальной фракции. DELPAR H. Op. cit., p. 89.
49. DELPAR H. Op. cit., p. 87.
50. PARK J. W. Op. cit., p. 109.
51. Ibid., p. 71—72; PEREZ AGUIRRE A. Op. cit., p. 294—297.
52. PARK J. W. Op. cit., p. 73.
53. GARCÍA A. A. Asociaciones, Prensa y Elecciones. Sociabilidades Modernas y Participación Política en el Régimen Radical Colombiano (1863—1876). Medellín. 2010, p. 31—32.
54. DELPAR H. Op. cit., p. 116.
55. ORTIZ MESA L.J. Fusiles y plegarias. Guerra y guerrillas en Cundinamarca, Boyacá y Sanander, 1876—1877. Medellín. 2004, p. 35.
56. Ibid., p. 117; PÉREZ AGUIRRE A. Op. cit., p. 344—345.

57. LOAIZA CANO G. Manuel Ancizar y su época. Biografía de un político Hispano-Americano del siglo XIX. Medellín. 2004, p. 381.
58. ORTIZ MESA L.J. Op.cit., p. 32.
59. PARK J.W. Op. cit., p. 137—138.
620. LOAIZA CANO G. Sociabilidad, Religión y Política en la Definición de la Nación (Colombia,1820—1886). Bogotá. 2011, p. 392—397; PARK J.W. Op. cit., p. 138.
61. DELPAR H. Op. cit., p. 118.
62. PÉREZ AGUIRRE A. Op. cit., p. 391.
63. Ibid., p. 147—148.
64. Ibid., p. 401—403.
65. PARK J.W. Op. cit., p. 151.
66. PÉREZ AGUIRRE A. Op. cit., p.404—409.
67. Ibid., p. 413—414.
68. PARK J.W. Op. cit., p. 148.
69. PÉREZ AGUIRRE A. Op. cit., p. 418—420; ORTIZ MESA L.J. Op. cit., p. 18—19.
70. PÉREZ AGUIRRE A. Op. cit., p. 439—440; ORTIZ MESA L.J. Op. cit., p. 27.
71. Цит. по: DELPAR H. Op. cit., p. 118—119.
72. Diario Oficial. 18 may de 1877.
73. DELPAR H. Op. cit., p. 119.

## Функции управления персоналом в колхозах в послевоенные годы (1946—1950)

О.В. Устинова

---

*Аннотация.* В статье рассматриваются особенности организации и возрождения колхозов в послевоенный период с точки зрения управления персоналом. Выявлен основной функционал управления кадрами в колхозах, который включает: профессиональное обучение; ротацию колхозников из одной отрасли в другую, обусловленную интересами производства; децентрализацию в управлении колхозом; ежегодный пересмотр норм выработки; участие колхозников в общественном хозяйстве артели; освобождение колхозниц от домашних работ; обеспечение трудовой дисциплины колхозников; индивидуальную или групповую сдельщину и дополнительную оплату труда. Показано, что высокоэффективные результаты управления колхозом могли продемонстрировать в основном крупные, передовые колхозы. Обозначенный функционал представлял собой скорее модель, на которую ориентировалось все общественное производство в сельском хозяйстве.

*Ключевые слова:* СССР, Великая отечественная война, послевоенное время, сельское хозяйство, колхоз, управление персоналом.

*Abstract.* The article discusses the features of the creation and revival of collective farms in the post-war period from the point of view of personnel management. The main functions of personnel management in collective farms are identified, which include: professional training; rotation of collective farmers from one industry to another, due to the interests of production; decentralization in the management of the collective farm; annual revision of production standards; participation of collective farmers in the social economy of the artel; exemption of collective farmers from domestic work; competitive spirit; labor discipline of collective farmers; individual or group piecework and additional remuneration. It is shown that high-performance results of collective farm management in the context of the identified functions could be demonstrated mainly by large advanced collective farms. The designated functional was, rather, a model on which all social production in agriculture was oriented.

*Key words:* USSR, Great Patriotic War, post-war period, agriculture, collective farms, personnel management.

---

Великая отечественная война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству СССР, поэтому в послевоенное время колхозы еще долгое время оставались в бедственном положении: практически отсутствовала материально-техническая база, не хватало кадров, животноводче-

---

*Устинова Оксана Вячеславовна* — кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета. E-mail: [ustinovaov@tyuiu.ru](mailto:ustinovaov@tyuiu.ru).

*Ustinova Oksana V.* — PhD (Sociology), associate professor of Industrial University of Tyumen. E-mail: [ustinovaov@tyuiu.ru](mailto:ustinovaov@tyuiu.ru).

---

ские и складские помещения были разрушены<sup>1</sup>. Кроме того, сельскохозяйственная отрасль выступала источником «выкачивания средств, поступающих в промышленность»<sup>2</sup> и «кадрового ресурсообеспечения промышленных отраслей согласно ежегодным народнохозяйственным планам»<sup>3</sup>.

Тем не менее формирование новой колхозно-совхозной системы, создающей рабочие места и развивающей социально-бытовые условия села, выдвигалось правительством на первый план в послевоенном восстановлении страны. Необходимо было вывести сельское хозяйство на уровень, позволявший обеспечить население продовольствием, а промышленность — сырьем<sup>4</sup>. Помимо прочего, на колхозы возлагалась ответственность по социальному развитию села и строительству социальных объектов.

Среди советских ученых, активно исследовавших проблемы развития сельского хозяйства в послевоенные годы, можно выделить И. М. Волкова, который на основе глубокого анализа статистических данных рассматривал проблемы колхозного крестьянства СССР в первые послевоенные годы (1946—1950)<sup>5</sup>; В. И. Юрчука, изучавшего развитие народного хозяйства Украины в послевоенный период (1945—1952)<sup>6</sup>, В. Б. Островского, анализировавшего колхозное крестьянство в Советском Союзе в целом<sup>7</sup>.

Тяжелому периоду послевоенного восстановления колхозов и совхозов посвящены также работы современных авторов, делающих акцент на тех или иных аспектах этого сложного процесса. Например, М. Г. Ушанова рассматривает гендерные особенности восстановления сельского хозяйства в первые послевоенные годы<sup>8</sup>, В. П. Мотревич исследует роль культурно-массовой работы в совхозах в исследуемый период<sup>9</sup>, Е. А. Чайка анализирует деятельность колхозов сквозь призму восстановления экономики и социальной сферы после войны<sup>10</sup>.

Нельзя не упомянуть и сборники, посвященные передовым колхозам. Они начали выпускаться с начала 1950-х гг. и служили своего рода практическими руководствами, содержащими опыт управления реальными колхозами<sup>11</sup>.

В настоящей статье авторы предприняли попытку обозначить основной функционал по управлению работниками колхоза в послевоенный период (1946—1950 гг.) — четвертый пятилетний план. Безусловно, приведенные в статье положительные примеры управления колхозом не распространяются на все колхозы послевоенного периода. Учитывая тяжелейшие условия, в которых крестьянам приходилось создавать и восстанавливать колхозы и совхозы (отсутствие технического оснащения, нехватка людей, истощение зерновых запасов, отсутствие средств и опыта руководства сельским хозяйством)<sup>12</sup>, большая их часть не могла похвастаться высокими достижениями. Поэтому обо всех без исключения обозначенных в статье функциях управления персоналом в колхозах послевоенного этапа в научных работах современников ведется активная дискуссия.

Тем не менее выявленные нами основные направления работы с колхозниками являлись своего рода моделью управления персоналом колхоза в послевоенный период и служили ориентиром для многих обществен-



ных производств, ставивших целью повышение производительности труда.

В качестве примера возьмем колхоз имени Чкалова Ново-Московского района Днепропетровской области <sup>13</sup>, наглядно демонстрировавший положительную динамику развития в первые годы после войны (табл. 1).

Таблица 1

**Рост основных средств производства колхоза имени Чкалова Ново-Московского района Днепропетровской области**

Основные средства производства	1947 г.		1952 г.		1952 г., в% к 1947
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	
Общая стоимость основных средств производства	398,1	100,0	1 967,4	100	494,2
Стоимость рабочего скота	118,9	29,9	138,9	7,1	116,8
Стоимость продуктивного скота	84,5	21,2	278,9	14,2	330,0
Стоимость построек, сооружений и многолетних насаждений	82,4	20,7	1 195,4	60,7	1 450,7
Стоимость транспортных средств	58,9	14,8	186,9	9,5	317,3
Стоимость сельскохозяйственного инвентаря, оборудования и орудий	53,4	13,4	167,3	8,5	313,2

Общая стоимость основных средств производства колхоза с 1947 по 1952 г. увеличилась практически в пять раз. При этом стоимость инвентаря, оборудования и орудий снизилась с 13,8 до 8,5% от общей стоимости основных средств производства. Это обусловлено становлением системы государственного обеспечения предприятий производственной техникой.

Немало средств колхозы вкладывали в восстановление производственной инфраструктуры и благоустройство территорий. Так, вложенные упомянутым колхозом средства за период с 1947 по 1952 г. увеличились в 14,5 раз.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства (на 1946—1950 гг.), принятый на первой сессии Верховного Совета СССР 18 марта 1946 г., предполагал ускоренное развитие экономики страны, в том числе благодаря возрождению сельского хозяйства

Колхоз имени Чкалова, обратившись за помощью к Украинскому научно-исследовательскому институту зернового хозяйства, получил первый послевоенный перспективный план развития на 1947—1950 гг.

План состоял из следующих разделов:

1. Общие сведения о колхозе.
2. Состав колхоза и организация труда.
3. Земельная площадь и организация территории.
4. Полеводство.
5. Овощеводство и парниково-тепличное хозяйство.
6. Плодоводство.
7. Заготовка и использование удобрений.
8. Животноводство.

9. Кормопроизводство и кормоиспользование.
10. Затраты труда на основных работах и работы МТС в колхозе.
11. Подсобные отрасли.
12. Культурно-бытовые мероприятия и благоустройство колхоза.
13. Приходо-расходная смета колхоза.

Примечателен факт активного сотрудничества колхоза имени Чакова с Украинским научно-исследовательским институтом в процессе реализации перспективного плана. Так, спустя два года с начала его осуществления состоялось выездное заседание ученого совета института, на котором были подведены промежуточные итоги, выявлены основные проблемы и разработаны корректирующие мероприятия, необходимые для выполнения запланированных показателей.

Безусловно, высокий патриотизм работников колхоза, нацеленность на результат, обозначенный пятилетним планом развития, позволяли получать высокие доходы с каждого гектара земли сельскохозяйственного пользования, от каждой отрасли артельного производства.

Как показывает содержательная структура перспективного плана колхоза, в нем нет какого-либо отдельного направления, посвященного управлению кадрами. Привычные сегодня для стратегического плана развития любой организации направления, касающиеся мотивации сотрудников, оценки и ротации кадров и т. д., в колхозах послевоенного периода ограничивались лишь единичными мероприятиями, по большей части касавшимися дисциплины и оплаты труда.

К основным направлениям работы с колхозниками, которые условно можно обозначить как функции управления персоналом, относились следующие.

1. Профессиональное обучение. В частности, в колхозе имени Чакова в результате освоения колхозниками новых профессий произошло значительное сокращение числа занятых в полеводстве. При этом количество колхозников, занятых на животноводческих фермах, увеличилось почти в 2,5 раза, а в мастерских — более чем в 3 раза<sup>14</sup>.

Учитывая высокую занятость колхозников, упор делался на повышение уровня образования без отрыва от производства. Преимущественно это были курсы, тесно связанные с производственными заданиями колхозов. Традиционно проводились и отдельные лекции, посвященные конкретным темам. Их читали местные учителя, медицинские работники, агроном колхоза, представители райкома партии и других районных организаций<sup>15</sup>.

Например, в 1947 г. в совхозах Курганской области было прочитано 447 докладов и лекций, проведено 989 бесед и организовано 670 киносеансов, в 1951 г. — соответственно, 1302, 4371, 3886. Для ведения агитационно-массовой работы в области была создана агитбригада. В 1951 г. с ее помощью в совхозах было выпущено 1068 стенных газет, 1580 боевых листов, 900 «Молний» и «Тревог». В совхозе Макушинский была создана лекторская группа из 12 человек. За девять месяцев 1951 г. они прочитали 55 лекций и провели свыше 200 бесед<sup>16</sup>.

Массово проходили подготовку и переподготовку руководящие колхозные кадры в двухгодичных государственных школах. В 1950 г. агрономическое и зоотехническое обучение осуществляли 102 школы<sup>17</sup>.

Не остались в стороне и государственные учебные заведения среднего и высшего образования, которые в послевоенное время активно восстанавливались. В 1948 г. в сельскохозяйственных вузах заочно обучалось 6 400 колхозников<sup>18</sup>. В 1949 г. было открыто 63 заочных отделения в сельскохозяйственных техникумах<sup>19</sup>.

2. Ротация колхозников из одной отрасли в другую, обусловленная интересами производства. При пересмотре (либо расформировании) производственных бригад их работники перемещались в бригады, работавшие в смежных отраслях. Например, в колхозе имени Чкалова в 1946 г. работало три полеводческие бригады, садово-огородная бригада, строительная бригада; пять человек были заняты на работах по обслуживанию общественного продуктивного животноводства. В 1947 г. за счет уменьшения числа колхозников, работавших в полеводческих бригадах, была создана бригада по кормодобыванию. Позже, осенью 1950 г., при пересмотре состава производственных бригад были внесены следующие изменения: одну полеводческую бригаду расформировали и за счет нее укрепили животноводческие бригады и бригаду по кормодобыванию. Пополнив садоводческое звено, существовавшее в садово-огородной бригаде, создали из него самостоятельную садоводческую бригаду<sup>20</sup>.

3. Децентрализация в управлении колхозом через делегирование ответственности бригадирам, обеспечивавшим распределение колхозников внутри бригады и выполнение всех сельскохозяйственных работ на закрепленном за бригадой участке. В уставе сельскохозяйственной артели колхоза имени Чкалова, помимо организационных аспектов, были прописаны морально-нравственные принципы в исполнении бригадиром своих обязанностей. Например, указывалось, что работа «распределяется между членами артели непосредственно бригадиром, который обязан наилучшим образом использовать каждого колхозника своей бригады, не допуская при распределении работы никакого кумовства, семейственности и строго учитывая трудовую квалификацию, опыт и физическую силу каждого»<sup>21</sup>.

Внутри бригад также наблюдалась децентрализованная подструктура из звеньев, состоявших из 9—12 чел., работавших под руководством звеньевского. Принцип деления бригады на звенья, который начал активно внедряться в 1947 г., был обусловлен выращиванием множества культур (кукурузы, подсолнечника, картофеля, многолетних трав и др.). Звеньевые отвечали за выращивание конкретной культуры, распределяя между колхозниками посадку и уход вплоть до определенного количества рядков в поле. Это позволяло уйти от «обезличенности» в работе по уходу за растениями и перейти к персональной ответственности. Звенья не были самостоятельными структурными единицами, а представляли собой форму внутрибригадного взаимодействия, обеспечивающего эффективное использование средств производства.

Важно также отметить равномерность в распределении нагрузки на каждого члена бригады в целях эффективного использования физического потенциала каждого. Правильная расстановка трудовых ресурсов заключалась в комплектовании бригад таким образом, чтобы все основные работы могли быть выполнены членами бригады без привлечения дополнительной рабочей силы.

4. Ежегодный пересмотр норм выработки с учетом производственных возможностей колхоза и передовых колхозников в сторону возможного их повышения. Специальные комиссии колхозников (бригады, звеньевые, передовики производства), изучив опыт работы за истекший год, разрабатывали предложения по изменению норм выработки на следующий год и принимали их сначала на заседании правления, а затем на общем собрании колхозников. Так, в колхозе имени Чкалова комиссия по нормированию труда за послевоенную пятилетку внесла много существенных предложений по изменению норм выработки и расценок на отдельные виды работ <sup>22</sup>.

В то же время можно привести немало примеров, когда «продолжалась, как и до войны, мелочная опека над колхозами, которым сверху по-прежнему спускались самые разнообразные планы и задания, вплоть до плана засыпки семян, молотьбы молотилками МТС, что лишало хозяйства какой-либо самостоятельности» <sup>23</sup>.

5. Участие колхозников в общественном хозяйстве артели, что проявлялось, в первую очередь, в увеличении общего количества выработанных колхозниками трудодней. Например, в колхозе имени Чкалова в 1952 г. по сравнению с 1947 г. резко сократилось количество колхозников, выработавших по 200 трудодней, и одновременно увеличилось число выработавших более 300 трудодней <sup>24</sup>.

6. Освобождение колхозниц от домашних работ (налаженное общественное питание, детские сады и ясли). Послевоенные условия для создания социально-культурных объектов были сложными. Детские сады и ясли во многих колхозах отсутствовали вплоть до начала 1950-х гг. <sup>25</sup> Большая часть оставшихся после войны помещений была занята под хозяйственные нужды и не имела соответствующих условий. Тем не менее повсеместно в них размещались конторы, начальные школы, детские сады и ясли <sup>26</sup>.

7. Соревновательный дух. Всем бригадам создавались одинаковые условия для выполнения годовых производственных заданий (закреплялись одинаковые по размеру земельные участки или одинаковая площадь сада, одинаковый кормовой или овощной севооборот и т.д.); за каждой в равной степени закреплялись транспортные средства, инвентарь, сельскохозяйственное орудия; каждая имела свой двор и производственные постройки. Тем не менее в постановке стратегических задач всегда преобладал дух соревнования, подразумевавший нацеленность бригад на перевыполнение плана и установление рекордов.

Дух соревнования поддерживался также прозрачностью и открытостью достигнутых каждым колхозником результатов. Например, в колхозе имени Чкалова в конторе артели на видном месте вывешивались списки всех работающих колхозников и в них в начале каждого месяца отмечалось количество выработанных трудодней за истекший месяц. Здесь же размещались доски почета с фотографиями передовиков производства. Любая бригада стремилась попасть в число лучших и потому не только стремилась добиться высоких результатов, но и брала шефство над отстающими колхозниками.

Социалистическое соревнование, носившее массовый и, безусловно, действенный характер, обуславливало проведение в колхозах производ-

ственных совещаний, открытую демонстрацию плановых и достигнутых показателей на досках объявлений, в стенгазетах и даже листовках. Все это повышало чувство ответственности за социалистические обязательства перед государством.

8. Трудовая дисциплина колхозников, проявлявшаяся через правильно организованный учет продукции и трудовой, правила внутреннего распорядка.

Так, в колхозе имени Чкалова правила внутреннего распорядка утверждались общим собранием колхозников и определяли обязанности каждого работника артели и ответственность за состояние работы на том участке, куда он назначен, за сохранность имущества или других материальных ценностей, которые ему доверены. Кроме того, в колхозе имелся утвержденный правлением артели распорядок дня по отдельным отраслям производства<sup>27</sup>.

В правилах внутреннего распорядка колхоза указывались конкретные проступки, расцениваемые как нарушение трудовой дисциплины: опоздание на работу или прогул без уважительной причины, ненадлежащее выполнение порученной работы, отказ от выполнения поручений бригадира и др.<sup>28</sup>

В деле поддержания трудовой дисциплины важно подчеркнуть роль персональной ответственности за все, что происходило в колхозе. Было достаточно просто определить, чьей зоны ответственности касается тот или иной проступок.

Если проступок был незначительный (плохой контроль за качеством работ, недоучет труда колхозников и т.п.), он сразу обсуждался с бригадиром и принимались конкретные меры. Случаи грубого нарушения дисциплины, как правило, выносились на коллективное обсуждение (рассматривались на заседаниях правления). Помимо этого, с нерадивых работников удерживалась стоимость нанесенного хозяйству материального ущерба, отнимались трудовые, а плохо выполненные работы переделялись без оплаты труда.

Персональная ответственность за выполнение государственных планов и производственных заданий поддерживалась «колхозной демократией», когда важные вопросы выносились на общее собрание колхозников и обсуждались сообща, что помогало вскрыть недостатки в работе.

Немаловажную роль играла и массово-политическая работа: в колхозах создавались политшколы, регулярно велись политбеседы, выпускались стенгазеты.

Интересной представляется позиция Р.А. Мухамедова и Е.Е. Николаева, которые обосновали стремление колхозников в послевоенное время выполнять в колхозах только установленные производственные показатели, не стремясь к перевыполнению плана. Это позволяло им использовать свободное время для работы на личном приусадебном участке, который «кормил семью». Ученые сделали вывод, что приоритет личного подсобного хозяйства по отношению к колхозу негативным образом сказывался на дисциплине<sup>29</sup>.

Схожие выводы сделал и О.Р. Хасянов, по мнению которого, на первое место колхозники выдвигали собственные приусадебные участки, а не работу в колхозе, что в целом негативно отражалось на инициатив-

ной деятельности по восстановлению общественного сельскохозяйственного производства<sup>30</sup>.

В то же время, как отмечает И.М. Волков, к концу пятилетки роль приусадебного участка в формировании доходов крестьян ослабела в пользу колхозов, ставших главным источником доходов колхозной семьи<sup>31</sup>.

9. Индивидуальная или групповая сдельщина и дополнительная оплата труда (в том числе натурой) за перевыполнение плановых показателей.

В колхозе имени Чкалова оплата работ по большей части производилась на основе индивидуальной сдельщины. Но там, где было невозможно учесть индивидуальную выработку колхозника, применялась групповая сдельщина. Урожай учитывался по каждой бригаде отдельно, а на участках пропашных культур, закрепленных за звеньями, — по звеньям<sup>32</sup>.

В артели учет урожая велся по бригадам и звеньям, а затраты трудодней учитывались по культурам. Это помогало правлению колхоза справедливо начислять бригадам и звеньям дополнительную оплату труда за перевыполнение плана.

Другие формы поощрения передовиков сельскохозяйственного производства зависели от перевыполнения плановых заданий. По завершении полевых и животноводческих работ правлением рассматривались достигнутые результаты и размеры дополнительных начислений трудодней отличившимся работникам. Также предусматривалась возможность списания трудодней с колхозников, не выполнивших плановые показатели. Окончательный порядок и размеры дополнительных начислений и списаний утверждались на общем собрании.

Например, в колхозе имени Чкалова динамика дополнительных начислений трудодней за перевыполненные планы превалировала над их списанием (табл. 2).

Таблица 2

**Число начисленных и списанных трудодней за выполненную работу в колхозе имени Чкалова за 1949—1952 гг.**

	Год			
	1949	1950	1951	1952
<b>Начислено трудодней</b>	3 494	3 518	3 260	4 816
<b>Списано трудодней</b>	463	204	558	165

Нередко труд колхозников оплачивался натурой. Например, в упомянутом колхозе такую оплату ежегодно получали 50—70% работников, занятых в полеводстве (в основном кукурузой и подсолнечником). Занятые в сфере животноводства получали дополнительную плату за перевыполнение плановых показателей молоком, мясом (свининой), поросятами и ягнятами.

Однако это касалось далеко не всех колхозов. О несправедливом вознаграждении натуральными продуктами колхозников указывает в своей работе, основанной на исследовании архивных данных, О.Р. Хасянов. Такая практика (имеется в виду положительная) была далеко не во всех

колхозах и носила избирательный характер, не учитывавший конкретный вклад колхозников в общественное производство<sup>33</sup>.

Таким образом, восстановление сельского хозяйства в послевоенные годы осуществлялось в тяжелых условиях: отсутствие технического оснащения, нехватка людей, истощение зерновых запасов, недостаток финансовых средств и опыта руководства сельским хозяйством и т.д.

К основным функциям управления персоналом в целях повышения производительности труда колхоза исследуемого периода можно отнести следующие: профессиональное обучение; ротацию колхозников из одной отрасли в другую в интересах производства; децентрализацию в управлении колхозом; ежегодный пересмотр норм выработки; участие колхозников в общественном хозяйстве артели; освобождение колхозниц от домашних работ; соревновательный дух; трудовую дисциплину колхозников; индивидуальную или групповую сдельщину и дополнительную оплату труда.

Высокоэффективные результаты управления колхозом в разрезе выявленных функций могли продемонстрировать единичные, в основном крупные, колхозы — так называемые передовые.

Обозначенный функционал представлял собой скорее модель, на которую ориентировалось все общественное производство в сельском хозяйстве.

#### *Примечания*

1. СУДАВЦОВ Н.Д. Возрождение сельского хозяйства Ставрополя после освобождения от оккупации в период Великой отечественной войны. — Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2, с. 98—106.
2. ШЛЫКОВА О.В. Особенности колхозного производства в 1950—1960 гг. — Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 1, с. 53—55.
3. ВОЛКОВ И.М. Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 1968.
4. МОТРЕВИЧ В.П. Восстановление сельского хозяйства на Урале в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.). — Аграрный Вестник Урала. 2012. № 4 (96), с. 23—26.
5. ВОЛКОВ И.М. Колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.). — Вопросы истории. 1970. № 6, с. 3—19.
6. ЮРЧУК В.И. Борьба Коммунистической партии Украины за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства республики в послевоенный период (1945—1952 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев. 1965.
7. ОСТРОВСКИЙ В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов. 1967.
8. УШАНОВА М.Г. Влияние гендерных тенденций на восстановление сельского хозяйства Костромской области в первые послевоенные годы (1945—1947). — Костромская земля в жизни великой России: М-лы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 70-й годовщине образования Костромской области. 2014, с. 237—238.
9. МОТРЕВИЧ В.П. Культурно-массовая работа в совхозах на Урале в первые послевоенные годы. — Аграрный вестник Урала. 2015. № 3 (133), с. 26—28.
10. Восстановление экономики и социальной сферы Ставропольского края в 1945—1950 гг.: достижения и противоречия. — Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 151, с. 33—40.
11. Передовые колхозы — участники выставки. М. 1954; ПОСМИТНЫЙ М.А., ЛУТОВ И.П. Колхоз им. Буденного. М. 1954; ПРОЗОРОВ П.А. 30 лет колхоза «Красный Ок-

- тябрь». М. 1956; КОБЗИСТЫЙ Я.А., ПРУГЛО В.В. Колхоз высокой культуры земледелия. М. 1953.
12. ЛОХОВА Т.В. Послевоенная аграрная политика СССР в 1940—1950-е гг.: курс на восстановление и развитие сельскохозяйственного потенциала Краснодарского края. — Гуманитарные науки. История. 2015. № 1 (33), с. 58—68.
  13. КОБЗИСТЫЙ Я.А., ПРУГЛО В.В. Ук. соч., с. 18.
  14. Там же, с. 204.
  15. Там же, с. 205.
  16. МОТРЕВИЧ В.П. Ук. соч.
  17. Социалистическое сельское хозяйство. 1951. № 8, с. 17.
  18. СТЕПАНЯН Ц. Поступательное движение советского общества к коммунизму. — Партия большевиков в борьбе за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства СССР в послевоенный период. М. 1950, с. 117.
  19. Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР). Ф. 7486, оп. 1, ед. хр. 6222, л. 30.
  20. КОБЗИСТЫЙ Я.А., ПРУГЛО В.В. Ук. соч., с. 171.
  21. Там же, с. 174.
  22. Там же, с. 180.
  23. ЧАЙКА Е.А. Восстановление экономики и социальной сферы Ставропольского края в 1945—1950 гг.: достижения и противоречия. — Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 151, с. 33—40.
  24. КОБЗИСТЫЙ Я.А., ПРУГЛО В.В. Ук. соч., с. 171.
  25. ХАСЯНОВ О.Р. Хозяйственная повседневность колхозной деревни в послевоенное десятилетие (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей). — История: факты и символы. 2016. № 3 (8), с. 35—43.
  26. МОТРЕВИЧ В.П. Ук. соч.
  27. КОБЗИСТЫЙ Я.А., ПРУГЛО В.В. Ук. соч., с. 183.
  28. Там же, с. 184.
  29. МУХАМЕДОВ Р.А., НИКОЛАЕВ Е.Е. Приусадебные хозяйства колхозников послевоенный период (1946—1953 гг.). — Общество: философия, история, культура. 2017. № 5, с. 86—90.
  30. ХАСЯНОВ О.Р. Ук. соч.
  31. ВОЛКОВ И.М. Ук. соч.
  32. КОБЗИСТЫЙ Я.А., ПРУГЛО В.В. Ук. соч., с. 196.
  33. ХАСЯНОВ О.Р. Ук. соч.



# Источники финансирования строительства Русской Палестины (1857—1864 гг.)

Ю. Е. Кондаков

---

*Аннотация.* В статье на основании введенных в научный оборот документов Российского государственно исторического архива прослеживаются источники финансирования строительства Русской Палестины: пожертвования, кружечный сбор, средства из бюджета, деньги Русского общества пароходства и торговли, помощь императорской семье. Анализ новых материалов позволил выяснить, как Александр II принял решение о бюджетном финансировании строительства Русской Палестины, в каком порядке выделялись деньги, а также тот факт, что на всех направлениях финансирования возникали затруднения. Их удалось преодолеть, и к 1864 г. в Палестине была построена инфраструктура для российских паломников.

*Ключевые слова:* паломничество, Российская империя, Русская Палестина, пожертвования, бюджетное финансирование, пароходство, Палестинский комитет, Духовная миссия.

*Abstract.* The article introduces documents of the Russian State Historical Archives into scientific circulation. On their basis, the sources of financing for the construction of Russian Palestine are traced: donations, collection of money, funds from the budget, money from the Russian Society of Shipping and Trade, assistance from the imperial family. New materials made it possible to find out how Alexander II made a decision on budget financing for the construction of Russian Palestine, in what order the money was allocated. The collected material shows that difficulties arose in all areas of financing. They managed to overcome them, and by 1864 the infrastructure for Russian pilgrims had been built in Palestine.

*Key words:* pilgrimage, Russian Empire, Russian Palestine, donations, budget funding, shipping company, Palestinian Committee, Spiritual Mission.

---

С 1858 г. Российская империя начала покупку земель и строительство инфраструктуры для паломников в Иерусалиме и Палестине. К началу XX в. России принадлежало в Палестине множество земельных участков с церквями и женским монастырем. У стен Иерусалима был построен обширный приют для паломников и Духовной миссии. В самом городе в российской собственности находился участок с Порогом Судных Врат и развалинами базилики императора Константина. Подавляющая часть российской собственности в Палестине была утрачена в советский пе-

---

*Кондаков Юрий Евгеньевич* — доктор исторических наук, доцент, профессор, Российской государственной педагогической университет им. А. И. Герцена. E-mail: urakon@rambler.ru.

*Kondakov Yurij E.* — doctor of historical sciences, associate professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, professor. E-mail: urakon@rambler.ru.

---

риод. Сегодня возрожденное Императорское православное палестинское общество ведет борьбу за возвращение хотя бы части утраченного наследия. В этой связи важно выяснить, на какие средства и чьими усилиями строилась Русская Палестина. Эту задачу помогут выполнить недавно обнаруженные архивные документы.

Один из первых исследователей истории строительства Русской Палестины А.А. Дмитриевский указывал источники финансирования и приводил некоторые цифры. Он писал, что на вторую Духовную миссию в Иерусалиме было отпущено 14 600 руб. в год. Чиновник Морского министерства Б.П. Мансуров планировал получить по 20 000 руб. в год от Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), но получил только 30 000 руб. Утверждалось, что основным источником являлись частные пожертвования, которых до 1863 г. было собрано 103 259 руб. По словам Дмитриевского, 500 000 руб. пожертвовал Александр II <sup>1</sup>. Однако сообщение о пожертвовании императора было ошибкой, которая надолго ввела в заблуждение исследователей. В качестве источника Дмитриевский использовал отчеты Палестинского комитета.

В первом крупном исследовании, посвященном строительству Русской Палестины в новейшей истории России, вопросам финансирования было отведено две страницы. Н.Н. Лисовой указывал, что по приказу императора из государственного казначейства было выделено 500 000 руб. и ежегодно перечислялись суммы так называемого кружечного сбора, упоминались частные пожертвования, а также 30 000 руб., перечисленные РОПиТ <sup>2</sup>. Автор впервые упоминает деньги императрицы Марии Александровны, переведенные второй Духовной миссии (без указания сумм и целей расходования) <sup>3</sup>. В дальнейшем исследователи строительства Русской Палестины использовали цифры, приведенные Н.Н. Лисовым.

Несколько подробнее рассматривались вопросы расходования средств. Сегодня на основании новых архивных материалов можно подробно рассмотреть, из каких источников финансировалось строительство Русской Палестины и как именно оно осуществлялось.

В начале XIX в. по причине резкого увеличения потока российских паломников в Палестину консульство уже не справлялось с их обслуживанием. В этой связи Министерством иностранных дел было принято решение в 1847 г. открыть в Иерусалиме Русскую духовную миссию. Она должна была заниматься проблемами паломников и осуществлять связь с греческими патриархами. Первая Миссия имела очень ограниченный состав и бюджет. Она размещалась в доме, предоставленном иерусалимской патриархией. В то время Российская империя не имела собственности в Иерусалиме. Первая Миссия прервала свою работу в связи с Крымской войной.

По окончании войны внимание российской дипломатии было привлечено к Востоку. Требовалось любыми путями восстановить пошатнувшийся авторитет России. Со своими инициативами одновременно выступили брат императора великий князь Константин Николаевич и глава Министерства иностранных дел А.М. Горчаков. Великий князь предложил использовать для усиления влияния России на Востоке и как некую замену утраченному флоту РОПиТ, основанное в 1856 г. МИД принял

решение отправить в Иерусалим вторую Духовную миссию, в задачи которой входило приобретение земельной собственности. В 1857 г. великий князь отправил в Палестину Б. П. Мансурова. Его задачей было составить путеводитель для паломников, чтобы обеспечить загруженность будущих рейсов РОПиТ по Черному морю. Итогом командировки Мансурова стал обширный отчет о положении российских паломников. С полным вариантом отчета ознакомились император и высшие государственные чиновники, краткий вариант был издан и поступил в продажу.

Первый отчет Мансурова был напечатан для служебного пользования в конце 1857 г. Чиновник писал, что после Крымской войны российское правительство не имеет средств для финансирования строительства инфраструктуры для паломников. Он предлагал по примеру обороны Севастополя организовать всенародный сбор на эти цели: «Сочувствие всех классов Русского народа к делам богоугодным вообще, и к Палестинским Святыням в особенности, так живо, что возбудит массу доброхотных подаяний на обеспечение русского поклонничества»<sup>4</sup>. После первой ознакомительной поездки Мансуров посчитал, что для обеспечения российских паломников будет достаточно 150 000 руб. По его мнению, 20 000 руб. в год могло бы выделять РОПиТ<sup>5</sup>. В изданной в 1858 г. сначала секретно, а затем в приложении к журналу «Морской сборник» книге Мансурова «Православные поклонники в Палестине» уже упоминалась сумма сбора на паломников — 500 000 руб.<sup>6</sup> Столько, считал Мансуров, можно было собрать, если бы каждый из российских православных пожертвовал по одной копейке. В дальнейшем эта цифра была взята за основу всего финансирования, необходимого для строительства инфраструктуры для паломников.

Реакцией на отчет Мансурова стал указ Александра II от 1 марта 1858 г. об организации подписки и сбора пожертвований в церквах на нужды российских паломников в Палестине. Деньги должны были поступать в Комиссариатский департамент Морского министерства и оттуда по мере надобности передаваться в Духовную миссию в Иерусалиме и РОПиТ, поручившее своим агентам заняться устройством инфраструктуры для паломников<sup>7</sup>. С июня 1858 г. объявления о сборе пожертвований стали публиковаться в журнале «Морской сборник». Сообщалось, что первое пожертвование — 30 000 руб. — поступило от статского советника камергера И. А. Яковлева<sup>8</sup>. Начало кружечного сбора в церквах затянулось. 9 июля 1858 г. Мансуров писал из Одессы к Д. А. Оболенскому: «Сборы, руководствуемые Синодом без прямого вмешательства великого князя или императрицы, совершенно педализируются мертвенностью духа нашего духовенства. До сих пор указ Синода о произведении сборов оставляется консисторию без всякого исполнения; о сборах нет и помину, в церквах нет ни особых кружек, ничего»<sup>9</sup>.

Полный отчет о пожертвовании в пользу паломников в Палестине был опубликован в самом конце 1860 г. в приложении к № 13 «Морского сборника». В конце отчета была дана сводная таблица всех поступивших пожертвований (с. 75—143). Всего с 1 марта 1858 г. до 14 апреля 1860 г. поступило 279 924 руб. 86 коп. серебром<sup>10</sup>. В отчете 1863 г. давалась общая сумма сборов до 1 сентября 1862 г. — 836 924 руб.<sup>11</sup>. До 15 октября 1863 г. было собрано еще 167 135 руб. 34 коп.<sup>12</sup> Эти официальные

отчеты Палестинского комитета не позволяют проследить динамику поступления пожертвований и денег кружечного сбора. Дополнительный материал можно получить из архивных источников. На заседании Палестинского комитета 12 июля 1859 г. была названа общая сумма пожертвований, сделанных до этого времени, — 205 478 руб. 16 коп.<sup>13</sup> Из проекта первого отчета Палестинского комитета, подготовленного Мансуровым, можно узнать размер кружечного сбора с 1858 г. по 1 января 1860 г. — 176 623 руб. 37 коп. Указаны и две суммы частных пожертвований: уже упоминавшаяся от камергера И. А. Яковлева — 30 000 руб. и от откупщиков — 75 000 руб.<sup>14</sup> Следует заметить, что общая сумма пожертвований и сборов в 1858—1859 гг. в сравнении с 1862—1863 гг. сократилась на 38 343 руб. После преобразования Палестинской комиссии в Палестинский комитет в 1864 г. сбор пожертвований прекратился.

Сведения по динамике пожертвований обнаружены в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в деле «О приеме пожертвований на улучшение быта православных поклонников в Палестине». Из документа видно, что 18 марта 1858 г. распоряжение о сборе пожертвований было разослано губернаторам. Кроме того, указ был опубликован во всех газетах и журналах, подчиненных Министерству народного просвещения<sup>15</sup>. О ходе сборов можно судить из рапортов Тверского гражданского губернатора. 12 сентября 1858 г. он послал в Комиссариатский департамент собранные в губернии 1 447 руб. 94 коп., 5 января 1859 г. — 347 руб. (за исключением употребленного на переписку), 12 января 1859 г. — 72 руб. 49 коп., 1 мая 1859 г. — 58 руб. 30 коп., 9 февраля 1859 г. — 19 руб. 10 коп., 21 сентября 1860 г. — 19 руб. 38 коп.<sup>16</sup> По этим цифрам видно, что лишь первый сбор дал значительную сумму, затем пожертвования ежегодно сокращались вплоть до совсем незначительной суммы.

С каждым годом уменьшался кружечный сбор в церквах. По этой причине обер-прокурор Святого синода должен был прибегнуть к новым мерам. 25 августа 1860 г. канцелярия Министерства финансов обращалась в департамент мануфактур и внутренней торговли с сообщением о том, что из Синода получен запрос об учреждении кружек в домовых церквах. Несмотря на то что министр финансов сразу дал согласие на это мероприятие, реализовано оно было только в 1862 г. Были составлены правила учреждения кружек для сбора пожертвований: 1) в домовых церквах ведомства Министерства финансов учредить особые кружки для сбора в пользу православных поклонников в Палестине; 2) епархиальные архиереи должны отправлять эти суммы в Комитет для устройства богоугодных заведений в Палестине; 3) выемку сбора производить ежемесячно, результат заносить в шнурованную книгу, собранную сумму каждую треть года доставлять в Духовную консисторию, а оттуда в хозяйственное управление при Святом синоде; 4) разослать этот указ епархиальным архиереям<sup>17</sup>. 18 августа 1862 г. обер-прокурор Святого синода сообщал в хозяйственный департамент МВД о введении кружечного сбора в домовых церквах ведомства<sup>18</sup>.

Следующим по объему после пожертвований источником финансирования строительства Русской Палестины стал бюджет Российской империи. Первоначально возможность государственного финансирования

не рассматривалась. А. А. Дмитриевский цитирует заключение общего собрания руководителей МИД, Министерства финансов, обер-прокурора Синода и представителей РОПиТ о том, что собрание «пришло к убеждению, что, при нынешнем положении государственных финансов, невозможно требовать из государственного Казначейства сумм на улучшение быта наших поклонников на Востоке, но что всего справедливее и правильнее было бы обратиться к частной благотворительности»<sup>19</sup>. Второй отчет Мансурова о командировке в Палестину 1858 г. в качестве финансового обеспечения строительства предлагал взять кредит у Государственного банка в размере 500 000 руб. Вернуть эти деньги планировалось после поступления достаточных сумм пожертвований<sup>20</sup>.

Принять решение о государственном финансировании строительства Русской Палестины Александру II было тем трудней, что на повестке стояла отмена крепостного права. Было очевидно, что это глобальное мероприятие потребует больших государственных вложений, которые окупятся только в далеком будущем. Дело заботы о паломниках вообще не обещало возврата затраченных средств. Пометки императора на втором отчете Мансурова показывают, что он далеко не сразу принял решение. К упоминанию в отчете Мансурова о требовавшихся 500 000 руб. император приписал: «Откуда их взять?»<sup>21</sup>; по поводу предлагаемого Мансуровым государственного займа — «войти по этому в сношение с Министерством финансов»<sup>22</sup>. Обстоятельства принятия решения Александром II рассматривал К. А. Вах. Исследователь указывал, что 25 февраля 1859 г. Мансуров с заданием великого князя Константина Николаевича отбыл из Палермо в Санкт-Петербург. Он вез письмо великого князя к императору с просьбой разрешить паломническую поездку в Палестину. Еще одно письмо великий князь направил министру финансов России А. М. Княжевичу. В нем он утверждал, что Россия должна пойти на «небольшие пожертвования» ради увеличения политического влияния и выгод Церкви на Востоке. В начале апреля Мансуров прибыл в столицу и был трижды официально и четыре раза неофициально принят императором. В письме отцу Мансуров писал, что 14 марта Александр II утвердил все его предложения, в том числе «даже 500 000 руб., которые я просил», и одобрил паломническую поездку семьи великого князя<sup>23</sup>.

Документы показывают, что Александр II лишь утвердил решение о финансировании, принятое министром финансов Княжевичем. 27 марта 1859 г. в Департамент государственного казначейства поступил секретный циркуляр министра финансов с резолюцией императора «Исполнить». В нем Княжевич указывал, что денег для выдачи кредита на сумму 500 000 руб. в казначействе нет. Поскольку, по утверждению Мансурова, в первый год для строительства в Палестине понадобится не более 100 000 р., министр предлагал «дабы воспособить успешному ходу сего богоугодного и полезного, как в религиозном, так и в политическом отношении дела, остается нужным для совершения онного суммы отпустить из Государственного Казначейства... необходимые в текущем году отпустить на счет оказавшегося по России превышения в доходах, требующиеся же в 1860 и 1861 годах вносить в свое время в надлежащие сметы расходов»<sup>24</sup>. Первая часть фразы была полностью заимствована из письма великого князя Константина Николаевича. Техническое испол-

нение было инициативой министра, предложившего разделить государственные ассигнования на три годовых транша. Еще одним ключевым решением императора, сделанным по отчету Мансурова, стало учреждение Палестинского комитета под председательством великого князя Константина Николаевича.

Как финансировалось строительство из государственного бюджета, видно из документов архива Министерства финансов. 12 июня 1859 г. состоялось второе заседание Палестинского комитета в составе председателя — великого князя, директора Комиссариатского департамента Морского министерства Д.А. Оболенского, директора Азиатского департамента С.П. Ковалёвского. За обер-прокурора Святого синода присутствовал директор департамента князь С.Н. Урусов, за представителя РОПиТ Н.А. Новосельского — Б.А. Адеркас, представитель Министерства финансов отсутствовал. Комитет принял решение, что имеющихся 141 000 руб. пожертвований на этот год достаточно и субсидии из казны не нужны. О том, сколько денег нужно будет в следующем году, Комитет планировал известить Казначейство после составления Мансуровым смет для строительства в Палестине <sup>25</sup>.

На 1860 г. на строительство Русской Палестины в бюджете было запланировано 100 000 руб. 7 мая 1860 г. Палестинский комитет обратился в Министерство финансов с просьбой перевести эту сумму <sup>26</sup>, а 31 мая с той же просьбой в Казначейство обратился Комиссариатский департамент Морского министерства <sup>27</sup>. Деньги были переведены. 3 мая 1861 г. член Палестинского комитета Д.А. Оболенский просил министра финансов о выделении следующей запланированной суммы — 150 000 руб. <sup>28</sup> 2 мая 1862 г. с просьбой о выделении суммы на новый год обращался великий князь Константин Николаевич. 75 000 он просил перевести сразу, а вторую половину — в конце месяца <sup>29</sup>. Однако вторая часть суммы не была переведена в условленный срок. 1 июня 1862 г. новый председатель Палестинского комитета А.В. Головнин просил Министерство финансов доставить обещанные деньги <sup>30</sup>. На этом материалы о финансировании из бюджета строительства Русской Палестины заканчиваются. Сведений о поступлении последних 100 000 руб. на 1863 г. пока не обнаружено. Обстоятельства перевода денег в 1862 г. свидетельствуют, что для финансов России это вызывало затруднения, что не удивительно в контексте начавшейся отмены крепостного права и связанных с этим расходов бюджета. В итоговом отчете 25 ноября 1866 г., после преобразования Палестинского комитета, Мансуров в статье общих доходов указывал, что 500 000 руб. — это «всемилодивейшее пожалование из Государственного казначейства» и 536 127 руб. — «пожертвование от кружечных сборов и различных лиц» <sup>31</sup>.

Большие, но не оправдавшиеся надежды Мансуров возлагал на финансирование строительства Русской Палестины со стороны РОПиТ. Уже в своем первом отчете он уверял, что РОПиТ будет действовать в своих коммерческих интересах, так как заинтересовано в увеличении потока паломников и строительстве своей инфраструктуры в Палестине. Действительно, на первом этапе РОПиТ оплачивало командировки Мансурова, работу иерусалимского консула, архитекторов и помощников Мансурова. На обустройство инфраструктуры на Востоке РОПиТ выделило

40 000 руб. Однако уже в 1858 г. появились первые проблемы. На Мансурова посыпались обвинения, что он, с одной стороны, использует паломников для принесения выгоды пароходства, с другой — произвольно расходует деньги РОПиТ.

В отчете о своей командировке 1858 г. Мансуров писал: «Пароходное Общество оказало чрезвычайно важную и большую пользу тем, что поставило своих агентов в распоряжение командированного на Восток Д.С.С. Мансурова и дало ему средства с полным комплектом деятелей изучить все местности, б) приняло на свой счет обзаведение в Иерусалиме агентства, с коими соединено там все консульское учреждение, а без предварительного учреждения в Св. Граде Консульства ни к чему приступить было невозможно, и в) вручило Д.С.С. Мансурову около 40 000 рублей на случай необходимости делать немедленные расходы»<sup>32</sup>. Однако, в отличие от первого отчета, где Мансуров писал, что РОПиТ готово выделять 20 000 руб. в год, во втором отчете указывалась уже «некоторая сумма».

На предложение великого князя Константина Николаевича в 1860 г. вновь отправить Мансурова на Восток правление РОПиТ ответило, что обязывается выделить в течение 1859, 1860 и 1861 гг. «в распоряжение ДСС Мансурова по 19 т. руб. для временных издержек по учреждению быта наших поклонников в Палестине», для приобретения мебели и прислуги для купленных домов. Общество безвозмездно обязывалось представлять услуги своих агентов, архитектора и еще трех лиц, служащих в обществе, по выбору Мансурова: секретаря, переводчика и знающего восточные языки для посылок<sup>33</sup>. Время показало, что эти обещания не были до конца выполнены.

Для новой командировки на Восток в 1860 г. Мансуров составил смету. Правлению РОПиТ он писал, что старался употребить 40 000 руб., полученные от Общества, только на улучшение качества перевозок паломников. 8 000 руб. он потратил на поддержание Одесской главной конторы Общества. 32 000 руб. были взяты у Общества в займы на филантропические нужды и возвращены из Комиссариатского департамента. Согласно обширным выкладкам Мансурова, на строительство Русской Палестины от РОПиТ требовалось единовременно 39 200 руб., ежегодно — 11 865 руб. Он считал возможным сократить эти расходы до 25 000 и 10 500 руб. соответственно. В этом случае, считал Мансуров, он не выходит за предполагаемые рамки в 40 000 руб. на организацию восточной линии РОПиТ<sup>34</sup>. Все эти планы не были осуществлены. В связи с финансовыми трудностями в 1860 г. РОПиТ вышло из проекта строительства Русской Палестины.

2 января 1860 г. директор-распорядитель сообщал в РОПиТ: «По данным агентов, переданных Палестинскому комитету, принял решение, что дело строительства богоугодных заведений в Иерусалиме поставлено так прочно, что теперь обойдется без расходов со стороны Общества»<sup>35</sup>. Пароходство отказывалось от содержания иерусалимского консула, архитекторов и помощников Мансурова, оно перестало оплачивать его командировки. 10 октября 1860 г. Комитет просил РОПиТ перевести последние 10 000 руб., обещанные Мансурову (которые так и не перевели в феврале)<sup>36</sup>. 27 ноября 1860 г. правление РОПиТ ответило, что «в настоящее время не считает возможным дать положительный ответ по возбужденно-

му в отношении вопросу»<sup>37</sup>. Можно предположить, что последняя сумма так и не была переведена.

После выхода из «иерусалимского проекта» отношения РОПиТ и Палестинского комитета стали чисто коммерческими. А. А. Дмитриевский приводил целый ряд примеров борьбы РОПиТ за получение выгоды. В 1862 г. за привезенные грузы РОПиТ потребовало с М. И. Эппингера 45 руб. 5 коп., потерянные Обществом при получении оплаты на разнице курса. Представитель РОПиТ заявлял: «Если же вы почему-либо не можете признать это возможным, то Общество вынуждено будет им все отказаться от исполнения важных поручений, или к стоимости товара приписывать ту разницу, которую оно может потерять при расчете с вами». В 1864 г. РОПиТ потребовало от Палестинского комитета 5% за перевод денег в Палестину. В том же году за перевозку на своих пароходах 5 тыс. пудов грузов, предназначенных для обустройства паломников, РОПиТ выставило цену, превышавшую тариф других европейских компаний. В ответ на это Мансуров писал: «Хотя посредством сношений с английскими коммерческими домами и пароходными компаниями и имел бы надежду снизить фрахтовую цену, однако я готов с некоторою потерей отдать преимущество русской компании, дабы не входить в обязательства с иностранцами. При этом я вменяю себе в обязанность передать на уважение правления русского Общества пароходства и торговли, что доходы Комитета поступают не равномерно и в сроки, приближение коих от него не зависит. Начатое в Иерусалиме приходит к благополучному окончанию, средства обеспечивают все расходы, по Комитету весьма важно, при перевозке отсюда вещей или понизить до крайних пределов плату за фрахт, или выговорить рассрочку платежа». Снизить плату и предоставить рассрочку выплат РОПиТ отказалось<sup>38</sup>.

В строительстве Русской Палестины участвовали деньги еще одного крупного жертвователя — супруги Александра II императрицы Марии Александровны. В отличие от других финансовых потоков, ее средства поступали в Духовную миссию в Иерусалиме и имели целевую направленность. На эти средства была оборудована больница, позднее ставшая причиной конфликта Духовной миссии и консульства. Несколько исследований посвящены биографии первого главы Духовной миссии епископа Мелитопольского Кирилла (Наумова). Их авторы отмечали, что епископ получал пожертвования, но их размер и пути расходования не указывались. О. А. Перенижко упоминала, что епископ Кирилл получил от императрицы при отъезде из Санкт-Петербурга два векселя на общую сумму 10 000 руб.<sup>39</sup>

Решение об открытии второй Духовной миссии в Иерусалиме было принято по докладу главы МИД А. М. Горчакова 23 марта 1857 г. Миссия должна была церковными средствами проводить на Востоке российскую политику. Ей предписывалось находиться в хороших отношениях с греческим и инославным духовенством, особое внимание обращать на арабское духовенство, поддерживать его пособиями и привлекать к российскому богослужению, наблюдать за нравственностью паломников, с уважением относиться к российскому генеральному консулу, стараться улучшать греческое и арабское училища в Иерусалиме, создать собственную библиотеку. Пожертвования, приходившие из России, должны были



передаваться грекам главой Духовной миссии. Впервые опубликовавший доклад Ф.И. Титов обращал внимание на то, что выполнить эти задачи малочисленная и плохо финансируемая Миссия была не в состоянии<sup>40</sup>. Исследовавший историю Духовной миссии на основании ее архива в Иерусалиме Никодим (Ротов) указывал размер выделенного ей финансирования — 14 650 р. в год<sup>41</sup>. Подготовка к отправке в Иерусалим Духовной миссии затянулась до осени 1857 г., и лишь 26 октября Миссия отправилась в Иерусалим.

Проследить поступление денег и церковного имущества в Духовную миссию от императрицы позволяют письма секретаря ее канцелярии к епископу Кириллу. Судя по итоговому отчету, деньги пересылались в Иерусалим с 13 ноября 1857 г. до 17 апреля 1862 г. Всего было переведено 74 164 руб. (в основном в империалах)<sup>42</sup>. Первое обнаруженное письмо из канцелярии императрицы датировано 3 марта 1858 г. Кириллу отправляли 11 000 руб. серебром и ящик с ризами, упоминались уже отправленные 4 703 руб.<sup>43</sup> 19 июня 1859 г. из канцелярии был прислан ответ на финансовый отчет Кирилла. Его траты были очень значительны, и императрица боялась, что Миссия останется без средств. Отмечалось, что на покупку земли Кирилл потратил 67 650 пиастров. Императрица давала обещание, что эти деньги будут возмещены Духовной Миссии. Другое направление расходов смущало императрицу. К этому времени Кирилл раздал в долг паломникам 57 000 пиастров (около 6 000 руб.). Императрица просила в будущем отклонить данные издержки, так как эти деньги могут не вернуться. Кириллу отправлялись еще 41 000 руб. и разное церковное имущество<sup>44</sup>. В письме 6/18 августа 1859 г. императрица разрешала Кириллу покупку дома в Дамаске<sup>45</sup>. 12 декабря 1859 г. сообщалось, что высылаются еще 5 050 руб., 900 руб., пожертвованные рыбинским купцом, и некоторые церковные вещи<sup>46</sup>.

В 1859—1861 гг. поступления от императрицы значительно сократились. В письме от 14 сентября 1860 г. канцелярия сообщала, что посылает 1 000 полуимпериалов, 120 полуимпериалов от неизвестного лица и 400 полуимпериалов из Святого синода от жертвователей<sup>47</sup>. 17 апреля 1861 г. сообщалось об отправлении 2 575 руб., разных церковных вещей и серебряных сосудов<sup>48</sup>. 8 июня 1861 г. были отправлены 3 090 руб. В 1862 г. императрицей было пожертвовано еще 7 000 руб.<sup>49</sup> 8 июля 1863 г. Кириллу предписывалось сдать пожертвованный императрицей хирургический инструмент консулу и представить итоговый отчет в расходах<sup>50</sup>. 30 сентября 1864 г. секретарь канцелярии императрицы послал в Синод краткую ведомость расходования средств Духовной миссией. Из 74 164 руб. Кирилл не смог отчитаться за 11 514. Синод предписал ему уладить финансовый вопрос с канцелярией императрицы<sup>51</sup>. Легко заметить, что пожертвования императрицы носили адресный характер — на строительство домов и больницы, закупку медицинских инструментов и др.

На определенном этапе финансовым благополучием Духовной миссии озаботился великий князь Константин Николаевич. В архиве сохранилось его распоряжение от 17 мая 1861 г. об отпуске из сумм Палестинского комитета для Духовной миссии ежегодно более 7 000 руб. Великий князь сообщил, что только выделение денег из Государственного казначейства может финансировать увеличение состава Духовной миссии<sup>52</sup>.

Итак, источники свидетельствуют, что на всех направлениях финансирования строительства Русской Палестины в разное время возникали проблемы. Бюджет испытывал нехватку финансов в связи с отменой крепостного права, пожертвования год от года сокращались, РОПиТ в 1860 г. прекратил финансирование, деньги императрицы расходовались нецелевым образом. Разрешить проблемы и завершить строительство помогли энергия и несгибаемый идеализм Мансурова, а также мощная поддержка императорской семьи. Следующий этап строительства Русской Палестины начался после учреждения Православного палестинского общества в 1882 г.

### *Примечания*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20—09—41001 «Русское общество паромоводства и торговли в истории православного паломничества в Святую Землю (1857—1914 гг.)».

1. ДМИТРИЕВСКИЙ А. А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907). СПб. 1907, с. 16, 21, 29.
2. ЛИСОВОЙ Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. 2006, с. 111—112.
3. Там же, с. 101.
4. МАНСУРОВ Б. П. [Православные поклонники в Палестине. СПб. 1857], с. 95.
5. Там же, с. 98.
6. ЕГО ЖЕ. Православные поклонники в Палестине. СПб. 1858, с. 105.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797, оп. 27, от. 2, ст. 2, д. 422, л. 7.
8. Прием пожертвований на улучшение быта православных поклонников в Палестине. — Морской сборник. 1858. № 7, с. 33—34.
9. ВАХ К. А. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б. П. Мансурова и В. И. Доргобужинова. 1858—1860: Научная статья и публикация документов. — Иерусалимский православный семинар. Вып. 7. М. 2017, с. 127.
10. Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине. СПб. 1860, с. 143.
11. Отчет о русских сооружениях, воздвигаемых в Иерусалиме. — Месяцеслов на 1863 год. СПб. 1863, с. 64.
12. О нынешнем положении русских сооружений, воздвигаемых в Иерусалиме для улучшения быта православных поклонников. — Месяцеслов на 1864 год. СПб. 1864, с. 3.
13. РГИА. Ф. 565, оп. 1, от. 1, ст. 3, д. 2433, л. 38.
14. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей, ф. 148, кар. 4, д. 13, л. 22.
15. РГИА. Ф. 1287, оп. 20, от. 2, ст. 3, д. 218, л. 7.
16. Там же, л. 19—24.
17. Там же, ф. 18, оп. 1, д. 284, л. 10, 15—16.
18. Там же, ф. 1287, оп. 20, от. 2, ст. 3, д. 218, л. 25.
19. Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей, ф. 253, оп. 1, д. 169, л. 1.
20. РГИА. Ф. 565, оп. 1, от. 1, ст. 3, д. 2433, л. 19, 28.
21. Там же, л. 19.
22. Там же, л. 28.
23. ВАХ К. А. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую землю. Из предыстории ИППО. М. 2012, с. 89—91.
24. РГИА. Ф. 565, оп. 1, от. 1, ст. 3, д. 2433, л. 33.
25. Там же, л. 39—40.
26. Там же, л. 43.
27. Там же, л. 47.
28. Там же, л. 50.

29. Там же, л. 54.
30. Там же, л. 57.
31. Россия в Святой Земле: Документы и материалы. М. 2015. Т. 1, с. 619.
32. РГИА. Ф. 107, оп. 1, д. 43, л. 2.
33. Там же, л. 86—87.
34. Там же, л. 78—81.
35. Там же, л. 181.
36. Там же, л. 251—252.
37. Там же, л. 253.
38. РНБ. Отдел рукописей, ф. 253, оп. 1, д. 169, л. 4; БАРЫШНИКОВ М.Н. Русское общество пароходства и торговли: Учреждение, функционирование, перспективы развития (1856—1864 гг.). — TERRA ECONOMICUS. 2015. Т. 13. № 2, с. 106—130.
39. ПЕРЕНИЖКО О.А. Россия — Святая земля: Этапы и формы культурного взаимодействия (XI в. — 1917 г.). Краснодар. 2015, с. 88.
40. ТИТОВ Ф.П. Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский. Киев, 1902, с. 137.
41. НИКОДИМ (РОТОВ). История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов. 1997, с. 42.
42. РГИА. Ф. 797, оп. 87, д. 236, л. 71.
43. Там же, л. 4.
44. Там же, л. 17.
45. Там же, л. 27.
46. Там же, л. 30.
47. Там же, л. 43.
48. Там же, л. 47.
49. Там же, л. 56—57.
50. Там же, л. 64.
51. Там же, л. 71—72.
52. Там же, оп. 27, д. 373, л. 169—179.

# Национальная политика в Казахстане в 1953—1965 гг.

З.Г. Сактаганова, Г.М. Байгожина, Н.Е. Тутинова,  
Е.С. Сыздыкбеков

---

*Аннотация.* Целью статьи является анализ советской национальной политики в Казахстане в годы руководства Н. С. Хрущёва, а также выявление основных факторов и тенденций, под воздействием которых формировалась национальная политика КПСС. Новизной данного исследования является введение в научный оборот данных Архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан. Авторами также были использованы статистические сборники.

*Ключевые слова:* национальная политика, антисталинизм, коренизация, русификация, реабилитация депортированных народов.

*Abstract.* The purpose of this article is to analyze the Soviet national policy in Kazakhstan during the years of N.S. Khrushchev's leadership, as well as to identify the main factors and trends that influenced the national policy of the CPSU. The novelty of this study is the introduction into scientific circulation of data from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, as well as statistical collections were used by the authors.

*Key words:* national policy, anti-Stalinism, korenization, russification, rehabilitation of deported peoples.

---

Одностороннее осмысление процессов интернационализации, репрессии и произвол, уничтожение местных партийных кадров и национальной интеллигенции, ограничение прав союзных республик на-

---

*Сактаганова Зауреш Галимжановна* — доктор исторических наук, профессор Карагандинского университета им. Е. А. Букетова. E-mail: zauresh63@mail.ru; *Байгожина Гульнар Муратовна* — докторант PhD, Карагандинский Университет им. Е. А. Букетова. E-mail: gulnara\_2007@inbox.ru; *Тутинова Нургуль Еркнатовна* — PhD, старший преподаватель Карагандинского университета Казпотребсоюза. E-mail: nurtut86@mail.ru; *Сыздыкбеков Ержан Серикович* — магистр, старший преподаватель Карагандинского университета Казпотребсоюза. E-mail: syzdykbekov.yer@mail.ru.

*Saktaganova Zauresh G.* — doctor of historical sciences, professor at the Academician E. A. Buketov Karaganda University. E-mail: zauresh63@mail.ru; *Baigozhina Gulnar M.* — PhD, candidate at the Academician E. A. Buketov Karaganda University. E-mail: gulnara\_2007@inbox.ru; *Tutinova Nurgul E.* — PhD, senior lecturer at the Karaganda University of Kazpotrebsoyuz. E-mail: nurtut86@mail.ru; *Syzdykbekov Yerzhan S.* — master, senior lecturer at the Karaganda University of Kazpotrebsoyuz. E-mail: syzdykbekov.yer@mail.ru.

---

рушали ленинские принципы национальной политики. Наметившаяся «оттепель», начатая Н. С. Хрущёвым, привела к некоторой демократизации советского общества.

Национальная политика рассматривалась преимущественно в контексте интернационального воспитания, а национальные интересы коренного населения не были учтены в достаточной степени. Проявления бюрократических перегибов в отношении национальных меньшинств и спецпоселенцев, промахи и недостатки в кадровой политике и в области идеологии негативно отражались на национальных отношениях в Казахстане. Представление о том, что чем меньше национального, тем лучше для интернационального, оказалось ошибочным. Интернациональное воспринималось как единообразие, а национальное многообразие рассматривалось как препятствие построению единого советского общества. Политика унификации в 1950 — начале 1960-х гг. во всех сферах общественной жизни осталась прежней. Несмотря на существующую обширную литературу, национальные проблемы выпадали из поля зрения советских исследователей. Изучением и анализом советской национальной политики как целостного явления в СССР не занимались.

Практическим инструментарием для изучения национальной политики в Советском Казахстане в годы руководства страной Н. С. Хрущёва являются общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция) методы, методы экспертных оценок, статистического и сравнительного анализа, интервьюирование и специально-исторические (сравнительно-исторический, историко-системный, историко-типологический) методы.

Необходимость понимания сущности и эффективности советской национальной политики обуславливает изучение и анализ документов, сформировавших национальную доктрину партии большевиков, тенденции и направления национальной политики государства. Источниками при написании статьи послужили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Архива Президента Республики Казахстан (АП РК).

*Антисталинизм и реабилитация депортированных народов.* Советская национальная политика после смерти И. В. Сталина подверглась ряду реформ и включала в себя следующие элементы: антисталинизм, коренизацию и латентную русификацию<sup>1</sup>.

Иницированную Н. С. Хрущёвым кампанию по разоблачению культа личности И. В. Сталина условно можно разделить на два этапа: с XX съезда КПСС 1956 г. до 1961 г. и с конца 1961 г. по 1962 г.<sup>2</sup>

Весной 1953 г. началась масштабная кампания по реабилитации депортированных народов. Ее инициатором выступил Л. П. Берия. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об амнистии» от 27 марта 1953 г., положивший начало самой крупной амнистии в истории Советского Союза. Это привело к оживлению национальных движений в СССР в целом и Казахстане в частности за возвращение на историческую родину. 27 мая 1953 г. Л. П. Берия направил в Президиум ЦК КПСС письмо, в котором отметил, что одной из наиболее острых про-

блем национальной политики государства является проблема спецпереселенцев <sup>3</sup>.

XX съезд в 1956 г. открыл дорогу новым подходам в национальной политике партии. Подверглась критике политика великодержавного русского национализма, продолжилась кампания реабилитации депортированных народов.

После ряда постановлений Совета Министров, Президиума Верховного Совета СССР относительно депортированных народов и ослабления ограничений началась миграция спецпереселенцев. Массовое непоследовательное и выборочное переселение депортированных народов привело к усилению межнациональной напряженности в местах их проживания. По подсчетам В.Н. Земского, по состоянию на 1 января 1949 г. из 2 300 223 спецпоселенцев в Казахстане проживало 820 165, т.е. больше, чем в других регионах страны. Национальный состав переселенцев был следующим: немцы — 393 537 чел.; чеченцы и ингуши — 302 526; карачаевцы — 33 088; высланные из Грузии — 29 497; поляки — 28 130; балкарцы — 17 512; «оуновцы» — 7 513; выходцы из Крыма — 5 466; калмыки — 2 042, «власовцы» — 854 человека <sup>4</sup>.

В справке «О состоянии политико-воспитательной работы среди спецпоселенцев Кокчетавской области» отмечалось, что после принятия постановления от 5 июля 1954 г. в течение 5 месяцев из колхозов, МТС, с промпредприятий области убыло 4035 спецпоселенцев, из них 2500 чел. — трудоспособных. Среди общего числа выбывших были: 2726 чеченцев и ингушей, 564 немца, 479 таджиков (басмачей), 266 поляков, 136 чел. уехали из области самовольно <sup>5</sup>.

В данной статье мы рассмотрим переселение чеченцев и ингушей, т.к. особенно активно миграция наблюдалась среди представителей данных национальностей. Так, например, Карагандинский областной комитет 29 марта 1958 г. под грифом секретно направил письмо в ЦК КП Казахстана. В нем говорилось, что в целях предупреждения самовольного выезда чеченцев и ингушей, органами милиции на железнодорожных станциях ежедневно выставлялись 13 контрольных постов, посылались подвижные оперативные группы в поезда дальнего следования, были организованы посты в аэропортах. За март месяц органами милиции был снят с поездов и возвращен к месту жительства 51 человек. Также в письме отмечалось, что по состоянию на 20 марта 1958 г. всего по Карагандинской области учтено 15 719 чеченцев и ингушей, из них трудоспособных 6383 чел., но работают только 30%, остальные ожидают выезда <sup>6</sup>.

Подобная ситуация приводила к межнациональной напряженности. Многие председатели колхозов называли ингушей и чеченцев лодырями, ворами, изменниками Родины. К примеру, в колхозе им. Дмитрова Сталинского района Акмолинской области произошла драка между русским и ингушем, а председатель колхоза вместо пресечения подобных случаев, сам высказывался плохо об ингушах, давал установки об исключении их из партии <sup>7</sup>. Из-за сложившихся стереотипов были случаи, когда чеченцев и ингушей не брали на работу. К примеру, Хайдали Харумов (чеченец) хотел устроиться на работу на кожкомбинат, но заведующий цехом, несмотря на согласие руководителя, отказался его

принять, объясняя это тем, что Харумов — чеченец, а значит вор<sup>8</sup>. Все это свидетельствует о недостаточной политико-воспитательной работе среди населения — как среди спецпоселенцев, так и среди местного населения. Проявления национализма приводили к стремлению части чеченцев и ингушей обособиться, сократить общение с представителями других национальностей, особенно с русскими, к требованиям возвращения на Кавказ или образования Чеченской национальной автономии в другом месте<sup>9</sup>.

Чеченцы и ингуши отождествляли национальную политику с «русскими» и чувствовали неприязнь больше всего к русскому народу. Например, в докладе министра Госбезопасности КазССР А.П. Бызова министру госбезопасности В.С. Абакумову сообщалось о намерениях выселенцев разных национальностей развернуть антисоветскую работу. Бызов приложил к докладу копию письма девушки-чеченки, адресованного т. Швернику, которое, по его мнению, характеризует отношение чеченцев к представителям других национальностей. Она писала, что «со стороны значительной части чеченцев и ингушей имеют место враждебные отношения к лицам других национальностей, особенно к русским, которых они считают “виновниками” своего выселения. Отмечаются факты угроз мстостью русским, а иногда и заявлений “надо напиться русской кровью”». В докладе говорилось о вызывающем поведении чеченцев и ингушей по отношению к местному населению в местах их компактного проживания. Например, в Караганде (в самом городе) было размещено свыше 16 тыс. чел., что способствовало сохранению националистических настроений, родовых пережитков и отсталых обычаев<sup>10</sup>.

С 1 по 23 апреля 1958 г. в Казахской ССР и за ее пределами было снято с поездов и самолетов 50 чел. чечено-ингушской национальности, в т. ч. 4 семьи в составе 11 чел. и 39 одиночек, которые пытались выехать за пределы республики. За этот же период времени было снято с поездов 33 чел., передвигавшихся внутри республики.

Особенно много попыток выезда за пределы Казахстана в т. ч. в ЧИ АССР, отмечалось в Карагандинской, Акмолинской и Павлодарской областях.

В ЧИ АССР в апреле месяце без разрешений из Казахской ССР прибыло 4 чел., в т. ч. из Карагандинской области — 3 и из Северо-Казахстанской области — 1 человек<sup>11</sup>.

Однако, несмотря на кампанию по реабилитации, тысячи невинно осужденных продолжали оставаться в лагерях. Государственный аппарат вскоре свернул реформы. Непоследовательная политика партии привела к тому, что реабилитировав чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев, не восстановили в своих правах немцев, корейцев, крымских татар, турок-месхетинцев.

*Коренизация руководящих кадров.* После смерти И.В. Сталина, весной-летом 1953 г. вопросы о расширении прав и полномочий республик приобрели особую значимость. Л.П. Берия говорил о необходимости реформирования национальной политики, отказа от насильственной русификации и коренизации кадров, о том, что руководящие посты в республике должны занимать представители титульной нации. Это касалось, прежде всего, смены руководящего состава органов внутрен-

них дел и государственной безопасности. Предложения о выдвижении национальных кадров были и раньше, однако существовавшая с 1936 г. практика утверждения назначений на номенклатурные должности органов государственной безопасности делала эти попытки невозможными<sup>12</sup>. Существенно корректировалась политика в национальной сфере, в частности в Литве, Латвии, Украине, Белоруссии. Здесь, на посты первых и вторых секретарей назначались представители титульной нации, владеющие родным языком<sup>13</sup>.

Вместе с тем, в Казахстане данная концепция осуществлялась несколько по-иному. Главной задачей политики коренизации была советизация общества и облегчение выполнения заданий модернизации, а не национальное возрождение. Конечная цель в национальном вопросе оставалась неизменной — «слияние» наций и языков<sup>14</sup>.

Центральные органы власти при Н. С. Хрущёве очень внимательно относились к выдвижению кадров из числа казахской национальности. Пленум ЦК КПСС в сентябре 1953 г. подверг резкой критике первого секретаря ЦК КП Казахстана Ж. Ш. Шаяхметова. Напомним, что он был первым и единственным на тот момент казахом, ставшим первым секретарем в Казахстане, а в 1950—1954 гг. — Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Ж. Ш. Шаяхметов справедливо отметил, что создание зернового хозяйства приведет к упадку животноводства. На наш взгляд, Шаяхметов, главным образом, не хотел массового переселения из других республик, что повлекло бы за собой еще большее уменьшение доли казахского населения. Впоследствии, в 1954 г., он был отстранен от должности за «незрелость», а затем был смещен и Н. Ундасынов — председатель Совета министров. Первым секретарем ЦК КП Казахстана стал П. К. Пономаренко, вторым секретарем — Л. И. Брежнев — люди, полностью поддерживавшие решения партии и не задумывавшиеся об интересах коренного населения. В национализме были обвинены все, кто не поддерживал указания Москвы, включая руководителей целинных областей. Наиболее перспективные кадры из числа казахской национальности либо отстранялись от работы, либо переводились на другую. Например, по специальному указанию ЦК ВЛКСМ в феврале 1960 г. был отстранен от должности первый секретарь ЦК комсомола республики С. Кенжебаев<sup>15</sup>.

Все же в январе 1959 г. в рамках новой кадровой политики первым секретарем партийной организации Казахстана был избран Д. А. Кунаев, Председателем ВС Казахской ССР — Ф. Карибжанов, а Председателем Совета Министров Казахской ССР — Ж. А. Ташенев. Однако Ташенев также был отстранен от должности в январе 1961 г. за то, что он якобы «... вмешивается в работу обкомов партии, пытается расставлять на руководящую партийную и советскую работу угодных ему людей». На деле же он противился передаче целинных земель в состав РСФСР и части земель Южного Казахстана Узбекистану<sup>16</sup>.

Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее серьезным препятствием в вовлечении казахов в кадровый состав являлся крайне низкий уровень их образования и профессиональной подготовки.

Несмотря на целый комплекс принятых мер и постановлений, направленных на совершенствование государственного управления,



устранение излишней централизации и расширение прав и полномочий союзных республик в середине 1950-х гг., структура общества была построена так, что выполнялись только те решения, которые принимались центральными органами власти в Москве. Назначение и смещение кадров, оставались строго в компетенции ЦК КПСС. Права Казахстана были ограниченными, несмотря на то, что при разработке проекта новой Конституции в нее включили главу «Союзная республика — суверенное государство». В проекте отмечалось, что союзные республики в праве осуществлять государственную власть самостоятельно, по всем вопросам, не обговоренным в Конституции<sup>17</sup>.

*Русификация.* По мнению российского исследователя А. Щербака, миграция русских в другие районы страны сокращалась<sup>18</sup>. Вместе с тем, в Казахстане наблюдалась совершенно иная ситуация в реализации национальной политики. Во-первых, изначально к 1953 г. казахи в Казахстане составляли меньшинство населения. Во-вторых, на сентябрьском Пленуме партии в 1953 г. была одобрена целинная кампания, что привело к массовому переселению в Казахстан и еще большему уменьшению удельного веса казахского этноса. В-третьих, ввиду ускоренной индустриализации требовались квалифицированные специалисты, которых среди казахов практически не было, следовательно, сюда привлекались специалисты из других республик Союза.

Освоение целины привело к миграции населения, кардинально изменившей этнический состав республики, особенно на севере. К примеру, в 1964 г. в КазССР прибыло более 2 млн человек. Основная часть приезжих была из РСФСР (69,3%), Украины (21,3%) и Белоруссии (4,3%)<sup>19</sup>.

Так, в справке Костанайского областного комитета «О работе областных газет по интернациональному воспитанию трудящихся» отделу пропаганды и агитации ЦК КП Казахстана отмечается многонациональный состав населения, требующий большой работы по его воспитанию в духе интернационализма.

В справке отмечался прирост населения по переписи на 15 января 1959 г. по сравнению с 1954 г.: 705 тыс. и 423 тыс. жителей соответственно. Среди населения области русские составляли 40,8%, украинцы — 20,9%, казахи — 19%, немцы — 11,3%, татары — 1,6%, прочие национальности — 5,4%. Смотря на состав населения Костанайской области, говорить о латентной русификации в Казахстане не приходится<sup>20</sup>.

Так, по Всесоюзной переписи населения 1959 г., казахи составляли всего 2 795 млн чел. или 30% от всех жителей республики, в то время как русских в Казахстане было 3 974 млн чел. или 42,7%<sup>21</sup>.

В результате, обострилась проблема использования казахского языка в общественно-политической и культурной жизни Казахстана. В 1965 г. известный казахский писатель С. Муканов выступил на совещании в ЦК КП Казахстана, посвященном развитию казахского языка. Позже, он написал письмо в ЦК. С. Муканов обращал внимание на то, что в северных районах республики казахский язык перестал функционировать в качестве государственного, его использование ограничивалось только бытовым уровнем, и такая ситуация могла распро-

страниться на всю республику. Кроме того, Муканов назвал причины кризиса казахских школ, главной из которых явилась ограниченная возможность применения казахского языка во всех сферах общественно-политической жизни республики. По результатам обсуждения в Бюро ЦК в апреле 1957 г. было принято Постановление, состоявшее из двух пунктов. В первом пункте отмечался ряд «ошибочных и политических вредных положений», а во втором — раскаяние С. Муканова в собственных выводах <sup>22</sup>.

В таблице 1 показана динамика выпуска книг, журналов и газет по республике, в том числе на казахском языке.

Таблица 1

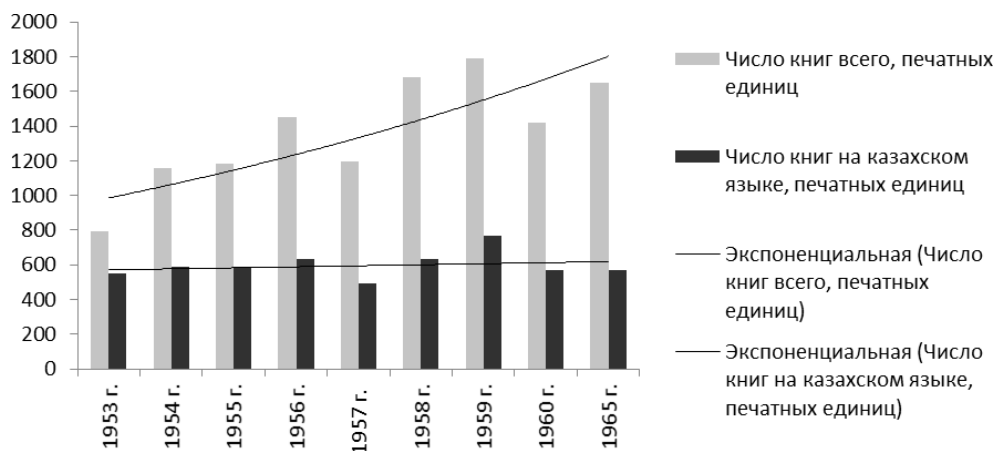
**Тираж книг, журналов и газет**

<b>Книги</b>	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1965
Число книг, печатных единиц	791	1159	1184	1451	1194	1681	1793	1420	1651
Тираж — тыс. экземпляров	13895	14260	13189	15701	12953	16367	15872	15859	17630
<b>В т. ч. на казахском языке</b>									
Число книг, печатных единиц	549	590	582	635	492	631	767	572	569
Тираж — тыс. экземпляров	10915	9497	8048	7837	6906	7520	8054	7813	8137
<b>Газеты</b>									
Число газет — названий	299	310	373	380	483	542	460	366	294
Разовый тираж — тыс. экземпляров	954	1029	1199	1312	1519	1690	1867	2138	2947
<b>В т. ч. на казахском языке</b>									
Число газет — названий	142	148	148	145	157	194	142	140	101
Разовый тираж — тыс. экземпляров	359	417	487	481	534	603	623	727	948
<b>Журналы и другие периодические издания (включая сборники и бюллетени, выходящие периодически)</b>									
Число журналов и других периодических изданий	47	54	71	87	87	123	120	97	76
Годовой тираж всех номеров — тыс. экземпляров	3154	3795	4207	6066	6411	7038	8186	9166	16539

В т.ч. на казахском языке									
Число журналов и других периодических изданий	12	19	23	22	19	23	-	16	17
Годовой тираж всех номеров — тыс.экземпляров	1772	2138	2372	3233	3285	3905	-	6158	10077

*Примечание: таблица составлена на основе статистических сборников. Данные за 1953—1959 гг. // Казахстан за 40 лет. [15, с. 487]; Данные за 1960 г., 1965 г. // Казахстан за 50 лет. [16, с. 180]*

На рисунке 1 по верхней линии видно постоянное увеличение публикаций книг, нижняя линия показывает, что издательство книг на казахском языке находится в относительно стабильном состоянии и увеличиваться не будет.



*Рисунок 1. Динамика и тенденция публикации книг, в т.ч. на казахском языке, в Казахстане в 1953—1960 и в 1965 гг.*

На рисунке 2 можно наблюдать рост выпуска газет с 1953 по 1958 гг. На наш взгляд данный рост объясняется тем, что после XX съезда КПСС Н.С. Хрущёв дал относительную свободу слова на волне политики антисталинизма. Однако с 1959 г. наблюдалось стабильное уменьшение издания газет. По нашему мнению, в этот период центральные власти ужесточали свою политику. Однако верхняя линия тренда нам показывает, что в перспективе все равно будет общий рост издательства газет по сравнению с предыдущим периодом. Также, на рисунке 2 видно незначительное уменьшение выхода газет на казахском языке, без резких скачков. Нижняя линия тренда показывает дальнейшее уменьшение издательства газет на казахском языке, вне зависимости от роста издательства газет в целом по республике.

На рисунке 3 показано, что пик выпуска журналов приходится на 1958 г., однако с 1959 г. печатная активность падает. На наш взгляд, эта ситуация схожа с издательством газет в этот период. Но верхняя линия

тренда показывает, что общая тенденция выпуска журналов будет расти. Выпуск журналов на казахском языке стабилен и увеличиваться не будет.

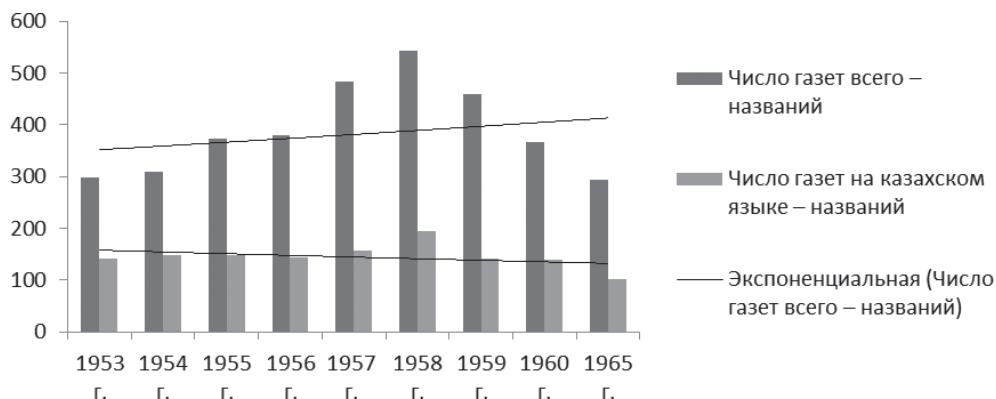


Рисунок 2. Динамика и тенденция издательства газет, в т. ч. на казахском языке, в Казахстане в 1953—1960 и в 1965 гг.

В статье Д.Т. Кудайбергеновой содержится интервью Герольда Бельгера, известного казахстанского писателя, начавшего свою карьеру в 1963 г. Он вспоминает хрущёвскую эпоху положительно, как время «тотальной читательской аудитории» — «люди читали книги и очень хорошо знали казахских писателей». В этот период росло не только число писателей, но и многократно увеличивался тираж издаваемых книг. «Литературный журнал “Жұлдыз” (Звезда), где писатели публиковались на казахском языке, издавался тиражом 200 000 экземпляров!» — вспоминает Г. Бельгер. Он отмечает это время как «расцвет» казахской литературы. «Союз писателей Казахстана в то время был островом свободы мысли, где каждый мог говорить открыто и свободно»<sup>23</sup>.

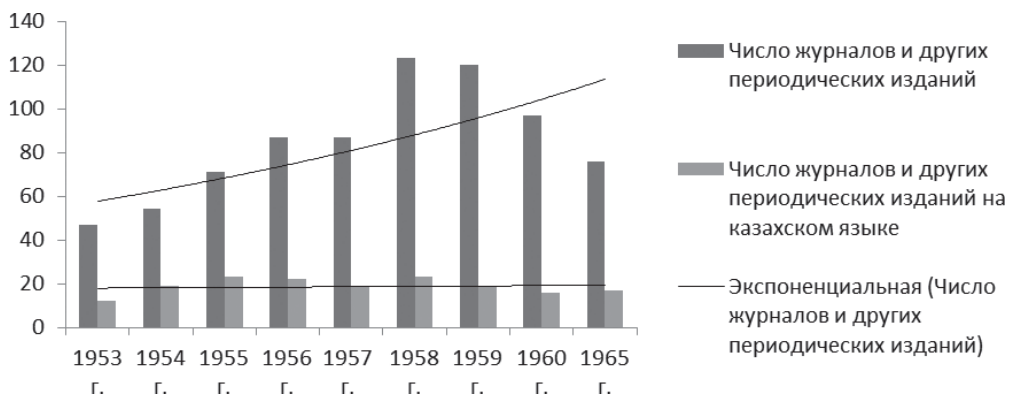


Рисунок 3. Динамика и тенденция издательства журналов и других печатных изданий, в т. ч. на казахском языке, в Казахстане в 1953—1960 и в 1965 гг.

Одним из главных документов, препятствующих свободе мысли творческой интеллигенции, стало Постановление ЦК Компартии Казахстана «Об ошибках газеты “Қазақ әдебиеті” в освещении некоторых

вопросов развития культуры в республике». Особое внимание властей было обращено на публикации 1956 г., такие как: «Самое большое богатство культуры», «Уважать родной язык», «Вопрос, требующий пересмотра», «Культура языка» и т. д. <sup>24</sup>

В постановлении значилось, что авторы статей должны с марксистско-ленинских позиций освещать национальную политику партии, нацеленную на достижение казахским народом успехов в экономике, культуре, науке, образовании и т. д.

Пристальное внимание партии в Казахстане привлекли статьи, опубликованные в журнале «Әдибиет және өнер» и в областной газете «Көкшетау правдасы». Среди них «Некоторые вопросы истории казахской литературы» Р. Бердыбаева. Автор писал о том, что любое произведение объявлялось антинародным, если имелось «хоть одно слово против русских колонизаторов». Впоследствии секретариат ЦК обвинил ученого в национализме <sup>25</sup>.

По воспоминаниям студента Б. Исакова, основатель партии ЕСЕП (Партия граждан любящих Родину) Камель Жунистеги часто говорил о притеснении казахов. Из интервью: «Когда я учился в средней школе, в классе шестом-седьмом, у меня случился конфликт с учителем литературы, который плохо отзывался о Шортанбае и Дулате. Я пререкался также с учителем истории и возмущался: “Хотите сказать, что среди казахов не было ни одного настоящего батыра и справедливого хана?”». Задачей партии было создание организации, способной объединить казахский народ, разбудить гордость нации. Однако К. Жунистеги также был арестован по 58-й статье «За измену Родине». Сидя в лагере для политических заключенных, он познакомился с Махметом Кулмагамбетовым, преподавателем Чарджоского университета Туркменистана, идеи и слова которого также запали в душу К. Жунистеги: «Социализм — неправильное направление. Он доказывал нам, что такой социализм долго не протянется, приводя примеры из экономического положения страны. Еще осталось в памяти, как Махмет всегда говорил: “Если выберусь отсюда, то уеду за границу”. А я ему в ответ всегда отвечал: “Как ты пройдешь через границу? Кругом тотальная слежка, к тому же здравомыслящий казах нужен и на родине. Что за границей делать? Сгинешь в неразберихе”. А он все-таки говорил: “Я разоблачу из-за границы” и смог уехать за кордон. В лагере сидело всего три казаха, в то время как представителей других национальностей было немало. Мы тогда понимали и горько переживали из-за того, что наш народ стал угнетенным, забитым» <sup>26</sup>.

Кроме того, период 1954—1965 гг. характеризуется как активизация антирелигиозной кампании. В 1954 г. были приняты два Постановления: «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Рост числа религиозного населения требовал систематической антирелигиозной работы. В рамках второго Постановления партия осуждала административное вмешательство в деятельность религиозных организаций. Религиозная политика при Н. С. Хрущёве характеризовалась гонениями на веру и верующих. Большинство действовавших мечетей и церквей было закрыто. В результате,

если в 1954 г. в Советском Союзе насчитывалось 18 474 действовавших религиозных обществ, то в 1965 г. — 11 702, таким образом, число религиозных учреждения сократилось на 36%<sup>27</sup>.

Высшее партийное руководство осознавало невозможность сохранения единого многонационального государства, постоянно делая акцент на национальных различиях, в итоге было принято решение о создании единой национальной общности — советский народ. На XXII съезде КПСС в 1961 г. Н.С. Хрущёв в своем докладе провозгласил создание новой исторической общности, имеющей общие характерные черты, социалистическую Родину, экономическую базу, социально-классовую структуру, мировоззрение, общую цель и т.д. Основой данной общности стал русский народ и, соответственно, русский язык и русские ценности.

Таким образом, после смерти И.В. Сталина новое руководство партии подвергло критике сталинскую модель национальной политики и попыталось разработать новые подходы для урегулирования национальных проблем посредством либерализации национальной политики, демократизации общества и практики поощрения этнических элит союзных республик.

В 1961 г. была принята новая Программа КПСС. Основная мысль этой программы заключалась в необходимости дальнейшего сближения наций. Появилось огромное количество трудов, провозглашавших дружбу и слияние наций. Однако на деле ширился разрыв между наукой, политикой и жизнью. Национальное самосознание трактовалось как проявление национализма, а реальные противоречия и проблемы в межэтнических отношениях игнорировались. Несмотря на реформы, предпринятые Н.С. Хрущёвым, была усилена цензура и контроль над интеллигенцией. Органы власти по-прежнему следили за всеми сферами общественной жизни. Политика русификации продолжалась.

#### *Примечания*

1. ЩЕРБАК А.Н., БОЛЯЧЕВИЦ Л.С., ПЛАТОНОВА Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? — Политические науки. 2016. № 1, с. 107.
2. КРАСОВИЦКАЯ Т.Ю. Бой с «тенью» Сталина. Продолжение: Документы и материалы об истории XXII съезда КПСС и второго этапа десталинизации. М. — СПб. 2015.
3. МЯКШЕВ А.П. Инициативы Л.П. Берии в национальной области весной-летом 1953 года: поворот в политике или борьба за власть. URL: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/10085/28.pdf>
4. ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР), с. 10. URL: [https://ecsocman.hse.ru/data/680/927/1216/1\\_Zemskov.pdf](https://ecsocman.hse.ru/data/680/927/1216/1_Zemskov.pdf)
5. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК), ф. 812, оп. 19, д. 349, л. 5.
6. Там же, ф. 708, оп. 31, д. 1597, л. 15.
7. Там же, оп. 28, д. 1339а, л. 59.
8. Там же, л. 52.
9. Там же, л. 63.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9479, оп. 1, д. 548, л. 28—411.
11. АП РК, ф. 708, оп. 31, д. 1597, л. 191.

12. БАХТУРИНА А.Ю. Советская национальная политика. — Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. — Трудные вопросы истории России, с. 28. URL: <https://history.jes.su/s207987840004708—7—1/>
13. МЯКШЕВ А.П. Ук. соч., с. 409.
14. ЕФИМЕНКО Г.Г. Форма и реальное содержание «положительной деятельности» советской власти в сфере национальной политики (1919—1938). В кн.: Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев. 10—12 октября 2013 г. М. 2014, с. 162.
15. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 4. Алматы. 2009, с. 595.
16. КАЗИЕВ С.Ш. Национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане в постсталинский период (1953—1964 гг.) — *Oriental Studies*. 2014. № 7 (4), с. 56—61.
17. БАХТУРИНА А.Ю. Ук. соч., с. 68.
18. ЩЕРБАК А.Н., БОЛЯЧЕВИЦ Л.С., ПЛАТОНОВА Е.С. Ук. соч., с. 108.
19. КАЗИЕВ С.Ш. Ук. соч., с. 58.
20. АП РФ, ф. 708, оп. 33, д. 1544, л. 42.
21. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным всесоюзной переписи населения 1959 г. Госстатиздат ЦСУ СССР. М. 1960, с. 14.
22. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 4, с. 598.
23. KUDAIBERGENOVA D.T. “Imagining Community” in Soviet Kazakhstan. A Historical Analysis of Narrative on Nationalism in Kazakh-Soviet Literature”. *Nationalities Papers. — The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2013, p. 5. DOI:10.1080/00905992.2013.775115.
24. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 4, с. 597.
25. Там же, с. 598.
26. Камел Жунистеги — неизвестный казахский диссидент, создатель партии «ЕСЕП». URL: [https://rus.azattyq.org/a/Kamel\\_Zhunistegi\\_Kamel\\_Zhunisov/1507945.html](https://rus.azattyq.org/a/Kamel_Zhunistegi_Kamel_Zhunisov/1507945.html)
27. SAKTAGANOVA Z.G. State-Religious Relations during the Soviet Period: a Periodization and Content (in Terms of Kazakhstan). — *European Journal of Science and Theology*. Vol. 14. No. 1, p. 109—110.

# Образы М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина на страницах газеты «Жэньминь жибао»

Т. М. Соловьёва, А. С. Арчугова

---

*Аннотация.* Отношения между Россией и Китаем насчитывают около четырех столетий и за свою историю неоднократно претерпевали изменения. Лидеры двух стран на различных этапах сыграли свою роль в формировании двусторонних отношений. Статья посвящена определению роли М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина в нормализации и развитии отношений СССР / России и КНР. На материалах китайской ежедневной газеты «Жэньминь жибао», которая является официальным органом китайского правительства и Коммунистической партии Китая, авторы выявляют этапы изменения образов советских / российских руководителей в контексте геополитической обстановки и конъюнктуры двусторонних отношений.

*Ключевые слова:* СССР, Россия, КНР, советско-китайские отношения, российско-китайские отношения, М. С. Горбачёв, Б. Н. Ельцин, «Жэньминь жибао».

*Abstract.* Russia and China have maintained relations for more than four centuries and throughout its history their relations have repeatedly undergone major changes. At various stages the leaders of the two countries have played a role in shaping bilateral relations. The publication is devoted to defining the role of Mikhail S. Gorbachev and Boris N. Yeltsin in the normalization and development of relations between the USSR / Russia and China. Based on materials from the People's Daily, an official newspaper of the Central Committee of the Chinese Communist Party, the author identifies the stages of changing the image of Soviet / Russian leaders in the context of the changing geopolitical situation and the conjuncture of bilateral relations.

*Key words:* USSR, Russia, PRC, Sino-Soviet relations, Sino-Russian relations, Gorbachev, Yeltsin, People's Daily.

---

Имидж политического лидера страны включает не только его личный образ, но и в значительной степени образ нации и страны, которой он руководит. Восприятие народом политического лидера, в первую очередь, происходит через его освещение в средствах массовой информации. Подобный образ субъективен и может отличаться в национальной и меж-

---

*Соловьёва Татьяна Михайловна* — кандидат исторических наук, доцент, зав. секцией китайского языка ФГСН РУДН, Российский университет дружбы народов. E-mail: solovyeva-tm@rudn.ru; *Арчугова Анна Сергеевна* — ассистент кафедры иностранных языков ФГСН РУДН, Российский университет дружбы народов. E-mail: archugova-as@rudn.ru.

*Soloveva Tatiana M.* — candidate of historical sciences, associate professor at the department of Foreign languages, faculty of the Humanities and social sciences, RUDN University. E-mail: solovyeva-tm@rudn.ru; *Archugova Anna S.* — assistant at the department of Foreign languages, faculty of the Humanities and social sciences, RUDN University. E-mail: archugova-as@rudn.ru.

---



дународной прессе. Американский социолог Кеннет Е. Боулдинг в своей работе «Образ» отмечал, что образ — это субъективное восприятие и по мере изменения внешней информации это восприятие также меняется, поэтому образ не рождается, а культивируется <sup>1</sup>.

История российско-китайских отношений насчитывает более четырех столетий. В настоящее время отношения между Россией и Китаем успешно и динамично развиваются, однако в разные исторические периоды они переживали как взлеты, так и падения. Изменения в отношениях между Россией и Китаем не могли не влиять на формирование имиджа лидеров в сообщениях СМИ.

1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика. Советский Союз стал первой страной, установившей с ней дипломатические отношения. Первый визит в СССР лидера КНР состоялся в декабре 1949 — феврале 1950 г. и совпал с торжествами по случаю 70-летия И.В. Сталина. Личный представитель Сталина при Мао Цзэду-не И.В. Ковалёв вспоминал, что перед встречей Мао Цзэдун больше всего беспокоился, что поездка в Москву не даст нужных результатов, что И.В. Сталин откажет в кредите <sup>2</sup>. Однако в феврале 1950 г. был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи». Обе страны поддерживали друг друга в защите политических и экономических интересов и безопасности, занимали общую позицию по основным международным вопросам. Вместе с этим договором были подписаны два важнейших для китайской стороны соглашения — о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, а также о предоставлении КНР долгосрочного кредита на сумму 300 млн долларов на льготных условиях для восстановления и развития народного хозяйства страны. Средства, предоставленные по этому кредиту, помогли КНР заложить промышленный фундамент и обеспечить экономическое развитие. В китайской историографии заключение договора рассматривается как «победа китайской дипломатии» и лично Мао Цзэдуна <sup>3</sup>.

В этот период на страницах главной газеты КНР «Жэньминь жибао» печатались статьи, в которых восхищались докладами и выступлениями товарища Сталина, призывали «учиться на достижениях Сталина», говорили о том, что «растущая мощь Советского Союза может гарантировать мир во всем мире», а «великие победы советского народа в труде и боях — яркое свидетельство непобедимой жизненной силы советского общества и государственного строя». Высоко оценивалась и «сталинская» конституция 1936 г.: «Каждая статья и каждое слово основных законов социалистических стран сияют мудростью Сталина» <sup>4</sup>.

Однако уже в 1956 г. «медовый месяц», как назвал этот период сопредседатель Китайско-российского комитета дружбы, мира и развития Дай Бинго, в отношениях двух стран закончился. На XX съезде КПСС Н.С. Хрущёв выступил с докладом «О культе личности и его последствиях», в котором осуждал И.В. Сталина. Первой реакцией КПК стала статья в газете «Жэньминь жибао» от 5 апреля 1956 г. «Исторический опыт диктатуры пролетариата», в которой разоблачение ошибок И.В. Сталина было названо великим достижением коммунистической партии Советского Союза. «Еще ни одна партия, находящаяся у власти, не осмеливалась разоблачать свои серьезные ошибки перед членами своей партии и наро-

дом, — восхищались на страницах газеты, — в мире уже более месяца с удовольствием говорят о самокритике Коммунистической партии Советского Союза в отношении культа личности. В каких работах представителей марксизма сказано, что мы никогда не ошибаемся? У коммунистов существует система критики и самокритики»<sup>5</sup>. В статье подчеркивалось, что имя И.В. Сталина достойно почестей и совершенно неправильно отрицать роль выдающихся личностей, однако нельзя ставить личность лидера выше партии и народа. И.В. Сталин «по ошибке преувеличил свою роль», он стал «гордым, в его мыслях зародились субъективизм и односторонность», он начал «практиковать личный произвол», «впал в противоречия между теорией и практикой», все это «приводило к серьезным неблагоприятным последствиям»<sup>6</sup>. Причиной охлаждения отношений между СССР и КНР стала вовсе не критика Хрущёвым личности Сталина, а тот факт, что выступление не было согласовано с международным коммунистическим движением. Тон статей «Жэньминь жибао» стал приобретать все более жесткий характер.

Спустя некоторое время газета выпустила статью «Вновь об историческом опыте диктатуры пролетариата», где разоблачение культа личности Сталина было подвергнуто критике<sup>7</sup>. Согласно воспоминаниям личного переводчика Мао Цзэдуна Ли Юэжэня, после XX съезда КПСС Мао Цзэдун пренебрежительно и весьма саркастически высказывался о Н.С. Хрущёве<sup>8</sup>. Очередным роковым событием в отношениях СССР и КНР того периода стал визит Н.С. Хрущёва в Китай в 1959 г., во время которого Мао Цзэдун пригласил советского лидера в свою резиденцию, где встретил его в бассейне и предложил продолжить переговоры во время купания. Хрущёв, в отличие от Мао Цзэдуна, не умел плавать, что поставило его в крайне неловкое положение: на фоне хозяина он выглядел неуклюже. После этой встречи Хрущёв отменил дальнейшие планы и вернулся в Москву<sup>9</sup>. Причиной раскола в отношениях между двумя странами послужили не только идеологические разногласия, но и личная неприязнь лидеров. Реакцией на это стал негативный образ советских правителей на страницах газет. Так, в декабре 1966 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована статья, в которой новый лидер Советского Союза Л.И. Брежнев был назван «верным учеником Хрущёва» и открыто критиковался за продолжение политики хрущевского ревизионизма<sup>10</sup>.

Восстановить отношения между странами удалось лишь спустя 30 лет. В мае 1989 г. президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачёв посетил Китай с официальным визитом. В результате его переговоров с Дэн Сяопином был намечен курс на сближение позиций и нормализацию отношений между двумя странами.

М.С. Горбачёв возглавлял СССР с 11 марта 1985 г. по 25 декабря 1991 г., за это время в «Жэньминь жибао» было выпущено 418 статей с упоминанием о нем. В основном имя лидера СССР фигурировало в статьях, посвященных гонке вооружений между США и СССР, внутренним реформам Горбачёва, а также его визитам в другие страны. Особое внимание было уделено первому за 30 лет визиту советского лидера в Китай, сообщений о личных качествах самого лидера было мало — всего семь публикаций.

В статьях 1985—1989 гг. публиковались библиографические сведения о новом лидере СССР. Говорилось, что Михаил Сергеевич родился в бедной крестьянской семье, работал на заводе, благодаря собственным усилиям поступил в университет, а со временем стал генсеком КПСС. «В личной жизни он и его семья очень скромны, — отмечалось в газете, — его мать до сих пор живет в деревне на пенсию»<sup>11</sup>. Подчеркивалась близость Горбачёва к народу. Например, вот отрывок из статьи «Визит Горбачёва во Владивосток»: «Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачёв сегодня посетил памятник Ленину во Владивостоке, где возложил венок и свободно разговаривал с местными жителями, ожидавшими его на площади под дождем»<sup>12</sup>.

Незадолго до прихода к власти М.С. Горбачёва в Китае по инициативе Дэн Сяопина был утвержден новый политический курс «реформ и открытости», итогом которого стал плавный переход к рыночной экономике. В политических кругах СССР все очевиднее проявлялся интерес к эффективным реформам Дэн Сяопина. На тот момент был очевиден крах плановой экономики СССР, народ ждал перемен. Фактически сразу после прихода к власти, на апрельском пленуме 1985 г., М.С. Горбачёв также инициировал реформы, основной целью которых было ускорение социально-экономического развития страны. «Жэньминь жибао» подчеркивала объективную необходимость преобразований в Советском Союзе. За 15 лет, предшествовавших реформам М.С. Горбачёва, три пятилетки не были выполнены, эффективность промышленного и сельскохозяйственного производства была низкой, научно-технический прогресс замедлился — «все указывало на неизбежность реформ»<sup>13</sup>.

Отношения СССР и Китая к этому моменту продолжали находиться в стадии конфронтации. Однако внешняя политика Китая, которая последние десятилетия имела очевидный перевес в сторону сотрудничества с Западом против СССР, стала постепенно переориентироваться обратно на Советский Союз. Причинами тому послужило налаживание Вашингтоном отношений с Тайванем.

Обсуждения возможной нормализации отношений с Китаем начались в 1982 г., однако спустя три недели после этого умер Л.И. Брежнев, вслед за ним ушли Ю.В. Андропов и К.У. Черненко. Все затаили дыхание в ожидании нового лидера, способного нормализовать отношения с Китаем. Существовал целый ряд разногласий, так называемые «три больших препятствия», которые мешали нормализации отношений двух стран. Во-первых, Китаю необходимо было решить камбоджийскую проблему, требовалось прекращение советской поддержки вьетнамской оккупации Камбоджи; во-вторых, Китай выступал за уменьшение численности советских войск на границе с Монголией; в-третьих, от СССР требовался вывод войск из Афганистана.

Впервые свое намерение улучшить отношения с Китаем Михаил Горбачёв выразил в речи во Владивостоке в 1986 г.: «Мы надеемся, что в недалеком будущем разделяющая (а хотелось бы говорить — соединяющая) нас граница станет полосой мира и дружбы». Говорил Горбачёв и о выводе войск из Монголии. В статье от 30 ноября 1987 г. отмечалось, что он поднимал вопрос советско-китайских отношений на встрече с президентом Республики Замбия К. Каундой, где выразил готовность встре-

титься с лидерами КНР и обсудить разногласия между двумя странами. В статье приводилась цитата из выступления М.С. Горбачёва: «Китайская сторона считает, что такая встреча возможна только после заблаговременного устранения препятствий, в первую очередь, после решения камбоджийской проблемы. Встреча национальных лидеров предназначена именно для решения сложных вопросов и обсуждения международных отношений»<sup>14</sup>.

15 мая 1989 г. в Пекине состоялась встреча лидеров СССР и Китая Михаила Горбачёва и Дэн Сяопина. Эта встреча внесла изменения в мировую политику и ознаменовала собой новый этап отношений между двумя странами. Первые полосы «Жэньминь жибао» пестрели заголовками: «Закрывать прошлое, открывать будущее». Именно в этих восьми иероглифах выразил цель встречи Дэн Сяопин<sup>15</sup>. В статьях также приводилась приветственная речь председателя КНР Ян Шанкуня, который отметил, что визит М.С. Горбачёва в Китай был высоко оценен не только китайским и советским народами, но и международным сообществом. Он подчеркивал заинтересованность Китая в советских реформах и выразил надежду на то, что они увенчаются успехом. Эта встреча не только положила конец открытой конфронтации двух стран, но и позволила СССР и Китаю сосредоточить свое внимание на внутренних экономических реформах. Иллюзиям об идеологическом партнерстве двух стран был положен конец, но это стало началом нового витка отношений, основанных «на пяти принципах мирного сосуществования»<sup>16</sup>.

Газета отмечала, что, руководствуясь «новым мышлением», Горбачёв стремился изменить отношения с западными странами. «Жэньминь жибао» в основном сообщала о его новом дипломатическом мышлении с двух точек зрения: теоретической (изложение Горбачёвым дипломатических концепций) и практической (встречи с лидерами разных стран и достигнутые дипломатические результаты). Горбачёв активно вел переговоры с США для продвижения процесса ядерного разоружения. Лидеры Советского Союза и Соединенных Штатов встречались в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, Нью-Йорке, Москве и других городах для обсуждения таких вопросов, как контроль над вооружениями и двусторонние отношения. Кроме того, М.С. Горбачёв активно продвигал решение региональных вопросов и вел переговоры с лидерами стран Ближнего Востока, Центральной Америки, Южной Африки, Корейского полуострова, а также Афганистана и Камбоджи. В статьях «Жэньминь жибао», посвященных дипломатическим действиям СССР, сообщалось, что М.С. Горбачёв, стремясь добиться прорыва по некоторым вопросам, оставался под влиянием идеологии «холодной войны» и пытался максимально реализовать свои национальные интересы. Ключевыми словами в данных статьях оставались «критика», «обвинение» и «давление», доля негативных новостей в дипломатических репортажах была значительно выше, чем в статьях на другие темы.

Очевидной была разница подходов Дэн Сяопина и М.С. Горбачёва к реформам. Основными направлениями реформ лидера СССР были политика, перестройка, открытость западным странам. Главной задачей реформ лидера КНР было экономическое и национальное возрождение Китая, не подразумевавшее вмешательство западных стран. Несмотря на

то что СССР и КНР удалось о многом договориться за годы правления М.С. Горбачёва, Китай четко дал понять, что его больше не устраивают отношения, в которых Советский Союз являлся «старшим братом». Поэтому, когда стало ясно, что реформы Горбачёва привели к появлению новых проблем, к сопротивлению со стороны народа, а в результате и к распаду СССР, на страницах «Жэньминь жибао» сразу появились статьи, в которых советский лидер был представлен как реформатор-неудачник.

Горбачёв взял на себя сложную задачу провести перестройку в обществе, отказаться от кардинальной смены ориентиров, которым следовало Советское государство в течение более чем 70 лет. Это стало болезненным процессом для самого государства и привело к его разрушению. После распада Советского Союза «Жэньминь жибао» в статье «1991 год: Советский Союз прекратил свое существование» описала причины распада СССР: «В 1985 году Горбачёв был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, сначала он предложил стратегию “ускоренного развития”, затем выдвинул лозунги о “демократизации” и “открытости”, предложил “новое мышление” и пытался руководить комплексом этих реформ». В статье подчеркивалось, что реформы привели к социальному хаосу и окончательному распаду СССР, результатом реформ М.С. Горбачёва стал их провал<sup>17</sup>.

После распада Советского Союза оценки деятельности Горбачёва в России и за рубежом сильно различались. Большинство россиян возлагало вину за крах Советского Союза на Горбачёва, считая, что он разрушил великую страну. В глазах западных стран он ликвидировал Берлинскую стену и положил конец «холодной войне». За свой большой вклад в дело мира во всем мире М.С. Горбачёв был удостоен Нобелевской премии.

Отношение «Жэньминь жибао» к М.С. Горбачёву можно назвать нейтральным: с одной стороны, газета подтверждала его достижения во внутренних и внешних делах; она подробно рассказывала о его выступлениях, реформах и новом дипломатическом мышлении, подтверждала его вклад в ядерное разоружение. С другой стороны, «Жэньминь жибао» не признала серию реформ, осуществленных М.С. Горбачёвым, и указывала в комментариях, что его реформы стали прямой причиной распада Советского Союза.

Когда М.С. Горбачёв подал в отставку с поста президента Советского Союза и объявил о распаде Советского Союза, «Жэньминь жибао» процитировала его телеобращение. «Он признал, что различные реформы, проведенные на протяжении многих лет, потерпели неудачу, и что “страна потеряла свое будущее”», — говорилось в статье<sup>18</sup>.

В публикациях «Жэньминь жибао» указывалось, что и Китай, и Советский Союз проводили реформы в 1980-х гг., но реформы Советского Союза полностью отличались от реформ и открытости Китая. В процессе реформ М.С. Горбачёв отказался от государственного контроля над идеологией и полностью отрицал руководящую идеологию марксизма, что, в свою очередь, привело к потере контроля над ситуацией в Советском Союзе. Можно отметить, что Китай развивался по советской модели, и поэтому «Жэньминь жибао» писала, что провал реформ М.С. Горбачёва прозвучал тревожным сигналом для реформ в Китае и для Китая важно осознать это предупреждение.

После распада Советского Союза развитие отношений между Россией и Китаем получило новый импульс.

Первое десятилетие постсоветской России связано с именем Бориса Николаевича Ельцина, который находился на посту президента с 12 июня 1991 г. по 31 декабря 1999 г. За этот период «Жэньминь жибао» опубликовала 555 статей, в которых упоминался Б.Н. Ельцин и его деятельность на посту президента. Репортажи о Б.Н. Ельцине — это в основном новостные статьи (96,2%), информационные бюллетени, посвященные его визитам, подробные отчеты о его приезде в Китай и публикации на тему ухода Ельцина с поста президента.

После того как Б.Н. Ельцин возглавил страну, между ним и Верховным Советом началась борьба за власть. Как сохранить власть — это главный вопрос, с которым столкнулся Б.Н. Ельцин. В репортаже «Жэньминь жибао» говорилось о ряде мер, принятых им для сохранения власти: беспрецедентная кадровая политика и установление приоритета полномочий президента. Политические элиты выразили сомнения по поводу реформ Ельцина. Верховный Совет попытался его сместить. Проведенный Б.Н. Ельциным референдум не смог решить проблему противостояния, а лишь показал, что российское общество раскололось на два лагеря — сторонников реформ и их противников. «Жэньминь жибао» не давала прямой оценки действиям Ельцина, но цитировала одного из главных его оппонентов — Р.И. Хасбулатова, который заявил, что действия президента были «попыткой установить в стране режим личной власти»<sup>19</sup>.

Центральное место среди реформ команды Б.Н. Ельцина занимали преобразования экономического сектора (переход к рыночной экономике путем «шоковой терапии» и приватизации). Однако они не принесли ожидаемых результатов, а привели к коллапсу российской экономики. Точка зрения «Жэньминь жибао» по этому вопросу состояла в том, что политическая оппозиция препятствовала экономическим реформам и «реформы, оторванные от реальности и политической борьбы, привели к провалу»<sup>20</sup>.

Внешнюю политику Ельцина в начале его президентства «Жэньминь жибао» характеризовала как «прозападную». «Российский “двуглавый орел” двумя глазами смотрит только на Запад», — отмечалось в газете<sup>21</sup>. Основная цель частых визитов Б.Н. Ельцина в западные страны — дальнейшее развитие отношений с Западом и поиск дополнительной финансовой помощи для перехода России к свободной рыночной экономике. Президент России посетил США, Великобританию, Германию, Францию, Италию, Канаду и другие развитые капиталистические страны и подписал договоры о дружбе с целым рядом государств. По мнению «Жэньминь жибао», помощь Запада России носила «спонтанный характер». Газета охарактеризовала дипломатические достижения Б.Н. Ельцина как «неудовлетворительные». Газета отмечала, что причины такой ситуации заключались, во-первых, в нестабильном экономическом положении самих западных стран, а во-вторых — в том, что западные страны по-прежнему сомневаются в перспективах России<sup>22</sup>. Делался вывод, что ориентированная на Запад внешняя политика России не принесла удовлетворительных результатов.

После неудач в сотрудничестве с Западом Б. Н. Ельцин начал проводить политику баланса между Востоком и Западом. В 1994 г. была сформирована внешнеполитическая стратегия, целью которой являлось восстановление статуса крупной державы и расширение ее сфер влияния. В целях развития дружественных отношений с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона президент России посетил Южную Корею, Японию, Индию и др. Комментируя внешнюю политику Ельцина, «Жэньминь жибао» подчеркивала значение его визита в Центральную Азию. Действия Б. Н. Ельцина «уменьшили разногласия между Россией и странами Центральной Азии, укрепили традиционную дружбу и сотрудничество между Россией и регионом и внесли вклад в безопасность и стабильность в Центральной Азии. В то же время визит также способствовал восстановлению имиджа России как великой державы»<sup>23</sup>.

Распад Советского Союза, «смутное время» и прозападная политика России в начале президентства Б. Н. Ельцина не могли не повлиять на темпы восстановления российско-китайских отношений. Однако уже в 1992 г. Россия переориентировалась на сближение со странами Востока, в первую очередь с Китаем. В том же году во время визита Б. Н. Ельцина в Китай была подписана декларация «Об основах взаимопонимания между Россией и Китаем». Этот документ стал отправной точкой для налаживания экономического, технического и культурного обмена между двумя странами и придал динамику развитию двусторонних отношений. Газета «Жэньминь жибао» сообщала об этом в своих ежедневных выпусках<sup>24</sup>. За время своего пребывания на посту президента Ельцин посетил Китай пять раз, в общей сложности 10 раз встречался с лидером Китая Цзян Цзэмином, которого называл «близким человеком»<sup>25</sup>. В 1994 г. российско-китайские отношения были охарактеризованы как «конструктивное партнерство»<sup>26</sup>, а в 1996 г. две страны договорились о «равноправных и доверительных отношениях стратегического партнерства». Б. Н. Ельцин признал единство Китая, заявил, что не будет устанавливать официальных отношений с Тайванем, хотя активно поддерживал культурный обмен и экономическое сотрудничество с Тайбэем.

Б. Н. Ельцин был первым президентом России после распада Советского Союза. Многие эксперты и ученые считают, что его реформы провалились, а ельцинская эпоха была самым тяжелым периодом для российского народа за сотни лет. В политической сфере процесс внедрения западных демократических систем привел к жесткой борьбе за власть и социальным конфликтам. С экономической точки зрения, частная собственность не улучшила экономическую ситуацию. Напротив, в 1999 г. ВВП России упал на 50% по сравнению с периодом до распада Советского Союза, в стране царил инфляция, дефицит, бедность. Не только российская экономика не пошла по пути нормального рыночного развития, но и в политическом плане не был установлен демократический правовой порядок. Россия не смогла завершить переход к демократии<sup>27</sup>. Однако «Жэньминь жибао» отметила, что Б. Н. Ельцин, который находился на посту президента в переходный период, смог «свергнуть старый мир и построить новый»<sup>28</sup>.

По поводу отставки Б. Н. Ельцина и назначения В. В. Путина его «преемником» газета в статье «Реакция международного сообщества на

отставку Ельцина» отметила, что отношение всех партий в России к отставке Б. Н. Ельцина было в основном положительным, российский народ также «очень спокойно» отнесся к ней: «По всей стране царил атмосфера новогодних праздников». Большинство людей считало решение Б. Н. Ельцина правильным и своевременным. Это решение свидетельствовало о правильной политической стратегии и могло служить образцом для политиков. Согласно статье, назначение Путина «преемником» и создание предвыборной коалиции, победившей на выборах в Государственную думу, стало «хорошим политическим ходом» Ельцина. В статье «Жэньминь жибао» говорилось, что в день отставки Б. Н. Ельцина на российском фондовом рынке наблюдался высокий рост, что свидетельствовало о большой уверенности российских акционеров в будущем России. Цитируя Ельцина, газета отмечала: «России нужны новые лица у власти»<sup>29</sup>.

Анализ отчетов и репортажей «Жэньминь жибао» о М. С. Горбачёве и Б. Н. Ельцине показал следующее.

1. Авторы публикаций газеты придерживались стратегии «объективности и нейтральности». Большая часть отобранных статей представляет собой подробное и объективное описание событий, прямая оценка руководителей практически отсутствует. Тем не менее авторы часто прибегали к «хитрому» методу репортажа, выдавая собственную позицию за мнение некоего авторитета. Такой метод может не только выразить объективную позицию автора, но и скрыто донести его мнение до аудитории. Например, в репортаже о распаде Советского Союза газета «Жэньминь жибао» процитировала слова президента Украины Л. М. Кравчука: «Реформы “открытости” привели к распаду Советского Союза»<sup>30</sup>.

2. М. С. Горбачёв в «Жэньминь жибао» представлен как новый тип лидера Советского Союза, предложившего другую политическую стратегию и придерживавшегося иной идеологии. Но в то же время М. С. Горбачёв позиционировался как реформатор, потерпевший неудачу. Его реформы, по мнению «Жэньминь жибао», стали прямой причиной распада СССР.

3. В статьях «Жэньминь жибао» Б. Н. Ельцин характеризуется как прозападный лидер и радикальный реформатор. Однако смена курса внешней политики и переориентация на Восток отразились и на отношении китайских СМИ, прозападная политика Б. Н. Ельцина в начале правления аргументировалась как «защита интересов России».

За время нахождения у власти М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина отношения между двумя странами перешли от конфронтации к стратегическому партнерству. Путем двустороннего сотрудничества и отказа от прошлых претензий была выработана новая стратегия российско-китайских отношений, основанная не на идеологических принципах, а на взаимном уважении и защите национальных интересов, которая не только не утратила своей актуальности в настоящее время, но и получила дальнейшее развитие.

#### *Примечания*

1. BOULDING KENNETH E. The Image. London. 1957, p. 175.
2. URL: <http://library.maoism.ru/Kovalyov.htm>



3. URL: [http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/vneshnaja\\_politika\\_kitajskoj\\_narodnoj\\_respubliki\\_v\\_1949\\_1976\\_gg\\_2016-08-15.htm](http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949_1976_gg_2016-08-15.htm)
4. 斯大林宪法的特点 [Сыдалинь сяньфа дэ тэдянь] (Особенности сталинской конституции). — 人民日报[Жэньминь жибао]. 1949. 12 мая, с. 5.
5. 关于无产阶级专政的历史经验 [Гуаньюй учаньцзеци чжуаньчжэн дэ лиши цзиньянь] (Исторический опыт диктатуры пролетариата). — Там же. 1956. 5 апреля, с. 1.
6. Там же.
7. 再论无产阶级专政的历史经验[Цзай лунь учаньцзеци чжуаньчжэн дэ лиши цзиньянь] (Вновь об историческом опыте диктатуры пролетариата). — Там же. 1956. 29 декабря, с. 1—2.
8. 李越然 (ЛИ ЮЭЖАНЬ). 外交舞台上的新中国领袖 [Вайцзяо утайшан дэ синьчжунго линсю] (Лидеры Нового Китая на дипломатической арене). 外语教学与研究出版社[Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ] (Издательство «Преподавания и исследования иностранных языков»). 1994, с. 87.
9. ОВЧИННИКОВ В. В. Два лица Востока. М. 2014.
10. 勃列日涅夫建议召开的«各国共产党»会议是赫鲁晓夫修正主义者反对马克思列宁主义和反革命的新阴谋阿尔巴尼亚[Болежинефу цзяньи чжаокай дэ «гэго гунчаньдан» хуэйи ши хэлусюйю фючжэнчжюичжэ фаньдуй макэсы ленин чжюй] (Предложенная Брежневым конференция «коммунистических партий» — новый заговор хрущевских ревизионистов против марксизма-ленинизма). — 人民日报[Жэньминь жибао]. 1966. 27 декабря, с. 3.
11. 苏联新型的领导人戈尔巴乔夫[Сулянь синьсин дэ линдаожэнь Гээрбацяофу] (Новый лидер Советского Союза — Горбачёв). — Там же. 1989. 5 ноября, с. 7.
12. 戈尔巴乔夫谈苏联对亚太地区政策[Гээрбацяофу тань сулянь дуй ятайдицюй чжэнцэ] (Горбачёв о политике Советского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе). — Там же. 1986. 29 июля, с. 1.
13. 1991年：苏联终止存在[1991 Нянь：сулянь чжунчжи цуньцзай] (1991 год: СССР прекратил свое существование). — Там же. 1991. 31 декабря, с. 7.
14. 戈尔巴乔夫谈苏中关系[Гээрбацяофу тань сучжун гуаньси] (Горбачёв о советско-китайских отношениях). — Там же. 1987. 11 ноября, с. 6.
15. 邓小平 (Дэн Сяопин). 邓小平文选第三卷[Дэн Сяопин вэньсюань Ди сань цзюань] (Избранные произведения Дэн Сяопина. Том третий). 人民出版社[Жэньминь чубаньшэ] (Народное издательство). 1993, с. 291; 结束过去 开辟未来 (社论) [Цзешу гоцюй Кайпи вэйлай (Шэлунь)] (Закрывать прошлое, открыть будущее (передовая статья)). — 人民日报[Жэньминь жибао]. 1989. 19 мая, с. 2.
16. 杨尚昆在欢迎戈尔巴乔夫宴会上讲话中苏建立新型关系符合世界潮流[Яншанкунь цзай хуаньин гээрбацяофу яньхуэй шан цзянхуа Чжунсу цзяньли синьсин гуаньси фухэ шицзе чаолу] (Ян Шанкунь выступил с речью на торжественном обеде в честь приема Горбачёва. Отношения, установленные между Китаем и Советским Союзом, отвечают требованиям мировых тенденций). — Там же. 1989. 16 мая, с. 2.
17. 1991年：苏联终止存在[1991 Нянь：сулянь чжунчжи цуньцзай] (1991 год: СССР прекратил свое существование), с. 7.
18. 戈尔巴乔夫发表电视讲话宣布辞去苏联总统职务[Гээрбацяофу фабяо дяньши цзянхуа Сюаньбу цыцюй сулянь цзунтун чжюй] (Горбачёв выступил с телеобращением, в котором объявил о своей отставке с поста президента Советского Союза). — 人民日报[Жэньминь жибао]. 1991. 26 декабря, с. 6.
19. 叶利钦改组总统办公厅[Елицинь гайцзю цзунтун баньгунтин] (Ельцин реорганизует Администрацию Президента). — Там же. 1996. 1 февраля, с. 6; 叶利钦反对削弱总统权力 [Елицинь фаньдуй сюэжю цзунтун цюаньли] (Ельцин выступает против ослабления власти президента). — Там же. 1998. 28 декабря, с. 6.
20. 叶利钦在俄议会发表讲话严重的政治对立阻碍了经济发展[Елицинь цзай эихуэй фабяо цзянхуа Яньчжун дэ чжэнчжи дуйли цзуай лэ цзинцзи фачжань] (Ельцин выступил с речью в российском парламенте. Жесткая политическая оппозиция препятствовала экономическому развитию). — Там же. 1992. 8 ноября, с. 6.
21. 俄外长«第一把火» [Эвайчан «ди ба хо»]. — Там же. 1996. 1 февраля, с. 6.
22. 叶利钦的两次出访[Елицинь дэ лянцы чуфан] (Два зарубежных визита Ельцина). — Там же. 1992. 11 июля, с. 6.

23. 弥合分歧扩大共识 (综述) [Михэ фэньци Кода гунши (Цзуншу)] (Преодоление разногласий и расширение договоренностей (обзор)). — Там же. 1998. 14 октября, с. 6.
24. 俄罗斯总统叶利钦会见钱其琛[Элосы цзунтун Елицин хуэй цзянь Цянь Цичэнь] (Президент России Ельцин встретится с Цянь Цичэнь). — Там же. 1992. 26 ноября, с. 1.
25. 万成才 (ВАНЬ ЧЭНЦАЙ). 不忘叶利钦[Буванелицин] (Не забыть Ельцина). — 瞭望 [Ляо Ван]. 2007. № 18, с. 58.
26. 中俄关系步入新时期[Чжунэ гуаньси бужу синь шици] (Китайско-российские отношения вступают в новую эру). — 人民日报[Жэньминь жибао]. 1996. 20 апреля, с. 3.
27. 秦晖 (Цинь Хуэй), 金雁 (Цзинь Янь). 告别叶利钦时代 [Гаобэй Елицин шидай] (Прощание с эпохой Ельцина). — 世界知识[Шицзе чжиши] (Мировые знания). 2001. № 16, с. 44—45.
28. «我发生了很大变化» (述评) [«Во фашэн лэ хэнь да бяньхуа» (Шупин)] («Я изменился» (обзор)). — 人民日报[Жэньминь жибао]. 1997. 14 июля, с. 6.
29. 国际社会对叶利钦辞职作出反应[Гоцзи шэхуэй дуй Елицин цычжи цзочу фаньин] (Реакция международного сообщества на отставку Ельцина). — Там же. 2000. 2 января, с. 7.
30. 1991年: 苏联终止存在[1991 Нянь: сулянь чжунчжи цуньцзай] (1991 год: СССР прекратил свое существование), с. 7.

# Зарождение черноморского объединения трудящихся в 1917—1918 гг.

В.Ю. Ланцева

---

*Аннотация.* В статье рассматриваются зарождение и организация деятельности черноморского объединения трудящихся, названного Союзом Союзов. Проанализирована деятельность данной организации с точки зрения ее взаимодействия с Советом рабочих и солдатских депутатов, Центральным исполнительным комитетом, Ревкомом. Союз Союзов первым провел организационную работу по объединению рабочих в профсоюзы в Черноморской губернии и Кубанской области.

*Ключевые слова:* профессиональные союзы, советская власть, трудовое население, пролетариат, революционное движение.

*Abstract.* The article examines the origin and organization of the activities of the Black Sea workers' association, called the Union of Unions. The activity of this organization is analyzed from the point of view of interaction with the Council of Workers 'and Soldiers' Deputies, the Central Executive Committee, the Revolutionary Committee. The Union of Unions carried out the first organizational work to unite workers into trade unions in the Black Sea province and the Kuban region.

*Key words:* trade unions, Soviet power, the working population, the proletariat, the revolutionary movement.

---

Черноморское объединение трудящихся было названо Союзом Союзов, так как в его состав были включены не только профессиональные союзы, но и союз женщин, союз легковых и ломовых извозчиков, артели трудящихся, а также студенческое землячество как единственная молодежная организация. Основной целью Союза Союзов было организационно охватить все трудовое население города и вовлечь его в борьбу за установление советской власти.

Союз Союзов имел своих представителей в Совете рабочих и солдатских депутатов, участвовал в заседаниях Центрального исполнительного комитета с правом решающего голоса, а на заседаниях Ревкома — с совещательным. Работа Союза Союзов по организации трудящихся встречала отпор не только со стороны класса собственников, но и всех реакционных групп, включая служащих общественных и государственных орга-

---

*Ланцева Вероника Юрьевна* — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова». E-mail: lantseva.v@yandex.ru.

*Lantseva Veronika Yu.* — PhD, associate professor of “Theory and History of State and Law” of Admiral Ushakov Maritime State University. E-mail: lantseva.v@yandex.ru.

---

низаций, а также интеллигенцию (врачей, адвокатов, учителей), которые открыто саботировали работу на своих участках. Порой имели место диверсионные акты <sup>1</sup>.

27 октября 1917 г. на экстренном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов был избран Революционный комитет во главе с председателем Александром Александровичем Яковлевым, бывшим офицером царской армии, и провозглашено установление советской власти <sup>2</sup>. А. А. Яковлев был волевым, твердым большевиком, хорошим организатором и пользовался авторитетом как среди рабочих, так и среди воинских частей.

В конце ноября 1917 г. Союз Союзов на своем пленарном заседании совместно с комитетами Внутреннего распорядка и представителями Совета рабочих и солдатских депутатов, обсудив заявление городского головы о том, что Дума поддерживает свергнутое правительство Керенского, вынес решение об упразднении Городской думы. О таком решении в письменном виде было сообщено городскому голове.

Тем не менее в Новороссийске до начала декабря 1917 г. у власти оставались комиссары Временного правительства, которые размещались в бывшем губернаторском доме. 4 декабря председатель Ревкома А. А. Яковлев явочным порядком разогнал комиссариат и занял помещение под Революционный и Исполнительный комитеты. Тогда же в освобожденное помещение переехал и Союз Союзов с отделом труда, больничной кассой, биржей труда и всеми другими своими структурными подразделениями, заняв второй этаж дома. А. А. Яковлев, будучи председателем Ревкома и пользуясь своей популярностью, вел серьезную пропагандистскую и организационную работу среди моряков и в воинских частях.

В результате этого батарея Канэ, установленная на Суджукской косе, полностью перешла на сторону восставшего пролетариата Новороссийска <sup>3</sup>. Командование Яковлева Кавказским фронтом привело к переброске в Новороссийск всего Варнавинского артполка с вооружением, в полной боевой готовности для поддержания советской власти в Новороссийске. Часть офицеров полка, отказавшихся стать на сторону революции, были уничтожены по решению Ревкома.

А. А. Яковлев был убит в январе 1918 г. в неравном бою при наступлении отрядов Красной армии на белогвардейский Екатеринодар, когда воинские части красных не сумели подойти вовремя. Только в начале марта 1918 г. революционные новороссийские части с двумя броневиками, построенными руками железнодорожников, поддержанные революционными матросами и солдатами, вступили в Екатеринодар. Корнилов был убит, корниловщина разгромлена. Последний оплот Временного правительства на Кубани пал.

Основные задачи Союза Союзов состояли в том, чтобы при проведении своей работы:

- 1) сохранить орудия производства;
- 2) сберечь кадры, не нарушая хозяйственной деятельности предприятия;
- 3) преодолевать саботаж, не допуская ликвидации предприятий.

В конце 1917 и начале 1918 г. деятельность Союза Союзов значительно расширилась, и он стал революционной рабочей организацией, на

которую опирался в своей деятельности Черноморский исполнительный комитет.

Союз Союзов провел работу по организации столовых, выпечке хлеба, ремонту обуви, созданию других мелких предприятий и мастерских ввиду частичного закрытия их хозяевами. В целях борьбы с безработицей Союз Союзов поднял вопрос об организации общественных работ и расширении предприятий. Также была проведена организационная работа по созданию литературного фонда для пополнения фондов библиотек, открытия новых библиотек на предприятиях и в рабочих районах. В целях борьбы с пьянством Союз добился закрытия подпольных магазинов, а также принял решение о запрете продажи спиртных напитков. Все винные склады были опечатаны. Отпуск спирта производился лишь на производственные и медицинские цели. Часть винных запасов была ликвидирована.

3 января 1918 г., ввиду неудовлетворительного положения с материальным снабжением и после отчета заведующего продовольственным комитетом, было вынесено решение о создании при Союзе Союзов контрольной комиссии. По докладу заведующего отделом труда тов. Окуневи́ча Союз Союзов вынес ряд решений о сдельных работах, оплате женского труда и т. д.

На январь 1918 г. Союзом Союзов было объединено 16 профсоюзов<sup>4</sup>: Союз цементников; Союз торговых моряков; Союз грузчиков; Союз железнодорожников; Союз приказчиков; Союз печатников; Союз официантов; Союз учителей; Союз тружеников иглы; Союз шоферов; Союз госслужащих; Союз почтово-телеграфных служащих; Союз сельхозрабочих; Союз металлистов; Союз рабочих нефтеперегонных заводов; Союз торговых служащих.

Некоторые союзы были кастовыми, в них господствовала цеховщина. Например, существовал Союз механиков и капитанов торгового флота — наряду с Союзом моряков<sup>5</sup>. Объединение Союза металлистов охватывало всех трудящихся, занятых обработкой металла, независимо от их места работы. Союз цементников объединял рабочих только по добыче, обжигу клинкера, не включая подсобников, чернорабочих, грузчиков. В связи с этим встал вопрос о перестройке союзов по производственному принципу. Прошла перетарификация всех категорий трудящихся<sup>6</sup>. Союзом Союзов был установлен прожиточный минимум и исходя из него — единая заработная плата.

Для реализации намеченных Союзом Союзов мероприятий и усиления влияния рабочих организаций на хозяйственную и производственную деятельность города на всех предприятиях были избраны комитеты внутреннего распорядка. В их компетенцию входило осуществление контроля над производственной и финансовой деятельностью предприятий, а также над хозяйственной деятельностью частных, городских и общественных организаций. Целью контроля была подготовка к изъятию для дальнейшей национализации предприятий и организаций у враждебного класса и групп, саботирующих работу.

На заседании 31 января 1918 г. комитетов Внутреннего распорядка с участием представителей профсоюзов, Союзом Союзов были поставлены следующие вопросы:

1. О разоружении администрации предприятий и охраны их рабочими дружинами.

2. О вооружении рабочих отрядов Красной гвардии.

3. О проведении полного контроля за хозяйственной деятельностью, включая производственную, планирование, выпуск и реализацию готовой продукции. Председатели фабрично-заводских комитетов должны были стать фактически заместителями руководителей предприятий и организаций.

4. О постепенном устранении руководства частников и подготовке предприятий к национализации.

5. О необходимости реорганизации узкопрофессиональных союзов в производственные объединения трудящихся всех профессий одной отрасли промышленности, независимо от профессии и включая подсобных (чернорабочих) и разнорабочих.

Также на заседании было вынесено решение о ликвидации следующих профсоюзов: механиков и металлистов, судовых капитанов и механиков, приказчиков, официантов и др. Перечисленные профсоюзы необходимо было включить в новые производственные союзы.

Конференция выделила контрольную комиссию (коллегию) при Союзе Союзов для охраны всех материальных ценностей народного имущества на территории города, включая порт, железную дорогу, продовольственные склады, и для конфискации таковых.

В конце своего заседания конференция, в составе которой было значительное число большевиков, высказалась за национализацию предприятий, замену руководителей государственных учреждений, общественных городских организаций, а также предприятий частников сторонниками советской власти.

Что касается контрольной комиссии Союза Союзов, то эта комиссия (в дальнейшем — коллегия) несла круглосуточное дежурство в помещении Союза Союзов несколько месяцев в 1918 г. Отпуск товаров, материалов и продовольствия разрешался исключительно с письменного согласия членов контрольной коллегии. Вывоз товаров за пределы города был запрещен. Все склады, как частные, так и государственные, были опечатаны Союзом Союзов, и установлена вооруженная рабочая охрана. Таким образом удалось не допустить вывоза из города многих ценностей как на территорию, занятую белыми, так и за границу.

Борьба со спекуляцией, конфискация и изъятие ценностей входили в задачи контрольной комиссии, причем все ценности хранились в помещении Союза Союзов.

Необходимо учитывать, что Казначейство, Государственный банк и другие частные, государственные и городские организации саботировали работу и всячески противодействовали утверждению революционной власти в Новороссийске, особенно после провозглашения советской власти 23 ноября 1917 г. и избрания на 2-м съезде Советов Исполнительного комитета во главе с Абрамом Азарьевичем Рубиным, руководившим финансовым отделом. Все ценности, которыми располагал Союз Союзов, лишь в марте 1918 г. были сданы в Государственный банк — после смены правления Госбанка и назначения его директором Добровольского.

Несмотря на то что на 2-м съезде Советов 27 ноября 1918 г. начальником продовольственного отдела в составе Центрального Исполнительного комитета Черноморской губернии был избран Павел Николаевич Кириченко, злоупотребления и спекуляция продовольствием продолжали процветать, так как Кириченко перестал пользоваться доверием масс. В этой связи выдача продовольственных товаров столовым, магазинам, буфетам производилась с письменного разрешения контрольной комиссии Союза Союзов.

В марте 1918 г. после разгрома корниловцев, падения Екатеринодара и переизбрания Черноморского Центрального Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов была создана комиссия Опродкома в составе В. Лосева, Х.А. Скобликова и Сипливого (от контрольной комиссии). В дальнейшем Харитон Антонович Скобликов стал заведующим продовольственным отделом в Новороссийске и оставался в этой должности до захвата белыми Новороссийска в августе 1918 г.

Таким образом, именно Союз Союзов провел первую организационную работу по объединению рабочих в профсоюзы в Черноморской губернии и Кубанской области. Работа велась исключительно в направлении революционирования профсоюзов, которые сыграли большую роль в период Октябрьской революции и в установлении власти Советов в Новороссийске.

#### *Примечания*

1. ЛОБОК Д.В. Профсоюзы советской России в условиях новой экономической политики (1921—1928 гг.). — Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. № 4, с. 155—168.
2. Управление архива муниципального образования г. Новороссийск (УАМОН). Ф. Р-130, оп. 1, д. 12, л. 5—6.
3. Там же, д. 7, л. 7—8.
4. Там же, д. 3, л. 14—17.
5. АБРАМЯН С.К., ГОЛУБКИНА К.В. Межведомственное взаимодействие органов управления водным транспортом Российской Федерации. — Морские интеллектуальные технологии. 2019. № 1—2 (43), с. 82—85.
6. ЧЖУН В.Ч. Реорганизация советских профсоюзов в 1928—1931 гг. — Вопросы истории. 2018. № 8, с. 87—99.

# К вопросу о становлении приказной системы как органов централизованного управления в XIII в.

Н.С. Мигда

---

*Аннотация.* В статье определены этапы становления приказной системы в Московском государстве как постоянно функционирующих органов со сформированным составом и делопроизводством. Рассмотрены должностные лица, являющиеся штатными сотрудниками приказа. Проанализированы особенности делопроизводства, а также рассмотрения жалоб.

*Ключевые слова:* Московское государство, приказная система, жалоба, чети.

*Abstract.* The article defines the stages of formation of the order system in the Moscow state as permanently functioning bodies with a formed composition and office work. The officials who are regular employees of the order are considered. Analyzed the features of office work, as well as the consideration of complaints.

*Key words:* Moscow State, order system, complaint, cheti.

---

С исчезновением отдельных княжеств роль городов, таких как Новгород и Казань, усилилась. Но и в данном случае городской воевода назначался царем.

Относительно времени окончания формирования приказной системы существует несколько точек зрения. Некоторые авторы, среди которых А.А. Зимин, Н.В. Калачёв, склоняются к тому, что приказы сформировались в середине XVI в. Сторонники другой точки зрения, как, например, К.А. Неволин и К.Д. Кавелин, полагают, что это произошло лишь к концу XVI в. Они основываются на документе, в котором упоминается приказ Холопьяго суда. Работа приказов основывалась на правовых обычаях. Нормативно-правового акта, который регулировал бы деятельность центральных органов, на тот момент не существовало. Некоторые нормы содержались лишь в Соборном уложении 1649 г., но упоминания о при-

---

*Мигда Наталья Сергеевна* — доцент кафедры теории и истории государства и права Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (ГМУ имени адмирала Ф.Ф. Ушакова). E-mail: Natashachebanova90@gmail.com.

*Migda Natalya S.* — associate professor at the department of Theory and history of state and law, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education Admiral Ushakov Maritime State University. E-mail: Natashachebanova90@gmail.com.

---



казах встречались и раннее. Поэтому можно говорить о том, что деятельность приказов как органов управления не была урегулирована, более того, образование новых приказов проходило стихийно и было связано с проблемами и задачами государства. Законодательство, регулировавшее вопросы приказной системы, также было стихийным.

Как уже отмечалось, сам термин «приказ» изначально возник как поручение князя и только затем — как орган правления. Такой точки зрения придерживается М. А. Исаев. Это был централизованный орган со сформированным штатом сотрудников, которые работали в определенном месте и получали жалованье. Штат приказа состоял иногда из нескольких судей, которые принимали решение коллегиально, при наличии общего согласия по спорному вопросу.

При создании приказа имелась своя специфика. Так, в случае присоединения нового надела князь, правивший на этой территории, уезжал в Москву, и создавался приказ с новым штатом — такие территории именовались «дворец» по причине того, что территорией управлял дворецкий, которого назначал великий князь. Дворецкий формировал из своего окружения штат, который и входил в приказ<sup>1</sup>. Такой приказ носил характер территориального и именовался в соответствии с названием присоединенной к Московскому княжеству территории.

Необходимо уделить внимание мнению Ф. М. Дмитриева, который полагал, что Казанский, Новгородский и Сибирский приказы, в первую очередь на своей территории, создали приказы, носившие фискальный характер. Такие приказы на начальной стадии назывались чети и, по мнению историка, они намного старше приказов Большой Казны и Большого Прихода.

Чаще всего чети входили в территориальный приказ. Примером могут служить Сибирский приказ как территориальный и входившая в него Сибирская четь. Приказ Большой Казны являлся финансовым приказом, который также собирал налоги. В период становления приказной системы приказ Большой казны не собирал налоги со всего Московского государства, так как централизация управления не находилась на таком уровне, который позволил бы осуществлять подобную деятельность. Существует мнение, что каждый территориальный приказ собирал налоги с соответствующей территории и отсылал их в Москву<sup>2</sup>.

В дальнейшем роль четей возрастала. Приказ Большой Казны становился координирующим органом в области взимания налогов с территорий. По мнению М. Ф. Владирского-Буданова, чети исполняли ряд судебных функций, рассматривали гражданско-правовые вопросы<sup>3</sup>. В. О. Ключевский полагал, что понятие «четь» имеет иное значение, а именно — что речь идет о делении Боярской думы на четыре приказа: Разрядный, Посольский, Поместный и приказ Казанского Дворца, которые возглавляли думные дьяки<sup>4</sup>. Основным органом центрального управления являлась Боярская дума. Таким образом, еще одним спорным моментом является определение понятия «четь».

Существовали точки зрения, что четь не относится к органам централизации. Так, М. А. Исаев полагал, что четью (либо четвертью) называлась четверть поля, которую засеивали. Именно в этот период, а именно в XVI—XVII вв., в документах можно встретить понятие «четверть», ко-

торая равнялась 10 пудам ржи и являлась официальной единицей измерения земли. Но затем все чаще и чаще в качестве единицы измерения стала использоваться десятина.

Понятие «четверть» применялось в таможенной сфере.

В аспекте изучения публичных централизованных органов управления под четью понимался административный орган территориальной единицы. В документах XVII в. находятся подтверждения того, что деньги собирались областными четьми и отправлялись в центральную казну Московского государства, где находились на хранении. В этом контексте можно выделить следующие основные фискальные чети: Новгородская, Костромская, Галицкая, Устюжская и Владимирская, а также фискальные приказы: Казанский дворец и Сибирский приказ. Основной статьей расходов являлась военная статья, так как большая часть средств передавалась в военные приказы (Разрядный и Стрелецкий приказы).

Новгородская территориальная четь управляла и собирала налог с более 60 городов, которые ей подчинялись, Казанская — с 80, а Сибирский приказ — с 25 городов. Так как количество городов варьировалось, то и поступления в каждую территориальную четь были разные. Основными должностными лицами в четьях были дьяки. Местное самоуправление имело свое специфическое устройство. Некоторые авторы полагают, что чети выделялись из местных органов для осуществления специальных функций.

Особо значимыми приказами были: Стрелецкий приказ, приказ Сыскных дел, приказ Устюжской чети, Хлебный приказ, Счетный приказ, Пушкарский приказ, но всегда выделялись приказы, осуществлявшие финансовые функции. В XV—XVII вв. финансовая система органов управления Московского государства была очень сложной и структурированной. К середине XVII в., при Алексее Михайловиче, она была немного упрощена благодаря созданию Счетного приказа и его территориальных подразделений. Несмотря на это, в территориях функционировали чети, которые, как и прежде, занимались сбором налогов с соответствующей территории.

На данный момент терминологический вопрос о четьях все еще актуален, так как с помощью него можно рассмотреть всю многогранную и сложную приказную систему того периода. Более того, в некоторых источниках указывается, что при Иване III функционировали «трети»<sup>5</sup>. Выделенные изначально в территориальных приказах, чети ведали исключительно вопросами сбора налогов, а в дальнейшем стали специальными приказами, осуществлявшими функции по сбору налогов на определенной территории. Данные приказы стали самостоятельными органами, подчинявшимися исключительно Москве и являвшимися ее территориальными фискальными подразделениями на соответствующих территориях.

Развитие приказной системы носило противоречивый и сложный характер. Например, по мнению К. А. Неволлина, в некоторых землях существовали и центральное правление, и местное управление<sup>6</sup>. Автор считает, что крупные города, такие как Новгород и Псков, изначально имели территориальное управление в виде приказов, но они управляли самостоятельно территорией, а по мере укрепления центральной власти Москвы

территориальные приказы стали подчиняться центру<sup>7</sup>. Некоторые функции территориальных приказов передавались в ведение центральных органов, находившихся в Москве<sup>8</sup>.

Чаще всего применялась следующая схема. Создавались территориальные приказы, затем в составе территориального приказа формировался специальный орган, ведавший фискальными вопросами, то есть четь, которая в дальнейшем становилась самостоятельным органом, подчинявшимся Москве, тем самым забирая большинство полномочий у территориального приказа<sup>9</sup>.

Одни авторы считают конец XV в. временем создания приказов как органов централизованного управления<sup>10</sup>. Другие полагают, что к тому времени уже были сформированы Посольский и Разрядный приказы. Среди таких авторов можно назвать Н.И. Костомарова. Н.П. Загоскин считает, что должность дьяка уже существовала и была в каждом приказе основной штатной должностью. В Судебнике 1497 г. упоминаются и приказы, и новые должностные лица — дьяки<sup>11</sup>.

Если говорить об окончании формирования приказной системы, то речь может идти об организации порядка создания и функционирования приказов как постоянных органов с постоянным штатом, а не стихийного появления одного или двух из них<sup>12</sup>. Таким периодом явился конец XVI в. Одновременно с организационными задачами приказы выполняли и судебные функции для конкретных территорий, на которых они функционировали. Также приказы рассматривали подведомственные им дела: например, Иноземный приказ рассматривал дела иностранных граждан, Стрелецкий — вопросы в отношении стрельцов, и т. д.<sup>13</sup> Сами дьяки, как должностные лица, решали спорные дела в судебном порядке в Челобитном приказе. Приказ возглавлял судья, который назначался Боярской думой. В составе приказа были «столы», которые подразделялись на «повытья».

Приказы финансировались государством, каждый приказ имел свой баланс, деньги из одного учреждения в другое не переводились. Каждый приказ вел свое делопроизводство, которое фиксировалось в соответствующих грамотах. Все дела записывались в книги приказа. Штат приказа, как уже упоминалось, был сформирован: его возглавлял судья, дьяки и помощники дьяков — подьячие. В конце XV в. можно говорить об устоявшейся процедуре делопроизводства в приказе. Так, при составлении документа либо ответа на просьбу или жалобу гражданина дьяк писал грамоту, скручивал ее и на местах, где находились стыки листов, выводил буквы таким образом, чтобы они попадали на две стороны. Это помогало избежать подделки грамоты. Князь мог устраивать проверки приказам, ревизии. В каждом приказе существовала книга регистрации дел.

#### *Примечания*

1. КАШТАНОВ С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М. 1967, с. 43.

2. КУЧКИН В.А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси и послемонгольский период (до конца XIII века). — Вопросы географии: Сб. трудов. М. 1970. № 83, с. 110—111.
3. КРИВОШЕЕВ Ю.В. Русь и Золотая Орда. В кн.: Россия и степной мир Евразии. СПб. 2006, с. 16—187.
4. САДИКОВ П.А. Очерки по истории опричнины. М. — Л. 1950, с. 213—218.
5. ГРИБОВСКИЙ В.М. Государственное устройство и управление Российской империи. В кн.: Записки Юридического факультета Новороссийского университета. Вып. IV. Одесса. 1911, с. 8—9.
6. ЗИМИН А.А. О сложении приказной системы на Руси: Доклады и сообщения института истории. М. 1954. № 3, с. 166—168.
7. ПЕТРОВ К.В. Приказная система управления в России в конце XV—XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб. 2000, с. 19.
8. ВАРЕНЦОВА Л.Ю. «Великих государей Белозерский рыбный двор» в системе дворцового хозяйства России XVII в. — Вопросы истории. 2021. № 1, с. 86—93.
9. ГРАДОВСКИЙ А.Д. Начала русского государственного права. СПб. 1907, ч. 1.
10. ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М.Ф. Обзор истории русского права. Киев. 1905, с. 126.
11. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Боярская Дума Древней Руси. СПб. 1903, с. 408.
12. МИЛЮКОВ П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти 17 столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905, с. 62—66.
13. ВАРЕНЦОВА Л.Ю. Новгородский Дворцовый приказ в системе управления царскими землями Российского государства в XVII в. — Вопросы истории. 2020. № 7, с. 191—199.

## Основные этапы развития торговых связей Волжской Булгарии и финно-угров в период Средневековья (VIII — начало XV в.)

Р.М. Валеев

---

*Аннотация.* В статье рассмотрены основные этапы формировавшихся торговых контактов между булгарами и финно-уграми в VIII — начале XV в. На эти связи активно воздействовали военно-политические события периода Средневековья. Существование Волжской Булгарии, Руси, «торговая война» Булгара с Русью в конце XI — начале XIII в., монгольское нашествие, периоды централизации и «замятни» в XIV — начале XV в. — все это влияло на переориентацию торговли, поиск новых рынков сбыта товаров и форм взаимодействия.

*Ключевые слова:* Волжская Булгария, Русь, финно-угры, торговля.

*Abstract.* The article examines the key stages of the forming trade contacts between Volga Bulgarians and Finno-Ugrians in 8<sup>th</sup> — early 15<sup>th</sup> centuries. These ties were actively influenced by the military and political events of the Middle Ages, the existence of Volga Bulgaria, Rus and the “trade war” between them at the end of the 11<sup>th</sup> — the beginning of the 13<sup>th</sup> centuries, the Mongol invasion, periods of centralization and “great troubles” in the Golden Horde in the 14<sup>th</sup> — 15<sup>th</sup> centuries — all of this influenced the reorientation of trade, the search for new markets for goods and new forms of interaction.

*Key words:* Volga Bulgaria, Rus, Finno-Ugrians, trade.

---

Средневековая история Волго-Уралья, развитие торговли в Волжской Булгарии и на территории северо-востока Европы, населенной в то время преимущественно булгарами и финно-уграми, как составной части экономики и социальной структуры, ее активность и спады в различные периоды, направленность связей отражают как внутренние потребности общества, так и историческую ситуацию, в которой формировались и развивались социумы. Особенно ярко это проявлялось во время изменения

---

*Валеев Рафаэль Миргасимович* — доктор исторических наук, профессор заместитель директора по научной деятельности Института международных отношений Казанского (Поволжского) федерального университета. E-mail: valeev\_rm@inbox.ru.

*Valeev Rafael M.* — PhD (History), professor, vice-director of the Institute of International Relations Kazan University. E-mail: valeev\_rm@inbox.ru.

---

социально-экономического устройства болгарского общества — при переходе от раннеболгарского этапа к домонгольскому в VIII — начале X в., а затем к золотоордынскому — после монгольского нашествия 1236 г., в 40-е гг. XIII — начале XV в.

Весьма важным направлением развития внутренних экономических отношений Болгарии была торговля с ближними и дальними соседями — огромным финно-угорским миром, окружавшим ее. Не всегда эти отношения носили характер торговых связей. Археологические материалы и письменные источники позволяют уверенно говорить об этнических взаимопроникновениях, военных набегах и походах, в которые были втянуты различные местные племена и болгары. Они находились на различных стадиях социально-экономического и политического развития, а это сказывалось на их взаимосвязях, в том числе торговых.

Не следует забывать и об уровне развития самого Болгарского государства. Одно дело — торговые связи на этапе становления болгарского общества, другое — на этапах сложившихся феодальных отношений и вхождения этих народов вместе с болгарями в состав улуса Джучи. Учитывая этнические взаимопроникновения, политическое и экономическое влияние Волжской Болгарии, а затем Золотой Орды на некоторую часть финно-угров, а также то, что сложившееся болгарское ремесло само обеспечивало себе огромный рынок сбыта изделий на этой территории, экономические связи с соседями, а затем и межрегиональные в рамках Золотой Орды мы относим к категории торговли вначале Болгарского государства, а затем населения Болгарского региона улуса Джучи. Более того, в целях усиления притягательности и удовлетворения потребительского спроса болгарские ремесленники изготавливали изделия по образцам своих соседей.

В торговых отношениях между болгарями и финно-уграми, окружавшими их с севера, востока и запада, выделяются четыре этапа. Уже в первый — раннеболгарский, преимущественно языческий, кочевнический период (конец VIII — первая четверть X в.) в страну проникают большие массы финно-угорского населения с преобладанием угров Урала и Прикамья<sup>1</sup>. Археологически локализованы места обитания полумсколомоватовского, неволинского и кушнаренковского населения в данном регионе<sup>2</sup>. На этом этапе говорить о торговле не приходится, но достаточно развитый обмен между этими племенами, включавший также товары внешней торговли, уже существовал. Это подтверждается найденными в языческих могильниках Волго-Камья и Урала предметами (шелк, восточное серебро, культовые подвески, коньковые кресала, коньковые подвески, монеты, серебряные изделия, предметы вооружения, женские нагрудные и поясные подвески и др.)<sup>3</sup> Взаимодействие этих племен на этапе формирования Волжской Болгарии заложило основы для дальнейшей широкой торговли.

Второй этап охватывает время с середины X до 80-х гг. XI в., когда Волжская Болгария, по образному выражению Е.П. Казакова, стала «ремесленным цехом» обширного восточноевропейского региона. Мастера конкурировавших ремесленных школ нуждались в рынке сбыта своих изделий. Устанавливались более тесные отношения с финно-угорским миром. В результате в Болгарском государстве появились новые группы

угров и финнов<sup>4</sup>. Большая часть ремесленных изделий булгар по рекам Волге, Оке, Каме, Вятке в обмен на продукты охоты, лесных промыслов (пушнина, воск, мед и др.), рыболовства уходила в земли угров и финнов, где четко определились районы концентрации булгарских товаров. На Верхней Каме это район позднеломатовской (и заменившей ее родановской) культуры, на Чепце — чепецкой культуры, на Волге и Оке — районы памятников Марийского Поволжья и Мордовии. По образцам изделий приуральских угров мастера наладили производство коньковых кресал, шумящих подвесок, поясных сумочек и т.д., которые также экспортировались в земли финнов<sup>5</sup>.

Один из этапов домонгольского периода, названный Е.П. Казаковым «измерским» (60-е гг. X—XI в.), тесно увязывается с переселением в Среднее Поволжье из Азово-Прикубанского региона гибнувшей Хазарии нового поколения булгар — мусульманизированного населения с глубокими ремесленными и земледельческими знаниями. По его мнению, было две волны миграции. Вторая волна не дошла до Волги и осела в Верхне-Сурском крае, землях мордвы, принеся сюда такие элементы культуры, как круговая керамика постантичных традиций, земледелие, ремесло. Подобные комплексы в Пензенском крае датируются в основном XI в.<sup>6</sup>

В археологических материалах найден целый набор предметов помской (V—IX вв.) и чепецкой культур (IX—XIV вв.), которые позволяют уверенно говорить о торговых связях волжских булгар с их населением. Связи эти были выгодны обеим сторонам, хотя интересы торговли и стремление получить прибыль требовали от булгарских купцов определенной оборотистости. В связи с этим интересно сопоставление слова «белка» в татарском и ряде финно-угорских языков. По замечанию А.Х. Халикова, в марийском, мордовском, коми-зырянском и коми-пермяцком языках слово «ур» одновременно означает и мелкую денежную единицу — копейку, и пушного зверька — белку. Но если в татарском и, очевидно, в булгарском языках одна копейка была эквивалентна одной белке (бер тиен), то в марийском — трем белкам («куим ур»), две копейки — семи белкам («шомыр»), а три копейки — 10 белкам («лур»). Это обстоятельство свидетельствует о спекулятивном характере торговли булгарских купцов с местными финноязычными народами<sup>7</sup>. В удмуртском языке слово белка (коньи) также имело второе значение — копейка, а деньги назывались «коньдон» и обозначали стоимость белки. По свидетельству некоторых исследователей, в отдельных удмуртских деревнях еще в начале XIX в. денежные меры приравнивались к определенному количеству белок<sup>8</sup>.

Об активных торговых связях булгар и предков удмуртов свидетельствует лингвистический материал. Так, В.И. Лыткин описывает от 30 до 400 заимствований булгарской лексики в удмуртском языке<sup>9</sup>.

Как видим, в этих языках белка обозначается словами «ур», «коньи» и означает денежную единицу. В районах Среднего Поволжья, Прикамья и Урала, где леса составляли большую часть территории, мех куницы, соболя, белки и других пушных зверей был одним из основных средств обмена, поэтому являлся эквивалентом денег в торговле. Единообразие терминов говорит о том, что эта система формировалась в одно и то же

время, а народы находились в тесных торговых и экономических взаимоотношениях.

Важными приметами этого этапа являются подъем ремесленных производств, внутренней торговли, активное развитие торговли с финно-уграми, образование административных единиц на границах государства, возглавляемых болгарскими наместниками, собиравшими с местного населения харадж, а также начало формирования бесермян, чуваш арских, чуваш-суаслы мари (чувашских мариЙцев)<sup>10</sup>. Торговля с финно-уграми осуществлялась без таможенных преград. По сути, существовало единое экономическое пространство, что во многом способствовало расцвету торговли.

Начало третьего этапа связано с событиями 1088 г., когда на Волге и Оке были ограблены и убиты болгарские купцы и, как пишет Е. П. Казаков, началась «торговая война» с Русью, вследствие чего болгары потеряли значительную часть торгового пути на Верхнюю Волгу. Менялось население. На Вычегде появились памятники вычегодской, на Верхней Каме — родановской, на Чепце — чепецкой культур, оставленные пермскими финнами. Болгарские купцы активизировали торговлю на Каме. В результате на Верхней Каме и Чепце возникли поселения болгар со своим ремесленным производством и товарами<sup>11</sup>. Большое количество болгарских изделий оказалось на святилищах Приполярного Урала<sup>12</sup>. На этом этапе торговые отношения осложнялись политическими причинами, связанными с укреплением Владимиро-Суздальской Руси и Новгорода. Третий этап завершился монгольским нашествием на Булгарию и Русь в 1236—1240 гг.

Четвертый этап взаимодействия болгар и финно-угров происходил в рамках Золотой Орды. В Поволжье и Приуралье болгары тесно контактировали с восточными угорскими соседями — носителями чияликской культуры, названной Плано Карпини «страной Баскарт» (*Magna Hungaria*)<sup>13</sup>. Именно здесь часто встречаются ювелирные изделия болгар со сканью, зернью, джучидские монеты. Население постепенно тюркизировалось и принимало мусульманство. Взаимодействие на этом этапе осуществлялось с пермскими финнами Прикамья и мордвой<sup>14</sup>. В Среднем Поволжье в XIV в. одновременно с Булгаром появился новый экономический центр, связанный с усилением Мохшинского (Наровчатского) образования, и на этой территории началось широкое денежное обращение<sup>15</sup>.

Можно говорить о нескольких территориальных направлениях болгарской торговли с финно-уграми — северном, северо-восточном, северо-западном, западном и особо выделить народы, жившие севернее и северо-восточнее Волжской Булгарии (Камско-Вятский, Печорско-Вычегодский регионы, Приуралье и Зауралье), археологически выявленные в памятниках чепецкой, родановской, чияликской и др. культур.

Интерес болгарских купцов к Верхнему Прикамью, Приуралью и Зауралью был вызван в первую очередь пушниной, которая в обмен на предметы восточного импорта и изделия болгарского производства уходила на Восток. Поэтому эта территория была важной для сбыта болгарских товаров. Болгары организовали здесь производство украшений по прикамско-приуральским образцам, которые с удовольствием приобретались мест-



ным населением. Экономические интересы заставляли болгарских купцов распространять среди арабских торговцев и путешественников такие сведения о народах Севера, которые были им выгодны и помогали держать в своих руках торговую гегемонию над этими народами.

Когда же произошло становление связей Булгарии с ними? Б.Н. Заходер на основе анализа арабо-персидских источников подчеркивает, что сведения о Севере попали в Свод до Ибн Фадлана и уже в начале X в. имели по крайней мере две или три редакции. Наиболее существенным источником сведений о Севере для восточной географии, несомненно, был Булгар, имевший глубокие и постоянные связи с северными народами<sup>16</sup>.

Развитию межрегиональной торговли в Поволжье, Прикамье и на Урале активно способствовало наличие водных и сухопутных путей, о которых сообщают восточные источники и русские летописи. Великий Волжский, Камский, Окский, Вятский торговые пути интенсивно функционировали в весенне-летний и осенний периоды. По находкам изделий четко выявляются восточный путь, шедший на Верхнюю Каму и затем по притокам переходивший на Печору и Северную Двину, а также западный — на Верхнюю Волгу до оз. Белое, через притоки — на оз. Кубенское и через него по Сухоне — на Северную Двину<sup>17</sup>. Камский торговый путь соединял не только с Предуральем, но и Зауральем, Западной и Южной Сибирью<sup>18</sup>.

Ибн-Фадлан, ал-Гарнати, Ибн-Баттута, авторы X—XIV вв., побывавшие на территории Среднего Поволжья, сообщают о существовании сухопутных путей, в том числе в зимний период.

Итак, в X — начале XV в. велась активная межрегиональная торговля Среднего Поволжья с различными территориями и финно-угорскими народами. На эти связи оказывали давление военно-политические события периода Средневековья — существование самостоятельных государств Волжской Булгарии, русских княжеств, «торговая война» с Русью в конце XI—XIII в., монгольское нашествие и вхождение этих земель в состав улуса Джучи, периоды централизации и «замятни» в XIV — начале XV в. Все это влияло на переориентацию торговли, поиск новых рынков сбыта товаров и форм взаимодействия. В X — начале XII в. более активной была торговля с Верхним, Марийским Поволжьем и мордовскими землями. В XI—XIII вв. усилилось взаимодействие с населением, принадлежавшим к чепецкой, родановской, постпетрогромской культурам, во второй половине XIII — начале XV в. — чияликской культуре, жителями Зауралья и Западной Сибири.

#### *Примечания*

1. КАЗАКОВ Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. Этапы этно-культурной истории). М. 1992.
2. ЕГО ЖЕ. Волжская Булгария и финно-угорский мир. — *Finno-Ugrica*. 1997. № 1, с. 33—53.
3. ВАЛЕЕВ Р.М. Развитие торговли Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья: Основные тенденции и закономерности развития торговли и денежно-весовых систем Волжской Булгарии и Золотой Орды. Саарбрюккен. 2012.

4. КАЗАКОВ Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань. 2007, с. 51—59, 74—79, 98.
5. Там же, с. 99.
6. Там же, с. 97—98.
7. ХАЛИКОВ А. Х. Культура народов Среднего Поволжья в средние века. — Вопросы истории. 1976. № 4, с. 104.
8. ИВАНОВА М. Г. Экономические связи северных удмуртов со странами Востока в конце I — начале II тыс. н. э. В кн.: Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа. 1976, с. 53—54.
9. ЛЫТКИН В. Н. О древнетюрских элементах в лексике пермских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4. Ижевск. 1967, с. 131—148.
10. КАЗАКОВ Е. П. Волжские болгары, угры и финны..., с. 99—101.
11. БЕЛАВИН А. М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и культурных связях. Пермь. 2000, с. 45—58; ИВАНОВА М. Г. Иднакар — древнеудмуртское городище IX—XIII вв. Ижевск. 1998, с. 208—209.
12. КАЗАКОВ Е. П. Волжская Болгария и Северо-Восток Европы в IX—XIII веках. В кн.: Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров. 1999, с. 101—103.
13. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н. П. Шастиной. М. 1957, с. 47—48.
14. КАЗАКОВ Е. П. Волжские болгары, угры, финны ..., с. 59—65, 102—103; БЕЛОРЫБКИН Г. Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза. 2003, с. 97, 166.
15. ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М. 2003, с. 143—148, 151—160.
16. ЗАХОДЕР Б. Н. Каспийский свод сведений и Восточной Европе. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. Т. 2. М. 1967, с. 59.
17. КАЗАКОВ Е. П. Волжские болгары, угры, финны..., с. 89.
18. БЕЛАВИН А. М. Ук. соч., с. 200.

# ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

---

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi17  
ББК 63.3(2РСев) / УДК 908(470.65)

## Георгий Александрович Кокиев: между логикой времени и внутренним нравственным законом

И. Т. Цориева

---

*Аннотация.* В публикации на примере жизни и деятельности кавказоведа, историка, этнографа Георгия Александровича Кокиева рассматриваются взаимоотношения государства и ученого, при которых логика времени, политической прагматики входит в противоречие с нравственными законами, исповедуемыми отдельной личностью. Творческая биография Кокиева сложилась в 1920—1940-е гг. при доминировании в исторической науке школы М. Н. Покровского, что существенно повлияло на его научное мировоззрение. В своей деятельности политическую и гражданскую преданность государству ученый отождествлял с правом на свободу мысли, самостоятельность научного поиска, отвергая подозрения в нелояльности.

*Ключевые слова:* кавказоведение, осетиноведение, кабардиноведение, история и культура кавказских народов, ученый-кавказовед, Г. А. Кокиев.

*Abstract.* On the example of the life and work of the Caucasian-historian, ethnographer Kokiev Georgy Aleksandrovich it is examined the relationship between the state and the scientist, in which the logic of time and political pragmatics comes into conflict with the moral laws that are professed by an individual. The creative biography of Kokiev took shape in the 1920s — 1940s with the dominance of the school of M. N. Pokrovsky, which significantly influenced his scientific outlook. The scientist identified political and civic loyalty to the state with the right to freedom of thought, independence of scientific research, rejecting suspicions of disloyalty.

*Key words:* Caucasian studies, Ossetian studies, Kabardian studies, history and culture of the Caucasian peoples, Caucasian scientist, G. A. Kokiev.

---

В активно развивающихся обществах, характерным свойством которых является оживленный поиск политической, культурной, конфессиональной и иных идентичностей, важное место занимают люди, чья жизненная позиция, внутренний нравственный закон созвучны надеждам и тревогам общества. Зачастую только спустя годы или даже де-

---

*Цориева Инга Тотразовна* — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН. E-mail: tsorin@mail.ru.

*Tsorieva Inga T.* — doctor of historical sciences, associate professor, leading researcher at the V. I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS. E-mail: tsorin@mail.ru.

---

сятилетия приходит осознание значимости судеб людей, ставших знаковыми выразителями времени.

Жизнь и деятельность Георгия Александровича Кокиева — ученого-кавказоведа, историка, этнографа, труды которого входят в историографическое кавказоведение 1920—1940-х гг., являются примером связи времени и личности. Его биография на фоне формирования политического авторитаризма, режима личной власти и утверждения в исторической науке школы М. Н. Покровского заслуживает сегодня внимательного изучения. В контексте воспитания культуры отношений власти и науки судьба Кокиева обращает нас к анализу пределов свободы творческого самовыражения, норм гражданственности, отношения к научной конъюнктуре и к ее последствиям в условиях политической несвободы.

По своему происхождению Г. А. Кокиев, как и многие деятели осетинской культуры рубежа XIX—XX вв., принадлежал к слою народной интеллигенции, которая на рубеже столетий дала немало замечательных деятелей и подвижников национальной осетинской культуры. Он родился 4 апреля 1896 г. в с. Христиановском Владикавказского округа Терской области (ныне г. Дигора Республики Северная Осетия — Алания). Отец Кокиева был уважаемым человеком, знатоком осетинского фольклора, известным народным сказителем. Он поощрял рано проявившиеся в сыне способности и его стремление к знаниям. Георгий окончил церковно-приходскую школу в родном селе. Несмотря на большое желание продолжить учебу, поступить в гимназию в силу разных, в том числе материальных, обстоятельств он не смог <sup>1</sup>.

Большую роль в судьбе юноши сыграл видный общественный деятель, учитель Харитон Уруймагов, который обратил внимание на развитого и серьезного ученика. При его моральной и материальной поддержке Георгий упорно занимался самообразованием. Дважды, в 1913 и 1915 гг., держал экзамен в училище при Ардонской Александровской духовной семинарии на звание учителя народных училищ. Успешно пройти испытания удалось со второй попытки. После этого в течение нескольких лет он учительствовал в Балкарии, а затем — в селах Северной Осетии <sup>2</sup>.

Однако Георгия не покидало желание учиться дальше. В 1920 г. по направлению Терского Областного отдела народного образования он был принят на исторический факультет Московского археологического института. В годы учебы и после окончания института в 1923 г. работал учителем в школах Краснопресненского района г. Москвы. В январе 1926 г. поступил в аспирантуру НИИ этнических и национальных культур народов Востока в Москве по специальности «История и этнография». После успешного окончания аспирантуры и защиты диссертации Кокиев был принят в тот же институт на должность старшего научного сотрудника <sup>3</sup>.

В 1931 г. Георгия Александровича пригласили читать курс лекций по истории народов Кавказа в МГУ и Московский институт истории, философии и литературы. Одновременно он работал в Музее народов СССР. С середины 1920-х до начала 1930-х гг. опубликовал ряд работ по проблемам социально-экономической, политической истории, материальной и духовной культуры народов Кавказа <sup>4</sup>. Высокая оценка

этих работ профессиональным сообществом послужила для руководства Северо-Осетинского НИИ основанием ходатайствовать о представлении Кокиева к званию профессора, которого он был удостоен в 1934 г. <sup>5</sup>

Во время войны вместе с другими сотрудниками МГУ Георгий Александрович находился в эвакуации в г. Алма-Ате, где возглавил кафедру истории народов СССР Казахского пединститута. По возвращении в Москву в 1943 г. некоторое время работал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. В 1947 г. был принят старшим научным сотрудником в сектор этнографии Кавказа Института этнографии АН СССР, где участвовал в разработке двух тем. Первая — «Аланы на Северном Кавказе», рассматриваемая им в контексте этногенеза горских народов, вторая — «Кабардинские поселения XVI—XVIII вв.». Обе темы изучались на основе большого круга археологических, историко-архивных и этнографических данных <sup>6</sup>. Одновременно ученый продолжал преподавать на историческом факультете МГУ. В отмеченные годы многие разделы по истории Кавказ в вузовских учебниках по истории СССР были написаны Кокиевым.

Георгий Александрович никогда не порывал связей с «малой родиной». Заинтересованное участие в общественной и культурной жизни Осетии и Кабардино-Балкарии снискали ему большой авторитет и уважение. В 1920—1930-е гг. профессиональные научно-образовательные учреждения и научно-педагогические кадры в национальных регионах только формировались. В этих условиях талант ученого и педагога, его организаторские качества были чрезвычайно востребованы. Он работал по совместительству в республиканских научно-исследовательских институтах, проводил научные изыскания, вел интенсивный поиск и выборку исторических источников, организовывал и выступал с докладами на научных совещаниях и конференциях по различным проблемам истории и культуры народов Кавказа, читал лекции, руководил аспирантами. В 1939 г. Кокиев защитил докторскую диссертацию по теме «Крестьянская реформа 1867 года в Северной Осетии». Это еще более укрепило его позиции как ведущего специалиста в области осетиноведения и кабардиноведения. С 1940 г. по приглашению Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Георгий Александрович возглавлял в Северо-Осетинском НИИ работу по написанию «Истории Осетии» с древнейших времен до современности. В апреле 1944 г. он был назначен заместителем директора Кабардино-Балкарского НИИ по научной части, с марта 1946 по апрель 1949 г. являлся заведующим сектором истории этого института <sup>7</sup>.

Как видим, налицо успех человека из отдаленной национальной окраины бывшей Российской империи, сумевшего достичь высот научной и педагогической карьеры, работавшего в главном вузе и ведущих научных учреждениях страны. Однако такой поверхностный взгляд на биографию Кокиева никоим образом не объясняет причин его ареста в ночь с 14 на 15 апреля 1949 г. по обвинению в антисоветской деятельности и подрывной работе по развалу советской науки <sup>8</sup>. И определенно не передает драматизма судьбы ученого, вошедшего в конфликт с логикой времени, в которое ему довелось жить.

И здесь стоит вернуться к годам обучения Кокиева в аспирантуре, которые совпали по времени с утверждением в советской исторической науке школы М.Н. Покровского, что, без сомнения, повлияло на формирование научного мировоззрения молодого ученого. Приверженность концептуальным построениям Покровского в полной мере проявилась в его первой крупной научной работе — «Очерках по истории Осетии»<sup>9</sup>. Как справедливо замечает Ю.Д. Анчабадзе, «пренебрежение апробированными канонами видно уже в нарочитом отрицании принципа хронологической последовательности описания исторической действительности»<sup>10</sup>. Более основательно Кокиев подходил к анализу социально-экономических вопросов, хотя и здесь специалисты отмечают упрощенную трактовку многих важных проблем (например, объяснение возникновения привилегированного слоя у осетин как результат абречества)<sup>11</sup>.

Тем не менее в оценке изучаемых явлений и событий уже в первых работах молодой ученый обнаружил глубокое знание историографии и истории Кавказа, владение методикой работы с источниками и умение делать широкие научные обобщения<sup>12</sup>.

Изучение истории и историографии народов Центрального Кавказа, их социального строя, быта, обычаев, народных движений продолжилось и в последующие годы<sup>13</sup>. Кокиев первым в осетиноведении провел анализ и дал оценку этнографическим трудам С.А. Туккаева и С.В. Кокиева, основательно исследовал творчество кабардинского ученого и просветителя Шоры Ногмова<sup>14</sup>.

В трудах ученого разрабатывались проблемы социальных отношений в Кабарде и Осетии<sup>15</sup>. На основе глубокого анализа документальных источников он доказал наличие у кабардинцев и осетин феодальной собственности на землю, вскрыл особенности феодального землепользования, рассмотрел систему сословных статусов и классовой структуры общества. Характеризуя, в частности, структуру кабардинского феодального общества, на вершине иерархической системы социального устройства которого находились *пши* — представители родовитейших княжеских фамилий, а в основании — различные категории зависимого и полузависимого населения, исследователь отмечал ее более высокий уровень сложности по сравнению с феодальным строем Осетии<sup>16</sup>.

Сохранил научную значимость его историко-этнографический анализ распространенного у феодализованных горских народов Кавказа обычая аталычества. Отвергнув бытовавшие «наивные и малообоснованные», по замечанию Ю.Д. Анчабадзе, объяснения происхождения сущности обычая, он сосредоточился на социальных аспектах его функционирования, считая, что обычай служил средством установления сюзеренно-вассальных отношений. Сегодня именно эта точка зрения становится преобладающей во взглядах специалистов на социальные основы аталычества<sup>17</sup>. В целом Кокиев был решительным сторонником точки зрения о существовании феодальной стадии развития народов Центрального Кавказа.

В публикуемых работах исследователь обнаруживал свой творческий темперамент, демонстрировал непримиримое отношение к «уста-

релой», по его мнению, методологической базе; проповедовал концептуальные воззрения революционного времени, которые усматривали «основное содержание социального процесса в экономических движениях эпохи, в саморазвитии угнетенных классов и их борьбе за свое социальное освобождение»<sup>18</sup>. Будучи сторонником школы Покровского, Георгий Александрович распространял трактовку советской исторической науки на изучаемые темы истории прошлого кавказских народов. Проще говоря, вся многовековая история Кавказа прослеживалась им через призму классовой борьбы и партийности.

Доминирование подобной концепции в трудах Кокиева влияло на их научную ценность. В то же время сегодня мы можем отметить, что энергия автора в выявлении, обработке и публикации документальных материалов, стремление поднять новые пласты духовной и материальной культуры горских народов способствовали активизации исследовательской деятельности в регионе, что было весьма актуально в контексте поставленной в конце 1930-х гг. перед советскими учеными-гуманитариями задачи написания историй народов страны.

В 1940 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) принял решение о создании «Истории Северной Осетии». Кокиеву предложили возглавить авторский коллектив. В марте 1940 г. он приступил к своим обязанностям. Однако вскоре в официальной трактовке революционных событий на Тереке, в частности, касающихся социально-политической природы партии «Кермен», Георгий Александрович усмотрел неприемлемые, с его точки зрения, искажения исторической правды. Опираясь на авторитет С.М. Кирова, он пытался доказать большевистский характер партии в противовес официально принятому определению ее как мелкобуржуазной и националистической, большинство членов которой к тому времени уже были репрессированы.

Позиция ученого подверглась жесткой критике со стороны власти. В октябре 1940 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) постановил освободить профессора Кокиева от руководства группой по написанию истории Осетии «в связи с наличием на него компрометирующего материала и как не обеспечившего руководства работой бригады»<sup>19</sup>.

Далее последовала кампания по дискредитации имени ученого в научных и общественных кругах, в которой приняла участие газета «Социалистическая Осетия» — орган Северо-Осетинского обкома ВКП(б), опубликовавшая 12 апреля 1941 г. статью «Темные дела профессора Кокиева» за подписью некоего Н. Погребенко. В ней Георгий Александрович предстал в образе «белогвардейского писаки», «темного дельца, жулика и проходимца», а также фальсификатора истории, стремящегося «вызвать распрю между народами братских социалистических областей Северного Кавказа». Его обвинили и в том, что он якобы обелял осетинских алдар и называл их защитниками и руководителями народных восстаний против царского самодержавия.

Предположить последствия подобных обвинений для того времени несложно. Но начавшаяся война отсрочила трагическую развязку. Более того, по итогам научно-педагогической работы в годы войны правительство наградило Кокиева орденом «Знак почета» и медалью «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне».

В июне 1947 г. по решению Северо-Осетинского обкома ВКП(б) был создан Правительственный комитет, который возобновил работу по написанию «Истории Осетии...». Авторский коллектив (в него вошли ученые Б. Скитский, М. Тотоев, А. Джанаев, Л. Семёнов, В. Гальцев и др.) республиканские власти вновь предложили возглавить Кокиеву. Издание планировалось в двух томах. Хронологически первый том охватывал период с древнейших времен до Октября 1917 г., второй представлял историю советского периода.

С присущей ему энергией Кокиев взялся за дело. Работа, как он осознавал, предстояла сложная: «белых пятен» в истории Осетии было много. Однако и вполне, казалось, разработанные темы вызвали серьезные вопросы в связи с существенным изменением идеологических акцентов в трактовке истории народов СССР. Согласно новой официально принятой в отечественной историографии концепции истории дореволюционной России, она перестала рассматриваться как «тюрьма народов». Из научного обращения изымался термин «завоевание», заменявшийся на «добровольное присоединение», а все массовые национальные движения, рассматривавшиеся в тесной взаимосвязи с этим вопросом и еще вчера считавшиеся прогрессивными, воспринимались уже как угроза государственности и расценивались как реакционные и националистические.

В итоге новая интерпретация дореволюционной истории Северной Осетии в ходе ее написания оказалась чревата расширением конфликтных зон между учеными и властью, борьбой между политическим заказом и научным предложением.

Следует подчеркнуть, что к этому времени Георгий Александрович Кокиев обладал репутацией сформировавшегося, зрелого ученого, авторитетного в научных и педагогических кругах. Он также пользовался большой популярностью в качестве лектора, популяризатора науки среди своих соотечественников. Велико было его признание у молодежи, студенчества, интересовавшегося национальной историей и культурой. Возможно, поэтому, а также в силу определенных личностных качеств он недостаточно учитывал «предупредительные сигналы», подаваемые время от времени властью. Ученый остался на прежних научных позициях, продолжая считать массовые народные движения национально-освободительными и антиколониальными. Признавая прогрессивный характер присоединения Осетии к России, он в то же время указывал на неправомочность новой теории о добровольном характере этого шага. Он утверждал, что подобная теория «возникла вопреки исторической правде в конъюнктурных условиях сегодняшнего дня», и ссылаясь на карательные походы Ф. Ф. Симоновича, К. Ф. Кнорринга, А. П. Ермолова, И. Н. Абхазова, П. Д. Цицианова в Северной и Южной Осетии <sup>20</sup>.

Дважды, в феврале и в мае 1948 г., Кокиев напрямую обращался в Северо-Осетинский обком партии по этому вопросу. Он писал, что «как-то даже неудобно давно известную истину превращать в проблему и делать ее предметом научной дискуссии» <sup>21</sup>. Свидетельством научной честности и искренности, идейной убежденности Георгия Александровича служит и одно из последних его заявлений, в котором он подчеркивал: «Я, как советский ученый, считал и считаю себя ответственным за



чистоту марксистско-ленинских идей в разрешении вопросов истории горских народов, являющейся моей узкой специальностью»<sup>22</sup>.

Официального ответа на его обращения не последовало, но в «персональном деле» появилась новая страница. Она была связана с обсуждением на состоявшейся в августе 1948 г. в Кабардинском НИИ III научной сессии вопроса о кабардинском феодализме<sup>23</sup>. С докладом по этой теме выступила А. В. Мамонтова, которая, по сути, оппонировала Кокиеву. Она отвергла мнение о существовании феодальной стадии развития для кабардинского общества XIX в. и утверждала, что в нем в этот период господствовали патриархально-родовые отношения. Свое мнение Мамонтова изложила в письме в Кабардинский обком ВКП(б). Ее точка зрения была подвергнута резкой критике большинством участников, в том числе содокладчиком В. М. Букаловой, а также выступавшими Е. С. Зевакиным, Е. Н. Студенецкой, Е. Ф. Крупновым, Н. А. Смирновым и др. В итоге Кокиев (сам ученый выступал на этой сессии с докладом «Темрюк Идарович — выдающийся государственный деятель XVI в.») невольно предстал неким рупором «политически ошибочной», с точки зрения власти, позиции части ученых-гуманитариев региона.

Драматическая развязка в судьбе Георгия Александровича наступила после выхода в свет в 1948 г. небольшой брошюры «Этнограф осетинского народа С. Туккаев» (она представляла собой несколько доработанный вариант статьи, опубликованной Кокиевым в 1946 г. во втором номере журнала «Советская этнография»). В рецензии на нее, напечатанной под названием «Порочная книга» за подписью К. Егорова 2 апреля 1949 г. в газете «Социалистическая Осетия», Кокиева обвиняли в «извращении истории народов Кавказа» и «популяризации пронемецких буржуазных националистов». Эти два события стали основанием для проведения 14 апреля расширенного заседания ученого совета СОНИИ, на котором присутствовали и представители обкома ВКП(б) Х. Гутнов и С. Битиев. Последний из них к тому же являлся редактором брошюры.

Научные сотрудники СОНИИ выразили солидарность с Кокиевым и резко осудили автора статьи. Но итоги обсуждения ученого совета уже никак не могли помочь ученому. В ночь с 14 на 15 апреля Георгий Александрович был арестован в Москве. В Северной Осетии общественность об аресте узнала лишь спустя несколько месяцев. Только в августе 1949 г., когда следственные мероприятия определили судьбу ученого, Северо-Осетинский обком ВКП(б) принял решение «О политической ошибке, допущенной Ученым советом СОНИИ 14 апреля 1949 г. . .» В сентябре того же года по решению обкома ВКП(б) состоялось новое, разгромное по сути расширенное заседание Ученого совета с участием партийных, советских руководителей республики и руководства органов госбезопасности. Было объявлено, что Кокиев «изъят органами ГБ как белогвардеец, стоявший на враждебных нашему народу позициях, как фальсификатор исторических событий на Северном Кавказе, в частности в Северной Осетии, как буржуазный националист и враг народа». Жесткой критике подверглись сотрудники института (особенно М. С. Тотоев и Б. В. Скитский), ранее поддержавшие его, а теперь вынужденные каяться<sup>24</sup>.

В ноябре 1949 г. также состоялось заседание бюро Кабардинского обкома ВКП(б), которое с покаянным рвением «разоблачило» деятельность Кокиева и резко осудило соглашательскую позицию участников августовской сессии 1948 г. в Кабардинском НИИ <sup>25</sup>.

Для чего понадобилась уже после ареста Кокиева организация всех этих показательных кампаний? Определенно, по сложившейся практике, для того, чтобы аргументировать обвинительный процесс, готовившийся 10 месяцев, и утрашить тех, кто солидаризировался с обвиняемым.

Между тем по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 20 февраля 1950 г. «за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия» Георгий Александрович Кокиев был на восемь лет заключен в Угличевский исправительно-трудовой лагерь УМВД Ярославской области. До освобождения он не дожил. Умер в лагере 23 июня 1954 г. от разрыва сердца. А через год определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 сентября 1955 г. был реабилитирован. 17 декабря 1955 г. ВАК отменил свое решение от 29 ноября 1952 г. о лишении Кокиева ученого звания профессора и ученой степени доктора исторических наук <sup>26</sup>.

Так завершился еще один частный эпизод из жизни науки, свидетельствующий о сложных отношениях государства и ученого, при которых логика времени, политической прагматики входят в противоречие с нравственным законом, исповедуемым отдельной личностью. Георгий Александрович Кокиев, как и многие тысячи мыслящих людей, придерживался мнения о верховенстве идеи, убеждения над прагматикой повседневности. Он отождествлял политическую и гражданскую преданность государству с правом на свободу мысли, самостоятельность ученого, отвергая подозрения в нелояльности. Ценой этого человеческого простодушия закономерно стал трагизм его судьбы.

Сегодня некоторые концептуальные построения Кокиева вызывают закономерные возражения, требуют критической проработки (например, трактовка проблемы присоединения к России, вопросов социально-экономического развития кавказского региона). Вместе с тем многое из творческого наследия Георгия Александровича (в частности, исследования о материальной и духовной культуре, о социальной истории народов Северного Кавказа) сохраняет научную доброкачественность. Особого признания заслуживает отношение ученого к историческим источникам, энергия и скрупулезность в поиске документальных материалов, бережное отношение к ним, стремление поднять новые пласты духовной и материальной культуры народов Кавказа. Археографическая деятельность стала важной частью научной работы исследователя. Результатом его многолетних глубоких изысканий было выявление, собирание и издание документальных материалов по истории кавказских народов («Материалы по истории осетинского народа» (1934), «Крестьянская реформа 1867 года в Кабарде» (1947), «Осетины во II половине XVIII по наблюдениям путешественника Штедера» и др.)

Обращение сегодня к личностной и творческой биографии Георгия Александровича Кокиева представляется вполне закономерным — как знак уважения к памяти гражданина и ученого-кавказоведа. Его

судьба служит поучительным примером для новых поколений научных кадров. Что же касается вклада Кокиева в науку, то в историческом кавказоведении, несомненно, востребованы его исследования социально-экономических, политических и культурных процессов на Северном Кавказе в XVI—XX вв., выдержавших в основном проверку временем вопреки логике его развития.

### *Примечания*

1. ТОТОВЕВ М.С. Выдающийся ученый-кавказовед. — Ученые записки СОГПИ. 1967. Т. 27. Вып. 1, с. 237.
2. Там же, с. 238; Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. Дзагурова, оп. 1, д. 69, л. 426.
3. НА СОИГСИ. Ф. 33. Личный фонд М.С. Тотоева, оп. 1, д. 284, л. 3—4; АНЧАБАДЗЕ Ю.Д. Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба. В кн.: Репрессированные этнографы. М. 2002. Вып. 1, с. 134; Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период. 1917—1991. СПб. 2003, с. 208—209.
4. КОКИЕВ Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии: Историко-этнологический очерк. Владикавказ. 1928; ЕГО ЖЕ. Некоторые сведения о древних городищах Тарартуп и Дзулата. — Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института. Ростов-н/Д, 1929. Т. 2, с. 205—214; ЕГО ЖЕ. К вопросу об атальчестве. — Революция и горец. 1929. № 3, с. 49—52; ЕГО ЖЕ. Военно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе. — Революция и горец. 1929. № 4, с. 36—41; ЕГО ЖЕ. Борьба кабардинских феодалов за власть в первой половине XVIII в. — Революция и горец. 1929. № 9, с. 41—48; № 10, с. 29—31; ЕГО ЖЕ. Методы колониальной политики России на Северном Кавказе в XVIII в. — Известия Юго-Осетинского НИИ краеведения. 1933. Вып. 1, с. 179—225 и др.
5. ТОТОВЕВ Ф.В. Гений, ставший жертвой наветов. В кн.: КРИКУНОВ В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. Пятигорск. 2003, с. 79.
6. АНЧАБАДЗЕ Ю.Д. Ук. соч., с. 149.
7. ТОТОВЕВ М.С. Ук. соч., с. 239.
8. АНЧАБАДЗЕ Ю.Д. Ук. соч., с. 149.
9. КОКИЕВ Г.А. Очерки истории Осетии. Владикавказ. 1926.
10. АНЧАБАДЗЕ Ю.Д. Ук. соч., с. 137.
11. Там же.
12. ТОТОВЕВ М.С. Ук. соч., с. 240; МАМБЕТОВ Г.Х. Г.А. Кокиев — выдающийся исследователь истории Кабарды. В кн.: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик. 2005, с. 12.
13. КОКИЕВ Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. — Известия Юго-Осетинского НИИ краеведения. 1935. Вып. 2, с. 217—234; ЕГО ЖЕ. Присоединение Грузии к России. — Исторический журнал. 1938. Т. 4, с. 165—176; ЕГО ЖЕ. Об одной фашистской фальсификации истории осетин. — Исторический журнал. 1944. № 2—3, с. 43—47; ЕГО ЖЕ. Борьба кабардинской бедноты за советскую власть. Нальчик. 1946; ЕГО ЖЕ. Аграрное движение в Кабарде в 1913 году. Нальчик. 1946 и др.
14. КОКИЕВ Г.А. С.А. Туккаев — этнограф осетинского народа. — Советская этнография. 1946. № 2, с. 182—187; ЕГО ЖЕ. С.В. Кокиев — этнограф осетинского народа. — Советская этнография. 1946. № 3, с. 133—137; ЕГО ЖЕ. Шора Бекмурзин Ногмов — выдающийся кабардинский просветитель. Нальчик. 1944.
15. КОКИЕВ Г.А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. — Исторические записки Института истории Академии наук СССР. М. 1938. Т. 2, с. 15—208; ЕГО ЖЕ. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе. 1940.
16. АНЧАБАДЗЕ Ю.Д. Ук. соч., с. 144—146; ТОТОВЕВ М.С. Ук. соч., с. 242.
17. АНЧАБАДЗЕ Ю.Д. Ук. соч., с. 138.
18. Там же, с. 137.

19. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 1, оп. 3, д. 622, л. 19.
20. ГАППОЕВ Т.Т., ТОТОВЕВ Ф.В. Величие и трагизм судьбы профессора истории. В кн.: Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т. 1. Владикавказ. 2000, с. 47.
21. ЦАЛЛАЕВ Х. Вспоминая профессора Г. Кокиева. — Социалистическая Осетия. 1992. 12 августа.
22. Цит. по: ТОТОВЕВ М.С. Ук. соч., с. 243.
23. МАМБЕТОВ Г.Х. Г.А. Кокиев и дискуссия 17 августа 1948 года о кабардинском феодализме. — Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2003. Вып. 10, с. 3—21.
24. Центральный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 126, оп. 2, д. 371, л. 40, 61.
25. См.: МАМБЕТОВ Г.Х. Г.А. Кокиев и дискуссия 17 августа 1948 года о кабардинском феодализме.
26. ТОТОВЕВ Ф.В. Ук. соч., с. 87; Люди и судьбы, с. 208—209.

## Особенности политики коренизации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920—1930-е гг.

А. В. Аверьянов

---

*Аннотация.* В статье рассматриваются особенности политики коренизации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920—1930-е гг. в дисперсной этнической среде. В частности, затрагиваются проблемы вовлечения этнических меньшинств в партийное и советское строительство, а также проблемы коренизации партийных и советских аппаратов в национальных районах и за их пределами.

*Ключевые слова:* Дон, Кубань, Ставрополье, Северо-Кавказский край, национальная политика, коренизация, национальный район, этнические меньшинства, дисперсные этносы.

*Abstract.* The article examines the peculiarities of the policy of korenization in the Don, Kuban and Stavropol regions in the 1920s and 1930s in a dispersed ethnic environment. In particular, the problems of involving ethnic minorities in party and Soviet construction, as well as the problems of the root formation of party and Soviet apparatuses in national regions and beyond are touched upon.

*Key words:* Don, Kuban, Stavropol, North Caucasus Region, national policy, korenization, national district, ethnic minorities, dispersed ethnic groups.

---

Коренизация как комплекс государственных мер, направленных на решение национального вопроса, играла ключевую роль в советской национальной политике. Начало масштабной политике коренизации было положено на XII съезде РКП(б) в 1923 г., в ходе работы которого было принято решение, «чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа»<sup>1</sup>. Целью коренизации большевистским руководством считалось приближение советской власти к национальным массам, их интеграция и вовлечение в государственное и партийное строительство.

К изучению политики коренизации и ее различных аспектов в современной историографии сохраняется высокий интерес. Применительно

---

*Аверьянов Антон Викторович* — кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета (ЮФУ). E-mail: avaveryanov@sfned.ru.

*Averyanov Anton V.* — candidate of historical sciences, associate professor, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University. E-mail: avaveryanov@sfned.ru.

---

к Югу России основное внимание уделяется северокавказским автономиям в качестве главного объекта анализа национальной политики в регионе<sup>2</sup>. Коренизация выступала ключевым механизмом национального строительства среди горских народов. Ее направлениями «были признаны выдвижение национальных кадров в партийный и советский руководящие аппараты... перевод делопроизводства и образования в национальных автономиях на «коренные» языки»<sup>3</sup>.

В то же время особенности политики коренизации на Юге России за пределами национальных автономий остаются за рамками широкого исследовательского внимания. В данной связи актуальным представляется выявление ее специфики в дисперсной этнической среде в русских районах и округах самого многонационального в РСФСР Северо-Кавказского края.

Термин «дисперсные этносы» прочно вошел в научно-исследовательский дискурс, посвященный межнациональной проблематике в советский период, хотя и не имеет однозначного толкования<sup>4</sup>. В настоящей статье под дисперсными этносами следует понимать этносы или этнические сообщества, которые проживали за рамками своих национальных автономий и которые отличал дисперсный характер проживания в иноэтнической среде.

Несмотря на то что исторические области Дона, Кубани и Ставрополья в 1920—1930-е гг. входили в различные административно-территориальные образования, в том числе Северо-Кавказский край (1924—1934 гг.), они сохраняли внутреннее единство и схожую этносоциальную, культурную и экономическую структуру. Характерными чертами макрорегиона, помимо традиционной полиэтничности, являлись дисперсный характер расселения национальных меньшинств и высокая степень их субкультурных различий, что обуславливало специфику политики коренизации.

Согласно итогам всесоюзной переписи населения 1926 г., совокупная численность этнических меньшинств, проживавших в Северо-Кавказском крае в русских районах и округах на Дону, Кубани и Ставрополье, вместе с украинцами составляла 3,66 млн чел., или 49% всего населения. Наиболее крупными этническими сообществами после украинцев были армяне — 147,9 тыс., немцы — 88,2 тыс., белорусы — 43,3 тыс., евреи — 39,5 тыс., греки — 29 тыс., поляки — 15,5 тыс., татары — 11,8 тыс., калмыки — 11,5 тыс., черкесы (в том числе шапсуги) — 10,5 тыс., молдаване — 9,2 тыс., грузины — 6,4 тыс., эстонцы — 4,8 тыс., туркмены — 4,5 тыс. чел.<sup>5</sup>

По неофициальным данным, фактическая численность многих этнических сообществ была намного выше, особенно тех, которые имели высокие иммиграционные показатели. В 1910—1920-е гг. на Юг России с территории Османской империи и Персии устремился значительный поток беженцев, прежде всего армян, греков, ассирийцев. В докладе Донской секции на I Краевом совещании секретарей греческих подотделов национальных меньшинств в феврале 1925 г. отмечалось, что в Северо-Кавказском крае насчитывалось свыше 84 тыс. греков, в том числе 33,6 тыс. чел. в Кубанском округе<sup>6</sup>. Высокий уровень и плохо контролируемый характер внешней миграции и внутрирегиональных перемеще-

ний препятствовал точному учету армянского и ассирийского населения, чья численность также превышала официальные данные.

Работа среди этнических меньшинств затруднялась вследствие сохранения патриархального образа жизни, плохого знания русского языка, добровольной самоизоляции, «рассеянного» характера проживания небольшими по численности группами на всей территории Юга России.

В данной связи важнейшими задачами представлялись поиск механизмов налаживания взаимодействия с этническими меньшинствами, обеспечение лояльности советской власти, повышение уровня политической и социальной активности, культурного и хозяйственного развития. Политика коренизации должна была содействовать вовлечению дисперсных этносов в партийное и советское строительство, что предопределяло ее основные направления.

Неотъемлемым условием коренизации по аналогии с национальными областными автономиями признавалась территориальная гомогенность дисперсных этнических сообществ, результатом чего стала линия на выделения национальных районов и сельсоветов. В резолюции, принятой на III Северо-Кавказской краевой партийной конференции в 1925 г., отмечалось, что «необходима более твердая линия в деле создания советов национальных меньшинств», предназначенная «к оживлению всей общественной работы среди нацменьшинств»<sup>7</sup>. Консолидация этнического населения в границах национальных сельсоветов и районов должна была сформировать условия для его охвата массовой пропагандистской и организационной работой. На Дону, Кубани и Ставрополье 1920-е гг. стали периодом активного создания низовых национально-территориальных образований, квалифицируемых в современной историографии как «малые» автономии<sup>8</sup>.

Всего было создано более 150 национальных сельсоветов и семь национальных районов: Шапсугский, Армянский, Ванновский (немецкий), Греческий — на Кубани и в Черноморье; Мясниковский (армянский) и Калмыцкий — на Дону; Туркменский — на Ставрополье. Ключевым требованием в процессе их выделения было вовлечение в их работу национальных кадров, а также перевод делопроизводства на национальные языки, что составляло основу политики коренизации.

Несмотря на то что национальные районы представляли собой некоторую аналогию горских автономий, созданных на Северном Кавказе, их политико-правовой статус был заметно ниже и не регулировался союзным и республиканским законодательством. Деятельность национальных районов регламентировалась краевыми нормативно-правовыми актами, например принятым в августе 1926 г. Малым президиумом Северо-Кавказского крайисполкома Положением о нацменовских районах, входящих в округа и Автономные области Северо-Кавказского края<sup>9</sup>.

Важнейшим направлением коренизации в местах компактного проживания этнических меньшинств, прежде всего в национальных районах, стало вовлечение в районные аппараты и первичные ячейки ВКП(б) национальных кадров. Пользующиеся доверием и говорящие на одном языке с местным населением, они должны были стать основными трансляторами государственной политики в этнической среде. Однако наци-

ональные партийные кадры были крайне малочисленны и плохо подготовлены. Одной из причин такого явления было отсутствие устойчивой прослойки рабочих, на которых большевики делали основную ставку в процессе партийного строительства. Подавляющая часть представителей дисперсных этнических сообществ на Дону, Кубани и Ставрополье проживала в сельской местности. Национальные районы, в отличие от большинства горских автономий, не имели своей промышленной базы, оставаясь преимущественно сельскими. Например, в Мясниковской районной партийной организации числилось 26% рабочих, что считалось одним из самых высоких показателей среди остальных национальных районов, однако эти показатели достигались благодаря географической близости к крупнейшему промышленному центру Северо-Кавказского края — Ростову-на-Дону<sup>10</sup>.

В условиях курса на обострение классовой борьбы и начала коллективизации в рамках партийного строительства в этнической среде краевые власти делали ставку на классово близкие элементы — бедноту, батрачество и лояльную часть середнячества. Так, в принятой резолюции XI Донской окружной партийной конференции в 1925 г. отмечалась необходимость усилить работу по приему лучшей части националов из рабочих и крестьян в партию<sup>11</sup>.

Значительный рост численности партийных организаций в национальных районах пришелся на период коллективизации, которая сопровождалась вовлечением в партийное строительство колхозного крестьянства. Однако доля коммунистов из национальной среды по-прежнему оставалась невысокой. Партийный стаж подавляющего большинства из них составлял от одного до нескольких лет. В Ванновском районе процент немцев-коммунистов за период с 1928 по 1932 гг. практически не изменился, составив 22,8%<sup>12</sup>. В Армянском районе на Кубани доля армян в районной партийной организации к концу 1931 г. составляла 38,8% при более чем 85% армянского населения района<sup>13</sup>. Наиболее высокие показатели вовлечения в партию демонстрировал Греческий район — 50,7%<sup>14</sup>.

По сравнению с северокавказскими автономиями показатели партийного строительства в национальных районах были значительно ниже. Для сравнения: доля представителей коренной национальности в партийных организациях Черкесской АО на 1 января 1932 г. составляла — 40,6%, Чеченской АО — 49,1%, Кабардино-Балкарской АО — 51,5%, Северо-Осетинской АО — 63,9%, Ингушской АО — 67,7%, Карачаевской АО — 72%<sup>15</sup>.

Низкая степень вовлеченности дисперсных этнических сообществ в партийное строительство обуславливало острый дефицит партийных функционеров на низовом уровне, а также технических работников в районных партийных аппаратах. Значительно быстрее шел процесс коренизации руководящих должностей районного уровня, в том числе благодаря привлечению национальных кадров из крупных городов Северо-Кавказского края, союзных и автономных республик. Так, армянских партийцев из Ростова-на-Дону присылали для работы среди беженцев в Армянском районе. Аналогичный опыт использовался среди немецкого партийного актива из крупных городов Северо-Кавказского края, а также Автономной ССР Немцев Поволжья<sup>16</sup>. Один из наиболее



высоких показателей отмечался в Греческом районе, который считался национальным очагом советских греков, где уровень коренизации районного партийного аппарата достигал 75%, хотя и отличался низким уровнем политической и профессиональной подготовки<sup>17</sup>.

На фоне невысоких показателей партийного строительства в этнической среде на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920—1930-е гг. ключевая роль в рамках политики коренизации отводилась советскому строительству и вовлечению представителей национальных меньшинств в советские, а также хозяйственные и профессиональные учреждения. В октябре 1929 г. на совещании Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК по разработке мероприятий в рамках коренизации госаппарата в национальных районах РСФСР была предложена следующая формула: «Под коренизацией мы понимаем вовлечение в советский аппарат и культурно-просветительные учреждения представителей трудящихся масс коренной национальности, то есть той национальности, которая является в данной административно-территориальной единице основной национальностью, это с одной стороны, а с другой стороны, перевод работы учреждений, работающих в этих территориальных единицах на язык коренного населения, с тем, чтобы работу этих учреждений приблизить к трудящимся массам населения»<sup>18</sup>.

Хронической проблемой коренизации советских органов в национальных районах и сельсоветах оставалась нехватка квалифицированных специалистов, владеющих национальными языками, что частично компенсировалось привлечением кадров из других регионов. На II Партконференции Греческого района в 1932 г. ставился вопрос о необходимости «к 1 июля 1932 г. в основном коренизировать аппарат... с переводом делопроизводства на родной греческий язык», для чего надлежало обеспечить «переподготовку кадров и завоз их из других районов»<sup>19</sup>. Однако практика привлечения сторонних специалистов наталкивалась на ряд трудностей, одна из которых — «чрезвычайная текучесть личного состава аппарата в нацрайонах», что признавалось одной из наиболее острых проблем в рамках политики обслуживания национальных меньшинств Северо-Кавказском крае<sup>20</sup>.

Главную ставку в обеспечении советских и хозяйственных аппаратов национальными кадрами краевые власти делали на воспитание молодежи и привлечение классово близких элементов, прежде всего беднячества и батрачества, что имело целью усиление классовой дифференциации в этнической среде. Северо-Кавказский краевой исполком призывал «осуществить практически максимальное вовлечение рабочих и крестьян-нацмен во все советские выборные органы на местах...»<sup>21</sup> Так, в отношении немецкого населения предписывалось «поручить окружкомам ВКП(б) принять меры... к увеличению процента бедняков, батраков и женщин в немецких сельсоветах»<sup>22</sup>. В рекомендациях Донского исполкома Мясниковскому райисполкому отмечалось, что в плане мероприятий по коренизации должен быть предусмотрен «перевод делопроизводства учреждений и организаций на местный язык, подготовка работников аппарата из местных национальностей, выдвижение батрацко-бедняцких масс на работу и их подготовка, изучение местного языка специалистами и другими работниками...»<sup>23</sup>

Наиболее динамичными темпами процесс коренизации советского аппарата протекал в Армянском районе. К 1931 г. было объявлено об успешном окончании кампании по коренизации его советских органов. Однако она носила в значительной степени формальный и неравномерный характер. Если из восьми председателей сельсоветов семь были армянами, то около половины состава сельсоветов и их президиумов составляли русские, что объяснялось нехваткой квалифицированных кадров коренной национальности<sup>24</sup>. По этой причине основную массу руководителей составляли приезжие армяне из Армении, Ростова-на-Дону и Мясниковского района<sup>25</sup>.

Наибольшие сложности в процессе коренизации советского аппарата наблюдались в Туркменском национальном районе Ставропольского округа. В 1924 г. окружные власти констатировали, что, несмотря на создаваемый советский аппарат в районе, «туркмены подчиняются в аулах тем же старикам и муллам»<sup>26</sup>. В сложившейся ситуации коренизация сельсоветов и советского районного аппарата имела политическое значение. Ситуация находилась на контроле республиканских органов власти. В 1925 г. окружные власти в отчете Отделу национальностей ВЦИК сообщали, что «в Туркменском районе при перевыборах Советов в члены последних избрано 60% (состава исполкома) туркмен»<sup>27</sup>. В целом среди членов Туркменского райисполкома в 1925 г. значились 28 русских и 29 туркменских работников. Тем самым символический перевес национальных работников был достигнут. Учитывая, что в районе проживало 3,3 тыс. русских и 5,5 тыс. туркмен, этнический состав райисполкома не соответствовал численности туркменского населения, что обуславливало необходимость дальнейшей коренизации советского районного аппарата<sup>28</sup>. Помимо прочего, необходимо подчеркнуть, что для улучшения статистики в ряды советских работников зачислялись компактно проживавшие в районе татары. Поэтому доля титульного населения района — туркмен, по-видимому, была еще ниже<sup>29</sup>.

Во второй половине 1920-х гг. курс на коренизацию советского аппарата в Туркменском районе был продолжен. Анализ результатов выборов в районные и сельские организации свидетельствовал, что наиболее высокие темпы коренизации наблюдались на районном уровне, в том числе в судебном-следственном аппарате района и в области кооперации. Между тем на низовом уровне — сельсоветов — коренизация шла значительно медленнее в силу острого дефицита технических работников.

Поскольку Греческий район был создан позже остальных национальных районов (1930 г.), задача коренизации его советского аппарата ставилась в кратчайшие сроки. Такие меры «диктовались необходимостью ускорения процесса приобщения греческих трудящихся масс к социалистическому строительству, ускорения процесса вовлечения их в советские, хозяйственные органы управления страной»<sup>30</sup>. Несмотря на то что доля греков в составе сельсоветов с 1930 г. по 1931 г. сократилась с 63,5 до 62,1%, значительно выросла их представленность на руководящих должностях<sup>31</sup>. Если до образования Греческого района на его территории в руководящих органах работало только два грека, то к началу 1931 г. из 42 руководящих работников 31, или 75%, составляли греки. Некоторые отделы райисполкома и такие организации, как Районный земельный от-

дел (РайЗО), Районный отдел народного образования (РайОНО), прокуратура и Народный суд, считались коренизированными на 100% <sup>32</sup>.

Однако, несмотря на определенные успехи в области коренизации советского и хозяйственного аппарата в национальных районах и сельсоветах, ее качественный уровень оставался низким. В докладе заведующей отделом национальных меньшинств Азово-Черноморского крайисполкома Александровой на заседании Отдела национальностей ВЦИК 29 мая 1935 г. констатировалось, что «с коренизацией аппарата дело обстоит у нас из рук вон плохо». Главная проблема заключалась в том, что обслуживание населения национальных административных образований на их родном языке происходило чаще всего в устной форме, тогда как письменное делопроизводство в большинстве случаев велось все еще на русском языке. В докладе отмечалось, что «целый ряд работников советского аппарата знает свой родной язык разговорно, но они малограмотны на родном языке, вопрос упирается в переподготовку, в организацию помощи по овладению грамотой» <sup>33</sup>. Например, в Армянском районе советские работники — армяне, говорившие по-армянски, не умели писать и читать на армянском языке. В Греческом районе подавляющая часть работников владела греческим языком и могла читать по-гречески, но не умела по-гречески писать. Исключение составляли лишь немецкие работники, которые «почти сплошь грамотные и на русском и на немецком языках» <sup>34</sup>. Наиболее сложная ситуация в рамках перевода письменного делопроизводства на родной язык сохранялась на уровне районных исполнительных комитетов национальных районов. В райисполкомах всех шести национальных районов Азово-Черноморского края в 1935 г. делопроизводство по-прежнему велось на русском языке <sup>35</sup>.

Специфическая ситуация сложилась в Мясниковском национальном районе, который демонстрировал наиболее высокие показатели коренизации. По итогам его обследования в июне 1930 г. было выявлено, что значительная часть районных и сельских работников почти поголовно не владела армянским литературным языком, используя нахичеванский диалект. Среди сотрудников райисполкома таковых насчитывалось 15 чел. из 17 <sup>36</sup>; 25 чел. из 36 членов сельсоветов; 19 из 22 работников учреждений политического просвещения района <sup>37</sup>. Делопроизводство в сельсоветах велось либо на русском, либо на местном диалекте, который значительно отличался от литературного армянского языка <sup>38</sup>.

В числе основных мер по коренизации на литературном языке предлагалось «приступить к организации районных курсов с осени 1930 г. в размерах, обеспечивавших перевод делопроизводства на родной язык в установленные сроки, то есть в начале 1931 года во всех учреждениях района» <sup>39</sup>. В рекомендациях Донского исполкома Мясниковскому райисполкому отмечалось, что в плане мероприятий по коренизации должен быть предусмотрен «перевод делопроизводства учреждений и организаций на местный язык, подготовка работников аппарата из местных национальностей, выдвижение батрацко-бедняцких масс на работу и их подготовка, изучение местного языка специалистами и другими работниками и сроки проведения работы» <sup>40</sup>.

В разработанном «Плане по коренизации и национализации аппаратов Мясниковского райисполкома, его отделений и подведомственных

ему сельсоветов» в числе ключевых мер отмечалась необходимость организовать шестимесячные курсы по изучению армянского литературного языка и переводу на него всего делопроизводства<sup>41</sup>. Помимо прочего, предполагалось, что помощь в проведении коренизации Мясниковского района будет оказана из Армянской ССР, которая имела неформальное «шефство» над армянами, проживавшими за пределами национального очага. В письме от уполномоченного по работе среди национальных меньшинств Донского исполкома Организационному отделу ЦИКа Армянской ССР от 15 декабря 1929 г. отмечалось, что в целях обслуживания национального района на родном языке «требуется некоторая вспомогательная литература, как: по делопроизводству сельсоветов и Райисполкома, по изучению литературного армянского языка и для курсов по советскому строительству, так и разных форм и бланков для сельсовета и Райисполкома и вообще вспомогательный материал в работе...»<sup>42</sup> Методическая и издательская помощь со стороны Армянской ССР должна была способствовать языковой унификации донских армян, приблизив их к общепринятым культурным и языковым нормам Советской Армении.

Однако наибольшие трудности кампания по коренизации советского аппарата на Дону, Кубани и Ставрополье испытывала за пределами национальных районов и сельсоветов, прежде всего на уровне горсоветов, которые должны были отражать долю проживавших в городах представителей этнических меньшинств. В силу высокого уровня социальной атомизации населения и ассимиляционных процессов в городах наладить массовую работу в этнической среде было чрезвычайно сложно.

Показательными являлись промежуточные итоги коренизации горсоветов Черноморского округа, которые в целом отражали ситуацию по русским округам Северо-Кавказского края. Несмотря на довольно значительный уровень представленности этнических меньшинств в структуре населения Новороссийска (47,2%), Сочи (46,8%), Анапы (50,4%), Туапсе (45,4%), их доля в горсоветах значительно уступала проценту от их общей численности, составляя 28, 25,5, 35,9 и 14,3% соответственно<sup>43</sup>. Схожая картина наблюдалась в большинстве горсоветов Терского округа, в том числе в Пятигорске, Кисловодске, Моздоке<sup>44</sup>. В административном центре Северо-Кавказского края — Ростове-на-Дону, где представители этнических меньшинств вместе с украинцами составляли 40% населения, в 1926 г. в горсовете 8-го созыва их доля не превышала 18,7%<sup>45</sup>.

В 1930-е гг. работа среди этнических меньшинств в городах, особенно в части их привлечения в советский аппарат, по-прежнему оставалась одним из наиболее проблемных направлений национальной политики. В докладе Отдела по делам национальностей Азово-Черноморского края в 1935 г. отмечалось: «Нужно откровенно признаться, что участок работы среди нацменнаселения в городах является нашим наиболее уязвимым местом»<sup>46</sup>.

Со второй половины 1930-х гг. политика коренизации стала сворачиваться. Национальные районы и сельсоветы были фактически ликвидированы, делопроизводство стало переводиться на русский язык. Итоги коренизации на Дону, Кубани и Ставрополье носили в значительной степени поверхностный и незавершенный характер. Политическая необходимость коренизации сменилась экономической целесообразностью интеграции

национальных меньшинств в условиях индустриализации и коллективизации. Национальные районы, в отличие от горских автономий, не имели необходимых материальных и организационных ресурсов для обеспечения политики коренизации. Административно-территориальные формы самоопределения дисперсных этносов на Юге России уступили место экстерриториальным механизмам интеграции.

### *Примечания*

1. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М. 1968, с. 492.
2. См. напр.: ГУТИЕВА М. А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе. — Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1, с. 2—7; ХЛЫНИНА Т. П., КРИНКО Е. Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д. 2014; КАРПОВ Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX в.: Эволюция проблем и решений. СПб. 2017; ТУФАНОВ Е. В. Кадры региональных управленцев в 1920—1930-е годы: Становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь. 2018.
3. ХЛЫНИНА Т. П., КРИНКО Е. Ф. Ук. соч., с. 124.
4. См. напр.: АКОПЯН В. З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20—30-е годы XX века. Пятигорск. 2015.
5. Подсчитано по: URL: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_nac\\_26.php?reg=807](http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807)
6. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7, оп. 1, д. 209, л. 10.
7. Там же, д. 82а, л. 4об.
8. ИВАНЦОВ И. Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924—1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар. 2013.
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1485, оп. 1, д. 172, л. 181об.—182.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235, оп. 124, д. 75, л. 39об.
11. ЦДНИРО. Ф. 5, оп. 1, д. 22, л. 13об.
12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 493, оп. 1, д. 52, л. 20.
13. Там же, ф. 1415, оп. 1, д. 14, л. 36.
14. Там же, ф. 2662, оп. 1, д. 15, л. 41.
15. Итоги разрешения национального вопроса в СССР: Сборник / Под ред. С. Диманштейна. М. 1936, с. 31—34.
16. ЦДНИРО. Ф. 7, оп. 1, д. 165, л. 8.
17. ЦДНИКК. Ф. 2662, оп. 1, д. 15, л. 42.
18. ГА РФ. Ф. Р-1235, оп. 123, д. 68, л. 243—243об.
19. ЦДНИКК. Ф. 2662, оп. 1, д. 15, л. 21.
20. ГА РФ. Ф. Р-1235, оп. 122, д. 42, л. 33.
21. Там же, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 133.
22. ЦДНИРО. Ф. 7, оп. 1, д. 751, л. 41.
23. ГАРО. Ф. Р-1798, оп. 1, д. 1399, л. 25.
24. ЦДНИКК. Ф. 1415, оп. 1, д. 14, л. 21.
25. ИВАНЦОВ И. Г. Ук. соч., с. 22.
26. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-397, оп. 1, д. 1064, л. 154.
27. Там же, л. 39.
28. Там же, ф. Р-299, оп. 1, д. 250, л. 49об.
29. Там же, д. 1282, л. 7.
30. Там же, л. 29.
31. ЦДНИКК. Ф. 2662, оп. 1, д. 15, л. 28.

32. Там же, л. 29.
33. ГА РФ. Ф. Р-1235, оп. 130, д. 3, л. 135.
34. Там же.
35. Там же, л. 84.
36. ГАРО. Ф. Р-1798, оп. 1, д. 1399, л. 1.
37. Там же, л. 1а.
38. ГА РФ. Ф. Р-1235, оп. 124, д. 75, л. 36.
39. ГАРО. Ф. Р-1798 оп. 1, д. 1399, л. 4.
40. Там же, л. 25.
41. Там же, л. 30—32.
42. Там же, л. 18.
43. ГА РФ. Ф. Р-1235, оп. 121, д. 70, л. 52—53.
44. ГАСК. Ф. Р-299, оп. 1, д. 250, л. 110.
45. ГАРО. Ф. Р-1798, оп. 1, д. 515, л. 36.
46. ГА РФ. Ф. Р-1235, оп. 130, д. 3, л. 130.

# МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

---

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi15 УДК 93/94

## Механизмы принятия решений в саудовско-иракской политической системе: анализ официальных институтов

А. Х. Отман, Х. А. Аль-Джабери

---

*Аннотация.* В статье делается попытка очертить и проанализировать механизмы принятия решений в саудовско-иракской политической системе, а также разъяснить механизмы принятия решений официальными учреждениями в Саудовской Аравии и Республике Ирак. Саудовская Аравия является одним из ключевых государств региона, что проявляется в геополитическом и экономическом опыте и искусстве, которыми она обладает. Система государственного управления также очень важна в связи со статусом религиозных институтов.

*Ключевые слова:* Саудовская Аравия, Ирак, система принятия решений, политическая система.

*Abstract.* This article seeks to delineate and interrogate the decision-making mechanisms of the Saudi-Iraqi political system as well as render clarifications pertaining to the decision-making mechanisms of official institutions in Saudi Arabia and the Republic of Iraq. The Kingdom of Saudi Arabia is arguably one of the key states in the region as is manifest in the geopolitical and economic prowess which the kingdom wield. The system of government is very important due to the status of the religious institution.

*Key words:* Saudi Arabia, Iraq, decision-making, political system.

---

The study of the political decision-making process is an important introduction to understanding the nature of political systems in countries, and measuring the extent of their development on the ladder of democratic progress. This can be deduced from the volume of participation available in political decision-making, through the mechanisms it provides to political systems of

---

*Отман Абдуллах Хазаа Отман* — аспирант политологии, кафедра политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов. E-mail: [abdullah.otman@yandex.ru](mailto:abdullah.otman@yandex.ru);  
*Аль-Джабери Хамза Абдулсамад Абдулвахид* — аспирант политологии, кафедра политического анализа и управления. Российский университет дружбы народов.

*Othman Abdullah Hazaa Othman* — PhD student, Department of political analysis and management. Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: [abdullah.otman@yandex.ru](mailto:abdullah.otman@yandex.ru);  
*AL-Jaberi Hamzah Abdulsamad Abdulwahid* — PhD student, Department of political analysis and management. Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

---

all kinds, as it can be logically inferred that the broader the circle of participants in the political decision-making process — whether as individuals or constitutional institutions — the more this constitutes an indicator of democratic development. This research comes in the form of a study that focuses on introducing the reader to the nature and structures of political decision-making in the political systems of the Kingdom of Saudi Arabia and the Republic of Iraq, factors affecting decision-making, whether internal or external, and the institutions entrusted with the responsibility of decision-making.

In this article, we review the mechanisms of political decisions in the Kingdom of Saudi Arabia, which has been ruled by the House of Saud since the alliance with Sheikh Muhammad ibn Abd al-Wahhab in 1744. To begin with, religion constitutes an egregiously important factor exerting great influence on decision-making in the Kingdom, and a king assumes the figurehead role of the political process, retaining for himself the powers he desires, shared by influential princes of the royal family, as well as the Cabinet, which the king personally presides over.

In general, the key to understanding the political decision-making process in the Iraqi regime is that even American occupation is possible in the person of the head of state. The President's doctrine and perception played a decisive role in the formulation of policies and decisions. As for the political decision-making mechanisms in the Iraqi system, it revolved through institutions (legislative authority, executive authority, Council of Ministers Federal Supreme Court, political parties, blocs, and civil society organizations), and then the Iraqi political process, especially the political decision-making process, was accompanied by many contradictions and turmoil.

This research attempts to highlight the decision-making mechanisms in Saudi Arabia and the Republic of Iraq from seeing analysis in official institutions in the two countries, and the research has been divided into two axes and a conclusion that included the most important findings of the research.

1. Decision-making mechanisms in the Saudi political system.
2. Decision-making mechanisms in the modern Iraqi political system.

**Decision-making mechanisms in the Saudi political system. The king.** The crystallization of the (King) as a real political institution began with the issuance of the Royal Order No. 2716 in September 1932, which included approval to name the Kingdom of Saudi Arabia instead of the Kingdom of Najd, Hejaz, and its annexes. King Abdul-Aziz Al Saud was running the government from the capital, Riyadh, and appointed political rulers to administer the regions and instructed them directly under the circumstances of each region <sup>1</sup>. King is the supreme authority and reference in organizational, political, and administrative affairs, he is bound by the provisions of Islamic Sharia according to what came in the Noble Qur'an and the honorable Sunnah of the Prophet, in addition, what noble Companions righteous predecessors were upon <sup>2</sup>.

At the beginning of the twentieth century, when basic system of government in the Kingdom of Saudi Arabia was considered a hereditary monarchy in which a king assumed the hierarchy of power, where king was similar to what was in the central personal absolute monarchies and the actual ruler. All authorities and functions are concentrated in his hand. He is the highest executive, legislative and judicial authority, not to mention that he is the prime



minister and commander-in-chief of all military forces and is the first judge and diplomat, to extent that it can be said that there is no authority other than the authority of King.

This role entrusted to king had practically deepened further by assuming the position of prime minister, as he had to be in direct contact with the general affairs in the country and had the final say in most decisions and policies issued by the Council of Ministers.

This amendment was made to the position of king after assumption of king Faisal bin Abdul-Aziz (1964—1975) ruled country, and King Khalid bin Abdul-Aziz (1975—1982), King Fahd bin Abdul-Aziz (1982—2005) and King Abdullah bin Abdul-Aziz (2005) followed that, so the position of the king brings together the supreme president of the state and the head of council (The Shura Council) until 1992 was issued, when the new Shura Council was issued, which made the Shura Council speaker other than (the king), despite the latter's selection of the Shura Council chairman and its members.

**The Council of Ministers.** The Council of Ministers is second official authority in the hierarchy of the state after authority of King, assumes two functions, legislative and executive. In addition to its important role in making political decisions for the Kingdom of Saudi Arabia internally and externally. This is stipulated in Article 18 of the Council of Ministers system of 1958, which confirmed that it draws up Council of Ministers internal, external, financial, economic, and educational and defense policy. International treaties and agreements are not considered effective except with his approval, and his decisions are final, except for what is needed from them to issue a royal order or decree <sup>3</sup>.

The Council of Ministers has assumed quite colossal significance as one of the cardinal organs of the political system in the Kingdom of Saudi Arabia. It enjoys wide powers and derives its strength from its close association with the King, after the King became the Prime Minister since King Faisal bin Abdul-Aziz took over the reins of power and ascended the throne, and the Crown Prince became the Deputy Prime Minister <sup>4</sup>.

This approach was followed by King Khalid and King Fahd, who enshrined it in the Basic Law of Government and the powers of the King in the Council of Ministers. The King is the Prime Minister and appoints Deputy Prime Ministers, as well as Cabinet Ministers, Deputy Ministers, and those in excellent ranks, and relieves them of their posts by royal order <sup>5</sup>. The term of office of the Council of Ministers cannot exceed four years, as stipulated in article IX of the Saudi Council of Ministers Regulations. The current Cabinet consists of 23 ministerial portfolios, in addition to the post of Prime Minister, and seven Ministers of State. The Saudi Council of Ministers, similar to the dynastic genetic monarchies in the Gulf, is characterized by the dominance of members of the ruling family of the most important sovereign positions, particularly from Al Saud and Al Sheikh <sup>6</sup>.

Arguably the Council of Ministers is one of the pressure formations directly within Saudi system, where ruling family controls its joints through controlling the sovereign ministries, and the process of selecting and selecting the rest of the government formation.

**Shura Council.** The Shura Council in the Kingdom of Saudi Arabia consisted of 60—90 members headed by the King, and it was no more than a

consultative council appointed by the King and responsible to him and not to the people, so it has an impact on the political decision-making process in the Kingdom of Saudi Arabia <sup>7</sup>.

The Saudi Shura Council constitutes the second pillar of regulatory authority in legal terms and the third pillar in practice, and it is like an unelected parliament, but rather appointed by king.

After the issuance of the political system, it includes 120 members and a president chosen by king from among the people of knowledge, experience and specialization, Shura Council expresses its opinion and advice on the general policies of the state referred to it by Prime Minister. Speaker of the Shura Council can submit to the Prime Minister a request for any government official to attend the meetings of the Shura Council. The Shura Council system also recognizes that every ten members of the Shura Council have the right to propose a new system or to amend a system in force and to submit it to the Speaker of the Shura Council and to the Speaker of Council to submit proposal to the King <sup>8</sup>.

The term of operation of the Shura Council shall be four Hijri years. The new Shura Council shall be constituted at least two months before the end of its predecessor. If a member wishes to resign, he shall submit his resignation to the Speaker of the Council, who shall in turn submit it to the King. The Shura Council also discusses the economic, social plan, and annual reports submitted by ministries and government agencies, shows irrigation towards them, in addition to studying regulations, treaties, international agreements and concessions before issuing or amending them by King.

**The judiciary.** The Kingdom of Saudi Arabia maintains a system of a multiplicity of judicial bodies. There is legitimacy in its various courts and formations; doctrine of Imam Ahmad ibn Hanbal is the official doctrine of the judiciary in the Kingdom. The Basic Law of Government establishes the principle of the independence of the judiciary. Article 46 affirms that the judiciary is an independent authority and has no authority over judges in their judiciary other than the authority of Islamic law <sup>9</sup>. The following are the institutions of the judicial system:

#### 1. Sharia Judiciary

It is the legal institution that has public jurisdiction and is responsible for looking into all disputes that arise within the Saudi society, whatever their nature or parties. As for the structure of the judiciary, it is as follows:

##### A. Supreme Judicial Council

The Supreme Judicial Council, which is responsible for supervising the courts, is responsible for stopping the limits in the judicial system from eleven members who, in turn, are the council's permanent and general bodies.

Five full-time members, with the rank of President of the Court of Cassation, appointed by royal order — Permanent Body of the Council, chaired by the oldest member of the Judiciary.

Five part-time members namely the President or Vice-President of the Court of Cassation, the Under-Secretary of Justice and three senior Presidents of the General Courts, who are members of the permanent body, the General Council or chaired by the President of the Supreme Council of the Judiciary at the rank of Minister.

##### B. The Court of Cassation

The Court of Cassation is composed of a president and a specified number of judges, all of whom work in several circuits. This court specializes in appraising judgments issued by the general and criminal courts. The decisions issued by the circuits in the Court of Cassation are issued by three judges, while decisions related to cases of murder; stoning and amputation are issued by five judges as a precaution.

### C. General and Criminal Courts

General courts consider all cases of disputes and crimes of whatever nature after excluding cases that fall under the jurisdiction of the criminal courts. Its judgments are issued by one judge, with the exception of cases of murder, stoning, amputation and other cases determined by the system, which are issued by three judges. As for the criminal courts, they hear cases of misdemeanours, punishments, the punishment for drunkenness, and felonies that do not exceed one fifth of the blood money.

#### 2. Board of Grievances

It is an independent administrative jurisdiction directly related to the person of the king and his superior, who is of the rank of minister and appointed and terminated by royal order. This office is competent to consider disputes relating to contracts to which the government or a public moral person is a party.

#### 3. Administrative committees with jurisdiction

The judicial institution includes many administrative committees and bodies that exercise jurisdiction with the task of adjudicating disputes within agreed-upon legal systems and regulations, the most important of which are — judicial committees specialized in commercial matters, called the — Commercial Dispute Resolution Commission. Military trial committees and senior officials <sup>10</sup>.

**Religious institution.** The religious institution is linked to several bodies, most notably the Senior Scholars Authority, the General Presidency of the Council for Religious Research and Fatwa, and the Commission for the Promotion of Virtue and the Prevention of Vice. Together, these bodies constitute the official religious institution independent of the Council of Ministers.

#### 1. Senior scientists

The Council of Senior Scholars is composed of several Saudi scholars who specialize in Islamic Sharia, and they are selected by royal order. Non-Saudi members of the body who meet the characteristics of Salafi scholars may be appointed, when necessary and by royal order <sup>11</sup>.

The commission expresses an opinion on what is referred to it by King and the government for research and forms an opinion based on Sharia evidence in it. It also makes recommendations on religious issues related to making general provisions to guide the government. This is based on research being prepared by the provisions of the aforementioned order and the accompanying regulations.

A full-time permanent committee is branched from the commission, whose members are chosen from among the commission's members by royal order. Its mission is to prepare researchers and prepare it for discussion by the commission, and to issue fatwas in individual affairs, by answering the questions of the respondents in matters of belief, worship and personal transactions, called — the Permanent Committee for Research and AL Fatwa. And attached to the researchers' centers <sup>12</sup>.

## 2. General Presidency for Religious Research and Al Iftaa

This body is considered the actual leadership within the religious institution, as it is the one who fully supervises the progress of religious and advocacy work within Saudi society, members of this presidency are appointed by the Council of Senior Scholars, which chooses them from among the scholars, eminent, well-known, and scientifically acclaimed scholars.

Because of the importance of this body, it is headed by the head of the Council of Senior Scholars. The most important work it supervises: determining the source of fatwas in the Kingdom, defining the form contents of curricula in schools, universities to be in harmony with the official line of the religious institution, direct supervision of the workflow of preachers and guides inside, outside the Kingdom, general control over books received from abroad and the writing of books <sup>13</sup>.

## 3. The Commission for the Promotion of Virtue and the Prevention of Vice

This body has direct tasks that translate into the impact of Saudi society in several areas, including urging people to pray collectively in mosques at each call to prayer. Therefore, shops in the markets are closed or left without anyone to sell in them when performing prayer. The name (Al-Mutawa'ah) is used to refer to the men who make up the committee, "Enjoining Good and Forbidding Evil".

In the Hajj and Umrah seasons, the tasks of AL—Mutawwa'ah are to teach the pilgrims, Umrah pilgrims the rituals of Hajj, Umrah to prevent them from screaming or crying at the tomb of the Prophet Muhammad, trying to cling or touch the grave and other actions during the season of Hajj, Umrah that is far from the correct rituals <sup>14</sup>.

**Decision-making mechanisms in the modern Iraqi political system.** Since the American occupation and the overthrow of the former regime in 1/4/2003, Iraq has witnessed numerous structures, institutions, and administrations that have made political decisions not only at the theoretical level but also at the practical level. After the issuance of the permanent constitution, and the referendum on it, the political decision-making was through the following institutions:

### **Legislative authority**

The Legislative authority, according to the Iraqi constitution, consists of two chambers: the Council of Representatives and the Federation Council.

While the law of the Federation Council is still under legislation. The House of Representatives, which is elected by the Iraqi people by direct secret ballot, represents at the present time legislative authority. The House of Representatives includes a number of members from representatives of Iraqi people at a ratio of one seat for every hundred thousand people, taking into account the representation of all components of the people <sup>15</sup>.

As for the Federation Council, it represents the provinces and regions that are to be established in the future, because the region and the provinces that are not organized in a region were not clearly united when the permanent constitution was approved. Considering that the permanent constitution has specified in Article No. 44 paragraph 1 the conditions that must be met by a candidate for parliament membership to be Iraqi and fully qualified. The elections also aimed to represent women by no less than 35% of the council

members, and another phase of political action began, represented in the 2005 elections, and these elections were counted without any significant security problems.

Terms of reference of the Iraqi Council of Representatives

1. Legislative competence: According to the permanent constitution, the legislative authority has been entrusted to the House of Representatives, including the legislation of federal laws in cooperation with the executive authority.

2. Supervisory jurisdiction

Oversight of the President of the Republic: The permanent constitution grants the Iraqi Council of Representatives the right to monitor the executive authority, as Article 61 of the permanent constitution stipulates that President of Republic be held accountable based on a reasoned request by an absolute majority of the members of the Council of Representatives <sup>16</sup>.

3. Oversight of the Ministry

The ministry is the second party to an executive authority in a parliamentary system, which is concentrated there after ministry is the cornerstone of the parliamentary system, in which the actual authority is concentrated, dominates the affairs of the state and its interests. As well as deciding its political responsibilities before Parliament. The Iraqi constitution specified in Article No. 61 the manifestations and means of parliamentary oversight <sup>17</sup>.

4. Oversight of independent bodies:

Article No. 102 of the permanent constitution stipulates — The High Commission for Human Rights, the Independent High Electoral Commission, and the Integrity Commission are independent bodies subject to the oversight of the House of Representatives and regulating their work by law <sup>18</sup>.

Constitutive jurisdiction: The Council of Representatives has a constitutive jurisdiction, as five members of the Council of Representatives have a proposal to amend the constitution.

**The President of the Republic.** According to the permanent Iraqi constitution, the executive authority in Iraq consists of the head of state and the Council of Ministers. It exercises its powers by the constitution. An indication of the conditions that must be met by a candidate for the position of head of state, which are:

1. To be Iraqi by birth and of Iraqi parents.
2. Fully qualified and over forty years of age.
3. He has a good reputation and is known for his integrity, uprightness, and justice.
4. Not convicted of a crime involving moral turpitude.

The most important powers of the head of state in the permanent constitution are:

- a. Granting a special pardon at the behest of recommendations made by the Prime Minister, save for those related to the private right of those convicted of international crimes, terrorism, financial and administrative corruption;
- b. Ratification of international treaties and agreements after the approval of the House of Representatives, and considered concluded after fifteen days from the date of their receipt;
- c. Approving and ratifying laws enacted by the House of Representatives, and considered ratified after fifteen days from the date of their receipt;

d. Initiates the elected Council of Representatives to convene within a period not exceeding fifteen days from the date ratification election results and cases stipulated in the constitution;

e. Conferring decorations under the guidance of the Prime Minister.

The Iraqi constitution also stipulates that the President of the Republic is head of the state and the symbol of the nation's unity, and represents the sovereignty of the country, and ensures the guarantee of the constitution and the preservation of Iraq's independence and territorial integrity by provisions of the constitution.

**Council of Ministers.** Ministry in the parliamentary system makes it the holder of executive authority, the dominant one in managing affairs of state, and it is responsible for all its actions before parliament. Given the ministry's great importance and dangerous role in this political system, it also has characteristics that distinguish it from others. It was stated in Article No. 76 of the Iraqi constitution: The President of the Republic assigns the candidate of the bloc the most enumerated representative, to form the Council of Ministers, within fifteen days from the date election President of the Republic. Based on this assignment, the Prime Minister shall nominate his cabinet members within a maximum period of thirty days from the date of the assignment.

During the period stipulated in the article, and after Prime Minister succeeds in forming ministers, the first step is to start work, for Prime Minister-designate to present the names of the members of his government, the ministerial curriculum to the House of Representatives for approval, to the members of the ministry individually and the absolute majority <sup>19</sup>.

After gaining confidence, the second step is to take the constitutional oath of office by the prime minister and members of his government before the House of Representatives, as provided for in Article 50 of the constitution, after which the prime minister becomes the direct executive officer of the public policy of the state and the commander-in-chief of the armed forces, manages the sessions of the house and presides over its meeting and has the right to dismiss ministers with the approval of the House of Representatives.

In terms of powers, the Council of Ministers exercises many powers in planning and implementing the state's general policy.

**Federal Supreme Court.** One of the statutory components of the State is the existence of judicial control over the Constitution of laws promulgated by Parliament to monitor its conformity with the provisions of the Constitution by granting individuals or some State agencies the right to appeal against any law which they believe is contrary to the Constitution.

That is why Iraq's permanent constitution of 2005 worked to achieve this by creating a specialized court for this purpose, represented by the Federal Supreme Court. The legal basis for the establishment of this court goes back to order No. 30 of 2005, which stipulated — The Federal Supreme Court is a financially and administratively independent judicial body. Then came the permanent constitution, which defines the manner of its formation, its functions and its mechanism of work. It also stipulated — The Federal Supreme Court is composed of several judges, experts in Islamic jurisprudence, and legal scholars, their number and method of selection and the work of the Court is determined by a law enacted by a two-thirds majority of the members of the House of Representatives.

As for the jurisdictions of the Federal Supreme Court, which are the following:

1. Alteration of the constitutionality of laws and regulations.
2. Altering constitutional texts.
3. Make decisions on cases that arise from the application of federal laws, decisions, regulations, instructions, and procedures issued by the federal authority. The law guarantees the right of each of the Council of Ministers, concerned individuals, and others, the right of direct appeal to the court.
4. Resolve disputes between the federal government and the governments of the regions, governorates, municipalities, and local administrations.
5. Resolution of disputes that occur between the governments of the region and governorates.
6. Settling accusations against the President of the Republic, the Prime Minister, and the Ministers, and this shall be regulated by law.
7. To ratify the final results of the general elections for membership of the House of Representatives.
8. Separation of jurisdiction conflict between the federal judiciary and the judicial bodies of the regions and governorates that are not organized in a region, as well as the settlement of jurisdiction conflict that occurs between the judicial bodies of regions and governorates that are not organized in a region.

**Political parties and blocs.** Political parties have an important role in political decision-making, as they are one of the channels of political participation for citizens, as well as one of the channels of political communication. It expresses the interests, demands, and general needs of individuals and works to achieve them by the government. Thanks to the pressure exerted by the parties on the official political decision-makers, as well as the transfer of the desires, policies, and decisions of the government to the citizens and work to mobilize the different efforts and positions towards them, either in support or in confrontation and rejection. The Iraqi parties were present in the political process in a chaotic manner in light of the approved absence of the parties' law. From the first moment, those parties did not initiate the establishment of a law for them (the parties' law) that was recently passed, and they could not align or form a coalition in a national manner. Rather, they embarked on sectarian representation since the beginning of the change. The role of the state, especially the Arab parties, is absent, and unlike the Kurdish parties, they were able to dissolve or postpone their historical political differences to build the Kurdish state internally in preparation for the declaration of independence, so that its alignment would be pragmatic, with future exclusions, taking advantage of the conflicts of the Arab parties, and the absence of their vision in building the state Iraqi <sup>20</sup>.

Since that time, the political parties have competed with each other and struggled to represent their sects and components away from the political projects, so that the Shiite parties lined up as one bloc also to represent the Shiite component to contest the electoral benefits, in return, the Sunni parties lined up as one bloc also to represent the Sunni component, to contest the election as two sectarian poles without a common plan for the vision of the future state and how to build it, let its main goal be to represent the sect in general for the electoral gain, only to distance itself from real partisan work, thus, it fails

to build itself and represent its masses, before it fails to develop its political, partisan, and electoral programs and its vision of building the state, so that the conflict and internal division among them will increase, because they did not aspire and agree with each other to develop a national project and a common road map through which they can represent their components, and develop a project to build The state correctly, to compete in an honorable national competition away from sectarian and national conflicts <sup>21</sup>.

**Civil society organizations.** Civil society organizations in Iraq should work to bring the Iraqi society out of marginalization and political absence to active and positive participation in political life and self-determination, and at the same time seek to eliminate the most prominent problems that the citizen suffers from and satisfy the social, economic and cultural needs of all citizens alike.

The activities of Iraqi civil society organizations have received great interest in society and public opinion, in the exercise of the process of rehabilitation, education, and awareness of society on the one hand, and influencing Iraqi political decision-makers, to obtain the planned gains in the totality of their interest on the other hand.

Thus, these activities are an effective mediator, between the individual and the government, which is usually preoccupied with higher and international political concerns and strategic affairs about the details of society's life and its requirements. Through these components, civil society is active, to complement the public order, within the framework of the democratic approach, through free discussion dissemination of ideas, stories, holding public conferences, symposia, putting forward intellectual cooperation projects in the practice of disagreement, consensus, and convergence of views, to enable the government to take appropriate decisions in the interest of the individual and society.

As for the practical and application level, no one can ignore the role played by the United States of America on one hand, and the United Nations on the other hand, in the Iraqi political decision-making process. There is no doubt that the United States of America interferes in a well-known way in the Iraqi political decision, through many channels, including the Staff Command of the Multinational Forces, the American Embassy, and even the American Congress, which has a say in many Iraqi decisions, especially the resolution issued by the American House of Representatives-Congress of dividing Iraq into three sectarian and ethnic entities <sup>22</sup>.

We conclude from the foregoing, that the political decision-making process is one of the most important functions performed by any political system as it is the outcome of the interactions of the pillars of the entire political system, it is necessary for as many advisers and experts as possible to participate in the decision-making process, not just the executive branch.

The wider the circle of participants in the political decision-making process in terms of the number of individuals, and terms of the roles of effective constitutional institutions, this reveals a real evolution in the functioning of the political system towards democracy. The political decision is the cornerstone of building a civil democratic state and building a comprehensive national security strategy. Political decision-making in the Saudi system is a special case, as it is characterized by the king's control of all powers. It is also characterized



by its rigid and conservative nature, far from the principle of popular sovereignty or participation in the choice of officials.

All political responsibilities are carried out through direct appointment from the king, and therefore are considered as the political decision-making process in the Kingdom of Saudi Arabia is monopolized by a junta of members of the Al Saud family, headed by the Saudi monarch, and no other authority has the right to interfere in this field, which made the Saudi regime prefer informal methods of managing its affairs at the expense of institutions and systems. It can be said that the Saudi political system is characterized by the weakness of official actors, with the exception of the king, to the detriment of unofficial actors, especially the ruling family and the religious establishment.

The study dealt with the talk after 2003, about the democratic transition in Iraq from the decline of authoritarian regimes and all its forms and colors to be replaced by other systems of government that depend on real popular choice, and on legitimate political institutions and fair elections as a means of exchanging power and access to it. And as an alternative to one-party rule and violation of laws and the constitution.

However, this transformation was not the result of the development of the subjective and objective conditions in Iraq, but rather through foreign intervention, and despite the presence of the occupation, the political process was organized and a permanent constitution was drafted, which is different from most previous constitutions at the level of the political system and defining the powers of the three presidencies and the work of the legislative, executive authority. The Iraqi political process, especially the political decision-making process, was accompanied by many contradictions and turmoil.

#### *Acknowledgements*

The work was supported by RUDN university program “5—100”.

#### *References*

1. ALI H.N. The Foreign Political Decision-Making Process in the Kingdom of Saudi Arabia. Baghdad. 1997, p. 70.
2. ABDUL MUTI ASSAF. Administrative Organization in the Kingdom of Saudi Arabia. Riyadh. 1983, p. 103.
3. AHMED ABDULLAH NAHI. The System of Government in the Kingdom of Saudi Arabia: A Study of Political Developments and Future Options. Baghdad. 1998, p. 93.
4. URL: <https://www.marefa.org/>
5. Article No. 4 of the Authority's bylaw.
6. Article No. 61 of the permanent Iraqi constitution for the year 2005.
7. Article No. 102 of the permanent Iraqi constitution for the year 2005.
8. Basic Law of Governance in the Kingdom of Saudi Arabia, Articles 57 and 58. National Society for Human Rights. Saudi Arabia, 2008, p. 25.
9. URL: <https://www.marefa.org/>
10. URL: <https://www.marefa.org/>
11. ELIAS M. The Mechanisms of Decision-Making in the Saudi Political System. A Study in Official Institutions. — Academic Journal. 2018, p. 194—195.
12. GAROU H. The Role of Political Parties in Drawing Public Policy: A Case Study of Algeria from 1997—2007. Mouloud Mammeri University. Alger. 2012, p. 77.
13. AL-NAJJAR GH. The Reality and Future of Political Situation in the Gulf Countries. — Al-Mustaqbal Magazine. Center for Arab Unity Studies. Lebanon. Iss. 269. Beirut. 2001, p. 104.

14. HASSAN BIN MOHAMMED MISFER. Codifying the Legal Pleading Systems in the Courts and Judicial Departments in the Kingdom of Saudi Arabia. — Iraqi University Journal. No. 3. 2011, p. 509.
15. IBRAHIM KHALIL AL-ALAF. Political Decision Making in Iraq after April 9, 2003: Its Structures, Sources, and Mechanisms. — Center for Regional Studies. University of Mosul. Iraq. March 12. 2008, p. 20.
16. KHAIRALLAH S.A., AL-JUBOURI. Iraqi Political Decision-Making after 2003. — Journal of Political Science and Law. Vol. 01, Iss. 05. Arab Democratic Center. Berlin. 2017, p. 343—344.
17. URL: <https://www.inis.gov.iq/legislature.htm>
18. URL: <http://annabaa.org/arabic/authorsarticles/3421>
19. MUHAMMAD ABD AL-HAMZA. The Iraqi Political System after 2003: Nature, Trends, and Challenges. Baghdad. 2008, p. 141—142.
20. MUHAMMAD BIN SUNITAN. The Saudi Elites. A Study of Transformations and Failures. Beirut. 2004, p. 60—61.
21. URL: <https://laws.boe.gov>
22. WAHEED H.H. The Regime in the Kingdom of Saudi Arabia. Jeddah. 1994, p. 173.

## Историческая ретроспектива развития представлений о психологической безопасности личности

В.В. Иохвидов, И.Г. Ованесян

---

*Аннотация.* В статье рассматривается историческая динамика развития представлений о безопасности на материале отечественной психологии. Анализ основных тенденций в этой сфере позволил выделить этап подготовительного развития представлений о безопасности человека (начало — 90-е гг. XX в.); этап оформления проблематики в структуре психологического знания (90-е гг. XX в. — начало XXI в.); этап структуризации проблематики в психологии (с начала XXI в. по н.в.) Показано, что каждый этап развития представлений о безопасности в психологии инициировался конкретными политическими и социально-экономическими обстоятельствами.

*Ключевые слова:* безопасность, психология, Россия, защищенность, развитие, представления.

*Abstract.* The article examines the historical dynamics of the development of ideas about security based on the material of Russian psychology. The analysis of the main trends in this area allowed us to identify the stage of the preparatory development of ideas about human security (the beginning — 1990s); the stage of the formation of problems in the structure of psychological knowledge (the 90s of the 20<sup>th</sup> century — the beginning of the 21<sup>st</sup> century); the stage of the structuration of problems in psychology (the beginning of the 21<sup>st</sup> century — to the present century). It is shown that each stage of the development of ideas about security in psychology was initiated by specific political and socio-economic circumstances.

*Key words:* security, psychology, Russia, security, development, ideas.

---

Безопасность как реальность, непосредственно определяющая возможность выживания и развития человечества, характеризовалась востребованностью на всем протяжении филогенеза, сохраняя актуальность и по сей день. Обладая аксиологической природой своей сущности, со-

---

*Иохвидов Владимир Вячеславович* — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии. Филиал СГПИ в г. Ессентуки. E-mail: vlnauka@mail.ru; *Ованесян Инна Георгиевна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин. Филиал СГПИ в г. Ессентуки. E-mail: inna-ovanesian@yandex.ru.

*Iokhvidov Vladimir V.* — candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of the Department of Pedagogy, Psychology. SSPI branch in Yessentuki. E-mail: vlnauka@mail.ru; *Hovhannisyann Inna G.* — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of History, Law and Social Disciplines. SSPI branch in Yessentuki. E-mail: inna-ovanesian@yandex.ru.

---

держательно категория безопасности подвержена влиянию ценностей, доминирующих в тот или иной исторический период. Соответственно, исторический процесс неизбежно сопровождается динамикой представлений о безопасности.

Развитие этих представлений прошло достаточно длительную историю, общемировые вехи которой освещались в работах А.В. Возженикова<sup>1</sup>, Т.М. Краснянской<sup>2</sup>, Е.М. Благодырь<sup>3</sup> и других исследователей. На материале изучения научного наследия представителей философских, социологических, исторических, политических, военных отраслей знания авторы показали, что обозначенная предметная область имеет своими истоками работы великих мыслителей Древнего мира (Демокрит, Аристотель, Платон и др.) и пролонгировано представлена в той или иной мере в научной истории практически всех народов и культур.

Попытку систематизировать обширную информацию об особенностях социокультурного процесса становления представлений о безопасности и способах решения связанных с ней проблем предприняла в своем исследовании Т.М. Краснянская<sup>4</sup>. Основываясь на междисциплинарном анализе проблематики, автор предложила выделить четыре основных этапа оформления в социуме представлений о безопасности и способах ее обеспечения: архаический, магический, мифический, рациональный (научный). Согласно сделанным в исследовании выводам, каждый этап формирования представлений о безопасности основывается на особенностях своего времени, а выработанные им подходы к обеспечению безопасности не исчезают в дальнейшем, а сохраняются, трансформируясь и развиваясь с появлением новых условий жизнедеятельности человека. Последний из названных — научный этап, характеризующий современные представления о безопасности, — впитал в себя базовое понимание данного феномена, сохраняя, хотя и с определенными изменениями в трактовке целесообразности, все оформившиеся в прошлом и доказавшие свою результативность подходы к практикам ее обеспечения. Именно в рамках научного этапа оформились и структурировались ключевые представления о безопасности, определяющие понимание этого феномена в современной науке и практике.

Анализ источниковой базы показывает малую изученность с исторических позиций научного периода развития представлений о безопасности, что препятствует полноценному пониманию истоков и дальнейших перспектив оформления концепции безопасности. Данное исследование посвящено частичному восполнению обозначенного пробела.

Научный период формирования представлений о безопасности характеризуется рациональностью подходов к осмыслению сущности безопасности, поиску источников значимых угроз для нее и детерминант основных процессов (сохранения, восстановления, развития и пр.). В силу достаточной протяженности, данный этап обладает определенной вариативностью представлений по проблематике, подверженных влияниям со стороны развития общества и смены им приоритетов субъектов и объектов безопасности, путей и средств ее обеспечения. Данная вариативность детерминируется также развитием самого научного знания: зарождением и оформлением новых дисциплин, изменением их методологии, смещением приоритетных научных концепций и теорий и т. д.

Учитывая, что представления о безопасности приобретают специфику в зависимости от отрасли научного знания, в которой они формируются, а интерес к соответствующей предметной области обнаруживается во многих дисциплинах (в экономике, политологии, истории, праве, культурологии, педагогике, психологии), научный период развития рассматриваемых представлений целесообразно анализировать на материале конкретной науки.

Определяя выбор дисциплины, играющей ведущую роль в становлении научных представлений о безопасности, считаем важным подчеркнуть пограничный характер данной реальности: с одной стороны, безопасность непосредственно зависит от природы определяемого ею объекта (в частности, безопасность человека — это совсем не то, что называется безопасностью, например, жилища), с другой стороны, она является высоко социальной, зависит от стандартов жизнедеятельности, характеризующих конкретный социально-экономический период развития общества (безопасность на начальных этапах филогенеза и в настоящее время не совпадают по многим параметрам).

Обращаясь к рассмотрению исторических особенностей зарождения, становления и развития представлений о безопасности человека, отметим, что из всего спектра научных дисциплин, в том или ином аспекте затрагивающих или освещающих связанную с ней проблематику, только психология предложила всесторонний анализ ее сущностных проявлений, детерминант, процессов в разных сферах человеческой жизнедеятельности.

Психология, ведущая свою официальную историю с 1879 г. (создание В. Вундтом экспериментальной лаборатории в г. Лейпциге, что стало решающим событием для оформления экспериментальной психологии), стремясь к статусу естественнонаучной дисциплины, сохранила элементы дисциплины гуманитарной. Последнее обстоятельство определило высокую связь научных интересов и избираемых психологией научных подходов с актуальным для нее социокультурным контекстом. Обладая существенным потенциалом влияния на мировоззренческую позицию человека (что чрезвычайно важно для представлений о безопасности, имеющих, очевидно, ценностную природу), психологическая наука оказалась уязвимой к государственной и социальной политике.

Исторический анализ показывает, что повышено драматичной эта уязвимость явилась для России, пережившей за период развития психологической науки, немногим длильнее ста лет, не только значимые исторические факты (социальная революция, войны, периоды экономической разрухи и подъемов), но и неоднократную смену политического строя. В силу этого, вероятно, именно на материале отечественного психологического знания особенно ярко можно проследить историческую динамику современных представлений о безопасности.

Целью нашего исследования, соответственно, явился исторический анализ развития представлений о безопасности в психологической науке на материале отечественных авторов.

В качестве исследовательской гипотезы выступило предположение, согласно которому развитие представлений о безопасности в отечественной психологической науке может быть рассмотрено в рамках трех исто-

рических этапов: 1) этап подготовительного развития представлений о безопасности человека (начало — 90-е гг. XX в.); 2) этап оформления проблематики в структуре психологического знания (90-е гг. XX в. — начало XXI в.); 3) этап структуризации проблематики в психологии (начало XXI в. — наше время). Вероятно, что каждый исторический этап развития представлений о безопасности в отечественной психологии определяется социально-политическим контекстом оформления этой отрасли научного знания и обладает качественной и количественной спецификой изучения заявленной проблематики.

Обозначенная цель и выдвинутая гипотеза определили задачи исследования: 1) проанализировать подготовительный этап развития представлений о безопасности человека; 2) охарактеризовать этап оформления проблематики в структуре психологического знания; 3) обозначить особенности этапа структуризации представлений о безопасности в отечественной психологии.

Первый научный этап развития представлений о безопасности человека (начало — 90-е гг. XX в.) в отечественной психологии соотносится с ее советским периодом. Ключевой социально-политической особенностью данного периода может быть названа монополия государства над сферой безопасности как в политическом, так и научном плане<sup>5</sup>. Во многом это объясняется сохранением в общественном сознании приоритетного для предшествующих социальных эпох ассоциирования категории «безопасность» с безопасностью государства. Безопасность его граждан подразумевалась как вторичная к безопасности государства реальность, а ее проблемы не выносились в пространство публичного обсуждения. Безусловное доминирование в этот период политики над всеми социальными процессами, как показывает историческая ретроспектива, допускало игнорирование и даже нарушение интересов безопасности отдельного человека или какой-либо группы в пользу безопасности государства. Соответственно, вопросы безопасности, в целом, относились к сфере политики и напрямую не обозначались в качестве объекта научных интересов. Вместе с тем, в годы советской власти в психологии обозначился ряд направлений исследований, позволяющих рассматривать этот период в качестве подготовительного для развития представлений о безопасности.

М. А. Котик связывает исследования по данной проблематике в России с изучением вопросов обеспечения безопасности труда различных категорий рабочих, инициированных индустриальной революцией начала XX века<sup>6</sup>. Вступление страны в XX век, протекавшее в условиях относительной демократии, ознаменовалось, как и в остальном мире, оформлением движения за научное управление трудом и производством. Данное движение подтолкнуло развитие наук о работающем человеке, о групповом труде и, в целом, о производстве. В 1920-х — начале 1930-х гг. психотехника — интегральная дисциплина, распространившаяся в России, — занялась изучением вопросов травматизма, актуального, в частности, для автомобильного производства, при выполнении штамповки, котельных и других работ. Н. А. Бернштейн<sup>7</sup>, Л. Бурлюк, С. Г. Геллерштейн<sup>8</sup>, Д. И. Шатенштейн<sup>9</sup>, И. Н. Шпильрейн<sup>10</sup> и другие исследователи выявляли индивидуально-психологические особенности, определяющие безопасность трудовой деятельности рабочих, устанавливали психоло-

гические предпосылки профилактики производственного травматизма и аварийности. Решению проблем безопасности способствовали также исследовательские работы, направленные на построении теории и практики психологического профессионального отбора, профессиональной ориентации и психологической рационализации труда.

Осенью 1936 г., вскоре после постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г., на основе решения самих психотехников, психотехническое движение прекратилось. Изменение политического и экономического курса в годы первых пятилеток, сопровождающееся политикой чрезвычайных мер, привело к ликвидации индустриальной психотехники, а с ней — исследований по научной организации, охране и гигиене труда<sup>11</sup>. Тем самым, научное направление формирования представлений о безопасности, основанное на этой проблематике, было остановлено на долгие десятилетия.

Возвращение к исследованиям по научной организации труда, защите физического и психического здоровья человека стало возможным только в условиях перестройки общественного сознания в пользу уважения прав и свобод, признания ценности индивидуальной неповторимости каждого работника. Начало изменениям подобного рода было положено в 60-х гг. XX в., которые характеризовались первыми шагами к преодолению в стране тоталитарного режима.

Однако возвращение к проблематике безопасности не означало полного возврата к оставленным научным позициям, оно осуществилось на новом уровне исследовательских интересов. На первый план вышла разработка представлений о профессиональной безопасности как одного из видов деятельности человека. Обращение к данной проблематике во второй половине прошлого столетия исследователи обосновывают включением на этом историческом этапе значительной части трудоспособного населения страны в деятельность, в том числе, в профессиональном контексте<sup>12</sup>. Соответственно, исследования в области безопасности труда сместились в сферу формирования представлений о безопасности субъектов разных видов профессиональной деятельности, в частности, воинской (И.Н. Панарин<sup>13</sup>), летной (Б.Г. Бугаев, А.И. Прокофьев<sup>14</sup>, А.Ф. Пчелинов<sup>15</sup>). Кроме того, накопленные к этому времени научные материалы сделали возможными первые обобщения представлений о безопасности человека в данной сфере (С.А. Елисеев<sup>16</sup>, М.А. Котик<sup>17</sup>).

Изменение в стране политического микроклимата, сопровождающееся распространением идей гуманизации на многие аспекты жизни общества, способствовало появлению в отечественной психологии исследований, подготавливающих научную почву для формирования представлений о безопасности человека вне сферы трудовой или профессиональной деятельности. В частности, такими исследованиями явились научные изыскания, направленные на изучение поведения человека в критических и экстремальных ситуациях (Л.Д. Битехина<sup>18</sup>, А.Д. Ганюшкин<sup>19</sup>, В.И. Медведев<sup>20</sup>, Ф.Е. Василюк<sup>21</sup>), а также возникающих при этом психических состояний (Н.Д. Левитов<sup>22</sup>, А.А. Генкин, В.И. Медведев<sup>23</sup>), включая психическую напряженность (Н.И. Наенко<sup>24</sup>), стресс (Б.А. Вяткин<sup>25</sup>, Л.А. Китаев-Смык<sup>26</sup>), психологическую защиту человека (П.К. Анохин<sup>27</sup>, В.Ф. Бассин<sup>28</sup>).

Обновление представлений о безопасности в профессиональной деятельности было вызвано рядом техногенных катастроф в стране, наиболее известной из которых явилась катастрофа на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. Данное событие инициировало изучение представлений о культуре безопасности в энергетике (Г.Е. Журавлёв<sup>29</sup>), а позднее — в различных сферах жизнедеятельности человека. Кроме того, оно потребовало изучения широкого спектра нарушений безопасности у ликвидаторов аварии (В.Ю. Рыбников, Т.А. Марченко, А.В. Симонов, Т.Б. Мельницкая<sup>30</sup>) и развития представлений о безопасности субъекта профессиональной деятельности (Т.С. Кабаченко<sup>31</sup>, Н.Л. Шлыкова<sup>32</sup>).

Запрос на дальнейшее развитие научных представлений о безопасности оформился под влиянием политических и социально-экономических изменений в стране, повлекших за собой существенную трансформацию многих аспектов жизни общества. В 90-х гг. XX в. в России разворачивались процессы демократизации, ослабившие идеологическое давление на общество и, одновременно, снизившие уровень защиты граждан со стороны государства. В немалой степени росту уязвимости населения способствовала введенная в действие политика гласности и открытости страны общемировым процессам. Ослабление страны на международном уровне и уничтожение «железного занавеса» сделало ее население уязвимым к информационному давлению из-за рубежа, наступлению иностранных спецслужб на традиционные ценности и стандарты россиян. Осознание социального приоритета защиты сознания населения страны от массовых информационных воздействий способствовало оформлению в конце XX в. нового направления разработки научных представлений о безопасности — информационно-психологической безопасности человека и общества (А.В. Брушлинский<sup>33</sup>, Г.В. Грачёв<sup>34</sup>, В.Е. Лепский<sup>35</sup>, С.Ю. Решетина, Г.Л. Смолян<sup>36</sup>, С.К. Роцин<sup>37</sup>, Т.М. Краснянская, В.Г. Тылец<sup>38</sup>, Т.И. Ежовская<sup>39</sup>).

Переходу на современный этап развития представлений о безопасности способствовало возникновение в стране новых угроз безопасности человека, связанных с экономической нестабильностью, ростом преступности, появлением в обществе ранее не известных явлений инфляции и безработицы, политического противостояния, вооруженных конфликтов.

Уязвимость безопасности человека стала еще более очевидной после распространения в стране террористических угроз (захват г. Буденновска в июне 1995 г., события на Дубровке в Москве в октябре 2002 г., нападение на школу в г. Беслане в сентябре 2004 г., подрывы террористами самолетов и поездов, взрывы в метро и др.)

Обозначенные трагические обстоятельства отечественной истории выступили объективной предпосылкой массированного обращения психологов к развитию научных представлений о безопасности. Начало XX в. характеризуется попытками исследователей построить психологические концепции, объясняющие специфику действия на человека различных неблагоприятных факторов, особенности его реагирования на различные угрозы безопасности, предложить подходы к целесообразному обеспечению безопасности в различных условиях жизнедеятельности (Проблемы...<sup>40</sup>, Т.М. Краснянская, В.Г. Тылец<sup>41</sup>, В.П. Зин-



ченко <sup>42</sup>, А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Е. Б. Перельгина <sup>43</sup>). Накопленные к началу нового столетия представления о психологических аспектах безопасности и ставшие очевидными многочисленные вызовы в сфере безопасности способствовали возникновению психологии безопасности — дисциплины, обеспечивающей методологические предпосылки дальнейшего развития научных представлений о безопасности. Таким образом, 90-е гг. XX в. — начало XXI в. могут быть обозначены в качестве этапа оформления проблематики в структуре психологического знания.

Третий этап развития представлений о безопасности человека в психологии охватывает, согласно нашим представлениям, период истории с начала XXI в. по настоящее время. Характеризуясь стабилизацией классических и появлением новых направлений в представлениях о безопасности, он обозначается нами этапом их структуризации. Все они определяются объективными историко-культурными и социально-экономическими процессами, происходящими в стране. Так, стремительное изменение социального пространства, сопровождающееся появлением новых, неожиданных рисков, и расширение возможностей столкновения с ними, стимулировало развитие научных представлений о безопасности человека в экстремальных и насыщенных стрессом ситуациях (В. Г. Тылец, Т. М. Краснянская <sup>44</sup>). Появление в стране частного производства, рост конкуренции в экономическом секторе, возникновение института коммерческой тайны, факты рейдерских захватов предприятий и т. п. явления в сфере организационных отношений способствовали оформлению и развитию психологических представлений о корпоративной безопасности (И. С. Бусыгина <sup>45</sup>, Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец <sup>46</sup>, Ю. Ю. Гудименко, Е. А. Журавлёва <sup>47</sup>).

Итак, развитие научных представлений о безопасности человека в отечественной психологии находится в неразрывной связи с историческими событиями в стране. Проведенный нами анализ связи научного и исторического процессов подтвердил, что это развитие может быть разбито на три основных этапа: 1) этап подготовительного развития представлений о безопасности человека (начало — 90-е гг. XX в.); 2) этап оформления проблематики в структуре психологического знания (90-е гг. XX в. — начало XXI в.); 3) этап структуризации проблематики в психологии (начало XXI в. — наше время). В целом, выдвинутая гипотеза подтвердилась, а цель исследования, соответственно, была достигнута.

Исследование может быть продолжено в плане детализации современных тенденций развития представлений о безопасности в отечественной психологии.

#### *Примечания*

1. ВОЗЖЕНИКОВ А. В. Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. М. 2002.
2. КРАСНЯНСКАЯ Т. М. Проблема безопасности в историческом генезисе социальных представлений и психологических воззрений. — Научная мысль Кавказа. 2004. № 7, с. 29—37.

3. БЛАГОДЫРЬ Е.М. Безопасное поведение человека: предметно-категориальное содержание в истории психологической науки. — Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1, с. 322—326.
4. КРАСНЯНСКАЯ Т.М. Психология безопасности субъекта экстремальной ситуации: монография. Таганрог. 2005.
5. БАЕВА И.А. Психология безопасности: история, становление, перспективы. — Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2), с. 66.
6. КОТИК М.А. Психология безопасности деятельности: от первых публикаций в Дерпте до современных исследований в Тартуском университете. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1990. № 894, с. 3—33.
7. БЕРНШТЕЙН Н.А. Современная биомеханика и вопросы охраны труда. — Гигиена, безопасность и патология труда. 1930. № 1, с. 3—12.
8. БУРЛЮК Л., ГЕЛЛЕРШТЕЙН С. и др. К вопросу о психологическом изучении несчастных случаев. В кн.: Промышленный травматизм и борьба с ним. М.-Л. 1930, с. 639—689.
9. ШАТЕНШТЕЙН Д.И. Физиология труда и проблемы утомления. — За марсистско-ленинское естествознание. 1931. № 2.
10. ШПИЛЬРЕЙН И.Н. Прикладная психология. Психология труда и психотехника. М. 1930.
11. НОСКОВА О.Г. Психология труда: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. / Под ред. Е.А. Климова. М. 2004.
12. ЭКСАКУСТО Т.В. Теоретические основы социально-психологической безопасности. Ростов-на-Дону. 2010, с. 15.
13. ПАНАРИН И.Н. Психологическая безопасность военнослужащих. — Ориентир. 1995. № 8, с. 48—51.
14. БУГАЕВ Б.Г., ПРОКОФЬЕВ А.И. Психологические аспекты предотвращения авиационных происшествий. — Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 4, с. 85—90.
15. ПЧЕЛИНОВ А.Ф. Профессиональное общение и безопасность полетов. — Вопросы психологии. 1982. № 6, с. 127—128.
16. ЕЛИСЕЕВ С.А. Основные проблемы психологии безопасности труда. — Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 5, с. 97—105.
17. КОТИК М.А. Психология и безопасность. Таллин. 1987.
18. БИТЕХИНА Л.Д. Исследование зависимости поведения в экстремальных ситуациях от некоторых свойств личности. Дисс. ... канд. психол. наук. М. 1977.
19. ГАНЮШКИН А.Д. Исследование состояния психической готовности к деятельности в экстремальных условиях (на материалах спортивной гимнастики). Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л. 1972.
20. МЕДВЕДЕВ В.И. Психологические реакции человека в экстремальных условиях. В кн.: Экологическая физиология человека. Адаптация человека к экстремальным условиям среды. М. 1979, с. 625—672.
21. ВАСИЛЮК Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций. — Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3, с. 90—101.
22. ЛЕВИТОВ Н.Д. О психических состояниях человека. М. 1964.
23. ГЕНКИН А.А., МЕДВЕДЕВ В.И. Прогнозирование психических состояний. Л. 1973.
24. НАЕНКО Н.И. Психическая напряженность. М. 1976.
25. ВЯТКИН Б.А. Управление психологическим стрессом в спортивных соревнованиях. М. 1981.
26. КИТАЕВ-СМЫК Л.А. Психология стресса. М. 1983.
27. АНОХИН П.К. Общие принципы формирования защитных приспособлений организма. — Вестник Академии медицинских наук СССР. 1962. № 4, с. 16—26.
28. БАССИН Ф.В. О силе Я и психологической защите. — Вопросы философии. 1969, № 2, с. 118—126.
29. ЖУРАВЛЁВ Г.Е. Системно-психологический подход к проблеме культуры безопасности в энергетике. — Психологический журнал. 1997. № 3, с. 36—44.
30. РЫБНИКОВ В.Ю., МАРЧЕНКО Т.А., СИМОНОВ А.В., МЕЛЬНИЦКАЯ Т.Б. Информационно-психологическая безопасность от риска радиационного поражения: концепция, принципы, модель, рекомендации. Российско-белорусский информаци-

онный центр по проблемам преодоления последствий чернобыльской катастрофы. М. 2009.

31. КАБАЧЕНКО Т.С. Нарушение психологической безопасности в контексте активности профессионала. Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М. 2000.
32. ШЛЫКОВА Н.Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности. М. 2004.
33. БРУШЛИНСКИЙ А.В. Субъект безопасности и безопасность субъекта. В кн.: Проблемы информационно-психологической безопасности (Сборник статей и материалов конференций). М. 1996, с. 39—43.
34. ГРАЧЁВ Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М. 1998.
35. ЛЕПСКИЙ В.Е. Проблемы информационно-психологической безопасности. — Психологический журнал. 1996. № 3, с. 166—168.
36. РЕШЕТИНА С.Ю., СМОЛЯН Г.Л. Информационно-психологическая безопасность личности (Контур проблемы). В кн.: Проблемы информационно-психологической безопасности. М. 1996, с. 18—26.
37. РОЩИН С.К. Некоторые вопросы информационно-психологической безопасности российского общества. Там же, с. 26—32.
38. КРАСНЯНСКАЯ Т.М., ТЫЛЕЦ В.Г. Классификация угроз информационно-психологической безопасности личности и основные подходы к их преодолению. — Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 30. № 4, с. 210—216.
39. ЕЖЕВСКАЯ Т.И. Личностные ресурсы в обеспечении информационно-психологической безопасности человека. — Гуманитарный вектор. 2011. № 1 (25), с. 104—107.
40. Проблемы психологической безопасности. / Ред. Н.В. Тарабрина, А.Л. Журавлёв. М. 2012.
41. КРАСНЯНСКАЯ Т.М., ТЫЛЕЦ В.Г. Психологический анализ уровней безопасности человека. — Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 2, с. 31—36.
42. ЗИНЧЕНКО В.П. Методологические основы психологии безопасности. — Национальный психологический журнал. 2011. № 4, с. 11—14.
43. ДОНЦОВ А.И., ЗИНЧЕНКО Ю.П., ЗОТОВА О.Ю., ПЕРЕЛЫГИНА Е.Б. Психология безопасности. М. 2020.
44. ТЫЛЕЦ В.Г., КРАСНЯНСКАЯ Т.М. Психологическая безопасность личности в современной стрессогенной среде. В кн.: Современное общество: к социальному единству, культуре и миру. Материалы международного форума. Ставрополь. 2016, с. 277—279.
45. БУСЫГИНА И.С. Международная корпоративная безопасность в условиях глобализации. — Прикладная юридическая психология. Рязань. 2010. № 3, с. 104—112.
46. КРАСНЯНСКАЯ Т.М., ТЫЛЕЦ В.Г. Симулякры психологической безопасности в деятельности организации. — Человек. Сообщество. Управление. 2015. № 1, с. 18—30.
47. ГУДИМЕНКО Ю.Ю., ЖУРАВЛЁВА Е.А. Гл. 16. Психология корпоративной безопасности в условиях глобализации. В кн.: ЖУРАВЛЁВ А.Л. и др. Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации. Тверь. 2019, с. 243—264.

# ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

---

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi21 УДК 93/94

## Реформа МИД Индонезии как отражение эволюции внешнеполитического курса страны (2001—2009 гг.)

Н. С. Куклин, М. А. Шпаковская

---

*Аннотация.* В статье анализируются реформы Департамента иностранных дел Индонезии (ДИД) в 2001—2009 гг. Авторы исследуют взаимосвязь коренных политических преобразований периода Реформации и внутренних реформ внешнеполитического ведомства после падения режима Сухарто. Перед ДИД Индонезии стояли задачи по трансформации как идеологических основ индонезийской дипломатии, так и внутренних механизмов функционирования органа на новом историческом этапе. В наши дни проведение этой реформы считают одним из факторов успеха современной внешней политики Индонезии, способствующим решению ряда региональных и глобальных проблем дипломатии этого государства.

*Ключевые слова:* Индонезия, Юго-Восточная Азия, реформа МИД, АСЕАН.

*Abstract.* The article provides a detailed analysis of the Indonesian Department of Foreign Affairs (Deplu) reform in 2001—2009. The authors examine the connection between the fundamental Reformasi period political transformations and internal reforms of the foreign ministry and in Indonesia after the fall of the Suharto regime. The Deplu at the new historical stage faced the task of completely transforming both the ideological foundations and the internal mechanisms of the Indonesian diplomacy institution's functioning. Today, the reform is considered one of the success factors for contemporary Indonesian foreign policy and the foundation for strengthening Indonesian regional and global role.

*Key words:* Indonesia, Southeast Asia, Foreign Ministry reform, ASEAN.

---

Министерство иностранных дел Индонезии на протяжении всей истории страны выступало одним из центральных органов обсуждения и принятия внешнеполитических решений. Несмотря на политическое давление со стороны иных бюрократических и политических институтов,

---

*Куклин Никита Сергеевич* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений (ТИМО) Российского университета дружбы народов (РУДН), аспирант кафедры ТИМО, эксперт Центра АСЕАН МГИМО. E-mail: kuklin-ns@rudn.ru, *Шпаковская Марина Анатольевна* — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН). E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru.

*Kuklin Nikita S.* — assistant and the PhD candidate at the department of Theory and history of international relations, RUDN University. MGIMO ASEAN Centre expert. Email: kuklin-ns@rudn.ru, *Shpakovskaya Marina A.* — doctor of history, professor at the department of Theory and history of international relations, RUDN University. E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru.

---

МИД Индонезии успешно преодолел их попытки ограничить его роль в процессе выработки внешнеполитических решений.

Особенностью системы управления МИД Индонезии с момента его создания являлось то, что им руководили не только высококвалифицированные профессионалы, но и известные в стране представители интеллигенции.

Наиболее сложный период в деятельности министерства пришелся на правление Сухарто (1968—1998), когда военным удалось взять под свой контроль выработку внешнеполитических решений в стране. Нынешнее название Министерство иностранных дел Индонезии получило лишь в 2008 г. До этого оно именовалось Департаментом иностранных дел — ДИД. В этот период ключевые должности в ДИД Индонезии занимали представители военных кругов, получившие более высокий статус по сравнению с гражданскими служащими или профессиональными дипломатами. Несмотря на это, нельзя с полной уверенностью утверждать, что военные обладали полным контролем над деятельностью департамента. Однако их руководство структурой центрального аппарата и заграничных учреждений негативно влияло на проведение внешней политики и принятие важных внешнеполитических решений. Такая ситуация сложилась несмотря на то, что Сухарто стремился диверсифицировать систему государственного управления и поддерживал предложения дипломатов-профессионалов при обсуждении тех или иных вопросов. Сухарто прекрасно понимал, на кого необходимо опираться в том непростом экономическом положении, в котором оказалась страна, чтобы привлечь иностранные инвестиции и партнеров для дальнейшего развития экономики страны.

Хотя Сухарто за время своего правления удалось наладить эффективное взаимодействие дипломатов и военных, тем не менее в условиях новых реалий международной действительности, таких как распад биполярной системы и вновь обострившиеся внутривнутрирегиональные проблемы, требовались новые дипломатические подходы и решения, которые «старая бюрократическая машина» выработать не могла.

Позднее, в период Реформации и постсухартовского государственного строительства (1998—2004), перед президентами встала задача коренного преобразования системы государственного управления, в том числе ДИД. Необходимо было выстраивать функционирование государственных органов на базе новых демократических принципов и ценностей социальной справедливости, на которые опирались президенты периода Реформации <sup>1</sup>.

Однако прежде чем перейти к анализу реформ этого периода, необходимо рассмотреть, что же привело к появлению так называемого кризиса ДИД эпохи Сухарто и какие шаги предпринимали власти для его преодоления.

В 1965 г., после подавления прокоммунистического переворота Движения 30 сентября <sup>2</sup>, Сухарто запустил процедуру отстранения от власти своего предшественника и первого президента страны Сукарно, который тем не менее сохранял статус президента в течение трех лет. В эти годы вся власть фактически находилась в руках представителей армии.

Последние критиковали Сукарно за бездействие в защите того, что он сам же и создал, а именно идеологии «Панча Сила» и единого индонезийского государства из-за симпатий к коммунистам. Именно коммунисты как одна из ведущих политических сил страны сыграли решающую роль в период подготовки восстания, после подавления которого Сухарто развернул кампанию по их преследованию. До сих пор в научном сообществе ведется дискуссия о главенствующей роли Компартии Индонезии в заговоре, однако Сухарто выдвинул им обвинения в подготовке и проведении государственного переворота.

Сформированный Сухарто режим вошел в историю как режим «Нового Порядка», так как в нем были заложены отличные от «Старого Порядка» периода Сукарно принципы государственного управления.

Под эгидой Оперативного командования восстановления безопасности и порядка (Koramtib) в стране были созданы специальные комиссии для проведения реформы государственных учреждений. Положение Департамента иностранных дел в новых условиях осложнялось еще и тем, что ведомство возглавлял министр Субандрио, совмещавший должность главы ДИД с должностью начальника разведки. Субандрио был одним из идеологов формирования внешней политики Сукарно и его доверенным лицом. Кроме того, именно он являлся одним из инициаторов политики, направленной на выстраивание тесного взаимодействия с СССР и развитие дружественных отношений с Компартией Китая <sup>3</sup>.

Поскольку имелись веские подозрения относительно связей дипломатов ДИД с коммунистами, Коркамтиб предложил Субандрио возглавить созданную военными специальную исполнительную службу по иностранным делам (Laksus), главной задачей которой явились бы «контрпартизанские действия» в рядах департамента и индонезийских загранучреждений и выявление коммунистов среди дипломатов. Под давлением военных Субандрио вынужден был согласиться на создание такой надзорной службы, что явилось первым шагом к потере высокого статуса ДИД и его влияния на внешнюю политику.

Сукарно, сохраняя пост президента, попытался сформировать правительство и включить в его состав Субандрио, однако это вызывало не только волну народных протестов недоверия к Сукарно, но и негативную реакцию военных, которые арестовали новое правительство в 1965 г.

Профессиональные дипломаты сохранили свои основные посты, а военные, следуя принципу «двойной функции» (Dwifungsi) ответственности армии за общество, заняли соответствующие должности в самом Департаменте, а также в дипломатических миссиях, контролируя «умственное и культурное» развитие его сотрудников <sup>4</sup>.

Сухарто считал необходимым сохранять пропорциональный баланс гражданских и военных чинов в деятельности ДИД, поставив у руководства министерства таких опытных деятелей, как Адам Малик и Мохтар Кусумаатмаджа, зачастую игнорировавших указания военных и убеждавших Сухарто в ненужной «агрессивности» силовых структур, опасной для международного имиджа страны.

В результате за военными сохранились только вопросы, касавшиеся территориальной целостности, идеологического контроля и безопасности.

Перед внешнеполитическим ведомством была поставлена задача по формированию достойного имиджа страны, проведению политики неприсоединения и экономического процветания. Одной из важнейших негласных функций дипломатии Сухарто по-прежнему оставался антикоммунизм. Основой легитимности режима были обещания, данные народу и элитам, по созданию в стране развитой экономики и выработке конкретной программы развития страны, в отличие от акронимов и идеологических лозунгов периода правления Сукарно.

Здесь можно отметить значительные различия во взглядах двух президентов на роль страны на мировой арене. Если Сукарно представлял Индонезию как молодую революционную силу, готовую содействовать многим странам в освобождении от колониального гнета и передать свой опыт государственного строительства, то Сухарто основное внимание уделял поступательному социально-экономическому развитию, политике умеренного изоляционизма, а также политическому и экономическому прагматизму в выборе партнеров. При этом Сухарто сохранил сукарновское видение государственности, возведя принципы национальной философии «Панча Сила» в ранг идеологии, определявшей внутреннюю и внешнюю политику страны <sup>5</sup>.

Положения официальной индонезийской философской доктрины «Панча Сила» позволили объединить разные слои населения. Идеология стала основой для преодоления усилившихся центробежных тенденций сепаратизма и опасностей исламистского экстремизма. Одновременно с этим Сухарто стремился усилить объединяющие положения националистической платформы и противопоставить их коммунистам, религиозным силам и демократам. Сухарто особенно выделял экономическую политику, поставив у ее руководства влиятельных технократов, получивших образование в США и именуемых по этой причине «мафия Беркли» <sup>6</sup>.

В подобных условиях перед дипломатией стояла сложная задача выстраивания отношений в основном с западными странами как потенциальными донорами средств для внутреннего развития Индонезии, инвестиций, технологий. Одновременно необходимо было сохранить дружественные отношения с молодыми независимыми государствами.

Несмотря на то что в руководстве дипломатического ведомства многие посты занимали гражданские лица, численность военных их превосходила. Сухарто, официально назначенный президентом в 1968 г., стал активно привлекать офицеров в качестве дипломатических эмиссаров на ключевые стратегические или дипломатические посты. В этой связи курирование вопросов взаимоотношений с основными партнерами, прежде всего с США и Австралией, также было возложено на военных.

Эти должности были почетны, что давало возможность Сухарто выдвигать на ключевые посты лояльных ему офицеров, отстраняя тех, кто выступали с критикой режима, и потенциальных соперников <sup>7</sup>. Одним из таких назначений стало направление близкого к Сухарто генерала Йога Сугама в качестве постпреда Индонезии в ООН в 1971—1974 гг.

Кроме того, военные получили возможность пользоваться собственными средствами специальной связи в загранучреждениях, что позволяло им обращаться по различным вопросам к высшему руководству страны и докладывать в центр о работе дипмиссий.

Сухарто за годы своего президентства приблизил к себе ряд влиятельных лиц, в основном из армейских офицеров, которые ранее служили под его командованием и оказывали определенное влияние на формирование внешней политики «Нового Порядка». Эти высокопоставленные офицеры были известны как «Персональный штаб» (Staf Pribadi) Сухарто. В их число входили такие деятели, как генерал-майор Суджоно Хумардани, советник Сухарто по экономическим вопросам; бывший генерал SPRI по политическим вопросам, бригадный генерал Али Муртопо; бывший командующий генерал Бенни Мурдани и бывшие государственные секретари — генерал-лейтенанты Судармоно и Мурдионо. Персональный штаб также управлял двумя военными полугосударственными фондами (Yayasan), куда поступали финансовые средства от лояльных режиму предпринимателей, таких как Судано Салим и Боб Хасан, с которыми президент тесно сотрудничал, еще будучи армейским генералом. Практика использования фондов для нужд элиты стала нормой в период Сухарто и закрепляла единство военных, госаппарата и бизнес-монополистов в статусе государственной элиты<sup>8</sup>. Военные тормозили эффективность внешней политики не только некомпетентным вмешательством, но и прежде всего, созданием коррупционно-непотической системы в рядах ДИД. В результате миссии недополучали необходимое финансирование, которое присваивалось военными назначенцами, а нехватка профессиональных кадров сказывалась на осуществлении дипломатических задач. Работа в ДИД, за редким исключением, стала привилегией выходцев из богатых семей, лояльных режиму Сухарто. На эти факторы не принято обращать внимания. Считается, что они относятся к внутренним вопросам работы миссий, однако долговременный эффект такой системы управления заключался в снижении эффективности и гибкости работы системы ДИД в целом.

Политическая структура управления государством при Сухарто представляла собой унитарную республику президентского типа с самыми широкими полномочиями главы государства. Сухарто опирался на централизованную и персонализированную закрытую систему государственного управления.

Однако с момента образования индонезийского государства в стране сложилась конкурентная система взаимоотношений властных элит. Это было обусловлено многообразием политических сил, придерживавшихся противоположных идеологических и политических взглядов на будущее страны. В этой ситуации Сухарто вынужден был проводить компромиссную политику, учитывать интересы политических и экономических элит страны, а также мусульманских организаций, взгляды которых разделяло около 80% населения.

Как уже было упомянуто выше, Сухарто принял решение о назначении главами ДИД так называемых министров-интеллектуалов, которые были не только популярны в индонезийском обществе, но и обладали необходимым уровнем компетенции для выполнения возложенных на них обязанностей. Среди них журналист Адам Малик (1966—1978), шахматист и юрист Мохтар Кусумаатмаджа (1978—1988), карьерный дипломат Али Алатас (1988—1999) и др. По роду своей профессиональной деятельности им приходилось неоднократно вступать в конфликт с военны-



ми и требовать от президента ограничить их влияние на деятельность ДИД. Такое требование дипломатов было объективно оправдано — страна нуждалась в гибкой и прагматичной дипломатии, особенно после интвенции индонезийских войск в Восточный Тимор в 1975 г.

Несмотря на попытки военных полностью подчинить себе деятельность внешнеполитического ведомства и контролировать дипломатические переговоры, министрам все же удавалось добиваться реализации собственных предложений.

Так, Мохтар Кусумаатмаджа, будучи специалистом по морскому праву, добился признания за Индонезией принадлежности расширенных морских территорий шельфа, а также выступил автором ряда монографий и статей по юридическим вопросам, в частности по проблемам морского права, и возглавлял делегацию Индонезии на конференции ООН по морскому праву в Каракасе в 1974 г. Обосновать принадлежность морских территорий Мохтар Кусумаатмаджа смог, опираясь на выдвинутую Индонезией правовую концепцию представления страны как «государства-архипелага» (*Wawasan Nusantara*). Эта концепция была разработана еще в 1957 г., но усовершенствована министром Мохтаром Кусумаатмаджей уже в новых геополитических реалиях, что дало возможность практически обосновать исторические права Индонезии на расширенную акваторию. Ранее в качестве министра юстиции (1973—1978) Мохтар Кусумаатмаджа также смог восстановить работу Национального института реформирования законодательства, в рамках которого ему удалось в соавторстве с другими юристами дополнить эту концепцию. Также Кусумаатмаджа добился от Сухарто его согласия на проведение внешнеполитического курса, ориентированного на создание культурного имиджа Индонезии с упором на факторы «мягкой силы»<sup>9</sup>.

Находясь на посту министра иностранных дел (1978—1988), Мохтар Кусумаатмаджа многое сделал для восприятия страны в мире не как военной диктатуры, а как страны с богатым культурным наследием, продвигая национальную культуру народов Индонезии. Так, при его непосредственном участии были организованы и проведены Первый международный фестиваль гамелана в Ванкувере одновременно с Экспо-86, выставкой искусства папуасского народа асмаг и выступлением известной танцевальной труппы княжества Мангкунегаран. Необходимо отметить, что именно при нем значительно улучшились отношения с Советским Союзом. В 1984 г. глава индонезийского ДИД впервые за несколько десятилетий посетил с официальным визитом СССР.

По инициативе министра, посольства, воспринимаемые как проводники интересов военной элиты, стали выполнять функции культурных площадок и выставочных центров разнообразной и уникальной народной культуры Индонезии. До этого решения посольства в основном работали в рамках первого трека взаимодействия с властями страны пребывания и довольно формально относились к иным функциям дипломатических и консульских миссий.

Однако даже деятельность министра, направленная на повышение имиджа государства, не всегда способствовала признанию интересов Индонезии. Прежде всего, это было связано с деятельностью военных в Восточном Тиморе. В ответ на требования других стран прекратить бо-

евые действия военные заявляли о незыблемости национальных интересов Индонезии и необходимости присоединения Восточного Тимора как неотъемлемой части страны. Именно тиморская оккупация оставалась главным препятствием на пути к привлечению инвестиций, так необходимых индонезийской экономике в связи с соответствующими санкциями.

Тем не менее именно деятельность профессиональных дипломатов даже в этих условиях способствовала формированию у мирового сообщества, и прежде всего региональных стран, привлекательного образа Индонезии.

Индонезия участвовала в урегулировании многолетнего кампучийско-вьетнамского конфликта и по итогам Парижского соглашения 1991 г., наряду с другими государствами — членами АСЕАН, предоставила миротворцев для Временного органа ООН в Камбодже (ЮНТАК), который осуществлял свою деятельность с 1992 по 1993 гг.

Индонезия всячески поддерживала миротворческие решения и призывала партнеров к урегулированию региональных кризисов. Так, Сухарто лично возглавил делегацию, направившуюся в Камбоджу после прихода к власти Хун Сена, придерживаясь в рамках этой миссии довольно прагматических целей по поиску консенсуса с коллегами по АСЕАН <sup>10</sup>.

В конце 1990-х гг. уже явно ощущалась необходимость преобразований во внешнеполитической доктрине страны, ее идеологических основ, направленных на позитивное восприятие Индонезии на международной арене. Однако формирование образа привлекательной страны по-прежнему сдерживалось стагнацией внутренних властных структур. Авторитет Индонезии особенно укрепился благодаря лидерству страны в АСЕАН и ее миротворческим инициативам в Юго-Восточной Азии в конце 1980-х гг. Там, где военные выступали за жесткие меры в политике, отказывались идти на компромисс или рассматривали силовой сценарий решения проблем, ДИД пытался найти мирные пути разрешения противоречий.

Важную роль в деятельности ДИД Индонезии сыграл Али Алатас, последний министр иностранных дел при Сухарто. Понимая необходимость укрепления миротворческого авторитета Индонезии, он лично принял самое активное участие в работе Международной конференции в Париже в 1991 г., по результатам которой была достигнута договоренность о прекращении военных действий между правительством Камбоджи и «красными кхмерами». Алатас, к мнению которого прислушивались представители различных элитарных групп уже в сухартовские времена, заговорил о необходимости реформирования внешнеполитического ведомства.

С началом периода Реформации и коренных преобразований в индонезийском обществе главными силами на политической арене стали выступать ранее подавляемые демократы (сторонники «Панча Сила», близкие к сукарновской ее версии) и мусульманские партии, представленные в том числе крупнейшими в мире мусульманскими организациями Нахдатул Улама и Мухаммадия <sup>11</sup>.

Хотя военные утратили свои ключевые посты, они по-прежнему оставались значительной властной фракцией в правительстве и не изменили направленности своей политики. Даже такие высокопоставленные

командующие индонезийской армией и впоследствии известные политики, как главнокомандующий Национальной армией Индонезии Виранто или командующий стратегическим резервом сухопутных войск Прабово Субианто, ясно заявляли, что не одобряют нововведений и преобразований во внешнеполитическом курсе страны.

С 1998 г. этот конфликт обострился в связи с внутренней борьбой реформаторов и военных элит по поводу позиции нового президента Индонезии Бухаруддина Юсуфа Хабиби относительно референдума в Восточном Тиморе. Президент, обеспокоенный все большим давлением международного сообщества на Индонезию по тиморскому вопросу, намеревался разрешить там референдум о самоопределении, в то время как военные настаивали на продолжении военной операции. Несмотря на позицию армии, президент Хабиби единолично принял решение о проведении референдума. Наиболее вероятное объяснение его решения по этому вопросу заключается в том, что оно было напрямую связано с экономическим кризисом в Индонезии. Проведение референдума в Восточном Тиморе можно расценивать не только как прямую попытку успокоить международное сообщество по поводу «агрессии Индонезии в Тиморе», но и обеспечить возможности получения помощи от Мирового валютного фонда и Всемирного банка.

Тем не менее это решение привело к конфликту Хабиби с генералом Виранто — главнокомандующим армией и министром обороны Индонезии. Последний заявил, что от референдума скорее пострадает политический имидж Хабиби, а не интересы Индонезии. Армия продолжала вооружать «проджакартских» ополченцев Восточного Тимора и наращивала боеготовность регулярной армии, что не соответствовало заявлениям президента о сокращении военного присутствия в Тиморе. Однако военным вскоре пришлось ослабить свое давление, понимая, что и народ, и элиты более не способны воспринимать военный режим и его требования. Нараставшее недовольство военными и настороженное к ним отношение в обществе, в том числе среди политиков, заставило многих военных подать в отставку и присоединиться к политическим партиям, выражавшим близкие им идеологические взгляды.

С приходом Абдурахмана Вахида — лидера организации Нахдатул Улама на пост президента в 1999 г. исламский ученый и депутат Альви Шихаб сменил на посту министра иностранных дел Али Алатаса. Но так как А. Шихаб не обладал необходимыми профессиональными знаниями, он не решился менять старую структуру управления, начав процесс постепенной демилитаризации ДИД, хотя о полноценной реформе речи не шло. В 1999 г. в Индонезии был принят Закон о внешних связях<sup>12</sup>, в котором традиционно подчеркивалось, что внешняя политика Индонезии является независимой и активной, направлена на служение национальным интересам во имя социальной справедливости народов Индонезии. Так, в этом законе, который ознаменовал собой новую эпоху в развитии основ внешней политики страны, была отражена классическая для индонезийской дипломатии доктрина активной независимости Хатта. В Разъяснении к Закону № 37 от 1999 г. индонезийские власти указывали, что государство проводит независимую и активную политику, включающую совокупность подходов к международным проблемам XXI в. в со-

ответствии с собственными интересами без какой-либо зависимости от блоков, союзов и внешнего давления в целом.

Сразу же после импичмента президента Вахида <sup>13</sup> в 2001 г. и прихода к власти дочери Сукарно — Мегавати Сукарнопутри стало ясно, что новое демократическое государство нуждается в возрождении профессиональной дипломатической службы и реформе ДИД. В этот период в стране уже шел процесс реформирования органов власти — армии, полиции, юридической системы и др.

Мегавати ввела в состав кабинета министров Хассана Вираюду — протеже Али Алатаса и профессионального дипломата. Столкнувшись с проблемами сепаратизма в ряде провинций, таких как Ачех, и ростом исламистского радикализма в обществе, Мегавати фактически передала управление внешней политикой Хассану Вираюде. В свою очередь, новый министр инициировал одну из самых знаковых реформ в истории внешнеполитического ведомства Индонезии <sup>14</sup>.

Поскольку структура МИД Индонезии была сформирована при Сухарто и укомплектована старыми кадрами, новый министр приступил к реформированию структуры министерства, упразднив прежнюю бюрократическую систему управления и начав процесс обновления кадрового состава и создания прозрачных механизмов финансирования.

Вираюда открыл двери в МИД молодым специалистам, которые должны были выдержать конкурсный экзамен при поступлении на службу. Это был смелый и решительный шаг, сломавший старую систему получения должностей по наследству или в силу принадлежности кандидата к влиятельной и богатой семье.

В новых условиях конкуренции и притока квалифицированных кадров высшим чинам и бывшим военным назначенцам было довольно трудно получать доступ к тем источникам неформального дохода, который они имели ранее благодаря должностям и командировкам.

Они более не считались непререкаемыми авторитетами в рядах дипломатических миссий, а любая их попытка давления на сотрудников пресекалась со стороны центра. Возраст также не являлся помехой для высокой должности, что снимало статусные и возрастные барьеры, характерные для авторитарного стиля Сухарто. Была пересмотрена система финансирования дипломатических миссий, и военные потеряли право контроля над финансовыми потоками.

Важной инициативой нового министра явилось преобразование управления ведомства и введение новой структуры, поддержанной президентским указом 2001 г., в целях смещения принципов работы министерства в сторону новых демократических ценностей и демократической корпоративной культуры. Громоздкие отраслевые подразделения были заменены на гибкие директораты, работавшие по географическому принципу, а существовавшая ранее жесткая система контроля и распоряжений трансформировалась в целях распределения полномочий не по вертикали, а по горизонтали между сотрудниками со схожими должностными уровнями <sup>15</sup>.

Аналогичные принципы затронули и организацию работы в дипломатических миссиях за рубежом. Президентский указ № 108 от 2003 г. <sup>16</sup> напрямую указал министерству на необходимость перехода на стандар-

ты планирования своей деятельности в форме стратегических и годовых операционных планов. Для каждой должности вводились контрольные показатели эффективности (КРІ) <sup>17</sup>, призванные сделать работу дипломатов более прозрачной и структурированной. В результате у каждого подразделения ДИД появлялись свои планы и задачи. Послам и генконсулам при этом предоставлялась большая автономия на местах.

Следующим важным и закономерным шагом стал перевод института военных атташе под управление ДИД, а не армии. Теперь назначение атташе происходило по предложениям дипломатических директоратов при консультации с военными. Таким образом, военные полностью утратили прежние позиции в дипмиссиях, сохранив свои должности лишь формально.

Значительные изменения коснулись и порядка взаимодействия посольств с индонезийскими гражданами за рубежом. Новые демократические принципы и традиционные идеи социальной справедливости предопределили большую открытость деятельности загранучреждений. В эпоху Сухарто дипломатические миссии были ориентированы скорее на продвижение интересов элиты за рубежом, поиск инвесторов, проведение формального комплекса мероприятий и обсуждение значимых вопросов в стране пребывания, в то же время такие важные функции, как взаимодействие с гражданами, выполнялись не в полной мере и не позволяли гражданам получить своевременную помощь. Некоторые дипмиссии намеренно исключительно формально работали с диаспорой. По новым правилам одним из основных направлений деятельности дипмиссий должно было стать оказание содействия гражданам Индонезии на территории другого государства в случае необходимости.

С развитием интернет-технологий министр Вираюда обратил внимание на необходимость обеспечения ДИД и загранучреждений передовыми средствами связи. Раздельные линии связи для дипломатов и военных были упразднены. Был определен порядок создания сайтов дипломатических миссий, их наполнения контентом и размещения на них контактов и форм обратной связи, что отвечало мировым стандартам и являлось объективной реакцией на развитие технологий в мире. Также это шло в русле стремления правительства к внедрению демократических принципов в структуру деятельности ДИД <sup>18</sup>.

В достаточно короткие сроки действовавшая система дипмиссий была переведена на современные стандарты шифрования и безопасности информации, что позитивно отразилось на уровне коммуникации МИД Индонезии и представительств за рубежом. В условиях быстрого развития интернета от ДИД требовались новые формы работы в открытом доступе, что предполагало большую доступность и информативность и способствовало созданию имиджа дипломатии Индонезии как более открытой и доступной.

После изменения структуры управления министерством Хассан Вираюда столкнулся с необходимостью реформирования теоретических и идеологических основ деятельности ДИД в целях их большей адаптации к новым условиям. Эта задача сформировалась под влиянием социально-политических изменений в стране, за которыми последовало изменение целей и задач деятельности государственных органов на ме-

стах, определяемых демократическим духом Реформации. Новая Индонезия представляла миру совершенно иной образ страны — процветающей, гармоничной и открытой для диалога.

Хассан Вираюда сам определил стиль и методы индонезийской дипломатии: она стала более открытой, сохранив при этом ядро кадров старой школы. Вираюда выступал за ее изменение в сторону публичной дипломатии и «мягкой силы». Кроме того, Хассан Вираюда предложил новые теоретические основы для индонезийской дипломатии, получившей название *Diplomasi total* («всеобъемлющая дипломатия»). Эта концепция предполагала укрепление авторитета страны на мировой арене более активным ее участием в жизни всех сфер общества тех стран, с которыми установлены дипломатические отношения. Таким образом, Вираюда сделал мультитрековую дипломатию частью внутримидовского дискурса и основой деятельности, без которой сегодня трудно представить работу дипломатических представительств Индонезии. Она направлена не только на организацию официальных мероприятий, но и на проведение культурных вечеров, бизнес-форумов, научных конкурсов, фестивалей и различных выставок достижений народного хозяйства <sup>19</sup>.

Сразу же после начала преобразований, нацеленных на проведение реформы открытости и доступности, индонезийская дипломатия стала работать на абсолютно новых принципах, что благотворно повлияло на ее имидж. Этому способствовало и то, что при президенте Хабиби страна смогла преодолеть тиморский кризис, а уже при Мегавати активно включилась в борьбу с терроризмом и выступила с активной позицией осуждения исламофобии и вторжения США в Ирак и Афганистан. Для отстаивания подобных позиций на мировой арене в целях возрождения образа Индонезии как защитника социальной справедливости и миротворца требовались гибкая структура ДИД и подготовленные профессиональные кадры дипломатов.

При Мегавати Индонезия активизировала свою деятельность в рамках двусторонней дипломатии и стала одним из лидеров стран Юго-Восточной Азии по числу двусторонних контактов и визитов. В то же время страна начала более активно участвовать в работе ООН и других международных организациях. Индонезийская дипломатия действительно оказалась в ситуации, при которой она должна была проявлять гибкость и добиваться успехов сразу на нескольких направлениях, что способствовало усилению позиций Индонезии не только в регионе, но и в мире, превращению ее во влиятельного участника международных процессов.

Завершение периода Реформации в стране напрямую связывают со всеобщими выборами 2004 г., в рамках которых окончательно сформировался механизм избрания президента и вице-президента всенародным голосованием. Ранее президенты получали свои полномочия либо в силу статуса вице-президента, как это произошло с Хабиби, либо посредством прямого утверждения парламентом страны, как в случае с Абдуррахманом Вахидом и Мегавати Сукарнопутри. Первым президентом Индонезии, избранным всенародным голосованием, стал Сусила Бамбанг Юдойоно, который воплощал сразу несколько качеств,

присущих различным элитам того периода. Он был кадровым военным, служил при Сухарто и одним из первых военных отказался осуждать режим «Нового Порядка» после его падения. Юдойоно поддержал реформы нового правительства и новую роль военных как нейтральной политической силы.

В кабинете Мегавати Юдойоно получил пост министра-координатора по вопросам политики, права и безопасности. После терактов на Бали в 2002 г. на Юдойоно была возложена обязанность борьбы с терроризмом и активного противодействия росту сепаратизма в провинции Ачех. Репутация Юдойоно как фигуры, которая поддерживалась как реформаторами, так и консерваторами, дала ему возможность принять решение о создании собственной партии и выдвижении своей кандидатуры в президенты. И, несмотря на острую конкуренцию с Мегавати, Юдойоно удалось победить на выборах.

Будучи опытным государственным деятелем, Юдойоно видел необходимость формирования государственных основ на базе идеологии «Панча Сила» и проведения активной и независимой внешней политики. В то же время он понимал, что страна нуждалась в кодификации достигнутых Реформации, которая с его избранием достигла своих целей.

С приходом к власти Юдойоно взял курс на сохранение стабильной и сильной государственной системы, в том числе возродил ряд общенациональных традиций, которые существовали при Сукарно. Эта линия коснулась и сферы внешней политики страны. Юдойоно сохранил в составе кабинета Хассана Вираюду, автора реформы ДИД и главного инициатора коренных преобразований принципов индонезийской дипломатии.

Международная обстановка и интересы Индонезии на международной арене, сформировавшиеся еще при Мегавати, практически не изменились при Юдойоно. Принимая это во внимание, Вираюда, как руководитель Департамента иностранных дел, столкнулся с такими вызовами в мировой политике, как интервенция США в Ирак и Афганистан, рост напряженности в рамках арабо-израильского конфликта и иранская ядерная проблема. При нем продолжился курс на продвижение образа Индонезии как влиятельного актора мировой политики <sup>20</sup>.

Вместе с тем усиление демократических тенденций и все большая вовлеченность гражданского общества в обсуждение политических решений обязывали Юдойоно проводить социально ориентированную внешнюю политику, отражающую действительно значимые, понятные для общества ценности, а не служить личным интересам элит и волюнтаризму политиков <sup>21</sup>.

Учитывая увеличение роли демократического и исламского дискурса в стране, Юдойоно выдвинул тезис о совместимости демократии и ислама во внешней политике, которые, наряду с идеологией «Панча Сила», должны стать ее главенствующей основой. Так, с одной стороны, были упорядочены представительства всех политических сил во внешнеполитической сфере, с другой — подведена действительно широкая база под гибкую структуру ДИД, сформированную Вираюдой при прошлом президенте.

Также президент Юдойоно выдвинул четыре принципа внешней политики, которые были провозглашены им в выступлении 19 августа

2005 г. по случаю 60-летия ДИД Индонезии: конструктивность подходов, самобытность в современном виде, национализм и отказ от военных союзов с другими странами<sup>22</sup>. Ранее, 20 мая 2005 г., в своей речи перед Советом по международным делам Индонезии (ICWA), президент заявил, что Индонезия является третьей в мире демократией и страной, где ислам успешно уживается с демократическими принципами. В той же речи президент упомянул старые принципы и методы индонезийской дипломатии, сформулированные еще М. Хатта в 1948 г. По мнению исследователя АТР Амитавы Ачарья, «индонезийская история показывает, что страна пошла по другому пути в рамках формирования своей силы по сравнению с другими странами. Этот путь не столько основан на военной мощи или экономических ресурсах; скорее, он состоит в способности страны развивать гармоничное соотношение трех факторов: демократии, развития и стабильности, сочетая это со сдержанной внешней политикой по отношению к соседям и активным взаимодействием с миром в целом. Это главный урок из истории Индонезии, на который следует обратить внимание»<sup>23</sup>.

Юдойоно предложил некий компромисс между старыми и новыми стратегиями во внешней политике. Усиление курса на развитие двусторонних связей при Мегавати привело к тому, что Индонезия стала активно развивать контакты как с великими державами, так и со средними и малыми. Однако страна по-прежнему воздерживалась от возможных военных обязательств и союзов, которые могли поставить под сомнение проводимую ею политику нейтралитета. В своей инаугурационной речи 2009 г. Юдойоно провозгласил новый стратегический курс и наметил основные направления внешней политики Индонезии, что впервые получило широкое освещение в международной прессе и социальных сетях.

Как заявил Юдойоно, «Индонезия находится в стратегической ситуации, в которой ни одна страна не воспринимает Индонезию как врага, и нет страны, которую Индонезия считает врагом. Таким образом, Индонезия может свободно осуществлять свою внешнюю политику по всем направлениям, имея тысячу друзей и ни одного врага»<sup>24</sup>.

Провозглашение нейтрального статуса дало Индонезии значительные преимущества не только во внешней политике, но и в экономике, прежде всего в области инвестиций. Продуманная политика Юдойоно по формированию ценностных базовых идеологических основ соответствовала потребностям общества и отражала давний запрос на стабильность в среде народа и элит.

Следуя принципам, сравнимым со средневековым яванским синкретизмом, Юдойоно официально ввел в политический дискурс весь доступный обществу спектр идеологических ориентиров и концепций, обращая внимание на то, что внешняя политика и ее основы должны отражать текущее состояние Индонезии, ее современные достижения и те цели, которые нация ставит перед собой<sup>25</sup>.

Для националистов возвращение идеологии «Панча Сила» было явным свидетельством обращения страны к своим национальным основам, и даже отказ от ее обязательного применения во внешней политике не привел к пересмотру значимости этой идеологии в политическом дискур-



се Индонезии. Для дипломатов старой школы обозначение четких идеологических ориентиров было знаком сохранения классических основ дипломатии.

Что касается мусульманских партий и организаций, то они увидели в новом курсе внешней политики последовательные шаги индонезийской дипломатии по проявлению мусульманской солидарности и формированию образа Индонезии в мировой Умме. Сторонники демократических преобразований поддержали Юдойоно в его стремлении к демократическому курсу во внешней политике страны, что отвечало реформам, осуществляемым Вираюдой, и новому имиджу ДИД внутри страны.

Подобную позицию известный дипломат и ученый Дино Патти Джалал назвал «Новая Индонезия» (*Indonesia Baru*), определив ее как тип дипломатии, отличный от всех трех предыдущих периодов дипломатии (Сукарно, Сухарто и Реформации), но имеющий в своей основе элементы каждого из них <sup>26</sup>.

Столь высокая оценка нововведений периода Юдойоно в очередной раз свидетельствовала о необходимости формирования четкого идеологического курса, а точнее ценностной базы, на которую могла ориентироваться вся система дипломатии страны для усиления ее позиций на мировой арене и продвижения национальных интересов.

В работах, посвященных исследованиям реформы ДИД Индонезии, недостаточно внимания уделяется концептуальным основам внешней политики страны. При этом следует учитывать, что для Индонезии идеологическая основа общественной жизни всегда была необходимой составляющей при выработке внешней политики и успешной реализации реформ.

Последующая централизация власти при Юдойоно привела к возросшему влиянию советников при президенте, в полномочия которых входили консультации главы государства по основным внешнеполитическим вопросам. Однако не всегда консультанты были выходцами из ДИД, что в ряде случаев приводило к непростым ситуациям. Так, показателен конфликт между Хассаном Вираюдой и вышеупомянутым Дино Патти Джалалом по вопросам внешней политики.

Вираюда часто называл Джалала, представителя президентской администрации, «неуправляемой ракетой» и считал неуместным его внешнеполитические инициативы. Вираюда настаивал, чтобы выработка внешней политики по-прежнему сосредоточивалась в руках ДИД. Не менее важно и то, что администрация президента официально не отвечала за выработку внешней политики и любое вмешательство ее представителей во внешнеполитические процессы противоречило в определенной степени и законодательству страны в сфере внешней политики.

После проведения Реформации как гражданское общество, так и элиты выработали подобную привычку к формальной оценке деятельности тех или иных органов, и при необходимости они могли указать им на противозаконное превышение полномочий, привлекая к составлению судебных исков лояльных юристов.

Тем не менее для Индонезии, как и для восточных стран в целом, традиционно опираться на неформальные личные контакты, которые иногда становятся решающими в дипломатии.

Изначально Юдойоно еще в 2006 г. принял решение о создании консультативного органа именно на базе основных кадров ДИД. Орган, получивший название Президентский консультативный совет (Dewan Pertimbangan Presiden), выполнял функции, аналогичные Высшему консультативному совету эпохи Сухарто, и должен был предоставлять президенту консультации по вопросам внешней политики два раза в месяц.

К работе в совете Юдойоно пригласил девять бывших высокопоставленных членов, в том числе министров, включая бывшего главу ДИД Али Алатаса, наставника Вираюды и одного из первых реформаторов индонезийской дипломатии. Алатас по поручению президента возглавил вышеупомянутый Консультативный совет и инициировал разработку будущего Устава АСЕАН.

По мнению Алатаса, принципы внешней политики Индонезии, основанные на демократических ценностях, должны были стать основой ее лидерства в АСЕАН и залогом ее успеха как инициатора новых проектов по правам человека. После смерти Алатаса в 2008 г. Совет возглавил уже Вираюда, ушедший годом позже с поста министра иностранных дел. Департамент иностранных дел был переименован в Министерство иностранных дел, а во главе ведомства стал последователь Вираюды — Марти Наталегава, сделавший блестящую карьеру дипломата благодаря меритократическим принципам, установленным в системе ДИД.

С приходом Наталегавы в МИД можно говорить об окончательной институционализации реформ Вираюды. В период с 2001 по 2009 г. МИД Индонезии превратился в эффективную структуру и занял особое место в политической системе страны, а индонезийская дипломатия добилась последовательных и беспрецедентных успехов благодаря имплементации новых ценностных и идеологических принципов во внешней политике.

Таким образом, МИД Индонезии получил, с одной стороны, всеобъемлющую реформу принципов внутреннего менеджмента, с другой — обновление идеологической базы своей работы, которая, однако, сохранила все достижения как сукарновской, так и сухартовской дипломатии. Успех реформы и заключался в этом балансе основ и подходов. Сохранение преемственности старой дипломатии Индонезии и введение новых элементов значительным образом трансформировали индонезийскую дипломатическую среду, открыв дорогу талантливым молодым специалистам. Одновременно не были забыты и опытные дипломатические кадры, которые в сложные периоды внутривнутриполитической борьбы отстаивали независимость внешнеполитических решений в условиях тотального контроля авторитарного режима.

Фракционность индонезийской политики и разнообразие политических сил способствовали формированию действительно уникальной демократической среды, в которой всем элитам было необходимо договариваться и вырабатывать общие для всех принципы. Реформа МИД полностью отвечала духу эпохи и следовала этой логике. По сей день в Индонезии ее считают наиболее успешным примером внутри- и внешнеполитического консенсуса.

Статья подготовлена в рамках научного проекта (гранта) РФФИ «Аспиранты» № 20—314—90007 «История внешней политики Индонезии 1998—2019 гг. с точки зрения цивилизационного подхода и комплексных региональных исследований».

1. SINGH B. *Succession Politics in Indonesia: the 1998 Presidential Elections and the Fall of Suharto*. NY. 2000, p. 71.
2. Движение 30 сентября — организация, состоявшая из военных и гражданских сторонников коммунистической идеологии, под руководством которой в Индонезии была предпринята попытка государственного переворота в ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 г. Коммунисты организовали убийство шестерых генералов — членов Генерального штаба индонезийской армии; им удалось захватить центральную радиостанцию, которая передала сообщение о смещении президента Сукарно и переходе всей полноты власти к Революционному совету. Однако ко 2 октября мятеж был полностью подавлен силами генерала Сухарто.
3. ANDIAPPAN N. *The Role of Dr. Subandrio in the Indonesian Communist Coup of 1965*. Singapore. 1998, p. 43.
4. OLSEN E.A., JURIKA S. *The Armed Forces in Contemporary Asian Societies*. London. 2020, p. 117.
5. «Панча сила» включает следующие принципы: вера в единого Бога; справедливая и цивилизованная гуманность; единство страны; демократия, направляемая разумной политикой консультаций представительства; осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.
6. EMMERSON D.K. *Indonesia beyond Suharto*. London. 2015, p. 141.
7. LATIF Y. *Indonesian Muslim: Intelligentsia and Power*. Institute of Southeast Asian Studies. 2008, p. 336.
8. ELSON R.E. *Suharto: A Political Biography*. Cambridge. 2001.
9. KANTAATMADJA M.K., AGOES E.R., DJAMIAN E., KUSUMAATMADJA M. *Mochtar Kusumaatmadja: Pendidik & Negarawan: Kumpulan Karya Tulis Menghormati 70 Tahun Prof. Dr. Mochtar Kusumaatmadja, s. h., II*. Jakarta. 1999, h. 16.
10. URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/kuklin-indo-07—21>
11. Нахдагул Улама и Мухаммадия — две главные организации мусульман Индонезии. Первая представляет традиционный синкретический ислам, подверженный влиянию адатных яванских и иных верований, в то время как вторая — интересы модернистов, сторонников отказа от адатных практик в исламе и его шариатизацию. Обе организации насчитывают более 30 млн членов каждая и имеют широкую инфраструктуру школ, университетов и малых организаций по всей Индонезии и за ее пределами. Активно вовлечены в политическую и социальную жизнь, выступают союзниками государственной власти и посредниками при принятии решений в религиозной сфере. Поддерживают хорошие отношения с другими конфессиями.
12. URL: <https://pusatpuu.dpr.go.id/simas-puu/detail-na/id/66>
13. Импичмент был связан с широким конфликтом элит, в основном парламентских партий и президента. В результате попыток Вахида удержать власть и объявить чрезвычайное положение парламент Индонезии единогласно проголосовал за импичмент президента Вахида, его попытки остаться у власти не получили поддержки населения страны.
14. MCINTYRE A. *The Indonesian Presidency: the Shift from Personal Toward Constitutional Rule*. Lanham, p. 206.
15. NABBS-KELLER G. *Reforming Indonesia's Foreign Ministry: Ideas, Organization and Leadership*. — *Contemporary Southeast Asia*. 2013. № 1, p. 58.
16. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/56472/keppres-no-108-tahun-2003>
17. Ключевые показатели эффективности (англ. Key Performance Indicators, KPI) — система числовых показателей деятельности, которые помогают измерить степень достижения целей или оптимальности процесса, а именно: результативность и эффективность.
18. HUIJGH E. *Public Diplomacy at Home: Domestic Dimensions*. Leiden. 2019, p. 217.
19. NABBS-KELLER G. *Op. cit.*, p. 59.
20. WURYANDARI G. *Perkembangan Politik Internasional Dan Pengaruhnya Terhadap Politik Luar Negeri Indonesia*. Jakarta. 2008, h. 112.

21. BRESNAN J. Indonesia: the Great Transition. Lanham. 2005, p. 81.
22. ХОХЛОВА Н.И. Основные направления внешней политики Индонезии и перспективы ее развития по итогам первого президентства С.Б. Юдойоно. — Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4, с. 55—56.
23. ACHARYA A. Indonesia Matters: Asia's Emerging Democratic Power. Singapore. 2015, p. 215.
24. MIETZNER M. Indonesia: Yudhoyono's Legacy between Stability and Stagnation. — Southeast Asian Affairs. 2020. № 4, p. 119—120.
25. PONKA T., KUKLIN N., SIBARANI D.M. The Historical Influence of the Javanese Ethnicity and Culture on the Political Consciousness and Mentality of Indonesian People. — Proceedings of the 4<sup>th</sup> International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). 2019, p. 2171—2175.
26. DINO PATTI DJALAL. The Can Do Leadership: Inspiring Stories from SBY Presidency: Diary of Presidential Spokesperson. Jakarta. 2008, p. 211.

## Ретроспектива и историческая этапность правовых подходов к процедуре унифицированного досудебного производства в России

С. И. Гирько

---

*Аннотация.* В статье на основе анализа уголовно-процессуального законодательства Российской империи, РСФСР, Российской Федерации выделены основные черты, характеризующие эффективные досудебные унифицированные процессуальные формы. Определены правовые традиции, характеризующие ретроспективу и историческую этапность правовых подходов к унифицированным процессуальным формам на примере разных периодов формирования отечественного уголовно-процессуального законодательства. Приводятся удачные и ошибочные примеры в практике зарубежных правовых систем при формировании подходов к реформированию досудебного процессуального производства.

*Ключевые слова:* унифицированное досудебное производство, система доказывания, средства доказывания, правовые традиции, уголовно-процессуальное законодательство, Россия.

*Abstract.* In the article, based on the analysis of the criminal procedure legislation of the Russian Empire, the RSFSR, and the Russian Federation, author identifies the main features that characterize effective pre-trial unified procedural forms, thus defining the legal traditions that characterize the retrospective and historical stages of legal approaches to unified procedural forms on the example of different historical epochs of the formation of domestic criminal procedure legislation. Author gives some examples of successful and erroneous approaches in the practice of foreign legal systems in the formation of approaches to the reform of pre-trial procedural proceedings.

*Key words:* unified pre-trial proceedings, system of proof, means of proof, legal traditions, criminal procedure legislation, Russia.

---

Научный подход к исследованию практической проблемы заключается прежде всего в уяснении сути самой проблемы, оценке уровня современного научного знания и развития правовой системы, изучении

---

*Гирько Сергей Иванович* — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России. ORNID ID0000—0003—0344—0573; УДК 343.13. E-mail: syvorina959134@mail.ru.

*Girko Sergey I.* — chief researcher of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of legal sciences, professor, Honored scientist of the Russian Federation. ORNID ID0000—0003—0344—0573; УДК 343.13. E-mail: syvorina959134@mail.ru.

---

зарубежных научных разработок и их восприятия законодателями, а также в погружении в отечественный исторический опыт, анализе возможностей его адекватной реализации с помощью современных правовых механизмов. По результатам обобщения и анализа изложенного разрабатываются научно обоснованные предложения для восприятия и последующего практического воплощения.

Описанная выше последовательность действий может меняться в зависимости от предмета исследования, например с учетом прорывных научных разработок в определенной области знания зарубежного научного сообщества. Тем не менее совершенствование правовой системы опирается прежде всего на сложившиеся отечественные традиции, и потому обращение к опыту отечественного права, его оценка при формировании научно обоснованных предложений претендуют на приоритетное восприятие.

Наряду с изучением научных и правовых традиций в сфере унифицированного досудебного производства, уместно привести примеры из зарубежной практики, которые нередко рекомендуются для восприятия и использования без достаточной апробации самими авторами идей. Так, некоторые французские специалисты отмечают, что «условия очевидности, сформулированные в законе, применительно к полицейскому расследованию толкуются достаточно широко, поэтому любое преступление можно рассматривать как очевидное»<sup>1</sup>.

Тем не менее они позитивно оценивают унифицированную форму процессуального производства, и, по их мнению, «такая процедура позволяет быстро установить факт преступления, задержать преступника и закрепить доказательства, пока они не исчезли. Чаще всего досудебное производство ограничивается дознанием очевидных преступлений»<sup>2</sup>.

С точки зрения нашего подхода к данной проблеме и традиций отечественного уголовного процесса, ускоренные досудебные процедуры применялись не только к очевидным преступлениям различных категорий, а исключительно к преступлениям, совершенным в условиях очевидности, но не представляющим значительной общественной опасности и не отягченным другими усложняющими процесс расследования обстоятельствами (группа лиц, большое количество криминальных эпизодов, предыдущая судимость). Тем не менее идеи, которые получили свое развитие во Франции, вполне могут быть рассмотрены и в полном объеме либо частично восприняты российской правовой системой при формировании подходов к унификации процессуальной формы.

В формате процедуры, принятой во Франции, обращают на себя внимание некоторые другие особенности, которые, на наш взгляд, вполне могли бы быть восприняты отечественным правом и позитивно повлиять на унифицированную процедуру досудебного производства. Это, в частности, следующие: дознание начинается в момент обнаружения преступления и для этого не требуется вынесения специального процессуального акта (постановления о возбуждении уголовного дела); срок производства рассматриваемого вида дознания не ограничен законом, но на практике оно, как правило, длится не более нескольких дней; данные, полученные судебной полицией, имеют такое же доказательственное значение, как и в ходе предварительного следствия.

Заметим, что все названные современные особенности унифицированных досудебных процедур во Франции были присущи отечественным ускоренным производствам задолго до сегодняшнего дня, что становится ясно из анализа законодательства Российской империи.

В зарубежной практике встречаются и другие примеры, в частности широко распространенная и разрекламированная идея осуществления досудебного расследования в электронном формате. Идея перевода большинства уголовно-процессуальных процедур, включая досудебное судопроизводство, на цифровую основу получила распространение в Европе и многими апологетами рассматривалась в качестве одного из проявлений процессов глобализации, охвативших в том числе правовую сферу.

Один из наиболее активных сторонников названной идеи Лорд Вулф отмечает, что «электронное обеспечение не только помогает оптимизации и улучшению существующих систем и процессов, но и вероятнее всего со временем оно само станет катализатором для радикальных изменений». По его мнению, «информационные технологии подобного рода в ближайшем будущем станут основой судебной системы и по этой причине уже сейчас заслуживают особого внимания на самом высоком уровне»<sup>3</sup>.

Бельгийские специалисты пошли еще дальше, предприняв в 2005 г. конкретные шаги по оцифровке всего правосудия с помощью программы Phenix. Предполагалось, что эта программа повысит эффективность и результативность, а также упростит и ускорит процедуру расследования<sup>4</sup>. При этом разработчики Phenix планировали оцифровать всю правовую систему сразу, однако по целому ряду объективных причин и прежде всего больших финансовых затрат проект превратился в прожект.

Аналогичные предложения звучали и в России. Следует заметить, что поддержки они не нашли.

Сегодня, по мнению специалистов, программу Phenix следует рассматривать как крупномасштабную, но неудачную попытку перехода стадии расследования от бумажного носителя в электронный формат<sup>5</sup>.

Ретроспектива рассмотрения зарубежного опыта в целях его имплементации в отечественные правовые конструкции содержит наглядные примеры, когда восприятие одних принятых и используемых подходов имеет перспективу закрепления в российском законодательстве, тогда как безоглядное следование другим способно принести лишь трудноразрешимые проблемы.

Формирование современных конструкций в российском праве, включая унифицированные формы досудебного производства, следует осуществлять в первую очередь с опорой на анализ ретроспективных и исторических подходов, существовавших в разные эпохи и на разных этапах развития российского, права, а кроме того, регламентированных законодательными решениями того времени.

Подвергая предметному изучению исторические и, по сути, ретроспективные образцы уголовно-процессуальных форм досудебного судопроизводства, вполне уместным считаем анализ процессуальных процедур, закрепленных в комплексных, основополагающих законодательных актах соответствующих исторических эпох, регламентирующих уголовное судопроизводство в России.

К числу таких законов необходимо отнести Устав уголовного судопроизводства (Устав), утвержденный 20 ноября 1864 г., в котором были систематизированы нормы и процедуры, формирующие досудебное и судебное производство государства <sup>6</sup>.

Однако не только Устав регулировал вопросы судопроизводства в Российской империи. К примеру, 15 (27) мая 1867 г. Александр II утвердил Военно-судебный устав <sup>7</sup>, построенный на принципах судебной реформы 1864 г. и определивший устройство и компетенцию военных судов.

Процессуальный порядок осуществления по делам о военных преступлениях существенно отличался от процедуры дознания, закрепленной в Уставе, в сторону упрощения и широкого использования полномочий судебного следователя, что при обычном досудебном производстве допускалось в строго определенном порядке. И, как нам видится, такое отступление было обусловлено в первую очередь именно категорией преступлений, по которым допускалась упрощенная процедура, в то же время использующая в упрощенном порядке процессуальные средства, предназначенные для судебного следствия.

Об особенностях дознания, регламентированного Военно-судебным уставом, достаточно подробно повествует Руководство для офицеров, производящих дознание и отдельные следственные действия <sup>8</sup>.

Дознание, которое производилось военными дознавателями и, по сути, имело в своей основе положения Устава, содержало значительные отступления от него и распространялось на военных, а также гражданских лиц, если они находились на территории, где было объявлено военное положение.

Не менее показательным примером отступления от общего порядка производства дознаний эпохи Российской империи можно считать процессуальную досудебную процедуру, регламентированную законом от 19 мая 1871 г., который возлагал на жандармов производство дознаний по делам о государственных преступлениях. По существу, жандармы были наделены процессуальными правами судебного следователя, что, безусловно, оправдывалось общественной опасностью преступлений, по которым предусматривалось такое процессуальное производство, и степенью оперативности, с которой должны были добываться и систематизироваться сведения об обстоятельствах преступления.

Анализируя процессуальные формы унифицированного судопроизводства эпохи Российской империи и резюмируя их предназначение, принципиальные основания упрощения процедуры, а также мотивы законодателя, положенные в основу унификации, важно отметить, что ими являлась цель, заложенная в основе ее регламентации, с безусловной привязкой к категории преступлений, для упрощенного и ускоренного расследования которых она применялась. Следует отметить, что, как правило, каждая такая упрощенная и ускоренная процедура наделялась присущими только ей системой и средствами доказывания. Они не были общими, как это произошло позднее, уже в советское время. Полагаем, что именно такой подход к унификации досудебных производств следует воспринимать в качестве традиционного и вытекающего из ретроспективного анализа отечественных правовых традиций.



Между тем, несмотря на существование упомянутых унифицированных производств, базовой унифицированной процессуальной формой ускоренного сбора доказательственной информации о преступлениях, не представляющих существенной общественной опасности и сложности в доказывании, являлась закреплённая в Уставе процессуальная процедура дознания.

Цели дознания, производимого чинами полиции, авторами Руководства для чинов корпуса жандармов сформулированы следующим образом: «полицейское производство, имеющее целью возбудить, обнаружить, собрать основные данные, для удостоверения в том, что известное событие составляет деяние, запрещённое законом, под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния»<sup>9</sup>.

Ещё конкретнее предназначение дознания изложено в Инструкции чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной Палаты, в п. 19 которой говорилось: «цель полицейского дознания заключается в том, чтобы собрать и представить в распоряжение судебной власти материал, необходимый для судебного исследования и рассмотрения уголовных дел. Путем дознания необходимо выяснить: 1) действительно ли, какое и при каких обстоятельствах совершено преступление; 2) кто и почему именно в совершении такового подозревается, причем не допускать, чтобы подозреваемый скрылся, а следы преступления изгладились»<sup>10</sup>.

Дефиниция дознания содержалась там же, где в п. 18 дознанием называется «исследование уголовного дела по горячим следам в розыском порядке, направленное к обнаружению обвиняемого и собиранию доказательств его виновности»<sup>11</sup>.

Приведенное восприятие сущности дознания как ускоренного по срокам производства и упрощенного по средствам получения доказательственной информации следует считать именно правовой традицией формирования унифицированной процессуальной формы, которая способствовала более скорому уяснению обстоятельств криминального события и, самое главное, его уголовно-правовой оценке и перспективам дальнейшего расследования.

При этом деятельность полиции по делам, которые подпадали под процессуальную процедуру предварительного следствия, Устав также регламентировал, но такая деятельность осуществлялась в строго определенных случаях, с согласия или при личном присутствии судебного следователя, но прежде всего с согласия «прокурора или его товарища».

Обе названные процедуры имели существенные отличия<sup>12</sup>.

Для дознания были индивидуализированы и средства доказывания — источники, из которых могла быть получена информация о преступлении: «все нужные сведения» об обстоятельствах преступления в соответствии со ст. 254 Устава «осуществляется посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения».

Комментируя, к примеру, отличие расспроса от допроса, составитель Руководства для чинов корпуса жандармов указывал, что «первый есть принадлежность дознания, а второй — предварительного следствия»<sup>13</sup>. Аналогично дознанию, согласно положениям Устава, были имманентны и другие средства доказывания.

Мы склонны воспринимать именно закрепленную в Уставе процедуру дознания в качестве унифицированной процессуальной формы досудебного производства периода Российской империи, а также и в качестве правовой традиции того времени, которую надлежит учитывать современным законодателям при формировании аналогичных упрощенных и ускоренных форм досудебного производства.

На наш взгляд, соответствующего анализа с учетом целей исследования требуют также закрепленные в законодательных актах подходы к регламентации унифицированных процессуальных производств следующей исторической эпохи — советского и российского законодательства раннего периода.

Первый, регламентировавший основные стадии досудебного и судебного производства Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (УПК-23) при правовом закреплении досудебного этапа судопроизводства во многом сохранил подходы дореволюционного законодательства, включая нормативное освещение существа дознания как самостоятельной унифицированной процессуальной формы досудебного производства<sup>14</sup>.

УПК-23 не определял специальной дефиницией дознание как такое, однако это позволяет успешно сделать анализ норм гл. VIII Кодекса, согласно которым, унифицированное дознание заключалось в ускоренном (в срок не более месяца) производстве по уголовным делам, за которое «высшее наказание согласно уголовному кодексу может быть назначено в виде лишения свободы на срок до одного года». Таким образом, дознание могло производиться только по категории делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности.

Средствами доказывания для дознания были определены опрос подозреваемого лица и опрос свидетеля. В тех случаях, когда возникала угроза уничтожения или сокрытия следов и других вещественных доказательств, могли быть произведены выемка, обыск, осмотр и освидетельствование. Об этих процессуальных действиях сообщалось прокурору.

По делам, отнесенным к компетенции дознания, допускалось также и производство следственных действий при соблюдении общих с предварительным следствием требований. Однако следственные действия при производстве унифицированного дознания, как правило, не производились.

Характерно, что процессуальная деятельность дознания и предварительное следствие законодателем не смешивались в принципе и, таким образом, сохранялись традиционные правовые подходы эпохи Российской империи, закрепленные в Уставе.

Такие выводы подтверждает и тот факт, что материалы дознания, согласно УПК-23, напрямую рассматривались прокурором с точки зрения «достаточности выясненности» и обвиняемый в последствии предавался суду. Соответственно, народный судья в этом случае вносил дело в судебное заседание для рассмотрения по существу.

Таким образом, анализ норм основного уголовно-процессуального закона данного исторического периода позволяет заключить, что материалы при производстве дознания собирались в упрощенном порядке, с опорой на источники сведений о преступлении, специально предусмотренные для данной процедуры. В дальнейшем именно это дело являлось

предметом прокурорского и судебного рассмотрения вплоть до вынесения приговора.

Как представляется, целью дознания являлось оформление в ускоренной форме материалов о преступлениях, не представляющих значительной опасности, срок ответственности за которые не превышал одного года. Есть все основания полагать, что и в этот исторический период правовые традиции, отраженные в Уставе, нашли свое реальное подтверждение при регламентации унифицированного досудебного процессуального производства, сохранившего наименование дознания.

Характерно и то, что законодательство того времени, с одной стороны, закрепило различия между дознанием и предварительным следствием, что предопределило их дифференциацию. С другой — и это также важно констатировать — сформировало новую правовую традицию российского законодательства — отсутствие требуемой детализации правовой регламентации уголовно-процессуальных форм досудебного производства, включая их унифицированные разновидности. Такой вывод, наш взгляд, аргументируется и тем, что при регламентации унифицированного дознания законодатель не индивидуализировал для него в достаточной мере как систему доказывания, так и источники получения доказательственной информации. Заметим, что выделенные нами выше правовые традиции, в дальнейшем продолжали негативно влиять на практику правового оформления унифицированных досудебных производств.

Изменилось ли что-нибудь с принятием законом РСФСР от 27 октября 1960 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (УПК РСФСР), ознаменовавшим новый этап развития отечественного уголовно-процессуального законодательства? На наш взгляд, изменилось, и очень многое.

Появление пресловутой двуединой уголовно-процессуальной формы предварительного расследования, включавшей дознание и предварительное следствие и опиравшейся на единую систему доказывания, ликвидация унифицированного досудебного производства, уточнение понятийного аппарата, приведшее к обезличиванию доказательств, независимо от процессуальной формы, в рамках которой они применялись, и их источников произошло именно с принятием УПК РСФСР.

С момента принятия УПК РСФСР не допускал унификации процессуальной формы, регламентировав схожие процедуры дознания и предварительного следствия, которые, опираясь на единую систему доказывания, руководствовались единым порядком производства следственных и процессуальных действий, применяя, по сути, схожий порядок расследования по уголовным делам различных категорий сложности и тяжести.

Отступление от названного выше порядка в УПК РСФСР было сделано для этапа рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении, где на стадии возбуждения уголовного дела субъектам расследования было разрешено истребовать необходимые материалы и получать объяснения, не производя следственных действий.

Анализируя данную проблему, Ю. К. Якимович характеризует ее как «крайне» монолитную и практически не дифференцированную при этом, не обнаружив существенных различий в процедурах дознания и предва-

рительного следствия. На вопрос, отличается ли дознание от следствия, он ответил, что не отличается «практически ничем»<sup>15</sup>.

Полагаем, что реальная дифференциация процессуальной формы судебного производства произошла исключительно с введением в УПК РСФСР протокольной формы досудебной подготовки материалов (протокольная форма), да и то не на «старте» ее введения, когда она была допущена по делам в отношении хулиганства<sup>16</sup>, а затем по делам о мелком хищении государственного или общественного имущества<sup>17</sup>. Реально протокольная форма проявила себя в качестве унифицированной процессуальной только с расширением перечня преступлений, по которым она применялась, то есть начиная с января 1985 г.<sup>18</sup>

Для протокольной формы по всем правилам унификации в УПК РСФСР были сформированы специфические и уникальные на тот момент система доказывания и процессуальная процедура.

В частности, по таким делам в качестве средств получения сведений об обстоятельствах совершенного преступления были допущены объяснения от правонарушителя, очевидцев и др. и истребование материалов, имеющих значение для рассмотрения дела в суде.

Необходимо помнить, что протокольная форма не являлась дифференцированной разновидностью предварительного расследования, однако в ней однозначно угадывались черты, присущие реальной унифицированной процессуальной процедуре.

С учетом высокой эффективности протокольной формы нет ничего удивительного в том, что она достаточно быстро была востребована на практике, и прежде всего дознавателями милиции. Очевидно, что целью формирования унифицированного процессуального производства, названного протокольной формой, являлось создание инструмента для оперативного и эффективного оформления материалов о массовых незначительных и очевидных преступлениях различными категориями сотрудников милиции. Согласно нашим выводам, свои задачи названная процессуальная форма реализовала максимально.

К сожалению, активность, проявленная органами дознания в части применения протокольной формы, была нивелирована неподготовленностью судебной системы Российской Федерации к восприятию объема завершенных дел. С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с 1 июля 2002 г. протокольная форма была упразднена.

Несмотря на достаточно короткий период своего действия, полноценная унифицированная процессуальная форма досудебной подготовки материалов на практике продемонстрировала свою эффективность. По нашим оценкам, высокая эффективность протокольной формы определялась несколькими причинами: упрощенным порядком собирания материалов и их процессуального оформления; очевидностью и невысокой сложностью конструкции преступлений, по которым она была допущена; сформированной для нее уникальной системой доказывания и закрепленными средствами доказывания, которые являлись достаточными для рассмотрения дела по существу. Таким образом, несмотря на достаточно жесткий консерватизм, проявившийся в подходах ученых и законодателей, в вопросах реальной дифференциации процессуальной формы, именно протокольная форма подтвердила правовую традицию

полноценной правовой регламентации унифицированных процессуальных производств, включая индивидуализацию системы и средств доказывания.

На наш взгляд, приведенные выше правовые традиции, проявившие себя в различные периоды формирования российского уголовно-процессуального законодательства и показавшие свою эффективность, должны учитываться при формировании и нормативном закреплении унифицированных процессуальных производств на досудебных этапах уголовного судопроизводства. Соответственно, их игнорирование или недостаточное правовое оформление ведут к неэффективности названных выше процессуальных форм и, как результат — отказу от них.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что на различных этапах дореволюционного и российского уголовно-процессуального законодательства существовали ранее и в настоящее время регламентируются унифицированные формы досудебного производства, которые и при условии конкретных уточнений могут в полном объеме соответствовать требованиям, предъявляемым к подобным процедурам.

#### *Примечания*

1. RASSAT M.L. Prozedure Penale. Paris. 1990.
2. Ibidem.
3. WOOLF H.K. Access to Justice: Final Report to the Lord Chancellor on the Civil Justice System in England and Wales. London. 1996.
4. URL: [https://www.researchgate.net/publication/320054975\\_bDe\\_elektronische\\_procesvoeringb](https://www.researchgate.net/publication/320054975_bDe_elektronische_procesvoeringb)
5. SCHEERSD., THIRIARP. Demoeilijkewegnaarenelektronisch dossier. Nieuweprocedureregel svanaf 1 januari 2013. RW № 31. 2012—2013.
6. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600—1918/3137/>
7. Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1871. Т. 42. Отд. 1. 1867. № 44575, с. 536—637.
8. Руководство для офицеров, производящих дознание и отдельные следственные действия / Составил, согласно существующих законоположений и свода замечаний военно-прокурорского надзора, капитан Решиков. Изд. 5-е, испр. и доп. Одесса. 1915.
9. Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний / Сост. полковник Попов. СПб. 1885, с. 89.
10. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной Палаты А. Степанова, введенная в действие с 1 января 1910 г.: Сборник и руководство к составлению полицейских протоколов / Сост. А.Н. Букуновский. СПб. 1911, с. 111.
11. Там же.
12. Руководство для чинов корпуса жандармов..., с. 90—91.
13. Там же, с. 102.
14. URL: <http://музей реформ. рф/node/13986>
15. ЯКИМОВИЧ Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства: Проблемы и перспективы. — Вестник Удмуртского университета: Экономика и право. 2013. Вып. 2, с. 203—208.
16. Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 595.
17. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 51. Ст. 1217.
18. Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 4. Ст. 56; Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.

# Негласное содействие полиции подданными Российской империи

И. А. Потёмкин, А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко

---

*Аннотация.* В статье рассматривается история негласного содействия органам полиции подданными Российской империи. Исследуется развитие данной формы розыскной работы, особое внимание уделяется вопросу привлечения вспомогательных негласных агентов, осведомителей в подразделения сыскной и так называемой политической полиции. Прослеживается эволюция понятия «негласное содействие».

*Ключевые слова:* полиция, негласный агент, негласное содействие, осведомитель, сыск, внутренняя агентура, Российская империя.

*Abstract.* In this article, the authors consider the issue of secret assistance to the police by the subjects of the Russian Empire throughout the entire period of its existence, the development of this form of investigative work, focus on the involvement of auxiliary secret agents, informants both in the political police divisions and in the detective, traces the evolution of the concept of «secret assistance».

*Key words:* police, secret agent, secret assistance, informant, detective, internal agents, Russian Empire.

---

Негласное содействие граждан органам внутренних дел России является сегодня общепризнанной практикой при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, закреплено на законодательном и ведомственном уровнях и представляет собой эффективную меру противодействия наиболее тяжким преступлениям против личности, собственности и государства. Однако негласное содействие как социально-правовой феномен появилось не вчера. Его история уходит корнями в глубину веков.

---

*Потёмкин Игорь Анатольевич* — начальник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. E-mail: igor.potiomkin@yandex.ru; *Тамбовцев Андрей Иванович* — кандидат юридических наук, доцент. E-mail: bestcopat@mail.ru; *Павличенко Николай Владимирович* — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Академии управления МВД России. E-mail: pavlichenko.pro@mail.ru.

*Potiomkin Igor A.* — head of the Department of Studying Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of Scientific Research Centre of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: igor.potiomkin@yandex.ru; *Tambovtsev Andrey I.* — candidate of law, assistant professor. E-mail: bestcopat@mail.ru; *Pavlichenko Nikolay V.* — doctor of law, professor, deputy head of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: pavlichenko.pro@mail.ru.

---

Негласное содействие чинам общей и особенно политической полиции в их профессиональной работе существовало с самого начала функционирования регулярной полиции как государственного института, образованного Петром I. Впрочем, осведомители и доносители существовали и до создания полиции, оказывая помощь органам, выполнявшим административно-полицейские функции. Их вознаграждали за оказанные услуги. Со временем служба негласного содействия усложнялась и совершенствовалась. Образовалась целая когорта людей, которые специализировались на платном или взаимовыгодном негласном сотрудничестве с полицией.

«Использование методов сыскной работы, связанных с получением информации от осведомителей (тайных агентов, негласных сотрудников, доверенных лиц, информаторов, доносчиков и т.д.), не всегда получало однозначную оценку в обществе. Несомненно, что на определенных исторических этапах формированию негативного восприятия в общественном сознании института добровольного сотрудничества отдельных лиц с государственными органами, осуществляющими борьбу с преступностью, способствовали, в том числе, тайный характер такого содействия и массовые репрессии, отсутствие регулирования данного вида деятельности общедоступными нормативными правовыми документами. Однако исторический опыт показал необходимость указанного института, использование которого позволило предотвратить многие преступления...», считают специалисты по вопросам содействия граждан органам, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность<sup>1</sup>.

Слово «осведомитель» стало широко употребляться в Российской империи начиная со второй половины XIX в., когда появились первые охранные и сыскные отделения. Охранные отделения возникли в структуре политического сыска, сыскные — уголовного. Первое охранное отделение было создано в Петербурге после покушения Дмитрия Каракозова на императора Александра II в 1866 г. и называлось Отделением для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге (с апреля 1887 г. — Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге).

В 1866 г., в связи с реорганизацией столичной полиции по инициативе обер-полицмейстера Ф.Ф. Трепова, при петербургском градоначальстве появилось первое сыскное отделение, «работа которого строилась на использовании негласных методов»<sup>2</sup>.

В Москве с 1 ноября 1880 г. стало действовать Секретно-розыскное отделение при Канцелярии московского Обер-полицмейстера (с 1881 г. — Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве). Московская сыскная полиция была образована и законодательно оформлена в 1881 г. «в виде одного из отделений центрального управления. Позднее она была преобразована в отдельное управление со своими представителями на местах»<sup>3</sup>. Сначала, ввиду своей малочисленности, московская сыскная полиция была вынуждена прибегать к негласному содействию москвичей и оплачивать вольнонаемных агентов и осведомителей<sup>4</sup>. Осведомителями называли секретных агентов (официально же они именовались секретными сотрудниками, оказывающими негласное содействие полицейским на взаимовыгодной

или принудительной основе). Негласное содействие осведомителей отличалось от доносительства, точнее сказать — оно начало свою самостоятельную жизнь.

Распространенная практика доноса, который по форме также был гласным и негласным, применялась еще в допетровское время и даже была законодательно закреплена, например в ст. 18 и 19 Соборного уложения 1649 г. В XVIII в., начиная с Петра I, она получила дальнейшее применение, как и знаменитое изречение «слово и дело», которое имеет отношение к государственным преступлениям, — фактически вынужденное либо корыстное политическое доносительство. Вынужденное потому, что доноситель имел не только право, но и обязанность объявить «государево слово и дело», обвиняя подозреваемого в государственном преступлении.

Политические преступления, создававшие опасность для трона в эпоху становления абсолютизма, жестко пресекались. И донос был в этом хорошим подспорьем. Так, именным указом Петра I от 25 января 1715 г. в качестве политических преступлений определялись: злой умысел против персоны Его Величества, измена и бунт. О названных преступлениях подданным повелевалось доносить<sup>5</sup>. Другими словами, донос рассматривался как обязательная помощь при раскрытии политических преступлений, за неисполнение указа могло последовать суровое наказание. Но в повседневной жизни совершались не только и не столько политические преступления, и о них при наличии соответствующей информации надо было сообщать.

В петровские времена донос имел несколько иное значение, чем сейчас. Анализируя нормативные и описательные документы петровской эпохи, можно прийти к выводу, что доноситель (доносчик) выступает в четырех ипостасях. В описательных документах — как радатель за дело государево (в том числе за «слово и дело»), за дело правое («правый донос») и как *якобы* радатель, а в действительности — корыстолюбец. Корыстолюбцы оговаривали человека в якобы совершении политического преступления, многие из них плохо кончали, когда раскрывали их умысел. В нормативных документах доноситель выступал как челобитчик, он же потерпевший в уголовном процессе, и как свидетель. Последний термин, который укоренился и используется до сегодняшнего дня, был введен при Петре I и вытеснил ранее использовавшиеся «видок» и «послух»<sup>6</sup>. Подразумевалось, что свидетель — это, прежде всего, честный человек, поэтому мог дать правильные показания.

Понятие «осведомитель» несло несколько иную смысловую нагрузку, нежели «доноситель» и «доносчик». Ближе всего к этому понятию стоит «правый донос» — «правое дело», например обличение убийцы, разбойника. В петровские времена к помощи осведомителей и «правому доносу» из чиновничьей среды раньше других стали прибегать земские комиссары, выполнявшие административно-полицейские функции в дистрикте — административной единице (включала 1,5—2 тыс. дворов). Основной задачей земских комиссаров на вверенной территории считался налоговый сбор с доходов населения. В этой части они подчинялись не местному начальству, а губернскому камериру. Кто-то из



населения прятал заработанное, а более состоятельные даже переправляли деньги за границу — в лондонские, венецианские и амстердамские банки. Для выявления таких земские комиссары и прибегали к негласной помощи сведущих людей.

Правда, фискальство широко распространилось как способ наживы и сведения личных счетов, поэтому здесь прижились не только осведомители, но и доносчики из корыстных побуждений. «Донос стал главным инструментом государственного контроля, и его очень чтила казна. Донос стал государственным делом, свободным от всякого риска», — писал историк В. О. Ключевский и добавлял: «Это вносило в управление и в общество нравственно недоброкачественный мотив».

Но еще до появления должности ланд-комиссаров (земских комиссаров) по указу Петра I от 26 ноября 1718 г.<sup>7</sup> в именном царском указе от 17 марта 1711 г., объявленном обер-комиссаром Ершовым, «О наказании за корчемство табаком и вином», говорилось: «Великий государь указал всякого чина людям объявить: которые люди корчемным вином и табаком торгуют, или впредь торговать станут... а по чему извету обличены будут, и тому дана будет из пожитков каждого корчемника четвертая доля»<sup>8</sup>. Термин «извет» здесь употребляется в смысле «правого доноса». Чье известие будет — тому и четверть «пожитков».

Чаще всего прибегала к правому доносу Тайная канцелярия — политическая полиция того времени. «Более успешному расследованию способствовали также вознаграждения, которые Тайная канцелярия почти всегда выдавала за “правый донос”». Суммы вознаграждений колебались, но в большинстве случаев находились в пределах 5—30 рублей, смотря по важности доноса», — писал дореволюционный исследователь Тайной канцелярии В. Веретенников<sup>9</sup>.

Расчеты с доносителями информации и осведомителями государевых служащих производили чиновники, исходя из сложившейся наградной практики: от нескольких рублей до значительных сумм, в зависимости от значимости порученного дела и ценности информации. За особо ценные «правые доносы», тайное информирование, а на самом деле — работу по негласному содействию, связанную с раскрытием важных государственных преступлений, награду устанавливал сам государь. Это могло быть конфискованное поместье преступника, повышение по службе, новые чины и звания, крупное денежное вознаграждение, различные торговые льготы и привилегии.

Самую большую денежную награду в истории сыска получила предавшая царевича Алексея Петровича, а фактически оказавшая негласное содействие правящему монарху любовница царевича Ефросинья Фёдорова. В журнале Тайной канцелярии сохранилась запись именного указа Петра I: «Девке Офросинье на приданое выдать своего государева жалованья в приказ три тысячи рублей изюнятых денег блаженные памяти царевича Алексея Петровича».

Во время правления Петра I пензенский посадский Фёдор Каменщиков за разовый «правый донос» на монаха Варлаама Левина, произнесшего «возмутительную» речь против власти на пензенском базаре 19 марта 1722 г., получил награду в 300 руб. и право пожизненной беспошлинной торговли своим товаром.

Яркой личностью и настоящей «головной болью» для сибирской администрации в середине XVIII в. был Иван Турченинов. Сосланный сначала на Камчатку за шпионаж, он прижился в Сибири и стал одним из самых знаменитых профессиональных осведомителей XVIII в. на службе полиции. Он донес на всю сибирскую администрацию во главе с генерал-губернатором, убедительно вскрыл все «жульства» и чудовищные злоупотребления сибирских чиновников. За свои труды он удостоился награды в 200 руб. и чина поручика. Специальная комиссия разбирала доносы Турченинова на сибирскую администрацию в течение 20 лет<sup>10</sup>. На этот период своим негласным содействием центральной власти он парализовал коррупцию и воровство высших сибирских чиновников.

При Екатерине II первый негласный осведомитель «о начальном прельщении злодея Пугачева» крестьянин Мечетной слободы (ныне г. Пугачев Саратовской области) Семен Филиппов получил награду в 200 руб. уже после подавления мятежа в 1774 г. По доносу Филиппова самозванец был схвачен как опасный смутьян еще в 1772 г., но сумел бежать из казанской тюрьмы.

Но не только возможность получить денежное вознаграждение за «правый донос» двигало доносителями в эту эпоху. Были и идейные осведомители, и таковых было немало. Одними двигала сопричастность к делам государственной важности, другими — обостренное чувство справедливости, третьими — поднятие авторитета в собственных глазах и среди ближнего окружения и т. д. «Однако не стоит думать, что поданные доносили исключительно из-за опасения наказания. Утверждаемая сверху “демократичность” доноса и освящение его в качестве достойной “службы”, связывавшей доносителя непосредственно с государем, послужила основанием массового — во всяком случае широко распространенного — добровольного доносительства. Оно-то и сделалось настоящей основой кажущегося всемогущества Тайной канцелярии и сменившей ее Тайной экспедиции Сената»<sup>11</sup>.

К концу XVIII в. сыск в России перестал отвечать требованиям времени. Во время правления Екатерины II были попытки его реформировать. К этому времени возникла необходимость создания системы сыска, основу которой должны были составлять постоянные негласные осведомители полиции из разных слоев общества. Есть подтверждения, что во второй половине XVIII в. таких осведомителей стали привлекать на постоянной основе, причем искали их как среди обычных подданных, так и в армии из числа служащих. Первые попытки сделать сыскную деятельность более результативной предпринимались еще в период правления императрицы Елизаветы Петровны. Явным образом об этом говорит Инструкция определенному для сыску и искоренения воров и разбойников Главному Сыщику (к сенатскому указу от 19 ноября 1756 г.), в которой говорится про воровские станицы, которые следует разбить, а разбойников стараться брать живыми, особенно их атаманов, и «для того тщиться сыскивать таких людей, чрез которых можно об них подлинно уведать и переловить, чего для посылать для проведывания о их воровских пристанищах из тамошних жителей к тому способных людей, которым за то обещать и действительно давать в награждение

из их воровских пожитков, как в опубликованном 1719 г. октября 30 дня Указе напечатано — за каждого человека по пяти рублев...»<sup>12</sup>

XIX в. сразу поставил на повестку дня полиции пользу и необходимость негласного содействия своей работе привлеченных к этому подданных империи. Во время существования Министерства полиции (1811—1819 гг.) именно политический сыск приобрел наибольший размах. Способствовало этому грянувшая Отечественная война 1812 г. Шпиономания захлестнула обе столицы. Полиция активно прибегала к помощи тайных осведомителей. Так, после ухода наполеоновских войск из Москвы московский градоначальник Ф. Ф. Ростопчин вручил московскому обер-полицмейстеру П. А. Ивашкину секретную инструкцию, в которой перечислялись приоритетные административно-полицейские задачи по наведению порядка в городе. На основании этого документа П. А. Ивашкин приказал своему подчиненному А. Ф. Брокеру немедленно составить списки чиновников и других людей, особенно иностранцев, которые «быв свидетелями неистовств неприятелей, изменились в нравственности своей или участвовали в грабежах с ними». А. В. Давыденко пишет: «Брокеру требовалось вновь, как и минувшим летом, активизировать свою агентуру, вернее ее уцелевшую часть, для того чтобы обеспечить негласный надзор за подозрительными лицами, о “каждом сомнительном их движении или образе разговоров”. Выяснилось, что не вся французская шпионская сеть была эвакуирована вместе с оккупантами»<sup>13</sup>. Писал об этом также советский и российский историк С. Н. Искюль в работе «Война и мир России» (2015).

Во время правления императора Александра I, как и в последующий период, существовала своеобразная структура, выполняющая функции полицейского надзора. Это столичное Сообщество лон-лакеев (от нем. *Lohnlakei* — слуга, лакей, нанимаемый за плату) — агентурное полицейское подразделение, главной задачей которого являлось содействие полиции в осуществлении контроля за иностранцами, по разным причинам приехавшими в Россию. Правда, за агентурную работу лон-лакеям полиция не платила. Она предоставляла им защиту от чиновников, коммерсантов, нанимателей и даже от своих коллег, а плату за свою работу они получали от клиента. Первые документы по упорядочиванию деятельности лон-лакеев содержатся в архивных документах Министерства полиции, а именно в Особенной канцелярии министерства, за 1811 г., когда из гласной структуры она стала секретной, а в обязанности ей было вменено негласное содействие полиции. В Положении о лон-лакеях для обслуживания приезжих и форм учета иностранцев, остающихся в гостиницах<sup>14</sup> представлены отличия лон-лакея от простого слуги: «Лон-лакей различается от просто свободных лакеев в том, что он принадлежит к особому сообществу, снабжен особым документом и что он исключительно у приезжих наниматься право имеет». Имея такой документ на руках, сам лон-лакей чувствовал свое превосходство и причастность к некоей секретной корпорации. Руководство полиции считало главным в деятельности лон-лакеев именно негласное содействие. Министр полиции А. Д. Балашов писал, что «лон-лакеи составляют отныне негласное общество людей, под особенною защитою и руководством полиции состоящих», а по его распоряжению

была подготовлена Инструкция главе лон-лакеев<sup>15</sup>. В ней подчеркивалось попечительство полицейских чинов, заинтересованных в работе этой категории негласных помощников, роль «особенной защиты полиции». Например, говорилось, что лон-лакеи «свободны будут от общения с прочими полицейскими чинами».

Лон-лакеи должны были в письменном виде представлять свои наблюдения за деятельностью иностранцев, оценивать их поступки, встречи, разговоры с точки зрения «благонадежности». Особенно важным это представлялось в период Отечественной войны 1812 г. и победоносного похода русских войск в Европу в 1813—1815 гг. По докладом лон-лакеев осуществлялись уже целые проверки, или, как сейчас принято говорить, оперативные мероприятия. О проверке на «благонадежность» иностранцев, проживавших во время войны в России, в том числе в столице, есть целое архивное дело<sup>16</sup>.

Назначенный в Санкт-Петербурге исполнять обязанности министра полиции управляющий Министерством полиции С. К. Вязмитинов, судя по его переписке и деловым бумагам, быстро вник в суть негласной агентурной работы по противодействию шпионажу: «По поводу ненадежных или заподозренных в шпионских действиях иностранцев Вязмитинов вел переписку с управляющим Коллегии иностранных дел. В фонде Особенной канцелярии... есть дела, которые, например, так и называются: “О высылке из пределов Российских подозрительных иностранцев” или “О высылке иностранцев из пределов наших в Пруссию”»<sup>17</sup>.

Во время существования III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕЙВК) — головной структуры политической полиции (1826—1880 гг.), Корпуса жандармов с жандармскими округами, губернскими жандармскими управлениями (созданы в 1867 г.) негласные агенты-осведомители также работали на платной основе. Численность чиновников III Отделения была невелика: на 1832 г. чиновничий аппарат, согласно «Адрес-календарю», состоял из 20 чел., в 1866 г. — из 34. Для подготовки обширного годового отчета в течение года собиралась и анализировалась информация, «часто в завуалированном виде, чтобы не раскрывать источники информации, например “полученные частным образом”, сведения передавались министрам, губернаторам, местным предводителям дворянства, прочим должностным лицам для немедленного принятия мер»<sup>18</sup>. Для поиска такой информации привлекались секретные агенты. Исследователь О. Ю. Абакумов приводит примеры добытой ими информации, указывая, что «тот же полицейский агент, справно обрабатывая выданные средства, доносил...»<sup>19</sup>

С 80-х гг. XIX в., после неоднократных покушений на императора Александра II и его последующего убийства, с появлением террористических организаций «Народная воля», «Земля и воля» и др. «все силы правительства были брошены на преодоление политического кризиса в империи, ликвидацию революционной ситуации и политического терроризма... В декабре этого же года (1882. — *И. П., А. Т., Н. П.*) император Александр III утвердил “Положение об устройстве секретной полиции в Империи”, после чего начались организационно-штатные меропр-

ятия по созданию таковой»<sup>20</sup>. В январе 1883 г. была утверждена Инструкция инспектору секретной полиции<sup>21</sup>, которая предоставляла инспектору секретной полиции широкие права, например право «вступать в непосредственное заведование местными агентствами» и «участвовать в решении вопроса об отпуске на расходы по этим агентствам денежных средств»<sup>22</sup>. Речь идет не только и не столько о штатной агентуре — она была гораздо меньше, чем вспомогательная, а о последней, оказывавшей негласное содействие на платной основе.

III Отделение СЕИВК было упразднено в 1880 г., а Корпус жандармов перешел в подчинение Министерству внутренних дел. Губернские жандармские управления по части политического розыска стали подчиняться Департаменту полиции. Как уже говорилось выше, были созданы охранные отделения: «На эти учреждения возлагалась обязанность осуществления политического розыска на вверенной им территории, ведения наружного наблюдения и руководства секретной агентурой»<sup>23</sup>. Подбор надежной осведомительской клиентуры для негласного содействия работе полиции стал одним из приоритетных направлений полицейского руководства.

В начале XX в. в связи с подъемом революционного движения, разгулом преступности в ходе революционных событий 1905—1907 гг. работа секретной агентуры, негласных осведомителей стала еще более востребованной, что вынудило полицейское руководство упорядочить эту сферу деятельности. В 1902 г. были созданы розыскные отделения. В положении о начальниках розыскных отделений от 12 августа 1902 г. министр внутренних дел В.К. Плеве указывал, что «на обязанности начальников отделений лежит приобретение секретных агентов, руководство их деятельностью, а также выбор и обучение наблюдательных агентов»<sup>24</sup>.

Из дошедших до нас официальных документов о работе с осведомителями и секретными сотрудниками есть несколько наиболее важных. Один из них — «Инструкция по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения» от 10 февраля 1907 г., утвержденная министром внутренних дел П. А. Столыпиным и содержащая 41 пункт<sup>25</sup>. «Красной нитью» через документ проходит постулат, что «единственным, вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа о революционной работе, является внутренняя агентура». Особое внимание в Инструкции обращалось на «заагентурирование руководящих деятелей революционных организаций». Подчеркивалось, что «в состав внутренней агентуры должны входить лица, непосредственно состоящие в каких-либо революционных организациях (или прикосновенные к последним), или же лица, косвенно осведомленные о внутренней деятельности и жизни хотя бы даже отдельных членов преступных сообществ. Такие лица, входя в постоянный состав секретной агентуры, называются агентами внутреннего наблюдения». Агенты, состоявшие в революционной организации или непосредственно и тесно связанные с членами организаций, именовались секретными сотрудниками, независимо от того, были ли они штатными или вспомогательными.

В циркуляре Департамента полиции, вышедшем 4 октября 1907 г., «давались весьма специфические указания относительно способов при-

обретения сотрудников»<sup>26</sup>. Среди документов Государственного архива Российской Федерации сохранился еще один важный циркуляр, в котором сказано: «...начальники различных учреждений должны ныне же принять самые энергичные меры к приобретению новых сотрудников, стремиться заручиться содействием серьезных представителей, а не мелких кружковых деятелей, а вместе с тем использовать означенное переходное состояние в том смысле, чтобы продвинуть своих сотрудников ближе к центрам организаций»<sup>27</sup>.

Инструкциями и циркулярами Департамента полиции руководствовались и на местах. Так, начальник московского охранного отделения М.Ф. фон Коттен в циркуляре от 17 мая 1907 г. подчеркивал, что, в отличие от основных секретных сотрудников, вспомогательные сотрудники должны «приискиваться из благонадежной части населения»<sup>28</sup>.

Инструкция по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения от 1907 г. имела свои недостатки. Их учли при подготовке новой Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры: «Она была разработана в Московском охранном отделении в 1908 г. Указанная инструкция стала одним из наиболее полных и детально разработанных документов, регламентировавших организацию и тактику негласного содействия органам политического и уголовного сыска»<sup>29</sup>.

16 мая 1908 г. вышел циркуляр Департамента полиции № 131395, в нем определялся круг лиц, которые могут оказывать эффективное негласное содействие в работе. В качестве «вспомогательной агентуры» назывались содержатели чайных и колониальных лавок. Эти лица «отлично знают, что делается кругом на 20—30 верст и, получая небольшое постоянное вознаграждение, могут быть очень полезны. Вторым подходящим элементом будут крестьяне-лентяи, проводящие все время в чайных. Вообще, содержание таких вспомогательных агентов обойдется недорого — 5—10 руб. в месяц, а пользу они могут принести особенно в виде опорных пунктов для командированных филеров... Могут быть полезны волостные и сельские писари, но содержание их обойдется дороже, да и население относится к ним не с полным доверием и много от них скрывает»<sup>30</sup>.

В 1908 г. руководитель 8-го делопроизводства, созданного приказом директора Департамента от 12 марта 1908 г. в целях руководства сыскными отделениями в империи и всеми вопросами, касающимися уголовного сыска, авторитетный чиновник особых поручений В.И. Лебедев стал одновременно одним из руководителей и преподавателей подготовительных курсов, организованных при Департаменте полиции для новых руководителей сыскных отделений<sup>31</sup>.

По результатам этих курсов И.П. Генсиор составил практическое пособие, где говорилось, что источники формирования негласной агентуры — «постоянных агентов» и «случайных сотрудников» — следует искать среди «мелких торговцев, разносчиков, газетчиков, посыльных, извозчиков и всех категорий служащих в гостиницах и других местах развлечений, в конторах по найму рабочих и служащих и т. д. Это люди, имеющие общение со всеми слоями общества, всегда осведомлены обо всем, и у них можно черпать богатый материал для розыскных целей»<sup>32</sup>.

Другой теоретик сыска, И. Снигирев, в 1908 г. также указывал на необходимость привлекать к работе подобный контингент: «...совершивший преступление или будет пользоваться услугами извозчика, или обратится за покупками, или зайдет в гостиницу, и здесь везде поставит себя ближайшему наблюдению опытного глаза этих людей»<sup>33</sup>.

Для чинов уголовного сыска также была разработана своя инструкция, вышедшая из недр Департамента полиции 9 августа 1910 г. Она так и называлась — Инструкция чинам сыскных отделений<sup>34</sup>. Инструкция установила негласные источники получения информации сотрудниками сыскных отделений, к которым в первую очередь относились сообщения секретных агентов<sup>35</sup>. А параграф 2 Инструкции гласил, что «чины сыскных отделений имеют систематический надзор за преступными и порочными элементами путем негласной агентуры и наружного наблюдения». Другими словами, большая роль вынужденно отводилась негласному содействию постоянных агентов и отдельных осведомителей, которые служили по вольному найму за денежное вознаграждение либо «за хлопоты полиции по подысканию им какой-нибудь казенной или частной службы». Следует отметить, что контингент негласных агентов и осведомителей для уголовного сыска отличался от такового для политической полиции, где подбор осуществлялся из числа образованной части населения, способной внедриться в революционные круги и получить там нужную информацию.

К Инструкции чинам сыскных отделений прилагались Совершенно секретные правила, о которых упоминают исследователи Д.С. Рыжов и Т.Л. Матиенко<sup>36</sup>. Интересно, что Правила рекомендовали «искать содействие себе, прежде всего, в честных и нравственно устойчивых элементах самого охраняемого общества».

Негласных агентов на постоянной основе, как и агентов-осведомителей, «штучников», приходилось набирать из всех слоев общества, но преимущественно среди тех, кто по роду профессии активно общался с людьми, в том числе и среди представителей преступного мира, хозяев воровских притонов и скупщиков краденого, держателей борделей и проституток, не говоря уже о владельцах увеселительных заведений, постоялых дворов, ломбардов.

8-е делопроизводство Департамента полиции, помимо составления инструкций и контроля за деятельностью структурных подразделений, проводило ревизии сыскных отделений. Так, в 1910 г. при разработке программы таких ревизий первостепенное внимание было уделено работе руководства сыскных отделений с негласными сотрудниками. Среди предполагаемых вопросов были, например, такие: «Какие агенты имеются кроме чинов отделения; сколько из них на постоянном жаловании, сколько разовых или “штучников”; кто рассчитывается с агентами и какие отбираются расписки; из какой среды выбираются агенты и какими приемами»<sup>37</sup>.

Практики сыска того времени, такие как А.Ф. Кошко и В.П. Филиппов, тоже обосновывали значимость негласной агентуры и негласного содействия полиции. Так, А.Ф. Кошко в своих очерках писал: «При каждом московском полицейском участке состоял надзиратель сыскной полиции, имевший под своим началом 3—4 постоянных агентов и це-

лую сеть агентов-осведомителей, вербовавшихся по преимуществу из разнообразных слоев населения данного полицейского района. Несколько надзирателей объединялись в группу, возглавляемую чиновником особых поручений сыскной полиции. Эти чиновники ведали не только участковыми надзирателями и их агентами и осведомителями, но имели и свой особый секретный кадр агентов, с помощью которого и контролировали деятельность подчиненных им надзирателей»<sup>38</sup>.

В декабре 1912 г. состоялось особое совещание «для рассмотрения некоторых вопросов о политическом розыске в империи», по итогам которого Департаментом полиции была выпущена краткая записка<sup>39</sup>. На совещании также рассматривались «общие вопросы о повременном положении секретной агентуры, новые способы приобретения ее и совершенствования», необходимость расширения сферы деятельности привлеченных агентов и осведомителей, например, не только в революционных, но и в оппозиционных кругах, среди крестьян и на железных дорогах. Говорилось и о пересмотре «действующих инструкций и положений о розыске».

В этих целях в Департаменте полиции были доработаны инструкции 1907 и 1908 гг., на основании которых появился документ образца 1914 г. — Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях. В ней были конкретизированы многие положения, в том числе о вспомогательных сотрудниках, оказывающих негласное содействие. Например, такое: «Лица, не состоящие в организациях, но соприкасающиеся с ними, исполняющие различные поручения и доставляющие сведения по партии, в отличие от первой категории, называются “вспомогательными сотрудниками” или “осведомителями”. Осведомители делятся на постоянных, доставляющих сведения систематически, и случайных, доставляющих сведения случайные и маловажные. Осведомители, доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но получающие плату за каждое отдельное свое донесение, называются штучниками»<sup>40</sup>. Понятно, что такие агенты-«штучники» из числа добровольцев, желающих подзаработать, оказывали содействие полиции на платной основе. Это было дорогое удовольствие для ведомства, но необходимое.

Т.Л. Матиенко, опираясь на докладную записку начальника петербургского сыскного отделения Градоначальнику, упоминает также «агентов-летучек» и дает им следующую характеристику: «“Агенты-летучки” — это лица без определенных занятий, которые, не имея средств к существованию, ежедневно приходили в сыскную полицию». Там, по словам начальника сыскной полиции, за небольшую плату они предоставляли ценные указания: «Под “ценными указаниями” ... имелись в виду сведения о местонахождении разыскиваемых лиц и вещей»<sup>41</sup>.

Агентура в Инструкции более подробно классифицировалась по направлениям деятельности. Подтверждалось, что при формировании сельской агентуры «лучшим элементом являются содержатели чайных, хозяева и прислуга постоянных дворов, владельцы мелочных лавок, сельские и волостные писаря, крестьяне, не имеющие наделов и работы, а потому проводящие все свое время в трактирах и в чайных»<sup>42</sup>.



Тюремная же агентура формировалась из числа лиц, содержащихся под стражей. Основным стимулом к работе для этой категории осведомителей являлось не денежное вознаграждение, а представление к сокращению сроков наказания.

Особое внимание уделялось агентам в высшей школе. Рекомендовалось «помимо обычного контингента для заполнения кадров агентуры, иметь в виду использование членов академических союзов, идейно стремящихся прекратить смуту и охотно дающих сведения, даже безвозмездно»<sup>43</sup>. Давались также рекомендации и советы по формированию железнодорожной, фабричной, профессиональной и просветительской агентуры. Для просветительских обществ в Инструкции рекомендовалось заводить секретных сотрудников непосредственно в правлениях таких обществ.

Во время Первой мировой войны негласное содействие полиции приобрело особое значение, что заметно из распоряжений руководства разных уровней: «В начале войны петроградский градоначальник издал специальный циркуляр, адресованный домовладельцам, арендаторам домов, держателям гостиниц, а также отдельным категориям служащих — дворникам и швейцарам. Не секрет, что многие из этого контингента состояли на службе в Охранном отделении (политический сыск) в качестве агентов-осведомителей. У сыскных отделений (если речь идет о Петрограде и Москве) денег на оплату таких осведомителей не хватало. Но дворники и швейцары, если их не склонить к сотрудничеству, могли состоять и на службе у преступных банд, получая свой процент от состоявшихся краж»<sup>44</sup>.

Осведомительному делу и негласному содействию в работе полиции во время Первой мировой войны уделяли внимание и министры внутренних дел. Так, министр Б.В. Штюрмер по вопросу противодействия забастовочному движению на совещании губернаторов в 1916 г. высказывался: «Но вся борьба с забастовочным движением и предупредительные меры возможны лишь при хорошей постановке осведомительного дела, для чего нужны улучшение агентуры и немедленное усиление средств на её содержание»<sup>45</sup>. Организация негласного содействия, заинтересованными в этом структурами полиции, продолжалось вплоть до падения монархии, а вместе с этим и упразднения всех структур полиции и жандармерии Российской империи.

#### *Примечания*

1. ФЁДОРОВ А.В., ШАХМАТОВ А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. М. 2005, с. 1—2.
2. БОРИСОВ А.В., МАЛЫГИН А.Я., МУЛУКАЕВ Р.С. Полиция Российской империи. М. 2014, с. 163.
3. ГУРЬЕВ В.И. Московская полиция 1881—1917 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. СПб. 2014, с. 142.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 1. Отд. 2. № 131.
5. Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М. 1986, с. 314.
6. Там же, с. 403, 456.

7. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 2343.
8. Там же, т. 5, № 3244.
9. ВЕРЕТЕННИКОВ В. История Тайной канцелярии Петровского времени. М. 2014, с. 151.
10. АНИСИМОВ Е. Держава и топор: Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. 2019, с. 141.
11. КУРУКИН И.В., НИКУЛИНА Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М. 2008, с. 177.
12. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1, оп. 1, д. 196, л. 99об. —100; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 14. № 10650.
13. ДАВЫДЕНКО А.В. «Содействовать против вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в 1812 г.: Очерки. М. 2018, с. 526.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1165 «Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. 1811—1826», оп. 1, д. 1 «Дело о Положении о лонлакеях для обслуживания приезжих и форм учета иностранцев, останавливающихся в гостиницах», л. 4—9 об.
15. Там же, л. 77—80.
16. ГА РФ. Ф. 1165, оп. 2, д. 57 «Дело о проверке «благонадежности» иностранцев, проживавших в России и высылке подозрительных лиц за границу или во внутренние губернии России».
17. БОРИСОВ А.Б., ПОТЁМКИН И.А. Министерство полиции и его руководители. М. 2020, с. 43.
18. АБАКУМОВ О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороками. 1826—1866 гг. М. 2017, с. 6.
19. Там же, с. 51.
20. ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство, 1882, д. 977, л. 9—10; ПОТЁМКИН И.А., КЛИМОВ А.Ю. Проблемы реформирования полиции в период политического кризиса правительств Александра II (1879 г. — начало 1881 г.). — Труды Академии управления МВД России. № 3 (55). 2020, с. 197.
21. ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство, 1882, д. 977, л. 11—12.
22. Там же.
23. ПЕРЕГУДОВА З.И. Политический сыск России (1880—1917). 2-е изд., перераб. и доп. М. 2013, с. 134.
24. ГА РФ. Ф. 102, оп. 260, д. 259, л. 9об.
25. Заграничная агентура Департамента полиции (записки С. Сватикова и документы заграничной агентуры). М. 1941, с. 121—131; Из глубины времен. 1992. № 1, с. 71—83.
26. ПЕРЕГУДОВА З.И. Ук. соч., с. 219.
27. ГА РФ. Ф. 1467, оп. 1, д. 440, л. 6.
28. ПЕРЕГУДОВА З.И. Организация службы секретной агентуры. — Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб. 2002, с. 404.
29. ДОРОФЕЕВ И.И., ПОТЁМКИН И.А., РЫЖОВА Ю.В. Проведение специальных (тайных) операций органами правопорядка (полицией) в борьбе с преступностью. М. 2015, с. 71.
30. ЖИЛИНСКИЙ В.Б. Организация и жизнь охранного отделения. — Голос минувшего. 1917. № 9—10, с. 266; ПЕРЕГУДОВА З.И. Организация службы секретной агентуры..., с. 400.
31. Вестник полиции. 1909. № 45. 10 ноября.
32. ГЕНСИОР И.П. Заметки об уголовном розыске и регистрации преступников. Ревель. 1911, с. 6.
33. СНИГИРЕВ И. О сыске: Опыт исследования приемов, способов и средств к раскрытию истины происшествий. Касимов. 1908, с. 180.
34. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб. 1910.
35. Там же, с. 25.
36. РЫЖОВ Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью (1866—1917 гг.). Самара. 2001; МАТИЕНКО Т.Л. Сыскная полиция и зарождение оперативно-розыскной деятельности общей полиции Российской империи. М. 2019.

37. ГА РФ. Ф. 102, оп. 217. 8-е делопроизводство. 1910 г., д. 163 «Примерная программа ревизий сыскных отделений», л. 3.
38. КОШКО А. Ф. Воспоминания русского Шерлока Хомса. Очерки уголовного мира царской России: Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. М. 2019, с. 14.
39. ГА РФ. Ф. 102, оп. 253, д. 16, л. 28—36.
40. Цит. по: ЩЕГОЛЕВ П. Е. Охранники, агенты, палачи / Вступит. ст., примеч. Ф. Лурье. М. 2004, с. 37.
41. МАТИЕНКО Т. Л. Ук. соч., с. 180.
42. Цит. по: Щеголев П. Е. Ук. соч., с. 37.
43. Там же, с. 37—38.
44. ПОТЁМКИН И. А. Министерство внутренних дел Российской империи в обеспечении безопасности государства в условиях Первой мировой войны. 2-е изд., доп. М. 2017, с. 158.
45. Совещание губернаторов в 1916 году. — Красный архив. Т. 2 (33). 1929, с. 155; ПОТЁМКИН И. А. Ук. соч., с. 111.

# Заложничество как правовой институт в истории Российской империи второй половины XVII — первой половины XVIII вв.

Н. В. Лукашов, С. С. Лукашова

---

*Аннотация.* В статье анализируются особенности применения института человеческого заложничества в европейской правовой практике и в системе управления национальными окраинами России в XVII—XVIII вв. Особое внимание уделено разновидностям заложничества, используемым в малороссийских землях для обеспечения лояльности казацкой старшины. Обобщены закономерности заложничества как объективно существующего явления, имеющие значение для решения некоторых современных проблем общественных отношений.

*Ключевые слова:* добровольное заложничество, заложник, аманат, Российская империя, Малороссия, лояльность.

*Abstract.* The article analyzes the application features of the human hostage-taking institution in European legal practice and in the national suburbs management system of Russia in the XVII—XVIII centuries. Special attention is paid to the hostage-taking types used in Malorossia lands to ensure the loyalty of the Cossack foreman. Some regularities of hostage-taking as an objectively existing phenomenon that are important for solving some modern problems of public relations are summarized.

*Key words:* voluntary hostage-taking, hostage, amanat, Russian Empire, Malorossia, loyalty.

---

В современном цивилизованном мире залог как способ обеспечения обязательств используется лишь применительно к материальным объектам, финансовым и некоторым иным активам, но не к человеку. В новых

---

*Лукашов Николай Васильевич* — кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. E-mail: akadem11@yandex.ru; *Лукашова Светлана Станиславовна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения Российской академии наук. E-mail: bractwo@yandex.ru.

*Lukashov Nikolay V.* — candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, leading researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: academia11@yandex.ru; *Lukashova Svetlana S.* — candidate of historical sciences, senior researcher of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: bractwo@yandex.ru.

---

социально-экономических реалиях человеческое заложничество сохранилось исключительно в форме недобровольного, насильственного захвата, осуждаемого уголовным законодательством. Между тем как политико-правовой феномен оно имеет шанс проявиться во взаимоотношениях развивающихся стран Африки или Ближнего Востока, находящихся на более ранних этапах социально-экономического развития, а также в правосознании легальных и нелегальных мигрантов, прибывающих из этих стран.

Осознание природы и сущности таких различий должно способствовать как взаимопониманию и налаживанию межкультурной коммуникации, так и осознанию общих закономерностей формирования правовых институтов и правовых систем по мере развития общества.

В соответствии с правовыми нормами развитых стран права и свободы человека, а тем более его жизнь не могут являться предметом залога. Например, в соответствии со ст. 336 Гражданского кодекса Российской Федерации <sup>1</sup> предметом залога может быть имущество (в том числе вещи), а также имущественные права.

Такой статус был официально закреплён относительно недавно — по окончании Второй мировой войны, с принятием на Генеральной Ассамблее ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека <sup>2</sup>. Нормы Декларации не отрицают возможности человеческого заложничества буквально, но ее дух и буква делают его невозможным в правовом поле стран, поддержавших документ. Так, ст. 4 Декларации гласит: «Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах», ст. 9: «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию» и т. д.

Страны, ратифицировавшие принятые на основе Декларации обязательства, в том числе Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. <sup>3</sup>, вместе со всем цивилизованным миром отказались от правового института человеческого заложничества. В СССР указанный пакт ратифицирован указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII. Однако Уголовный кодекс РСФСР, утверждённый 27 октября 1960 г., вплоть до утраты силы с 1 января 1997 г. <sup>4</sup>, не содержал норм, предусматривающих ответственность за захват заложников. Захват и удержание заложника в отечественном законодательстве становится уголовно наказуемым деянием лишь в 1996 г., с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 206 которого за «захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника» предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет или даже пожизненно при отягчающих обстоятельствах <sup>5</sup>.

Между тем в историческом прошлом добровольное заложничество практиковалось широко и почти повсеместно, что нашло отражение в юридических памятниках Древнего Востока, античности, Средневековья и Нового времени. Э. де Ваттель, швейцарский философ, дипломат и юрист XVIII в., работы которого лежат в основе современного международного права и политической философии, описывая принципы меж-

дународного права, констатирует, что заложенность «давно и часто применяется в отношениях между нациями»<sup>6</sup>.

Существовало множество вариантов человеческого заложенничества, которое могло быть добровольным или вынужденным, взаимным или односторонним, гендерным и т. д. Как пишет Б.С. Шалютин, «заложенничество представляло собой универсальный формальный институт, обеспечивавший саму возможность установления договоров, материальное содержание которых могло быть любым»<sup>7</sup>.

В соответствии с нормами античного и средневекового права заложник — это человек, который передавался одной договаривающейся стороне другой в качестве подтверждения намерения соблюдать условия заключенного договора — имущественного, вассального или международного.

Пребывание в статусе заложника могло быть не вполне добровольным, но он считался представителем пославшей его властной группы. Заложниками могли стать только носители высокого социального статуса: представители политической элиты, их дети, духовенство и т. д. Предоставление заложников с недостаточным статусом («худородных», «с ущербом» и т. п.) считалось признаком заведомой недобросовестности второй стороны, и на этом основании договор мог быть расторгнут. Исчезновение заложника(ов) становилось основанием для расторжения договора: в случае смерти по естественным причинам пославшей его стороне следовало в ближайшее время отправить другого равноценного заложника; то же относится и к случаю, когда конкретный человек становился незаменимым в своем сообществе (приходил к власти, получал наследство и т. д.); убийство или бегство заложника рассматривалось как знак сознательного нарушения договора, вероломство. Следует разделять понятия «заложник», «пленный» и «арестант» (заклученный). Пленный мог стать заложником, если возникали дополнительные договорные отношения, например выкуп пленного семьей или обмен пленными.

Прослеживается определенная закономерность в использовании человеческого заложенничества на ранних этапах становления права как регулятора общественных отношений. Ограниченные возможности существовавших механизмов правового регулирования в ряде случаев не позволяли обеспечить исполнение обязательств как на бытовом, так и на межгосударственном уровнях иным способом, нежели путем человеческого заложенничества в его различных формах.

По мере совершенствования механизмов правового регулирования необходимость в человеческом заложенничестве постепенно отпадала. Окончательно это явление формально утратило статус правового института с принятием упомянутой выше Всеобщей декларации прав человека.

Оставшись в историческом прошлом, правовой институт человеческого заложенничества тем не менее дает богатую почву для исследования как сущности самого права, механизмов правового регулирования, так и закономерностей развития общественных отношений, особенно в переходные периоды. В этой связи историко-правовое исследование института добровольного заложенничества на примере отечественной истории может представлять не только теоретический, но и определенный практический интерес, например для уточнения правового статуса и переговорной ком-

петенции сотрудников правоохранительных органов<sup>8</sup> и представителей органов государственной власти, предлагающих себя для обмена в ситуации захвата заложников террористами.

В настоящей статье институт человеческого заложничества анализируется на примере общественных, в первую очередь политико-правовых, отношений между Россией и Малороссией (синонимы: гетманат, гетманщина; самоназвание — Войско Запорожское), сохранявшей элементы автономии в составе Российской империи до второй половины XVIII в.

Одностороннее заложничество широко использовалось во взаимоотношениях с народами, входившими в сферу политических интересов России. Некоторые исследователи утверждают, что оно было унаследовано из политической практики Золотой Орды, что подтверждает использование тюркоязычных терминов<sup>9</sup>. Практика взятия заложников из числа представителей знатных родов — аманатов — являлась одним из важнейших инструментов внутренней и внешней политики Московского государства / России / Российской империи на Северном Кавказе, в Поволжье, Приуралье, Средней Азии и Сибири, ее изучению посвящена обширная историография<sup>10</sup>.

Исследователи подчеркивают, что существовали значительные различия в применении этой практики в разных регионах: если для кавказских народов аманатство служило способом укрепления политической лояльности региональных политических элит, то в Сибири — гарантией своевременной выплаты ясака и механизмом внеэкономического принуждения к труду<sup>11</sup>. Можно выделить и отдельные исторические этапы, развившиеся по степени добровольности выдачи заложников, их численности, способу размещения аманатов на территории России. Институт аманатства использовался вплоть до исчезновения черт политической автономии у интегрированных народов и просуществовал до второй половины XIX в.

Несмотря на то что практика взятия заложников была распространена и на территории Малороссии, она никогда не становилась предметом специального научного исследования. На восточноевропейских землях заложничество существовало в нескольких разновидностях, не имевших особых наименований, однако заметно отличавшихся друг от друга по своим условиям.

Одной из наиболее древних форм заложничества для обеспечения стабильности межплеменных, а впоследствии и межгосударственных отношений являлось заключение брака между представителями политических элит. Для Малороссии XVII—XVIII вв. это было исключительно редким явлением, что в первую очередь было связано с неурегулированным сословным статусом казацкой старшины. В глазах соседей Малороссии политическая элита гетманата была слишком молода. Известно всего о трех попытках заключения брака между представителями великорусской и малороссийской элиты, и в двух случаях инициаторами сближения выступали гетманы. В составе политической элиты Малороссии гетманы занимали, как им казалось, недостаточно привилегированное положение, и на протяжении второй половины XVII — первой четверти XVIII в. можно отметить их регулярные попытки повысить свой статус, в том числе и благодаря брачным союзам.

Так, гетман И. Брюховецкий во время своей поездки в Москву в 1665 г. просил царя подыскать ему невесту. Выбор пал на паритетную, как показалось царскому окружению, фигуру Дарьи Исканской, племянницы главы московских стрельцов Ивана Тимофеевича Елагина и падчерицы царского окольного князя Дмитрия Александровича Долгорукова<sup>12</sup>. Хотя брак оказался удачным, он не помешал Брюховецкому уже в 1668 г. поднять восстание против Москвы и перейти «под руку» Османской империи.

Гетман И. Самойлович также считал необходимым укрепить свое положение благодаря матримониальным связям. В 1681 г. он просил у царя Фёдора Алексеевича дозволения выдать свою дочь Прасковью за представителя знатного боярского рода. Разрешение на брак было получено, но имя жениха указано не было. После долгих переговоров в 1682 г. зятем гетмана стал Фёдор Петрович Большой Шереметев. Хотя спустя короткое время он был повышен по службе и стал киевским воеводой и боярином, его отец П. В. Шереметев прекратил отношения и с сыном, и со сватом, вероятно, восприняв этот брак как мезальянс. Характерно, что и сам гетман Самойлович был арестован в 1687 г. по обвинению в государственной измене и отправлен в ссылку<sup>13</sup>.

Наконец, третий брак был заключен по личному указанию Петра I в 1718 г. между дочерью гетмана Скоропадского Ульяной и графом Петром Петровичем Толстым, который первым из представителей Великодержавии получил должность полковника в Войске Запорожском. Этот брак можно считать успешным с точки зрения подтверждения лояльности: до самой своей смерти в 1722 г. гетман пользовался полным доверием императора.

Наиболее распространенной в России практикой обеспечения лояльности присоединяемых народов была передача детей представителей местной политической элиты на постоянное жительство в Великодержавию в знак намерения соблюдать клятву верности. В Сибири и на Северном Кавказе такие заложники получили наименование аманатов и в зависимости от своего политического веса размещались в местных гарнизонах или крупных городах на казенном обеспечении<sup>14</sup>. Детям могла предоставляться возможность школьного обучения, что было также одним из элементов политики русификации.

Выходцы из казацкой старшины, в первую очередь дети гетмана, рассматривались как носители достаточно высокого статуса, которые заслуживали поселения в непосредственной близости к царскому (императорскому) двору. Их размещением занимался Посольский приказ. Пребывание в качестве заложника не означало лишения и страданий. Безусловно, неполноправный статус осознавался, но не воспринимался как плен или оскорбление. В 70—80 гг. XVI в. для сыновей малороссийского гетмана И. Самойловича Семена, Григория и Якова, попеременно живших Москве в качестве заложников, на казенные средства был куплен двор «с каменным и 3 деревянным строением». За счет казны дети получали бархат, атлас и сукно на одежду, книги и иконы для богослужения, дорогостоящие пряности и импортное вино<sup>15</sup>. Дети приезжали со свитой, в которую входили духовник батуринский игумен Исаакий, учитель Павел Ясликовский (Васильковский), слуга Иосип Куцкович, а так-



же дворецкий Богдан Лисов «со товарищи». Когда в 1682 г. дочь гетмана Прасковья вышла замуж за князя Ф. П. Шереметева, она фактически стала выполнять функцию обеспечителя и ее младший брат Яков Самойлович был отпущен домой, а двор подарен гетману в качестве официальной резиденции<sup>16</sup>.

Аманатом мог стать не только сын гетмана. В правление упомянутого выше И. Скоропадского сын миргородского полковника Даниила Апостола Пётр Апостол был взят в Санкт-Петербург и жил в доме князя А. Д. Меншикова, причем получил там дополнительное образование. Статус заложника не помешал ему жениться на смоленской дворянке, обзавестись детьми и служить в качестве секретаря Меншикова, выполняя его конфиденциальные поручения<sup>17</sup>. Домой он смог вернуться, только когда в 1723 г. в Петербурге был арестован его отец по делу челобитного посольства П. Полуботка (таким образом, Пётр Апостол уже не мог быть обеспечителем лояльности казацкой старшины). В мае 1727 г. Даниил Апостол был восстановлен в должности миргородского полковника и вернулся в Малороссию, ему на замену в Санкт-Петербург выехал младший сын Павел. Когда в октябре того же года Даниил Апостол был избран гетманом, он передал свою должность полковника Павлу, который исполнял ее, находясь в Петербурге, а Пётр Апостол в чине лубенского полковника должен был жить в Москве. В 1730 г. братья вернулись на родину, однако в Великороссии продолжал находиться внук гетмана Павел Иванович Апостол, который воспитывался в Санкт-Петербурге, в 1739 г. стал сержантом лейб-гвардейского Преображенского полка, а затем прапорщиком Семёновского полка.

Третьей разновидностью заложничества можно считать принудительное удерживание лиц, подозреваемых в нелояльности, в пределах России. Такое заложничество отчасти напоминает ссылку, с той лишь разницей, что место жительства назначалось в одной из столиц. Поселенцы могли находиться под строгим надзором или же «ходили за караулом», то есть свободно перемещались по городу. Они расселялись вблизи Малороссийского подворья на Покровке, кормились за свой счет. Москва могла стать местом поселения для отбывших реальную ссылку в Сибири или Архангельске. Например, в 1677 г. брат бывшего гетмана Петра Дорошенко Григорий был отпущен из ссылки в Сибири и поселен в Москве вблизи двора Семена Самойловича, которому он составлял своеобразную свиту<sup>18</sup>. Аналогично и Даниил Забела за ложный донос на гетмана П. Скоропадского в 1718 г. был выслан в Архангельск, в 1723—1724 гг. переведен на поселение в Москву и только в 1727 г. отпущен в Малороссию<sup>19</sup>. Малороссийский и гетманский дворы в Москве получали финансирование из казны, вокруг них формировалась малороссийская диаспора, по доброй воле или принудительно знакомившаяся с реалиями великорусской жизни.

Массовое расселение нелояльной старшины в Москве началось после изгнания Карла XII из Малороссии. Первая группа поселенцев представляла собой подозреваемых в близости к Мазепе, в отношении которых не было ни веских доказательств измены, ни твердого поручительства, а также возвращающихся из эмиграции. Разбирательства в отношении сторонников Мазепы продолжались на протяжении 1710-х гг. Напри-

мер, Яков Золотаренко-Хмельницкий «был взят» в Москву в 1717 г., где и умер. Д. В. Забело в 1718 г. был выслан в Архангельск, откуда в 1724 г. переселен в Москву, и лишь в 1727 г. ему было разрешено вернуться в Малороссию<sup>20</sup>. Войсковой канцелярист И. П. Максимович возвратился из Константинополя в 1715 г., «был взят» в Москву, где в 1722—1726 гг. был справщиком и библиотекарем Синодальной типографии. Умер в Москве же в 1732 г.<sup>21</sup>

Если поселение в Москве заподозренных в измене казаков можно объяснить интересами следствия, то «взятие» членов семей мазепинцев, ушедших вслед за Карлом XII в Бендеры, отчетливо указывает на заложничество. Так, И. А. Бутович, младший брат ушедшего с Мазепой Г. А. Бутовича, в 1712 г. был поселен в Москве, а отпущен в 1715 г., когда брат вернулся из эмиграции и сам оказался в московской ссылке. Интересно, что дети соратников Мазепы рассматривались не как «враги народа», а скорее как аманаты. Есть сведения по меньшей мере о восьми молодых людях, зачисленных в Преображенский и Семёновский лейб-гвардейские полки на сержантские должности, причем именно в то время, когда их отцы находились в тюремном заключении или в настоящей ссылке.

Санкт-Петербург также становится местом пребывания наиболее важных аманатов и ссыльных. Как уже упоминалось, представители казацкой старшины, арестованные по делу П. Полуботка (Д. Апостол, Я. Лизогуб, Р. Корицкий, В. Жураковский, М. Милорадович и др.), после смерти Петра I были выпущены из Петропавловской крепости, но им было запрещено покидать Санкт-Петербург. Они должны были купить себе дома в столице и жить там за свой счет. В 1727 г. отношение к ним смягчилось, заложников перевели в Москву, а в начале 1728 г. отпустили в Малороссию. Бывший генеральный есаул Василий Жураковский не уехал на родину, а добровольно остался в Москве, где и жил до самой своей смерти в 1730 г.

Племянники арестованного П. Полуботка Пётр и Яков Мировичи (сыновья Ф. Мировича, генерального есаула у гетмана Ф. Орлика) были отданы на обучение в Петербургский морской госпиталь; после в 1726 г. их было велено определить в гимназию при Петербургской академии, «а в Малую Россию не отпускать никогда»<sup>22</sup>. В 1728—1729 гг. Пётр был секретарем цесаревны Елизаветы Петровны, а Яков — секретарем графа А. Потоцкого.

К четвертой разновидности человеческого заложничества в исследуемый период можно отнести передачу заложников (обмен ими) как гарантию сохранения лояльности союзников в условиях совместных боевых действий или для обеспечения исполнения мирного договора. В этом случае заложниками могли выступать представители казацкой старшины, их жены, сыновья и другие родственники. Удержание такого рода заложников широко использовалась в политической практике того времени, в том числе в восточноевропейском регионе<sup>23</sup>. Предполагалось, что если «суверен, давший заложников, нарушит свои обязательства, заложник перестает быть заложником и становится пленником»<sup>24</sup>.

Эта разновидность заложничества также присутствовала в отношениях Великороссии с гетманатом. Во время Полтавской битвы члены старшинских семей гарантировали верность малороссийских полков Пе-

тру I. В течение всей первой половины XVIII в. при заграничных экспедициях или в случае угрозы нападения извне (мазепинцев или татар) жены представителей полковой и генеральной старшины сажались под «домашний арест» и для их «освобождения» требовалось разрешение киевского генерал-губернатора <sup>25</sup>.

Наконец, последняя, самая простая разновидность человеческого заложничества связана с обеспечением получения выкупа за пленного. Например, князь Ю. А. Святополк-Четвертинский попал в плен к татарам, а в 1700 г. его место занял младший брат Януш, в то время как сам Юрий организовал выкуп пленного татарского мурзы для обмена брата в Крыму <sup>26</sup>. Такая разновидность заложничества никогда не использовалась во внутривосточных отношениях Великороссии и гетманата, хотя получила широкое распространение в Сибири и Средней Азии.

Таким образом, можно констатировать, что существует значительное сходство между стратегиями обеспечения лояльности Малороссии и восточных окраин России / Российской империи. Династические браки или браки между представителями политических элит расценивались великороссами как мезальянс и заключались крайне редко. Случаи «взятия» детей-аманатов носили единичный характер и затрагивали только детей гетмана или его приближенных. Дети размещались в столицах на положении «почетных заложников», что соответствовало политике, проводимой Россией в XVI—XVII вв. Массовое взятие заложников было связано с уходом части казацкой старшины вместе со шведской армией Карла XII, но даже в этом случае заложники размещались не в приграничных городах, а в Москве или Санкт-Петербурге в весьма вольготных по сравнению с восточными окраинами условиях. Малороссийские дети и подростки, как и их кавказские сверстники, использовались властями для культурной интеграции их в российское общество путем обучения в российских учебных заведениях, службы в воинских частях и т. п.

Как и на восточных окраинах империи, губернаторы в Киеве брали заложников в ходе заграничных походов (маневров, перекочевок, в случае внешней угрозы), используя для этой цели жен и других членов семей казацких урядников, и эта практика была обычной и для восточноевропейских земель. Наконец, только в отношении малороссийской старшины применялось принудительное поселение в столичных городах без права вернуться на родину, которое могло длиться несколько лет.

Таким образом, человеческое заложничество можно рассматривать как один из характерных для определенного этапа развития общественных отношений институтов, имеющих свои закономерности, изучение которых позволяет лучше понять причинно-следственную связь тех или иных исторических событий. В частности, несовершенство механизмов правового регулирования, определенные сложности с исполнением законов на окраинах Российской империи в ряде случаев заставляли прибегать к заложничеству как к единственному доступному средству обеспечения договорных обязательств.

Поскольку заложничество как объективно существовавший ранее и существующий сегодня, пусть и вне закона, институт общественных отношений имеет определенные закономерности, результаты изучения этого явления могут быть полезны и для решения некоторых совре-

менных проблем. Например, сегодня мы можем наблюдать на линии соприкосновения правовых пространств России, Украины, Луганской и Донецкой республик многочисленные случаи решения на основе заложничества ряда политических и экономических вопросов. При этом культурно-исторические общности, характер возникающих проблем взаимоотношений имеют ряд аналогий с описанными выше событиями на территории Малороссии периода XVII — первой половины XVIII в.

#### *Примечания*

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020). — Собрание законодательства РФ. 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.
2. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/declhr.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml)
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией № 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). — Ведомости Верховного Совета СССР. 28 апреля 1976 г. № 17. Ст. 291.
4. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации». — Собрание законодательства РФ. 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2955.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020). — Собрание законодательства РФ. 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.
6. ВАТТЕЛЬ Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций или суверенов. М. 1980, с. 357—358.
7. ШАЛЮТИН Б.С., КИСЕЛЬ И.В. Происхождение и сущность права и государства: Учебник. Екатеринбург. 2012, с. 37—38.
8. ВАХНИНА В.В. Совершенствование переговорной компетентности руководителей органов внутренних дел в ситуации захвата заложников. — Труды Академии управления МВД России. 2008. № 2, с. 95—98.
9. ТРЕПАВЛОВ В.В. «Белый царь»: Образ монарха и представления подданства у народов России XV—XVIII вв. М. 2007, с. 140.
10. ВАСИЛЬЕВ Д.В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII — первая половина XIX в. СПб. 2020; ОЗОВА Ф.А. Роль института аманатства в русско-черкесских отношениях (1552—1864). — Клио. 2017. № 11 (131), с. 121—128; ЕЕ ЖЕ. Институт аманатства в кавказской политике Петра I. — Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3, с. 220—229; ИЗБАСАРОВА Г.Б. «Почетные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII—XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза). — Клио. 2016. № 6 (114), с. 44—51; ЕЕ ЖЕ. Имперские механизмы управления окраинами: башкиры, калмыки, казахи в XVIII—XIX вв. — Вестник Российской нации. 2017. № 2 (54), с. 113—124; АБДУЛАЕВА М.И., КИДИРНИЯЗОВ Д.С. Институт аманатства в контексте военного образования кавказских горцев. — Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 4, с. 11—16; и др.
11. САМРИНА Е.В. Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к Российскому государству в XVII—XIX веках. — Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 49, с. 63—69.
12. КРИВОШЕЯ В. Козацька еліта Гетьманщини. Київ. 2008, с. 182; ГОРОБЕЦЬ В. Гетьман Руїни. Иван Брюховецький та Москва. Київ. 2017, с. 186—203.
13. КОЧЕГАРОВ К. А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681—1687 гг. М. 2012; АЛМАЗОВ А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672—1687 гг.). М. 2012.
14. В международной практике XVIII в. существовали разные представления о том, за чей счет должны содержаться заложники. Так, Э. де Ваттель считал, что это обязанность посылающей стороны. См.: ВАТТЕЛЬ Э. де. Ук. соч., с. 360.

15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. Малороссийские дела, оп. 3, ед. хр. 278, 281.
16. АЛМАЗОВ А.С. Ук. соч., с. 191—193.
17. КОГУТ З. Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ. 2004, с. 413.
18. МОДЗАЛЕВСКИЙ В.Л. Малороссийский родословник. Т. 1. Киев. 1908, с. 452.
19. Там же. Т. 2. Киев. 1910, с. 80.
20. КРИВОШЕЯ В. Генеалогія українського козацтва: Нариси історії козацьких полків. Київ. 2004, с. 99, 170.
21. Там же, с. 96.
22. МОДЗАЛЕВСКИЙ В.Л. Ук. соч., т. 3. Киев. 1912, с. 550.
23. Например, шестнадцатилетний Тимош Хмельницкий стал заложником в Бахчисарае в 1648 г., в то время как его отец Богдан Хмельницкий вместе с татарским отрядом перекопского мурзы Тугай-бея вел боевые действия против войска коронного гетмана Николая Потоцкого. В том же году лисянский полковник Максим Кривонос и наказной чигиринский полковник Михаил Крыса были переданы полякам накануне битвы при Желтых Водах. В ходе боевых действий заложникам удалось бежать. В 1711 г. после неудачного Прутского похода до исполнения условий мирного договора вице-канцлер П.П. Шафиров и сын фельдмаршала М.Б. Шереметев должны были оставаться в Турции как заложники.
24. ВАТТЕЛЬ Э. де. Ук. соч., с. 260.
25. ЛАЗАРЕВ Я.А. «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине в 1700—1727 гг.: Эволюция институтов и их статуса: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 2012.
26. КОЧЕГАРОВ К.А. Ук. соч., с. 170.

# Практика применения «Закона о трех ошибках» в США

В. А. Шестак, Л. Р. Халикова

---

*Аннотация.* В статье исследуются проблемные вопросы применения «Закона о трех ошибках» в США. Авторами представлен анализ предпосылок принятия закона, а также уровня преступности в стране и в некоторых штатах в отдельности в течение определенного периода. В работе рассматриваются статистические данные рецидива по стране, приводятся конкретные случаи из судебной практики. На основе исследования обосновывается масштабность применения рассматриваемого закона для всего населения в целом.

*Ключевые слова:* США, уровень преступности, «Закон о трех ошибках», рецидив, насильственные преступления.

*Abstract.* This article investigates the problematic points of the application of Three strikes law in the USA. The authors present an analysis of the prerequisites for the implementation of law, as well as analysis of the crime rate in the country and in some states in particular during a certain period. The work considers statistics of recidivism in the country, gives specific cases from the court practice. Based on the investigation, the scale of significance of the application of this law for the whole population is grounded.

*Key words:* USA, crime rate, Three strikes law, recidivism, violent crimes.

---

**Crime rate analysis in the United States.** The crime rate is the most important indicator of safety in the country, which, as a quantitative characteristic, is formed not from actually occurred, but from the crimes reported and documented by someone. Its reduction is one of the highest priorities of law enforcement agencies in many countries. Now, according to statistics, the crime rate in the US is 46.73<sup>1</sup>. This figure indicates that the United States are currently considered one of the safest countries in the world.

Crime analysis in the United States usually includes two vast categories: violent crimes (murder, rape, robbery, aggravated assault, any crime involving serious bodily harm or using firearms, burglary, arson)<sup>2</sup> and property crimes (theft, larceny, motor vehicle theft)<sup>3</sup>. Despite the fact that property and non-violent crimes are still priority problems, the United States has seen a marked

---

*Шестак Виктор Анатольевич* — доктор юридических наук, доцент, профессор ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России». E-mail: shestak.v.a@mgimo.ru; Халикова Лиана Рамиловна — ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России». E-mail: khalikovvvat@mail.ru.

*Shestak Viktor A.* — doctor of juridical sciences, associate professor, professor of the MGIMO University; *Khalikova Liana R.* — MGIMO University. E-mail: khalikovvvat@mail.ru.

---

downward trend in violent crimes over the past 30 years in the country <sup>4</sup>. According to the FBI, in 2018 reported violent crime was down approximately 50 percent from 1990 <sup>5</sup>. Moreover, according to Federal Bureau of Investigation crime statistics, crime rate also varies depending on the state or city. For example, in 2018, there were more than 800 violent crimes per 100 000 citizens in Alaska and New Mexico. By contrast, Maine, New Hampshire and Vermont had rates below 200 violent crimes per 100 000 residents <sup>6</sup>.

While crime rate in a particular region may be affected by various factors, including, for example, population density or economic and social conditions, this positive trend may also be a result of the implementation of Three strikes laws in some states since the end of the twentieth century (for example, Former California Attorney General Dan Lungren's office reported in 2002 that violent crime rates in California had dropped 26.9 per cent since the passage of Three strikes law <sup>7</sup>) <sup>8</sup>.

**Special features of Three strikes law application.** Three strikes law is state legislation in the United States, which requires state courts to sentence those who have committed three serious crimes to long prison terms, up to life imprisonment <sup>9</sup>. Although the practice of sustaining heavier sentences to recidivists is not new, such laws are generally binding. Although such laws are quite controversial, state courts almost in all cases stand in favor of the legality of their application. However, different states make different amendments regarding their use. In Maryland, for example, the law has the character of "four strikes" <sup>10</sup>. In Montana persistent felony offender shall be imprisoned for a term of not less than 5 years or more than 100 years <sup>11</sup>.

The law has a number of features that distinguish it from other laws which were used in the past. For example, two violent convictions is the reason for sentencing a person to more than 25 years' imprisonment or even life imprisonment for any new crime (not only for "serious" or violent crimes); the period of time between the previous and the new conviction for a criminal offence does not affect the new conviction, that is why, serious and violent crimes committed several years before the commission of a new crime, for which the previous conviction has already been removed, will be determined as "strikes". Also, those who have been convicted cannot apply for parole for more than 1/5 of their sentence <sup>12</sup>. Thus, the length of time that some recidivist offenders spend in a state prison significantly increases.

At the time of its adoption, the aim of the law in general was to combat repeated violent crimes. Accordingly, as a general rule, Three strikes law applies exclusively to people who have already served a prison sentence and who have committed three violent crimes. However, in a number of states, including California, the law also applies to individuals whose two previous crimes were not only violent but also non-violent, but were found sufficiently serious. Such crimes in California, for example, are burglary, arson, robbery, violation of firearms regulations, possession of drugs, while in other states the list also varies from region to region. Moreover, the state provides for twice the punishment for the second crime committed, with the condition that it must serve only in prison rather than in jail <sup>13</sup>.

**Three strikes laws in different states of the country and the history of its implementation.** Nowadays Three strikes law has already transformed into Two strikes law in several states (Georgia, South Carolina and Tennessee),

which imposes life imprisonment without parole for repeat offenders of the most serious violent crimes such as murder, rape, aggravated robbery <sup>14</sup>.

The state of Washington was the first to enact Three strikes law in 1993. Since then, more than half of the states in the United States have enacted such regulations. Today, Massachusetts is the last state to implement Three strikes law. A prerequisite for this step was the murder of a war veteran in Voburn in 2010 by a recidivist criminal who was put on parole at the time of the crime. After law implementation in the state, the penalty of life imprisonment without parole for the third crime committed can be imposed for murder and more than twenty other offences listed in the law <sup>15</sup>.

California is the second state to enact Three strikes law as binding. It was approved by a majority vote in 1994 under the name “Three Strikes and You’re Out” on a referendum after the tragic murder of Kimber Reynolds and Polly Klaas <sup>16</sup> in order to punish murderers, rapists and child molesters wherever they are located.

The law was the result of a promise made posthumously by the father of gravely wounded Kimberly Reynolds <sup>17</sup>. In 1992 a girl was coming home when several men tried to steal her bag. After an unsuccessful attempt, one of the attackers pointed a revolver at the head of an 18-year-old girl and shot her off. The investigation revealed that both assailants had been prosecuted for drug possession, vehicle theft and gun crime in the past <sup>18</sup>. Moreover, the girl’s shooter was also wanted for a series of robberies and attacks in addition to Kimberley’s murder <sup>19</sup>.

About a year and a half after tragic incident with Kimberly Reynolds, 12-year-old Polly Klaas from Petaluma, California, was kidnapped from a bridal shower. The search for the missing continued for three months with wide use of the mass media throughout the country until the police tracked down a repeat offender Richard Allen Davis <sup>20</sup>. At the end of the investigation he was convicted in the aggregate for the rape and murder of a minor. Then the loss of his daughter and the fate of other victims compelled Kimberly’s father Mike Reynolds <sup>21</sup> to conduct a broad government campaign to protect victims of recidivism and change the justice system.

Before the law enactment in 1993, according to the Federal Bureau of Investigation, a murder committed in California every two hours, rape every 41 minutes, robbery every 4 minutes, aggravated assault every 3 minutes and motor vehicle theft every 18 seconds <sup>22</sup>. The average penalty at the time was 21 months’ imprisonment. For every 100 violent and non-violent crimes in the state reported to the police station, only two offenders were sent to prison, and about 58% of ex-prisoners committed various crimes again within two years of serving their sentence in a state prison <sup>23</sup>. Although the “symbolic” contribution <sup>24</sup> prevailed at the time this regulation was enacted, crime rate had fallen by more than 46 percent within six years of the enactment of Three strikes law in California. At that time the level was several times higher than in any other state in the country and twice as high as the 49 states and the Federal District of Columbia <sup>25</sup>.

**Downsides of Three strikes acts in law enforcement practice.** At the same time, according to some data, since its implementation crime rate has not changed so much and, moreover, under this law about half of the convicted are currently serving time for non-violent crimes, such as stealing one



dollar, keeping less than one gram of drugs or attempting to enter a free meal point.

By 2001 over 50 000 criminals in California had been sentenced under the new law. This figure is many times greater than the number of prosecutions in any other state, along with nearly a quarter of prisoners sentenced to life imprisonment with the minimum term being 25 years<sup>26</sup>. Consequently, such statistics only attracts public attention. Among the most common crimes for which offenders currently serve custodial sentences are burglary, assault and possession of drugs, and only about 37% of them have been convicted of crimes against life and health, such as looting and assault<sup>27</sup>.

Because of the unfairness of most of the sentences, in April 2002 the U.S. Supreme Court initiated a constitutional review of a law enacted in California, which resulted in the law being declared constitutional<sup>28</sup>. However, later in 2012, California enacted the Three Strikes Reform Act, which abolished life imprisonment for non-serious, non-violent crimes. According to the Act<sup>29</sup>, however, life imprisonment may still be imposed for the third non-violent offence committed. Such crimes include certain sexual offences, offences involving the use of firearms. The law also applies to offenders who have previously been convicted of rape, murder or child molesting.

The law also established a procedure for applying to the court for a sentence reduction: in order to receive a reduction, the court must establish that the prisoner no longer poses a threat to public security. In the first eight months following its enactment, more than 1 000 prisoners had been released out of custody. Of these released prisoners, the recidivism rate is less than 2 per cent, well below the state and country in general<sup>30</sup>.

The center of the dispute over the constitutionality of Three strikes law was also the case of Leandro Andrade, who was convicted on two points of stealing several videotapes worth \$53 from two stores<sup>31</sup>. As a general rule, according to California state law, a minor larceny is usually a misdemeanor punishable by six months in county jail and a fine of up to \$1 000. Together with his outstanding convictions, Leandro could have received a maximum of 3 years and 8 months in prison<sup>32</sup>, but Andrade's criminal record (minor larceny, theft, drug possession, and jailbreak) has contributed to a severe penalty since the enactment of the Three Strikes Law Act<sup>33</sup>.

Since both thefts were considered independent incidents, the law was applied to both charges, resulting in two consecutive life sentences, which meant that Andrade could not apply for parole after the being actually served 50 years. Despite the excessive cruelty and disproportion of the punishment on appeal the U.S. Supreme Court ruled in favor of the constitutionality of the law relating to Andrade<sup>34</sup>.

Such unfair sentences are sustained across the country, for example, in 1982 an Alabama resident was sentenced to life imprisonment without parole for stealing a wallet with \$9<sup>35</sup>. The law also impacted the life of Shane Rimes, who sustained a life sentence with parole after serving 25 years. Rimes was with a friend when the latter was selling drugs under the guise of a policeman. Due to his criminal record, the young man was also convicted according to Three Strikes Act for a non-violent crime<sup>36</sup>.

**Disputes over the need of the cancellation of the implying Three strikes acts.** For more than 20 years, state and federal crime control policies

have been based on the belief that violent sentencing will deter crime. However, according to a comprehensive study, the downward trend in crime in the United States was already evident before the implementation of Three strikes law in the country, and after it was enacted, crime rates fell only with the same speed <sup>37</sup>.

Although the U.S. crime rate has consistently declined and remains at an average level each year <sup>38</sup>, more and more population argue against the application of the Three strikes acts due to a number of factors, including violations of the principle of “proportionality” established by the 8<sup>th</sup> Amendment to the Bill of Rights in 1787 <sup>39</sup>, which prohibits the imposition of excessive bails and fines, cruel and unusual punishments. Thus, the application of this law is contrary to the criminal justice system and contributes to the miscarriage of punishment for the crime committed.

However practically, the Supreme Court of the United States of America invalidated the imprisonment according to Three strikes law as a violation of the Eighth Amendment only in the case of *Solem v. Helm* <sup>40</sup>. Helm was convicted of issuing a cheque for \$1 000 from a non-existent personal account. According to the legislation, the maximum penalty for this crime is imprisonment for up to five years and a fine of \$5 000. However, because of Helm’s previous convictions, the South Dakota court sentenced him to life imprisonment without parole with reference to Three strikes act. However, later, having regard to the Eighth Amendment, the Supreme Court reversed a real life sentence imposed on an offender whose criminal record, although being extensive, did not include any violent crimes <sup>41</sup>.

On the contrary, in the *Ewing v. California* case, the U.S. Supreme Court decreed that the life sentence imposed on a repeat offender, Gary Ewing, with regard to this law, was in no way contradictory to the Eighth Amendment. The court directly referred to the original purpose of the law (fighting crime) and gave verdict that Ewing’s criminal background (being on parole, three burglaries and robbery) can be classified as two complete “strikes” <sup>42</sup>.

Currently, most of the US population also believes that such laws cannot be effective measures of deterring crime, due to the fact that a huge percentage of violent crimes are committed unintentionally, for example, under the influence of alcohol, anger or other emotional distresses. Thus, the prospect of life imprisonment tends not to stop potential perpetrators from acting more impulsively.

Moreover, criminals who intend to commit illegal acts often rely on impunity, since, for example, according to data provided by the American Bar Association, of the 34 million serious crimes committed each year in the United States, only 3 million end up in arrests. Therefore, Three strikes law is in most cases simply not a real deterrent.

Law enforcement agencies’ officials also support the idea of ending the application of Three strikes acts in the United States for fear of increase in violence against the police rate, correctional officers and public in general, as a criminal facing mandatory life imprisonment is more likely to resist arrest, murder witnesses, or attempt jailbreak <sup>43</sup>.

Such ruthless laws force judges to impose the gravest sentences, regardless of the circumstances mitigating criminal liability (any addiction or mental disorder). Long prison sentences are one of the reasons the United States in-

carcerates more people per capita than any other country<sup>44</sup>. Thus, nowadays when country's prisons are overcrowded and the public budget is run out of by the enormous cost of building them, citizens are increasingly questioning the practicality of such laws.

## References

1. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/crime-rate-by-country/>
2. URL: [https://www.uscourts.gov/sites/default/files/64\\_1\\_1\\_0.pdf](https://www.uscourts.gov/sites/default/files/64_1_1_0.pdf)
3. URL: <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2019/preliminary-report>
4. URL: <https://www.statista.com/topics/2153/crime-in-the-united-states/>
5. URL: <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s>
6. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/10/17/facts-about-crime-in-the-u-s/>
7. URL: [https://www.americanbar.org/groups/crsj/publications/human\\_rights\\_magazine\\_home/human\\_rights\\_vol29\\_2002/spring2002/hr\\_spring02\\_vitiello/](https://www.americanbar.org/groups/crsj/publications/human_rights_magazine_home/human_rights_vol29_2002/spring2002/hr_spring02_vitiello/)
8. URL: <https://law.jrank.org/pages/10777/Three-Strikes-Laws.html>
9. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title18-section3559&num=0&edition=prelim>
10. URL: <https://www.prisonpolicy.org/scans/sp/3strikes.pdf>
11. URL: <http://www.ncrp.info/StateFactSheets.aspx?state=MT>
12. URL: [https://lao.ca.gov/2005/3\\_strikes/3\\_strikes\\_102005.htm](https://lao.ca.gov/2005/3_strikes/3_strikes_102005.htm)
13. URL: [https://www.rand.org/pubs/research\\_briefs/RB4009.html](https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB4009.html)
14. URL: <https://www.prisonpolicy.org/scans/sp/3strikes.pdf>
15. URL: <https://www.mass.gov/info-details/massachusetts-law-about-sentencing-probation-and-parole>
16. URL: <https://law.stanford.edu/stanford-justice-advocacy-project/three-strikes-basics/>
17. URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=114219922>
18. URL: <https://www.businessinsider.com/retro-report-story-on-three-strikes-laws-2013—12>
19. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1993—12—09-mn-65402-story.html>
20. URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=114219922>
21. URL: <https://books.google.ru/books?id=UCp1AwAAQBAJ&pg=PT509&lpg=PT509&dq=kimber+reynolds+murder+fbi&source=bl&ots=sbyeqytD13&sig=ACfU3U3BxMK9J7PmFMNgddTo20Lx3NYnBw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiE5bmYvpDoAhVCw4sKHcFVCocQ6AEwA3oECAkQAQ#v=onepage&q=kimber%20reynolds%20murder%20fbi&f=false>
22. URL: [https://www.fbi.gov/@/search?SearchableText=1992+california&pageSize=20&page=4&sort\\_on=&sort\\_order=descending&after=](https://www.fbi.gov/@/search?SearchableText=1992+california&pageSize=20&page=4&sort_on=&sort_order=descending&after=)
23. URL: <https://books.google.ru/books?id=UCp1AwAAQBAJ&pg=PT509&lpg=PT509&dq=kimber+reynolds+murder+fbi&source=bl&ots=sbyeqytD13&sig=ACfU3U3BxMK9J7PmFMNgddTo20Lx3NYnBw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiE5bmYvpDoAhVCw4sKHcFVCocQ6AEwA3oECAkQAQ#v=onepage&q=kimber%20reynolds%20murder%20fbi&f=false>
24. URL: <https://www.jstor.org/stable/23357930?seq=1>
25. URL: <https://books.google.ru/books?id=UCp1AwAAQBAJ&pg=PT509&lpg=PT509&dq=kimber+reynolds+murder+fbi&source=bl&ots=sbyeqytD13&sig=ACfU3U3BxMK9J7PmFMNgddTo20Lx3NYnBw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiE5bmYvpDoAhVCw4sKHcFVCocQ6AEwA3oECAkQAQ#v=onepage&q=kimber%20reynolds%20murder%20fbi&f=false>
26. URL: <https://law.jrank.org/pages/10777/Three-Strikes-Laws.html>
27. URL: [https://lao.ca.gov/2005/3\\_strikes/3\\_strikes\\_102005.htm](https://lao.ca.gov/2005/3_strikes/3_strikes_102005.htm)
28. URL: <https://books.google.ru/books?id=UCp1AwAAQBAJ&pg=PT509&lpg=PT509&dq=kimber+reynolds+murder+fbi&source=bl&ots=sbyeqytD13&sig=ACfU3U3BxMK9J7PmFMNgddTo20Lx3NYnBw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiE5bmYvpDoAhVCw4sKHcFVCocQ6AEwA3oECAkQAQ#v=onepage&q=kimber%20reynolds%20murder%20fbi&f=false>
29. URL: <https://www.legalmatch.com/law-library/article/three-strikes-laws-in-different-states.html>
30. URL: <https://law.stanford.edu/stanford-justice-advocacy-project/three-strikes-basics/>

31. URL: [https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?httpsredir=1&article=2404&context=faculty\\_scholarship](https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?httpsredir=1&article=2404&context=faculty_scholarship)
32. URL: [https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes\\_displayText.xhtml?lawCode=PEN&division=&title=7.&part=2.&chapter=4.5.&article=1](https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PEN&division=&title=7.&part=2.&chapter=4.5.&article=1)
33. URL: <https://law.jrank.org/pages/10777/Three-Strikes-Laws.html>
34. URL: [https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?httpsredir=1&article=2404&context=faculty\\_scholarship](https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?httpsredir=1&article=2404&context=faculty_scholarship).
35. URL: <https://regnum.ru/news/society/2817104.html>
36. URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=114219922>
37. URL: <https://www.questia.com/library/103569224/punishment-and-democracy-three-strikes-and-you-re>
38. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/crime-rate-by-country/>
39. URL: <https://www.archives.gov/files/legislative/resources/education/bill-of-rights/images/handout-3.pdf>
40. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/463/277.html>
41. URL: <https://www.casebriefs.com/blog/law/criminal-procedure/criminal-procedure-keyed-to-weinreb/sentence/solem-v-helm/>
42. URL: <https://books.google.ru/books?id=EfPtBgAAQBAJ&pg=PA452&lpg=PA452&dq=california+three+strikes+and+you%27re+out+law+read+online&source=bl&ots=hJlsfYubZO&sig=ACfU3U1-WHENUxhZCm-8r8K6N67lEnYKeg&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewi18eLoxproAhXHpYsKHQUbCtY4ChDoATAGegQICRAB#v=onepage&q=california%20three%20strikes%20and%20you%27re%20out%20law%20read%20online&f=false>
43. URL: <https://www.aclu.org/other/10-reasons-oppose-3-strikes-youre-out>
44. URL: <https://www.businessinsider.com/retro-report-story-on-three-strikes-laws-2013—12>

Ю.Ю. Клычников. *Тысячелетие формирования Российского Кавказа. Часть I. Ранние русско-северокавказские контакты.* Пятигорск. ПГУ. 2020. 195 с.

Новая монография известного северокавказского историка Ю.Ю. Клычникова продолжает его исследования в области русско-северокавказских отношений. Но, прежде чем приступить к ее оценке, нужно оговорить, что ученый известен, прежде всего, как специалист по истории Северного Кавказа первой половины XIX века. Тематика нынешней монографии значительно отстоит от этих хронологических рамок и мотивирована стремлением специалиста реализовать задумку нашего общего с ним покойного учителя В.Б. Виноградова по написанию обобщающего труда, который охватывал бы весь тысячелетний (и даже несколько более) период многообразного и крайне непростого русско-северокавказского взаимодействия. Задача эта, без сомнений, весьма нелегкая. Нынешняя работа Ю.Ю. Клычникова является первой ступенью ее реализации, поскольку адресована начальному периоду взаимоотношений России и Северного Кавказа.

Автор начинает свое монографическое исследование с раздела, озаглавленного «*Хазарский период в истории русско-северокавказских отношений*». В нем Ю.Ю. Клычников стремится определиться с той точкой отсчета, с которой берут свое начало русско-северокавказские отношения, и делает вывод о том, что эта задача на сегодняшний день трудно-

осуществима (с. 7). Слишком мало данных, прежде всего летописного характера, а также свидетельств восточных источников, да и те, что сохранились, не имеют однозначной трактовки. Очень ненадежно сопоставление антов, как возможных предков восточных славян, с теми или иными могильниками Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Не подтверждаются какими-либо другими свидетельствами и сведения персидского автора Бал'ами (X в.) о появлении отряда русов/русов (славян или варягов) в 643 г. к северу от Дербента. В этой связи Ю.Ю. Клычников полагает, что термин русы/русы представляет собой искажение какого-то другого, местного этнонима. Со своей стороны, историки Дагестана полагают, что данное сообщение Бал'ами является анахронизмом. Нет никаких аргументов и в пользу существования на Каспии русско-хазарской торговой фактории.

Думается, автор прав, когда говорит, что ошутимое появление на Кавказе славянского «форпоста» может быть связано с событиями 737 г., когда Марван дошел до реки Саклабе (по другому — Нахр-ас-сакалиба), т.е. реки славян (сакалиба. араб. — славяне), под которой подразумевается в этом случае Дон, где захватил в плен 20 тыс. чел., отправленных затем в Кахетию, где после попытки восстания они были истреблены. Здесь нужно обратить внимание Ю.Ю. Клычникова

на то, что, по другой версии, эти «саклиба» были поселены в Дагестане. Впрочем, в любом случае, приходится признать справедливое суждение автора о том, что, хотя есть определенные надежды на появление археологических памятников, связанных с данным населением, исследователям неизвестны специфические этнические маркеры, которые могли бы связать эти памятники со славянами, поскольку они, несомненно, должны были испытать сильное местное влияние.

Но, какими бы неоднозначными и спорными ни были попытки нащупать восточнославянское (славяно-русское) присутствие в VII—VIII вв. в Черноморо-Каспийском регионе, приходится признать, что в это время «создаются предпосылки для активизации северной экспансии» на указанные территории (с. 12). И эта мысль автора является весьма перспективной. Данная экспансия была, по сути, ответом на арабские завоевания той эпохи, которые изменили всю систему коммуникаций. Происходит смещение центра путей, ведущих на Восток, — с юга Европы — на ее север. Оно было следствием арабских набегов, которые и в IX в. представляли собой серьезную проблему (в 846 г. арабы взяли Рим и сожгли собор Святого Петра). Между тем, без торговли с Востоком тогдашний западный мир, во всяком случае его правящая верхушка, не мыслили своего социально-политического функционирования и экономического благополучия. Достаточно взглянуть на «раскрой» империи Карла Великого по Верденскому разделу (843 г.) Каждый из внуков Шарлеманя получил часть природного и экономического пояса Европы с выходом к Средиземному морю, т.е. доступ к торговле с левантийским побережьем.

Но с севера на области уходившей в прошлое империи все больше да-

вили скандинавы. Именно они стали главной движущей силой в «продолжении балтийской коммуникационной системы на восток», которая включила в себя Балтийско-Волжский путь до Волжской Болгарии, Хазарии и стран Халифата, затем — по Днепровскому пути вплоть до Византии (с. 12—13). Завязывание этого тугого узла торгово-политических интересов напрямую отразилось на формировании будущего государства — Киевской Руси (другое дело, что определяющая роль в этом пути «из варяг в греки» в его сложении теперь дополняется опережающим фактором Волжско-Балтийского торгового пути — «из варяг в арабы») и привело русов на Северный Кавказ. В этой связи автор верно ставит вопрос о том, насколько уместно говорить о формирующемся русско-северокавказском партнерстве. Он стремится показать, насколько это «партнерство» было разносторонне опосредовано и мотивировано самой системой тогдашних торгово-экономических и политических связей Восточной Европы и Востока, по сути, стоявшей во главе угла шедших в этом ареале исторических процессов.

Не углубляясь в рассмотрение разных сторон формирования политической картины Юго-Восточной Европы VIII—X вв., рассматриваемой автором, отметим главное. Хазарский каганат, как структура, которая поддерживала функционирование системы торговых связей в регионе, пришел в упадок, поскольку, по Ю.Ю. Клычникову, не имел для этого достаточного социально-экономического потенциала. Как отмечает автор, Хазария уже не могла справиться с ростом экспансии Степи. Святослав же рассчитывал закрепить за собой ключевые точки торговых путей, стремясь тем самым «занять нишу» каганата, превращавшегося в новых условиях в добычу. Однако речь уже шла и о том, чтобы

расширить ареал влияния нарождавшейся державы, создание которой отражало изменившееся геополитическое положение, приведшее к необходимости создания и нового ее центра, которым становился Переяславль (что весьма знаменательно означает — «перенявший славу») на Дунае. Весьма ходовым товаром, интересовавшим соперника хазар, были рабы. По существу, торговля невольниками являлась серьезным фактором внешней политики. При этом этническая комплементарность, как замечает автор, не играла никакой роли: русы продавали захваченных славянских рабов на рынках Хазарии и Булгара. Впрочем, думать так можно только в том случае, если считать русов исключительно славянами. Однако напомним слова Радзивилловской летописи: «И идоша за море к варяго[мь к] ру[си], сице бо тии звахус(я) варязи рус(ь)»<sup>1</sup>. Ю.Ю. Клычников полагает, что работоторговля входила в формирование мотивации интереса Древней Руси к Кавказу, через который лежали пути на Ближний Восток, нуждавшийся в невольниках. Знаменательно, что в X в. по политическим причинам здесь иссяк такой важный источник белокожих рабов, как Византия и Армения, и большой популярностью пользовались рабы из славян. Из Булгара рабы попадали в Самарканд, и оттуда — в другие области Востока<sup>2</sup>.

Торговля с Востоком лежала в сфере интересов верхушки Киевской Руси, нуждавшейся в престижных предметах потребления. Это обстоятельство автор подчеркивает в той связи, что Северный Кавказ в то время не мог дать, практически ничего из той номенклатуры товаров, которой интересовалась древнерусская элита (с. 22—24). Ни древесина самшита, ни некоторые другие материалы, которые попадали на Русь, не могли входить в состав данных

товаров, как основные. Автором обсуждается возможность поставок на Русь сердолика, запасы которого, как указывает Ю.Ю. Клычников, имелись в районе современной Махачкалы. Однако нужно заметить исследователю, что этот самоцвет был одинаково популярен еще с древности и на Ближнем Востоке, и в Крыму, и на Кавказе. Поэтому он мог завозиться в Восточную Европу не только через Северный Кавказ. Полагаем, что автор трезво оценивает его значение для Руси, прежде всего, как промежуточного пункта транзитных связей. Вероятно, он прав в том, что «сакалиба» налаживали связи с жителями горных районов округа Дарьяла («цанарами») — людьми, возможно, вайнахского происхождения (с. 25—26). Это помогло им во время будущего похода на Бердаа, маршрут которого пролегал, по С.А. Головановой, через Дарьяльский проход<sup>3</sup>.

Как бы то ни было, но Русь имела представления о тех народах, которые жили между Каспийским и Чёрным морями, что облегчало дружинам русов их скорые предприятия на Каспии. Они шли сюда как люди, сочетавшие, подобно европейским викингам, качества купцов и воинов, которые оказались весьма необходимы на путях их экспансии на юг.

Однако прокладывая эти пути приходилось в сложной политической обстановке. Ю.Ю. Клычников приводит факты противоборства интересов слабеющего каганата и усиливающегося Киева, князь которого «примерял» на себя каганский титул, при неослабевающем внимании Константинополя к происходящему. Одновременно он обращает внимание на то, что преградой для русов на пути на юг была Волжская Булгария, что могло стать причиной для хазар использовать на этом направлении энергию северных «пассионариев». Автор выдвигает интересное предположение

о походе русов на Каспий между 864 и 884 гг., как своего рода примирительную акцию. Их вылазки на юг шли по нарастающей. Русы, как думает историк, были использованы Хазарским каганом для ослабления его мусульманских соперников на Каспии в начале X века. Заметим, однако, что в нанесении удара силам ислама на этом направлении была не меньше заинтересована и Византия, которая находилась в противоборстве с Халифатом в X веке. Акции русов на юг в 864—884, 909—910 и 912—913 гг., как указывала С.А. Голованова, следовали после подписания русско-византийских договоров. По мысли автора, некоторые походы на юг (например, на Бердаа) были, возможно, инспирированы князем Игорем, использовавшим варягов-русов для зондажа каспийского торгового пути (с. 51).

Автор правомерно сравнивает эти акции с нападениями викингов на страны Западной Европы. Но последнее, как известно, с определенного момента начали стремиться закрепить на завоеванных территориях. Что же касается русов, то, по мнению ученого, их деяния на Каспии были, по сути, единовременной акцией, не имевшей перспектив (с. 37). Однако Ю.Ю. Клычников одновременно, по сути, расходится с высказанным им же мнением. Об этом говорят как упоминаемые им случаи принятия некоторыми купцами-русами ислама, так и достаточно подробный разбор эпизода с походом русов на город Бердаа в среднем течении Куры (территория современного Азербайджана). Во время этого похода русы демонстрировали лояльное отношение к местным жителям<sup>4</sup>. Они явно стремились закрепиться в этих местах (с. 45—50). Но Бердаа так и не стал их форпостом на юге. Автор указывает как на болезни, в том числе вызванные возможным отравлением, так и на не-

приятное отношение местного населения. Любопытно то, что русы вели переговоры с жителями Бердаа через одного из местных христиан, которые, как известно, именовались на мусульманском Востоке зимми («люди договора»). Рискнем высказать предположение о том, что негативное отношение к русам населения Бердаа, лояльного к христианам, могло быть вызвано и тем, что в глазах бердавцев русы, помимо прочего, были «язычниками». Это, в принципе, соответствовало действительности, поскольку в государствах скандинавов и на Руси христианство было принято позже, чем в Бердаа.

Таким образом, первая попытка русов организовать форпост на Кавказе оказалась неудачной. Это удалось позже, когда за решение такой задачи целенаправленно взялось Древнерусское государство с его стратегическими устремлениями, а не отдельные вожди «викингов» с их грабительскими целями (Тмутараканское княжество). Данное предположение автора представляется справедливым, однако цели тех и других, на наш взгляд, не различались радикально. Нарождавшуюся раннефеодальную верхушку Руси и военные сообщества русов (примечательно напоминающие автору ранние казахи социоры) (с. 53) интересовали восточные товары, в которых еще ранее серьезно нуждались западноевропейцы, искавшие пути в Восточное Средиземноморье. Недаром некоторые отечественные историки именуют киевский княжеский дом «торговым домом».

Впрочем, в тех акциях, которые предпринимала Древняя Русь на кавказском направлении, необязательно видеть одно только желание наладить стабильные каналы получения желанных восточных товаров, которые европейцы неудачно пытались снискать даже в XVI—XVIII веках. Ю.Ю. Клычни-



ков приводит мысль А.Г. Дугина о том, что походы Святослава указали на южный вектор геополитики этого князя, который очерчивал на будущее глубину русского проникновения в этом направлении (с. 58). По существу, это мнение воспроизводится в заключении Б.А. Рыбакова о том, что походы Святослава 965—968 гг. «представляют собой как бы единый сабельный удар, прочертивший на карте Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее по Северному Кавказу и Причерноморью до балканских земель Византии». Но подкрепить это устремление теми или иными весомыми шагами Святославу, в конечном счете, не удалось. И здесь, на наш взгляд, та же геополитика сыграла не последнюю роль. Центр державы Святослава, как он его мыслил, был слишком далеко расположен от Северного Кавказа. Поход 965 г. против Хазарии, по мнению С.А. Головановой, был неотъемлемым компонентом Балканской кампании или войны с Болгарским царством (968—969 гг.)<sup>5</sup>. Создать же некий передовой рубеж или политическое объединение и т.п. под древнерусским покровительством в глубине земель Предкавказья было в те времена нереально. Тем не менее, победа над Хазарией имела положительное значение как для самого Киевского государства, так и для северокавказских народов, освободившихся от хазарского господства. Она открыла качественно новый этап русско-северокавказских контактов.

Следующий раздел монографии Ю.Ю. Клычникова носит название «*Древняя Русь и народы Северного Кавказа*». Он посвящен тому хронологическому отрезку времени, в течение которого на Таманском полуострове существовало русское княжение, возникшее в конце 80-х гг. X века. По существу, с самого начала, Тмутаракань, впервые упоминае-

мая в летописи в 988 г. и являвшаяся пестрым в этническом отношении владением, где русский компонент никогда не был преобладающим, являлась политическим и торгово-ремесленным центром. Как полагает автор, небольшая русская часть местного населения по своей социальной специфике была главным образом представлена военно-политической верхушкой и купцами. Иными словами, данный форпост Руси носил военно-политический характер и служил обеспечению военно-торговой экспансии Древнерусского государства. Ю.Ю. Клычников не без оснований полагает, что повседневная жизнь князя и его разноплеменной дружины, изначально состояла, прежде всего, в походах, войнах, сборе дани с местного населения, охране караванов и т.п. Древняя Русь не ставила перед собой задач прочного хозяйственного освоения этих земель, что, как и столетия спустя, требовало заселения их выходцами из основных районов страны. Элементы такового отмечаются исследователем, который, одновременно весьма далек от стремления говорить о колонизации земель восточного берега Чёрного моря, хотя и напоминает о том, что ал-Масуди именовал Понт Русским морем. Власть русичей была здесь недолговечной, и утрата данной территории оказалась вопросом времени (с. 65—69).

Однако даже такое непрочное владение требовало подтверждения властных полномочий, на что указывает история с поединком князя Мстислава и касожского князя Редеди (1022). Не желая проливать кровь своих дружинников, они устроили известный поединок, победителем которого стал Мстислав. Примечательно, что ряд знатных боярских фамилий Московского царства вели свою родословную от Редеди. Автор видит в этом, несмотря на возможно

мистификационный характер таких утверждений, дань сохранившегося уважения к северокавказским соседям — партнерам древнерусской государственности, стремившейся освоиться в северокавказском регионе. Думается, что эта родословная важна в том смысле, что происхождение от Редеди имело манифестационный характер. Престижность такой генеалогии — не только знак уважения, но и указание на наличие реального веса в русской политической номенклатуре у этих «выходцев с Кавказа».

В той непростой для Мстислава ситуации было важно то, что он, вступая в династическую борьбу с братом Ярославом, уверенно опирался на свои военные формирования и подвластные земли, где очень заметное место занимали касожский и хазарский компоненты. Причина такой уверенности, по Ю.Ю. Клычникову, в том, что Русь (уточним только — в данном случае в лице ее представителя Мстислава) для части населения Северного Кавказа являлась своеобразным наследником хазарской государственности. И это весьма верная мысль с точки зрения учета ментальности того времени, когда были популярны идеи о переходе «царственности» от одного народа или государства к другому. Примечательно, что автор видит в поддержке Мстислава в его северокавказских владениях проявление т.н. совместничества — одного из основных концептов той исторической школы, которую он представляет. В то же время, борьба братьев не помешала бесконфликтному переходу земель Мстислава к старшему брату после его смерти. Автор видит в этом факте осознание государственной общности в средневековом ее понимании разными группами населения Руси, как многонародной державы, в том числе, и частью северокавказцев (с. 74). Указанная оговорка Ю.Ю. Клычико-

ва весьма уместна, так как ниже он сам приводит примеры противоборства Тмутаракани и Алании, причем последняя рассматривала Киевскую Русь (вернее было бы сказать, власть в Киеве/Чернигове, или наоборот) как гаранта от посягательств тмутараканских князей.

Автор прослеживает непростую судьбу Тмутаракани вплоть до монгольского нашествия. В его анализе весьма явственно прослеживается то, что, несмотря на отмеченные им выше проблески (такая формулировка, на наш взгляд, более уместна) «государственной общности», феномен Тмутараканского княжества отражает, скорее, феодальный характер как самого этого образования, так и всей державы в целом. Еще В.В. Мавродин подметил специфику Тмутаракани и некоторых других, сходных с ней окраин Руси на ее южном порубежье. Это территории с населением, занимавшимся промыслами и торговлей, с отсутствием наследственной княжеской власти, когда суверен ситуативен, а его дружина занимается сбором дани с населения, наживается на поборах с купцов и т.д. Находящийся здесь князь-изгнанник с дружиной является центром притяжения для разного рода бродячего, пассионарного люда, пестрого по своей этнической принадлежности. Ю.Ю. Клычников, на наш взгляд, прав в утверждении, что подобная ситуация могла обусловить возникновение феномена бродничества (с. 89—90, прим. 280). Причем, приток тех, кто вливался в ряды бродников, стимулировался положением внутри Древнерусского государства, где процессы феодализации, социальной дифференциации, сопровождавшиеся вспышками борьбы и целыми восстаниями, приводили к бегству недовольных на периферию страны. Так на Северном Кавказе могли появиться те, кто стал одним из предшественников казачества, род-

ство которого с бродниками представляется автору не прямым, а опосредованным (с. 112). Автор полагает, что Тмутаракань могла использоваться бродниками, как место отдыха, предложения своих услуг нанимателям, сбыта трофеев и т.п. (с. 117). Отряды такой «вольницы» могли становиться наемниками на службе у тех или иных владетелей Кавказа.

Одновременно здесь нельзя не вспомнить и о том, что в XI в. продолжались набеги русов на Южный Кавказ, куда они являлись уже в союзе с аланами (с. 76—77). Подобные акции происходили и в XII веке. Впрочем, знакомство Северного Кавказа с Русью невозможно сводить только к военно-торговым операциям. Автор останавливается на роли Тмутаракани в духовной и интеллектуальной сфере, поскольку она была центром Зихской епархии и одно время служила местом проживания игумена Киево-Печерского монастыря Николая. Ю.Ю. Клычников правомерно указывает на русский «вклад» в христианизацию Кавказа, отмечая находки христианской пластики XI — первой половины XIII в., аналоги которым имеются в Поднепровье и Кабарде. Добавим, что находки русских крестов, которые явно уходят в домонгольскую эпоху, имея нижней датой конец XI—XII в., сделаны у сел. Майртуп в Чечне. О коллекции разновременных майртупских находок русской пластики автор упоминает в третьем разделе, в связи с событиями периода Золотой Орды. Но в майртупской коллекции есть и указанные ранние образцы, которые достойны отдельного упоминания. Опубликовавшие их ученые связывали эти предметы с бродниками<sup>6</sup>. Разумеется, следы русско-северокавказских связей домонгольского времени обнаруживаются не только на Северо-Западном Кавказе. Выше уже говорилось о взаимодействии русов и алан. Ю.Ю. Клыч-

ников приводит и иные факты, указывающие на прямые контакты Руси и Кавказа, в частности, упоминает о жене Андрея Боголюбского Ясыне, участвовавшей в убийстве князя, а также наличии выходцев из Подонья или Северного Кавказа в Среднем Поволжье (могильник «Бабий бугор») (с. 101—102). Не можем здесь умолчать и о том, что в «Слове о полку Игореве» упоминается некто Овлур, который помог князю Игорю бежать из половецкого плена: «Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою;/ велит князю разумѣти: князю Игорю не быть! (не быть в плену. — С.Д.)»<sup>7</sup>. По мнению чеченских лингвистов, это имя принадлежит к числу вайнахских. С возникновением же Дешт-и-Кипчак Северный Кавказ оказывается практически отрезанным от Руси (с. 93).

Подводя итоги раздела, исследователь правомерно отмечает, что даже в период расцвета Древнерусского государства Кавказ оставался на периферии его интересов. Наиболее интегрированным в политику правящих верхов Руси был Таманский полуостров, как транзитная база и важный опорный пункт для связей с Византией. В плане хозяйственного освоения кавказское направление было малоперспективным. Это верное наблюдение. Для колонизации Предкавказья, которая активно совершалась ряд столетий спустя, — во второй половине XVIII — первой половине XIX в., и особенно в пореформенный период — нужны были совершенно другие демографические ресурсы, принципиально новая политическая конфигурация территорий и политическая стабильность. Феномен бродничества связывается автором с потребностью русских князей в военной силе, которая реализовывалась также за счет привлечения на службу наемников из числа представителей северокавказских народов. В то же время, следует указать

и на то, что русско-северокавказские контакты домонгольского времени нуждаются в расширении спектра изучаемых аспектов, например, — воздействия древнерусской архитектуры, декоративно-прикладного искусства и т.п. на культуру народов Северного Кавказа.

Заключительный раздел монографии Ю.Ю. Клычникова назван «Золотоордынский фактор в истории русско-северокавказских связей».

Новый период, наступивший в истории Восточной Европы и Северного Кавказа, был характерен тем, что они стали частью огромной империи монголов. Весьма удаленные территории оказались связанными между собой необходимостью подчиняться завоевателям. Выясняя место русско-северокавказских отношений в контексте этих событий евразийского масштаба, автор перечисляет ряд известных историкам фактов, которые нуждаются в некоторых дополнениях. Так, русские люди часто посещали Орду, при этом сталкиваясь с иноэтничным населением других покоренных областей, в том числе, Северного Кавказа, более того, им приходилось участвовать в монгольских военных предприятиях в этом регионе. Таковы события 1277 г., когда ряд русских князей ходил со своими войсками вместе с Менгу Тимуром на ясский город Дедаков (Тютяков), который отождествляется некоторыми археологами и историками-кавказоведами с городищами Верхним (нынешняя Северная Осетия-Алания), либо Нижним (территория современной Кабардино-Балкарии) Джулатами. Ю.Ю. Клычников приводит и историю гибели в 1318 г. тверского князя Михаила Ярославича, вызванного в ставку хана Узбека, которая, как доказывал в свое время В.Б. Виноградов, находилась в районе современных ингушских селения Плиево и поселка Карабулак<sup>8</sup>. В этой истории для нас

примечательно то, что один из слуг предлагал князю Михаилу во время охоты скрыться в горах, что напоминает об эпизоде о бегстве из плена князя Игоря с помощью Овлура.

Служба у монголов приводила русских воинов даже в Китай. При этом русичи служили завоевателям совместно с кавказцами — черкесами, ясами. Монголы привлекали в ряды своих разноплеменных войск и бродников (с. 122—123). Сами условия службы, как следует из анализа автора, не только порождали возможности для контактов русичей с представителями других народов, в том числе, северокавказцев. Их специфика напоминает Ю.Ю. Клычникову казачью службу, к которой имели предрасположение привлекаемые из Руси люди: предоставление земельных наделов, лагеря-поселения, занятия охотой и рыбной ловлей, выдача властями хлеба и одежды и пр. (с. 124). Этот мотив в работе исследователя появляется не случайно. Он обращается к упомянутой выше коллекции русских крестов XII—XV вв. из селения Майртуп в Чечне. Она могла принадлежать группе русских людей, которые длительно проживали в предгорьях Чечни, стойко сохраняя свое вероисповедание: один из крестов явно сделан на месте по образцу другого, обнаруженного здесь же. Их владельцы могли быть как беглецами из ордынского плена, так и ватагой бродников, которые, как известно, были неоднородными сообществами в этноконфессиональном отношении. На это в случае с майртупскими крестами может указывать тот факт, что один из крестов являлся не православным, а католическим. Близких позиций придерживалась С.А. Голованова, полагавшая, что русские беглецы из золотоордынских центров, проникая в горные районы, концентрировались вокруг поселений бродников.

В свою очередь, выходцы с Северного Кавказа волей завоевателей переселялись в русские земли, как отмечает автор, для контроля, а если понадобится, то и для террора в отношении местных жителей (с. 130). Это было элементом повсеместно проводимой монголами изоцированной политики. Например, у Плано Карпини встречается упоминание о начальнике селения алана Михее, человеке с весьма отрицательной характеристикой. В подобных случаях недовольство местных жителей падало на выходца с Кавказа, а не на тех, кто его поставил «у руля». Использовались кавказцы и для борьбы с противниками ордынской политики, о чем говорит их наличие в рядах Мамаевой рати во время Куликовской битвы.

Гигантская евразийская империя монголов способствовала созданию новых, либо оживлению старых торговых путей (с новой силой заработал Великий Шелковый путь). И это помогло, в частности, русским купцам. Исследователь пишет об оживлении торговли через Астрахань и Дербент и, как следствие, — между Русью и Северным Кавказом, о чем говорят нумизматические находки — московских и псковских денег конца XIV—XV в. в горной Чечне и на Ставрополье, в руинах г. Маджары, а также клада у станицы Петровской на Тамани XV — середины XVI в., в составе которого были и русские серебряные монеты Владимира Ольгердовича, Ивана III и Ивана IV. В этот контекст укладывается и «одиссея» Афанасия Никитина. Одновременно она же указывает и на большие сложности при обеспечении функционирования торговых связей в условиях отсутствия твердых гарантий безопасности у тех, кто вел торговые операции, в том числе, в условиях кавказских феодальных владений. Вряд ли это способствовало упрочению связей Руси и Кавказа, как, впро-

чем, и то, что у местного населения еще долго преобладала меновая торговля. Еще одним фактором, который затруднял русско-северокавказские торговые сношения, как полагает автор, было то, что спецификой торговли на Северо-Западном Кавказе являлась работоторговля или, как еще иногда выражаются исследователи, пленопродавство, которое не находило партнеров на Руси, но зато обнаруживало их на Ближнем Востоке и в Южной Европе (с. 138). Хотя этот вывод, в целом, не вызывает у нас возражений, тем не менее есть исследование, оставшееся вне поля зрения автора, в котором приводятся сведения о продаже рабов на юг в Московском государстве в XVI веке<sup>9</sup>.

Еще одним важным аспектом русско-северокавказских связей рассматриваемого времени, переключаясь с уже затронутыми выше вопросами о бродниках, корнях казачества и т.д., является тот фрагмент 3-го раздела книги Ю.Ю. Клычникова, в котором анализируется появление в Причеречье новгородских ушкуйников. Здесь автор обращается к версиям происхождения терско-гребенского казачества — соответственно, новгородской, а также рязанской и донской. Со своей стороны, он справедливо отдает должное среднесевернорусской версии происхождения гребенцов, опираясь на целый ряд этнокультурных черт данной группы казачества, в том числе их фольклор, свадебную обрядность и т.п., которые, кстати сказать, наиболее глубоко исследованы в недавних работах специалистов<sup>10</sup>. Касается Ю.Ю. Клычников и судеб других групп казачества: Днепра, Дона, Северо-Западного Кавказа. Полагаем, что он прав в том, что исследователям стоит не только искать первоначальные истоки формирования казачества, но и уделить особое внимание тому, что именно делало вче-

рашних ушкуйников, холопов, стрельцов и др. именно казаками, выделить критерии дальнейшего «оказачивания» (с. 146).

Подводя итоги третьего раздела, ученый указывает на то, что эпоха Золотой орды вызвала невольное столкновение выходцев из Руси и северокавказцев, которые могли как противостоять друг другу в сложных обстоятельствах эпохи, так и оказывать друг другу содействие. У обеих сторон не было причин для более широкой и тесной интеграции в тот период. Найденные на Северном Кавказе артефакты скорее всего принадлежали русским беглецам из ордынской неволи. У северокавказцев не было желания мигрировать на север кроме тех случаев, когда их перемещали туда поневоле завоеватели. Устроенный Тамерланом погром привел к освобождению части северокавказских земель и приезду сюда русских переселенцев, положивших начало формированию самого древнего, гребенского казачества. Одновременно дальнейший приток русских людей на Северо-Восточный Кавказ был реакцией на рост великокняжеской власти, эксплуатации и феодальной «дисциплинизации» рядового населения.

Переходя к *Заключению* в книге, вместе с автором подведем итоги. Контакты Руси и Северного Кавказа выстраивались изначально в русле тех геополитических реалий, которые существовали в Юго-Восточной Европе и Предкавказье во второй половине I тыс. н.э. Располагавшаяся здесь Хазарская держава выступала «интегратором» различных племен, способствовала их сближению. Представители Киевской Руси, ставшие своеобразными наследниками и преемниками хазар, знакомились с северокавказскими просторами в процессе походов на Хазарию. Они, особенно русы, воспользовались кавказским

перешейком, как транзитным пунктом в налаживании как крайне важных для их верхушки торговых связей с Востоком, так и для набегов на богатые территории к югу от Главного Кавказа (эпопея с г. Бердаа и др.). Именно это, а также договоренности с Византией, мотивировали появление их отрядов преимущественно здесь, а не на восточном берегу Чёрного моря. Русы привлекали те или иные его народы для осуществления своих внешнеполитических акций, устанавливая связи как с населением гор, так и жителями предгорно-равнинной части северной части Кавказа.

Но, разумеется, добиваться указанных целей было легче, имея форпост, — базу в какой-то из частей Северного Кавказа. Ею стало Тмутараканское княжество — центр транзитной торговли, площадка для наемничества, важный религиозный очаг. Этот анклав был своего рода отдушиной для князей-изгоев, которые пользовались свободой в действиях и добивались своих целей с помощью наемников. Предкавказье притягивало к себе пассионарные элементы древнерусского общества XII—XIII вв., появлявшиеся в ходе социальной дифференциации и углубления феодализации. Они конституировались в феномене бродничества, притягивая к себе и выходцев из других земель и народов. Бродники находили в новых условиях применение для своих военных талантов. Появление Дешт-и-Кипчак ослабило русские позиции в крае, а вторжение монголов и вовсе изменило ситуацию.

Монголы в пределах своей колоссальной державы тасовали народы, как колоду карт, отправляя, например, русских воевать на Северный Кавказ и служить в Китай, а северокавказцев расселяли в русских землях, где могли делать их представителями низовой администрации, призванной отвлечь на себя негодование поко-

ренных монголами восточных славян. Впрочем, на северокавказских землях появлялись не только служилые русские люди, но и беглецы из ордынской неволи, которые, наряду с бродниками, оставили следы своего пребывания вплоть до предгорий Чечни. Нашествие Тимура привело к изменению этнической картины на Северном Кавказе, что стало одной из причин появления здесь переселенцев из Руси (из новгородских земель, Рязани, Дона), в том числе, представителей раннего казачества конца XV в., искавших спасение от растущего княжеского произвола.

Автор прав в том, что партнерство русских и северокавказских народов в рассмотренный им период было ситуативным, эпизодическим, более связанным с торгово-политическими мотивами, и, добавим, затрагивало, к тому же, разные районы Северного Кавказа по-разному. Эта картина стала меняться в следующий период русско-северокавказского совместничества. Но это уже совсем другая история.

Книга Ю.Ю. Клычникова является ценным и интересным опытом изучения ранних русско-северокавказских отношений, когда закладывались основы исторического партнерства России и Кавказа, которое впереди ждали нелегкие испытания и трудные повороты судеб.

С.Л. ДУДАРЕВ

(доктор ист. наук, профессор Армавирского гос. педагогического университета, гл. редактор журнала «Slavery: theory and practice». Братислава)

Примечания

1. URL: <https://knigogid.ru/books/211566-polnoe-sobranie-russkih-letopisey-tom-38-radzivilovskaya-letopis/toread/page-20>

2. МЕЦ А. Мусульманский Ренессанс. М. 1996, с. 161.

3. ГОЛОВАНОВА С.А. Русско-северокавказские связи IX — первой половины XVI века (историко-археологические исследования по материалам Центрального Предкавказья). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д. 1993, с. 7.

4. URL: <https://ucrazy.ru/other/1478560128-nabeg-rusov-na-berdaa-943944-g.html>

5. ГОЛОВАНОВА С.А. Ук. соч., с. 9.

6. ВИНОГРАДОВ В.Б., КУЗА А.В., МАГОМАДОВА Т.С. Русские кресты XII—XV вв. из сел. Майртуп (Чечено-Ингушетия). — Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный. 1984, с. 80, 82.

7. Слово о полку Игореве. М. 1975, с. 98.

8. ВИНОГРАДОВ В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «Славном граде ясском Дедакове» (по поводу статей Е.Г. Пчелиной и В.А. Кучкина): Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Армавир. 2008, с. 137.

9. ВОЗГРИН В.Е. Рабство Нового времени в Причерноморье и Южной Европе. — Slavery: Theory&Practice. 2018. No. 3 (1), p. 9.

10. БЕЛЕЦКАЯ Е.М., ВЕЛИКАЯ Н.Н., ГРИГОРЬЕВ А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. Ставрополь. 2012.

## Contents

Chronicle of the Great Victory: **V.G. Kiknadze**. World War II and the Great Patriotic War in Scientific and Popular Scientific Publications of Russia; **E.V. Khubulova, L.Kh. Dzakhova**. The Activities of Soviet Party Bodies during the Great Patriotic War (1941—1945) in its First Period (Based on the Materials of the Alagir District of the North Ossetian ASSR); **M.K. Nagieva**. Daily Living Conditions and Domestic Services for the Dagestan Population during the Great Patriotic War of 1941–1945. Articles: **V.N. Benda, N.D. Kozlov, T.I. Sidnenko, V.O. Levashko, L.N. Semenova**. The Order of Production in the Non-Commissioned Officers and Officer Ranks in the Russian Army in the Second Half of the 18th Century; **M.V. Deveykis**. History of Unknown Museums of St. Petersburg at the Beginning of the 20th Century Based on the Materials of Primary Sources and Archival Documents; **M.N. Baryshnikov**. I.I. Tchaikovsky and Russian Steam Navigation and Trading Company; **Z.Kh. Soblirova, A.G. Kazharov, R.P. Liseev, M.A. Khokonov**. Peasant Committees for Public Mutual Assistance in Kabardino-Balkaria (1922—1929); **A.Yu. Petrov, I.V. Savelev**. Features of Legal Interaction of Participants of Expeditions to Study the Pacific Region (Late 17th — Early 18th Centuries); **L.A. Ivkina**. “Radical Olympus” and its Role in the History of Colombia (1863—1886). Contributions: **O.V. Ustinova**. Functions of Personnel Management in Collective Farms in the Post-War Years (1946—1950); **Yu.E. Kondakov**. Sources of Financing for the Construction of Russian Palestine (1857–1864); **Z.G. Saktaganova, G.M. Baigozhina, N.E. Tutinova, Y.S. Syzdykbekov**. National policy in Kazakhstan in 1953—1965; **T.M. Soloveva, A.S. Archugova**. The Image of M. Gorbachev and B. Yeltsin in “People’s Daily”; **V.Yu. Lantseva**. The Emergence of the Black Sea Workers’ Association from 1917 to 1918; **N.S. Migda**. On the Issue of the Formation of the Order System as Centralized Government Bodies in the 13th Century. For Teacher of History: **R.M. Valeev**. The Main Stages of the Development of Trade Relations between Volga Bulgaria and the Finno-Ugric People during the Middle Ages (8th — early 15th centuries). History and fates: **I.T. Tsoorieva**. Georgy Alexandrovich Kokiev: between the logic of time and the internal moral law. Peoples of Russia: **A.V. Averyanov**. Peculiarities of the Policy of Korenization in the Don, Kuban and Stavropol Regions in the 1920s and 1930s. International scientific cooperation: **A.H.O. Othman, H.A.A. Al-Jaberi**. Decision-making Mechanisms in the Saudi-Iraqi Political System: An Analysis of Official Institutions. People. Events. Facts: **V.V. Iokhvidov, I.G. Hovhannisyán**. Historical Dynamics of the Development of Ideas about Psychological Security. Diplomacy in History: **N.S. Kuklin, M.A. Shpakovskaya**. Indonesian Ministry of Foreign Affairs reform 2001–2009 as a reflection of the foreign policy evolution. History and Law: **S.I. Girko**. Retrospective and Historical Stages of Legal Approaches to the Procedure of Unified Pre-Trial Proceedings in Russia; **I.A. Potiomkin, A.I. Tambovtsev, N.V. Pavlitchenko**. Tacit Assistance to the Police by Subjects of the Russian Empire; **N.V. Lukashov, S.S. Lukashova**. Hostage-Taking as a Legal Institution in the History of the Russian Empire in the Second Half of the 17th — First Half of the 18th Centuries; **V.A. Shestak, L.R. Khalikova**. US Practice of the Three Strikes Law. Historiography. Review of Books: Yu.Yu. Klychnikov. The Millennium of the Formation of the Russian Caucasus. Part I. Early Russian-North Caucasian Contacts. (by **S.L. Dudarev**).

---

**Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович**  
**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.**  
**Регистрационный номер № 894**  
**Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ**  
**Редакционная коллегия:**

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,  
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,  
А.Н. Цамутали

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна  
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются  
Редакция не имеет возможности вступать в переписку  
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

---

«Вопросы истории» № 9(1), 2021  
Адрес: Журнал «Вопросы истории».  
Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.  
Телефоны: (495) 741—65—18, (495) 741—65—17. E-mail: 095history@mail.ru  
Оригинал-макет номера подготовлен в редакции  
Подписано в печать 31.08.2021. Формат 70x108<sup>1/16</sup>. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 630. Заказ 4047-2021. Индекс 70145.  
Цена свободная.

---

ООО Журнал «Вопросы истории»